

Создатель Вселенной Забытых Королевств

ГЭД ГРИНВУД

Мудрец Долины Теней

ЗАКОПАЙТЕ
ЭЛЬМИНСТЕРА
ПОГЛУБЖЕ

Архивраг Эльминстера, вампирический лорд Мэншун, считает что наконец уничтожил Эльминстера. Но Эльминстер выжил в виде волшебной пыли и с помощью своих наследников и остатков давно погибшей богини магии у него все еще есть шанс противостоять замыслам Мэншуна.

Эд Гринвуд

«Закопайте Эльминстера Поглубже»

*Res tam malae sunt quam putas,
et inimici re vera te persequuntur*

*Для Эбби Гликсон-Котэ, потому что в моём мире выполняют
даже очень старые обещания.*

Иногда лорду Арклету Делькаслу казалось, что он сходит с ума.

Прямо сейчас, например.

Он очнулся от крайне приятного сна, в котором нежился в кровати вместе со своей возлюбленной Амарун, превратившегося в кошмар гремящих в его голове голосов, испуганного царапанья когтей и нарастающего ужаса. Резко вернувшись в состояние тревожного бодрствования, он схватился за меч.

Лишь для того, чтобы обнаружить над собой потолок охотничьего домика в Королевском лесу, свою Амарун убегающей в ночь, а Шторм Среброрукую — бросившейся на Арклета, чтобы удержать его.

И очень эффективно с этим справляющейся.

Как бы он не хрипел и не задыхался, никак не получалось достать зовущую рукоять меча у самых кончиков его пальцев...

Длинные серебряные волосы Шторм были живыми, их пряди казались чудовищными лозами из полузабытых сказок няньки, извивающимися и оплетающими Арклета. В свете жаровни эти богами проклятые локоны сияли, как отполированные доспехи. Более того, её тёплые и сладкие губы плотно прижимались к его губам, превращая его крики и ругательства в приглушённую бессмыслицу.

Он боролся и толкался, но её длинные руки всё равно удерживали Арклета на месте. Шторм была сильнее него — сильнее, чем кузнец, с которым лорд Делькасл однажды мерился силой в армреслинге! Уже не говоря о том, что она была стройной, фигуристой и прижималась к нему...

Возбуждая Арклета, да разразит его гром, несмотря на всю его тревогу и гнев.

Арклет замотал головой и наконец высвободил рот.

— Дракон тебя побери! — выдохнул он. — Может быть, ты меня отпустишь?

— Нет, — решительно ответила Шторм низким и полным сожаления голосом. — Ты слишком взбудоражен. Ты помчишься в ночь и заблудишься в лесу или пострадаешь. А если отыщешь Рун, то помешаешь чему-то необходимому. Чему-то крайне важному. Чему-то прекрасному.

Неужели в голосе Шторм звучал трепет?

Арклет сглотнул, пытаясь собраться с мыслями и подавить злость и раздражение, несмотря на свою бурлящую ярость.

— Позволь, — выдохнул он, — позволь мне встать. Я... я больше не могу кувыркаться с тобой в этой постели. Это неприлично, как... говорят пожилые дворяне.

— Да, — сухо согласилась Шторм, проведя пальцем по его бедру — мимо той части Арклета, которая болезненно напряглась. — Я заметила.

Она поднялась на одно колено.

— Если я тебя отпущу, даёшь слово, что не покинешь этот охотничий домик, лорд Делькасл?

Арклет выгнул бровь.

— Ты действительно считаешь, что сможешь меня удержать?

Шторм резко опустила руку, схватив одной рукой его за горло. Её хватка была железной.

— Да, — спокойно ответила она. — Да, считаю.

Шторм оставила достаточную слабину, чтобы можно было дышать. Арклет воспользовался этим, чтобы сглотнуть, вздохнуть и сказать ей:

— Даю слово. Если ты пообещаешь рассказать мне, куда убежала Рун, и что здесь происходит!

Шторм усмехнулась.

— Вечные требования молодёжи. Могу ответить на первый вопрос. Она в лесу где-то поблизости, доставила Эльминстера на... неожиданную встречу. Что касается второго вопроса, то твои догадки, лорд Делькасл, будут ничем не хуже моих. Но Амарун с Элом должны скоро вернуться, и можешь быть уверен, я потребую от них ответов с такой же решимостью, как и ты.

Арклет кивнул.

— Я принимаю твои условия. Даю слово Делькасла.

— *Как* хорошо сказано, лорд, — ответила она в точности таким же снисходительным тоном, какой он слышал у матриархов самых надменных благородных семей Кормира.

Ах, но ведь она и была таковой? Маркизой Иммердаска, а позднее — обладательницей ещё нескольких титулов...

Хах. Он с трудом мог представить матриарха, менее похожего на свою мать.

Шторм, очевидно, только и ждала его согласия, потому что сразу же отпустила Арклета.

— Кто-то, — медленно сказал Арклет, поднимаясь и потирая горло, — заговорил у нас в головах, когда я проснулся. Кто-то, обладающий огромной силой.

— Да, — спокойно согласилась Шторм, протягивая ему его меч и усаживаясь поудобнее рядом. Вокруг Шторм почти лениво извивались её длинные серебряные волосы. Всевидящие боги, как же она была красива.

Арклет заставил себя подумать о Рун, оставшейся одной в ночи.

Нет, не одной. С ней был Эльминстер, завладевший её разумом.

Он поморщился от досады. Шторм не дала ему желанных ответов. Он бросил на неё взгляд исподлобья.

И увидел, что она улыбается ему с понимающими искорками в глазах. Она казалась человеком, которого распирает от тайного внутреннего счастья.

— Ну, — фыркнул он. — И кто же это был?

— Следите за манерами, лорд Делькасл, — уколола его Шторм. Затем она засмеялась, как маленькая девочка, и сказала:

— Это наверняка была богиня, которую столь многие считали давно погибшей. Мистра, Величайшая из всех. Единственная. Наша госпожа магии.

У Арклета отвисла челюсть.

Шторм свихнулась? Или ошиблась?

А если нет, какой рок это может обрушить на Кормир — и на прочие королевства?

Глава 1

На коленях перед богиней

Направляя позаимствованное тело Амарун, осторожно ступающее через бледно-белый лабиринт озарённых луной деревьев, Эльминстер чувствовал, что трепещет.

Это почти наверняка должна быть ловушка, спустя всё это время — и всё же нет, нет, это была *она*, его Мистра! *Она!*

Он чувствовал её! Он знал, что чувствует, не мог позабыть касание её разума... это *была* Мистра, ярко-синяя дымка силы, клубящаяся вокруг границ его разума...

Острая ветка под ногами уколола его голую стопу — стопу Рун — и Эл опустился на четвереньки, как животное. Он дрожал от нетерпения, и ему пришлось напомнить себе внимательно смотреть по сторонам, выискивая любые угрозы, которые могли встретиться в Королевском лесу.

Остановившись на поросшем деревьями холме в густом лесу к северу от охотничьего домика, подняв руку, как кошка — лапу, он прислушался.

Он услышал далёкий шум ветвей на северо-востоке, похоже, далеко за Драконовым путём, а потом тишину. Нарушаемую коротким, тихим уханьем дальше на западе.

Эл ждал, бесшумно и неподвижно. Принадлежащее Амарун тело танцовщицы застыло, как статуя.

Он выждал достаточно, чтобы даже самый ленивый охотник утратил терпение, но больше не услышал никакого движения. И гибкое мускулистое тело, которое он занимал, обладало куда лучшим слухом, чем тот, к которому он привык за последние века.

Его возбуждение просочилось в её спящий разум, по крайней мере, в один тёмный уголок, которым он управлял. Амарун медленно начала просыпаться, её сны стали тревожными, когда она почувствовала его нетерпение.

Ты как девочка, которой вскружил голову первый поцелуй, одёрнул себя Эльминстер, пробираясь по заросшему папоротником и усыпанному мокрыми мёртвыми листьями склону к тёмной черте старых покосившихся деревьев. Спокойно, мудрец Долины Теней. Где тот позевывающий, уставший от мира человек, которого ты так хорошо изображал?

Часть его усмехнулась, но приближаясь к основанию склона, Эл пытался подавить всё нарастающее сквозь кружевной занавес веселья волнение.

Лишь затем, чтобы задохнуться от свежего приступа возбуждения, когда почувствовал близость Мистры. Прямо впереди.

Из безмолвного мрака позади вздыбившегося старого дерева, пахнущего медведем, в воздухе расходился тяжёлый привкус.

У него не хватило времени даже подумать об испуге, прежде чем он увидел тёмную стену шерсти, которая на самом деле была ковыляющим вдоль линии деревьев зверем, точно так же взбудораженным силой Мистры, как его собственный разум.

Синий огонь глубже проник в его разум, принёс уверенность. Богиня магии управляла сознанием медведя точно так же, как он завладел разумом Амарун.

Прежде чем Эл это понял, освещённые луной деревья оказались позади него, и он полз в мускусную, пахнущую медведем темноту по грязным шатающимся камням. Сверху над берлогой нависали корни, а пол усеивали старые, зелёные от мха кости. Дальше лаз опускался в каменную пещеру, достаточно высокую, чтобы можно было выпрямиться, и

пылающую огнём Мистры.

Здесь в воздухе перед ним внезапно распахнулись два огромных ясных глаза, которых он не видел уже много веков.

И снова он задохнулся.

Эльминстер ошеломлённо глядел в эти глаза. Парящие шары серебряно-синего пламени смотрели на него с любовью и волнением, сравнимыми с его собственными. Глаза, которых он боялся никогда больше не увидеть.

Телу Амарун не доставало чутья к Искусству, которым обладала его прежняя дряхлая оболочка, но напрягшись, он не почувствовал ничего лживого в возникшем перед ним обличье. Это была Мистра, хотя жар в его разуме звучал слабым эхом её настоящей силы.

Но ведь госпожа тайн с лёгкостью умела скрывать свою божественную мощь, чтобы не выдавать себя, и зачастую поступала именно так. Глаза серебряно-синего огня были пронизаны медленно вьющимися нитями такого же сияния, похожими на молнии полосами. Молнии были слишком изящными, чтобы трещать или ветвиться, и простирались к предметам, лежащим среди камней на полу пещеры.

Рукавица с вделанными в костяшки драгоценными камнями, жезл, кольцо и другие мелкие предметы, скрытые среди камней.

— В те времена, когда я ещё не стала Мистрой, на эти безделушки Искусства пролилась кровь моей смертной формы, — раздался тёплый шёпот его богини, одновременно в голове, и наполняя собой пещеру, как будто она проснулась и сонно замурчала ему на ухо. — Когда ты оказался рядом, Эл, я почувствовала близость твоего разума. Сейчас... моё внимание крайне рассеяно.

— Ты собрала эти вещи, когда была Миднайт? — выпалил Эл, задрожав от охватившего его внезапного хаоса. Он желал узнать как можно больше, но не знал, о чём осмелится спросить. Её любовь — или по крайней мере нежность — была в его сознании и всюду вокруг, но что-то немного изменилось в ней, возникла отстранённость, которой не было раньше, или скорее эта отстранённость росла с тех пор, как Миднайт заменила ту Мистру, которой он впервые коснулся и ощутил на вкус. Мистра, чей разум давным-давно слился с его сознанием, чтобы позволить им разговаривать без слов, со скоростью мысли, исчезла.

Что-то нарастало в нём, что-то срочное. Прежде чем он успел понять, что это, он почувствовал вспышку смятения и изумления, тревоги и восхищения. Амарун Омар проснулась.

— Собрала, — ответила госпожа магии, как будто ничего не произошло, хотя внимание её яркого серебристо-синего пламени устремилось к Амарун, породив в той ментальную суматоху потрясённого удовольствия, смешанного с замешательством. — Медведь охраняет их, и я вижу его глазами и управляю его телом. Хорошо, что ты пришёл ко мне, Эл; у меня есть множество дел для тебя.

— Г-госпожа? — осмелилась выпалить Рун. — Кто вы?

— Я, — с нежностью меча, безупречно вылетевшего из ножен, отозвались пламенные глаза, — Мистра. Я — *магия*.

Последнее слово превратилось в удар грома, прокатившегося в незримые дали лишь для того, чтобы вернуться накатившим эхо глубокой силы, от которой стучали зубы. В медвежьем логове со свода посыпались мелкие камешки, а живые корни застонали и забормотали вокруг них.

Я огонь внутри всего сущего. Этот шёпот, раздавшийся в глубинах их общего разума,

был мягким и спокойным.

Затем Мистра, кажется, встряхнулась и добавила:

— Мне ещё пуще прежнего нужна твоя служба. Многие отвернулись от меня или пали, и только тебе я могу доверять. Конечно, я могу принудить людей служить мне, но больше не сделаю этой ошибки младших богов. Работа рабов почти бесполезна. Лишь дела, совершённые по собственной воле, имеют значение. Эльминстер Омар, мой Эл, ты по-прежнему мой? Ты останешься со мной?

— Как всегда, — воскликнул Эльминстер, оказавшись на грани слёз в мгновение ока. — Приказывай мне, богиня!

Синий огонь затопил его, похитил дыхание, ошеломил довольной радостью Мистры.

— Ты станешь моими руками, затаишься, — сказала она. Глаза пылали решимостью, демонстрируя такую силу, что разум Амарун в страхе отпрянул. — Я поручаю тебе везде и всюду беречь магию и постоянно держаться в тени. Смелые поединки с моим именем на устах — беспомощные знаки гордости, которые я вынуждена оставить в прошлом. Поэтому, Эл, будь моей — прости, Амарун — будь моей Тихой Тенью.

Амарун силой заставила свои губы охнуть; Эл слишком отвлёкся, чтобы дать ей над ними контроль. Он почувствовал, как в его разуме на волнах синего огня прокатилось удовольствие, когда Рун смогла управлять своим телом, а затем она с сожалением вернула ему свои уста. Прошло несколько мгновений, прежде чем он смог ответить:

— Хорошо, госпожа.

— Меняй обличья. Будь тем умелым вором, каким ты был в Хастарле. Кради и копируй магию, а потом прячь копии, чтобы вне зависимости от судьбы оригинала моё Искусство уцелело для нерождённых ещё поколений.

— Хорошо, госпожа, — повторил Эльминстер.

— Находи новых Избранных и приводи их сюда ко мне. Мне потребуется множество таких, и они должны отличаться от моих дочерей и друг от друга, поскольку это родство было ещё одной ошибкой. Да, мы оба знаем, как редко встречаются одновременно и необходимая сила, и требуемая преданность — и прежде всего, мне нужны те, кому я могу доверять.

Эл кивнул, вспоминая Хелбена и Саммастера, Лаэраль и многих эльфийских дам, которые были столь рьяными, но так быстро угасли под опустошительным действием ошеломляющего Искусства. Предательства, измены, слабости и независимость. Всех их не стало. Не стало...

Его Алассра, чей разум выжег Синий Огонь, который не был Мистрой, чума дикой ярости, которая в одно пылающее мгновение погасила тысячи жизней, и ещё больше — в последующие дни и годы...

— Хорошо, госпожа, — хрипло сказал он.

— Продолжай то, что так долго и так хорошо у тебя получалось; сохраняй и укрепляй Искусство — не пожалованную другими магию, но магию, сотканную умением и знанием самого творца.

— Госпожа, я делал это так долго, — искренне сказал ей Эльминстер, — что больше не знаю, как жить иначе. Это то, как я живу.

— Правда. Но падение Азуна стало началом твоего новейшего задания. Время сделать то, что предлагали сразу Шторм и Дав. Поставь мне на службу боевых магов Кормира — тем способом, который считаешь наиболее подходящим. Стань их главой или уговори их

предводителей. Они должны с готовностью стать нашими союзниками, подмогой и шпионами для всех моих Избранных.

Всех моих Избранных?

Ах, ну разумеется, речь о Шторме о Аласстре. И если были другие, то Мистра расскажет ему о них, если сочтёт нужным...

Конечно же, она была права. Если он собирается выполнить любую из этих задач, ему потребуются новые союзники. Его собственное тело было утрачено, Аласстра сошла с ума, магия Шторма почти исчезла, а работы уже было больше, чем могли справиться они со Штормом.

— Скоро ты снова получишь собственное тело, — произнесла Мистра в его лихорадочных мыслях. Разумеется, она читала их, и...

— А тем временем, — прошептала богиня, — я могу помочь тому телу, которое у тебя есть сейчас. Ты жестоко пострадал у меня на службе.

Серебряно-синий огонь изменился, и в сознании, которое они делили между собой, Амарун съёжилась от страха.

Парящие в воздухе глаза увеличились, стали ярче... и приблизились.

— Обними меня, — приказала Мистра.

Немного помедлив из-за Амарун, готовой захныкать в глубине их общего разума — образ её испуганных глаз почти заслонил собой огромные очи Мистры — Эльминстер шагнул вперёд и раскрыл объятия.

Серебряно-синие глаза размером с щит сошлись вместе, слились в гладком молчании прямо перед ним, и вспыхнули пронзившей его серебряной молнией. Его руки конвульсивно раскинуло в стороны, а затем они сомкнулись вокруг молнии, будто она была чем-то твёрдым, что он мог раздавить. Нельзя сказать, что Эльминстер думал о том, чтобы раздавить что-нибудь.

Или вообще думал.

Он был слишком занят, заходясь воплем от боли.

Из него в ночь вырвался высокий, разрывающий горло вопль юной танцовщицы, затерявшейся в ужасе и агонии. Молния ударила в него, каждый волосок встал дыбом, как кинжал. Молния выскочила из тела наружу, затем ударила снова. Казалось, тысячи копий пронзили его, вырвались из плоти, и затем повторно ударили снова в открытые раны.

Эльминстер едва осознавал, что упал на колени и беспомощно дрожит. Он повис на ярких копьях молнии, не способный упасть лицом вниз... не способный вообще что-нибудь сделать.

Каждый раз, когда молнии вырывались из него обратно, они забирали с собой жизнь, жизненную энергию, и не возвращали её, ударяя обратно.

Амарун всхлипывала, или пыталась всхлипнуть, но её тело не могло дышать, не могло издать ни звука. Её разум омыл ревуший серебряный огонь, пламя силы, прокатившееся сквозь её сознание и с лёгкостью способное его уничтожить, если бы Эльминстер с мрачной решимостью не боролся за то, чтобы остаться собой, не цеплялся в голодном пламени богини за то, что было Эльминстером из Долины Теней.

Синее пламя вокруг него отогнал серебряный огонь, окружил его — и ударил в него.

Эльминстер хотел закричать, но раздался лишь придушенный хрип.

Мистра — если это была Мистра — высосала очень много энергии из позаимствованного им тела, но сейчас принялась исцелять его разум, прогоняя кипящее

синее пламя, что таилось в нём почти сотню лет.

— Вот, мой избранник, — нежно, как мать, прошептала Мистра. — Ступай же обновлённым. Теперь ты можешь творить магию больше и сильнее прежнего, не рискуя погрузиться в безумие — но всё же твои возможности ограничены. Ступай, и до скорой встречи.

И тогда серебряный огонь покинул его, оставляя лишь холодную тьму.

Эльминстер остался в непроглядном мраке.

Что-то мягкое и нежное коснулось его лица и руки, развернуло его и повело обратно. Наружу и вверх, спотыкаясь о невидимые камни под ногами, снова под лунный свет.

Слабый и оглушённый, покачивающийся, с Амарун, скорчившейся в безмолвном ужасе в уголке их общего сознания, Эльминстер содрогнулся.

Голый и замёрзший, чувствуя тошноту и пустоту — поцелуй Мистры забрал не меньше половины энергии Рун — спотыкаясь, он принялся подниматься и опускаться по склонам мимо бесконечных деревьев. Путь был недолгим, но Эл потерялся бы, если бы крошечная серебряная звезда не направляла его до тех пор, пока впереди не показалась тёмная громада охотничьего домика.

Содрогаясь, он прислонился к стене рядом с дверью, пока не отдышался достаточно, чтобы выпрямиться и расправить свои — её — плечи.

Амарун так и не пришла в себя, но Эл мог оставить позади боль и ужас молний и найти утешение в исцелении, которое подарили ему.

Подарила его богиня.

Его Мистра.

Да, Мистра была жива и вернулась в Королевства.

Какая-то часть его хотела закричать звёздам в небесах, завопить, пока люди не начнут просыпаться в своих кроватях аж в Сюзейле, прислушиваясь.

И какая-то часть его хотела сохранить это в тайне, чтобы даже юный дворянин в охотничьем домике ничего не заподозрил.

Уже не говоря о Мэншуне и любом другом могущественном волшебнике.

Эльминстер запрокинул голову, сделал глубокий вздох — и улыбнулся, когда крошечная серебряная вспышка, прощаясь, вспыхнула у него под носом. Тогда он осторожно открыл дверь и шагнул внутрь так тихо, как только сумел.

Очаг почти угас, но кто-то зажёл жаровню у двери. Её пляшущие лучи падали на простыни, застывшие в обычном скомканном хаосе, остающимся, когда спящие встают с...

И падали на Шторм Среброрукую, чьё облачённое в рубаху тело грациозно выгнулось на полу. Кто-то привязал её к ножке стола. Серебряные волосы закрывали её лицо. Она лежала неподвижно. Мёртвая или без сознания.

Она была связана поясом Арклета.

Позади Эльминстера захлопнулась дверь. Он резко обернулся, сумев подавить инстинктивное желание Рун отпрыгнуть в сторону. Тут могла потребоваться близость.

Как и ожидал, он оказался лицом к лицу с полуодетым лордом Арклетом Делькаслем. Тот угрожающе наставил на него меч. За мерцающим лезвием, над пылающей жаровней, юный дворянин держал другой рукой шкатулку, в которой Шторм носила прах Эльминстера.

Взгляд Арклета был остёр, как нож.

— К счастью для моей Амарун, — фыркнул он, — ты, кажется, не знаешь, что даже утончённые, влиятельные дворяне Кормира изучают некоторые неприглядные секреты

королевства — и не стесняются ими воспользоваться. К примеру, способ применения эссенции жала дармухи. Она мгновенно погружает жертву в беспробудный сон, стоит лишь оцарапать кожу, и старшие рыцари Кормира мажут ею наконечники стрел, которые прячут в одном и том же месте в каждом охотничьем домике по всему Кормиру. Сон, который судя по всему способен одолеть даже легендарных среброволосых бардов, благословлённых богами.

Эльминстер вздохнул и покачал головой, а затем отшатнулся, когда яркий кончик меча Арклета просвистел у его горла.

В разуме, который они делили друг с другом, Эльминстер швырнул в Амарун всё своё раздражение. Девушка содрогнулась, как пронзённая рыба, ответила ему той же яростью и посмотрела на Арклета.

— Твой прах! — прошипел дворянин, встряхнув шкатулку. — Я уничтожу его, если ты не вернешь мне Амарун.

Он подался вперёд, поднимая меч, угрожающе опустив шкатулку к пламени. Как раз в этот момент языки огня метнулись вверх и затрещали.

— Убирайся из неё немедленно, волшебник! Иначе ты умрёшь!

Арклет нацелил остриё меча на шею Шторм, которая лежала головой на полу. Серебряные волосы были разбросаны по лицу.

— И она тоже!

Глава 2

Слово дворянина

К своему изумлению Амарун обнаружила, что Эльминстер в её разуме бездействует. Его контроль над телом девушки пропал. Она могла говорить и делать, что сама пожелает.

Спустя мгновение замешательства она выпалила:

— Арклет, что ты делаешь? Ты тупица!

— Эльминстер, — фыркнул юный аристократ, наградив её яростным взглядом, — можешь даже не пытаться меня обмануть! Я знаю, что это ты говоришь, а не моя Рун! Отпусти её! Уйди из неё и больше не появляйся! Иначе я уничтожу всё, что от тебя осталось!

Он угрожающе взмахнул шкатулкой.

Эльминстер снова взял на себя управление, так быстро, что Рун только моргнуть успела.

— О, — заставил он ответить её тело, в этот раз с характерной интонацией, свойственной мудрецу Долины Теней, когда тот был чем-то заинтересован. — И как же?

— Я сожгу этот прах в... в огне.

Голос Арклета стих, когда его гнев сменился растерянностью.

— И? Это же прах, идиот! Чему только учат кормирских дворян в наше время? — ответил Эл, который во всех отношениях сам теперь звучал как важная и надменная пожилая маркиза.

— Я... — клинок Арклета покачнулся из стороны в сторону, потом устремился к Штурму. — Ну, я всё ещё могу...

Амарун шагнула вперёд, оказавшись прямоком нос к носу с дворянином и уперев руки в бедра. Юноша моргнул и покраснел.

— Арклет, — прошипела она уже собственным, полным разочарования голосом, — ты нарушил своё слово, не так ли? Ты клялся именем Делькаслов, не так ли?

— Я... да. Моё слово — это моя честь и честь дома Делькаслов. Но, миледи, я кое-что обнаружил этой ночью. Я...

— Что же ты мог такое обнаружить, — оборвала она юношу, глаза девушки пылали от гнева, — что оправдало бы нарушение слова?

Арклет покраснел ещё сильнее, но взгляда не отвёл.

— Я обнаружил, — сказал он, — что когда ты в опасности, я в мгновение ока готов пожертвовать своей честью — и всем остальным, боги свидетели. Я сделал это ради тебя.

Амарун задрожала, её глаза увлажнились, и прежде чем голос подвёл её, она выпалила:

— Ты связал одного друга, чтобы угрожать другому? Зачем? Ты с ума сошёл?

— Я... быть может. Я не знаю, что делать. Я не знаю, говорю ли сейчас с возлюбленной или с Эльминстером, который держит тебя пленницей в твоей собственной голове... или даже разговариваю с кем-то ещё более зловещим. В землях Велуна когда-то кишели меняющие облик существа, и боевые маги так до конца их и не вывели.

Амарун раздражённо вздохнула и отступила на шаг.

— Я — это я, спасибо, Арклет. Хотя я понятия не имею, как тебе это доказать.

Она зашагала по комнате, потом остановилась и оглянулась на него через обнажённое плечо.

— Неужели ты не можешь ничего принять на веру?

Молодой лорд наградил её кривой ухмылкой.

— Видимо нет.

Она сделала умоляющий шаг обратно к нему, протянула руки — но он снова поднял меч и прорычал:

— Я не осмеливаюсь.

Рун посмотрела на него сквозь слёзы и прошептала:

— Так что я должна сделать, Арклет?

Они смотрели друг на друга, казалось, долгое время, пока трещал огонь в жаровне.

— И что, — прошептала Рун, по щекам которой текли слёзы, — что ты сможешь сделать, чтобы я снова смогла тебе доверять, лорд Делькасл? Ответь мне!

* * *

Колокольчик на двери весело звякнул, когда сильно надушенная купеческая жёнушка вышла наружу, довольная своей покупкой.

Алхимик со вздохом откинулся на своём сидении, радуясь, что наконец от неё избавился. Попробовала шестнадцать флаконов, ни один её не удовлетворил, и вместо них остановилась на покрытом трехлетней пылью снадобье с верхней полки. Женщина, казалось, считала, что сейчас середина дня, а не глубокая ночь, когда усталым людям приходится подниматься из кроватей, чтобы обслужить её. Прокляните боги этих задирающих носы...

Он начал убирать флаконы.

— Если бы в этом полном дворян городе мне не требовалось столько растреклятых монет...

Сочувствующий смешок за занавесом у него за спиной напомнил Сронтеру, что он не один.

Никогда не покидающий его страх подсказал ему, что этого конкретного гостя ни в коем случае нельзя заставлять ждать. Он вскочил со стула и бросился за занавес.

— П-простите, господин, — пробормотал он. — Я...

— Знаю, Сронтер. Это не важно, извинений не требуется. Коммерция в первую очередь. Не говоря уже об убытках, которые могло понести твоё дело, если бы Нечелсея Саммартаэль решила, что ты обделил её вниманием. Весть об этом разнеслась бы по всему Сюзейлу ещё до рассвета.

— Ах, в самом деле, — согласился Сронтер, проходя мимо мужчины, который с такой лёгкостью завладел его разумом три ночи тому назад, раскрыв величайший секрет алхимика.

Алхимиков скорее боялись, чем любили, и если они желали провести долгую карьеру, им требовалось могущественное тайное оружие. Это должно было стать его последним — если он каким-то способом сумеет научиться им управлять. До тех пор оно по крайней мере могло служить мощным средством против воров. Во всяком случае, Сронтер рассчитывал на это, прежде чем в его жизни возник Мэншун.

В испуганной спешке Сронтер не сразу совладал с запорами, замешкавшись с цепью и обманым замком. Дважды он ронял ключ, открывающий скрытую шкатулку, где лежал настоящий ключ.

Мэншун улыбнулся милой улыбкой.

— Я никуда не спешу, добрый алхимик. Разве что, конечно, добрая женщина Саммартаэль решит вернуться ещё за чем-нибудь.

От этой ужасной мысли Сронтер уронил тяжёлый замок себе на ногу.

Его непроизвольный крик и подскоки на одной ноге прекратились, как только алхимик смог взять себя в руки. Упершись лбом в дверь, заморгав и сцепив зубы, он налёг на неё и распахнул настежь с громким звоном цепей.

Его гость остался стоять на том же месте.

— Нет никакой необходимости перемещать их, правда?

— Д-да, господин. Совсем никакой.

Сронтер поспешил в свою кладовую, к клетке, которую хотел увидеть Мэншун. В конце концов, его гость мог забрать его дом, лавку, и всё внутри — просто по своей прихоти.

Посмотрим правде в глаза, он уже был рабом, а рабы живут лучше, когда их хозяева довольны.

Сронтер развязал свой особый узел и откинул ближайшую половину кожаной завесы. Пять жильцов клетки с плавной синхронностью подлетели к открывшейся стороне, чтобы повиснуть там в воздухе и выглянуть сквозь прутья.

Пять небольших шаров, каждый размером с кулак кузнеца. Созерцатели, их крошечные глазные отростки походили на корчащихся червей, жаждали посмотреть на что-нибудь и причинить этому вред. Чудовища злобно зашипели.

И смолкли, когда улыбавшийся мужчина за дверью вонзил свой разум во все их сознания одновременно, захватив их с такой же лёгкостью, как и несчастного Сронтера.

Его ужасная улыбка расширилась.

— Неплохо, Сронтер, весьма Неплохо. Пять маленьких летающих тел, доступных в любое мгновение, как только они мне потребуются. Выпусти их.

— В-выпустить?

— Всех. Подари им свободу своей кладовой. Со всеми этими цепями и замками, ты всё равно редко ею пользуешься, не так ли?

— Н-ну да, но...

Сронтер обнаружил, что возражение, которое он собирался привести, пропало из его разума, и вместе с ним — его потрясённый гнев. Злобное веселье поднималось в нём, исказив его унылое лицо в ухмылке, которая была зеркальным отражением улыбки на лице его гостя.

«Ох, всевидящие боги, что со мной будет?» — подумал он.

— Время для любых «но» давно прошло, Сронтер, — промурлыкал Мэншун. — Ты увидишь приближающийся рассвет в таком же добром здравии, как сейчас, поверь мне — а мне ты можешь верить. Я не царедворец Кормира и не аристократ. Моё слово кое-что значит.

Он ленивой рукой указал мимо клетки.

— Это окно легко открывается? Нет? Ах, но я вижу, что его ставни легко можно сломать, если мне нужно будет спешить. Хорошо. Мои ездовые лошадки могут уйти этим путём, если потребуется.

— Нужно будет спешить?

— Признаю, подобная нужда маловероятна, сейчас, когда Эльминстер мёртв; но, добрый сэр алхимик, нельзя знать наверняка, нельзя знать наверняка. Уж этому Королевства меня научили за все мои долгие жизни.

— Долгие жизни?

— Ты служишь прекрасным эхом, добрый Сронтер, но некая персона — нет, несколько

персон — заметили твои горящие лампы и приближаются ко входу в твою лавку. Так что открой клетку и закрой эту дверь. Немедленно.

Следующие мгновения для Иммаэро Сронтера стали вихрем задыхающейся активности, и к тому времени, как он, пытая и задыхаясь, оказался по другую сторону занавеса, моргая на переминающихся в сумраке его лавки посетителей, внедрённое ему чувство мрачного превосходства и зловещего тёмного удовлетворения куда-то испарились.

Во время этого вихря Мэншун куда-то исчез, Сронтер толком не понял, куда, но болезненно осознавал, что на свободе в его кладовой — где он хранил свои яды, свою лучшую выпивку и большую часть своих монет — находятся пятеро созерцателей, которые с лёгкостью могут убить его или любого другого сюзейльца,

Не сказать, что подобное нежелательное состояние дел продлится долго, если его подозрения оправдаются. А когда дело касалось личного неблагополучия Иммаэро Сронтера, его подозрения обычно оправдывались.

А потом его ушей достигла просьба самой смелой из покупателей, и он услышал, как отвечает с лёгкостью старой привычки:

— Вытяжка из угрей Драконьего озера, госпожа? Что ж, спрос на неё невелик, особенно в это время ночи, но...

* * *

Лицо Арклета посуровело.

— Доверять? Доверять? Ха, ты не обманешь меня, чародей! Это ты, Эльминстер, и ты покалечил или сковал молчанием мою госпожу! Она — просто маска, которую ты надеваешь, чтобы обдурить меня!

Он рассёк воздух своим мечом, сплетая сверкающую стену стали, и сделал два медленных, угрожающих шага вперёд, заставляя свою возлюбленную отступить.

Казалось, что со всеми этими слезами ей так больно...

Он взвыл, напоминая себе, что на самом деле это Эльминстер, который просто использует тело его Амарун.

— Ты должен прекратить это зло — вселяться в живых людей! Прямо сейчас!

— А иначе ты — что? — спросила Рун, искоса посмотрев на него. — Зарежешь меня, Арклет? Убьешь меня, танцовщицу, которую ты звал своей госпожой, и ради которой ты якобы делаешь всё это? И когда ты распотрошишь меня, и я буду лежать, рассечённая на части, в луже крови на этом полу, что тогда? Как ты остановишь волшебника, которого так ненавидишь?

Растерянный гнев выросал в наследнике дома Делькаслов. Она была права, дракон всё это поberi! Как он мог ударить волшебника, не навредив Рун?

Когда Амарун прижалась к дальней стене единственной комнаты охотничьего домика и шагнула вдоль неё, Арклет осознал, что его наступление увело его далеко от жаровни. Торопливо он вернулся туда, откуда ушёл, пытаясь не споткнуться о разбросанное постельное бельё, ни на секунду не отрывая от неё глаз.

Заклинание, она может наложить заклинание... ему нужно что-то метательное и свободная рука, чтобы это что-то метнуть. Его кинжал, конечно, но...

Ох, треск и грохот! Почему его жизнь должна быть такой сложной?

— Эти бесконечные проблемы утомительны, но с другой стороны, именно проблемы делают жизнь интересной, — промурлыкал Мэншун, шагая по одной из относительно тихих улочек квартала Ветреногорынка в Сюзейле в сопровождении нанятых лампоносцев впереди и позади.

— Вы сказали «утомительны», добрый сэръ? — переспросил меч-капитан пурпурных драконов, шагавший во главе своего патруля.

Мэншун непринуждённо улыбнулся ему.

— Пустяки, уверяю вас. Конкуренция в купеческой деятельности порождает препятствия даже в самых осторожных вложениях и стратегемах. Я буду спокойнее, когда закончится Совет, и всё, хм, немного поуляжется.

Патрульный улыбнулся в ответ.

— Я тоже, сэръ. Я тоже.

Они обменялись кивками и разошлись своими дорогами, патруль — в направлении доков, а Мэншун — к огороженным стенами особнякам и величественным башням, где обитали самые богатые и благородные жители города.

Да, Сронтер и в самом деле оказался полезным. Его лавка находилась в центре города, хоть и не в самом популярном месте. Коллекция сюзейльских баз Мэншуна росла довольно быстро.

Не останавливаясь, Мэншун поднял руку и отвесил самому себе пощёчину.

— Нужно прекратить разговаривать с самим собой. Плохая привычка, приобретённая за многочисленные долгие и тёмные годы заговоров и козней. Скоро с этим будет покончено — Кормир почти у меня в руках.

Он лучезарно улыбнулся ломовому извозчику, потеющему под весом полного бочонка, получил в ответ изумлённый взгляд, и с лёгким сердцем отправился дальше.

Эльминстер мёртв. Погиб от его собственной руки, и в этот раз уже наверняка. Да.

Это убийство открывало столько дверей и делало проще и безопаснее столько неровных тропинок. Хотя оно означало потребность немного пересмотреть свою стратегию.

Поскольку нужда в спешке пропала, в первую очередь сейчас необходимо было отсрочить этот Совет Дракона. Без Грозозмея и его юных сорвиголов Мэншун нуждался во времени — хватит ещё одного дня — чтобы восстановить ряды служащих ему дворян.

Когда Совет неизбежно превратится в кровавую баню, он хотел, чтобы погибали члены королевской семьи, царедворцы и аристократы, а не просто случайные жертвы.

Точечное кровопускание экономит кучу времени.

Эльминстер подавил вздох. Взгляд лорда Делькасла стал диким. Сейчас юноша был способен практически на всё — и стал по-настоящему опасен.

О, тело Рун, конечно, было достаточно ловким, чтобы схватить меха и простыни и захлестнуть ими клинок, которым размахивал юный дурак, или даже накинуть их ему на голову, чтобы ослепить, а затем оглушить лорда Делькасла — но Рун была голой, Шторм

тоже ничем не могла помочь, а меч был острым. Кто-то пострадает.

А ведь без этого можно было бы обойтись.

Шкатулка, которой угрожал ему Арклет, была пуста и останется таковой, пока Эл не покинет Амарун — и Шторм с таким же успехом могла хранить его прах в своих сапогах, или, если уж на то пошло, соскрести золу, которая вовсе не была Элом, из очага, чтобы лордишка уничтожил её и успокоился...

Аа, Шторм очнулась, стряхнув с себя эффекты дармухи. Сквозь блестящий водопад её серебряных волос Эл увидел блеск открывшегося на мгновение глаза.

Его роль стала ясна. Он должен был забалтывать Арклета и отвлекать внимание лорда на себя.

— Арклет, — сказал он, подражая мрачной и искренней манере Амарун, опустившись на колени и широко разведя руки, — что я могу сделать, чтобы убедить тебя? Я твоя Рун, и... и ты пугаешь меня. Я не знаю, как тебе доказать что-либо!

Ему нельзя было смотреть на Шторм, чтобы не привлечь к ней внимания Арклета — но в сознании, которое они делили с Амарун, танцовщица тоже увидела открывшийся глаз, и сразу же захотела взглянуть на среброволосого барда.

Амарун инстинктивно потянулась, чтобы взять под контроль свои глаза. Безмолвное мгновение они мысленно боролись, пока Эл не выиграл эту битву — он бешено затряс головой танцовщицы и заставил её посмотреть в сторону, на заваленный простынями пол.

— Арклет? — всхлипнул он, не осмеливаясь позволить Амарун поднять взгляд.

— Рун, — зарычал Арклет, — если ты — это Рун, а не волшебник, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю, что напуган не меньше твоего. И я не знаю, как убедиться, что ты — это... ну, ты.

Эл едва сумел не усмехнуться. Сумел бы он быть более красноречивым в возрасте Делькасла? Наверное нет...

Позади юного лорда начала освобождаться Шторм. Арклет знал своё дело. Его пояс был туго натянут, глубоко впиваясь в её кожу. Шторм потянулась, как большая кошка, выгнулась ещё сильнее, потом расслабилась, испытав пределы своих оков. Весьма ограниченные пределы.

Но, похоже, она узнала достаточно, чтобы решить, что делать дальше, без всякого промедления. Пока Эл изо всех сил старался не смотреть — Амарун ни капли в этом не помогала — Шторм сделала собственный ход.

— И я не знаю, как доказать тебе, что я — Амарун. Эльминстер не может долго мною управлять, но... ну, он не чудовище, которым ты его изображаешь.

— Ха! Должно быть, это ты, маг! Моя Рун никогда не подчинилась бы тирании, она бы кричала и боролась, пока могла дышать!

Амарун и Эльминстер увидели, как позади разгневанного лордишки Шторм с гримасой боли рывком вырывает плечо из сустава. Это ослабило пояс достаточно, чтобы в болезненном безмолвии она изогнулась, дёрнулась и вырвалась из тугих пут Арклета, оставив пояс цепляться за рубаху, из которой выскользнула.

Медленно, в полном молчании и с крайней осторожностью она перекатилась, нагая, как в миг появления на свет — берегла своё вывихнутое плечо. Шторм продолжила катиться по мехам и простыням к очагу.

Эльминстер попробовал снова — и в этот раз почувствовал полное согласие Амарун. Он позволил ей перехватить голос на полуслове, надеясь, что не пожалеет об этом.

— Арклет Делькасл, — сурово начал он, — откуда тебе... — она так гладко завладела речью, что в гневной отповеди не прозвучало ни единой заминки, — знать, как бы я поступила? Я зарабатываю на жизнь, ублажая мужчин, помнишь? Я делаю это, потому что мне нужно есть, потому что не хочу замёрзнуть сюзейльской зимой; я никогда не могла придерживаться принципов, которые ты мне присваиваешь!

Шторм у очага не тянулась к оружию и вообще ничего не делала, чтобы прикрыться или вправить своё плечо. Она — Элу пришлось подавить изумлённый взгляд Амарун — заваривала чай.

— Ты не моя Рун, — фыркнул Арклет. — Слишком витиеватые слова для танцовщицы, волшебник! Тебе придётся постараться получше!

В их общем сознании полыхнул гнев Амарун. Она принялась бороться с Элом за контроль над всем своим телом, и он уступил. Это должно было сработать.

— Арклет, ты действительно так глуп? Или просто слишком зол, чтобы подумать? Ты правда веришь, что бойкий язык, разумные аргументы и культурная речь принадлежат лишь высокороденным и некоторым придворным слугам? Мы для тебя звери, едва способные на что-то большее, чем хрюкать и рычать? Мы немытые жители — ваши простофили, ваши слуги, ваши рабы? Если уж зашла речь, ты вообще представляешь, что приходится выслушивать танцовщицам — боги, да любой грошовой девке для удовольствий? Я — Амарун Белая Волна!

Не вставая с колен, она обхватила себя руками и отрезала:

— И это — моё тело! Я не какой-то старый волшебник, притворяющийся твоей Рун; я и есть твоя Рун! Вбей себе это в свою тупую башку, лорд Задранный нос Делькасл — если сумеешь!

Арклет моргнул.

— А... э... но Рун, откуда мне знать? Я...

— Неоткуда, лорд Делькасл! Никто из нас не может знать наверняка! Всем нам в этой жизни приходится доверять людям или покинуть их и в одиночку скитаться в глуши — до тех пор, пока не съест первый же охотящийся волк или голодный медведь! Я должна доверять тебе; ты должен доверять мне; и мы оба должны доверять другим — барду и волшебнику, к примеру. А теперь позволь тебе кое-что сказать!

Арклет моргнул, глядя на неё, а потом — мудро с его стороны, решил Эл — кивнул. И воздержался от замечания, что Рун уже это делает.

Хороший парень. В конце концов, они могут и пережить всё это.

— Мне больно, Арклет. Я только что повстречала богиню. Лицом к лицу — проклятье, и она меня коснулась! Это было ужасно и это было прекрасно. Я потерялась в благоговении и не хотела ничего, только вернуться сюда и рассказать тебе, как это было восхитительно. Самый величественный момент моей жизни, и, возможно, лучшее, что со мной когда-либо произойдёт. И ты разрушил его, Арклет, полностью всё испортил! Мне нужно было поделиться этим с тобой; нужно было, чтобы ты понял; и что я обнаружила? Ты махаешь вокруг мечом, как будто это всё решит! Как типично для аристократа! Тьфу!

— Н-но Рун, он украл твоё тело!

Амарун вскочила с пола и ринулась прямо к Арклету, ладонью смахнув его меч в сторону. Её глаза сверкали.

— Послушай-ка меня, лорд Делькасл! Эльминстер — мой предок, а разве вы, высокороденные, не трясётесь над своими родословными и священными предками, а? —

позаимствовал моё тело. С многочисленными опасениями и без намерения оставить его себе, и я видела это в его разуме. Мы же делим мою голову, помнишь? Я видела его мысли, и я знаю. Эльминстеру мне доверять не нужно, потому что я и так знаю, что он думает и чувствует.

Она замерла прямо перед Арклетом, подбородок к подбородку, едва не касаясь его, и яростно произнесла — её дыхание на его лице было горячим от гнева:

— И слушай меня внимательно, Арклет Делькасл — этот займ меня устраивает. Так что если ты хоть немного беспокоишься о моих чувствах и моей свободе, тебя он тоже должен устроить.

Арклет посмотрел ей в глаза, побледнел, забытый меч опустился в его руке.

— Если ты не можешь это принять, — добавила его Рун, — возможно, тогда тебе стоит принять, что всё это — вообще не твоё дело.

Юный благородный лорд взгляделся в её лицо, затем покачал головой и отступил, снова поднимая меч.

— Нет, — сказал он. — Нет, ты не моя Рун. Эти слова исходят от Эльминстера, пытающегося меня обмануть. Волшебник, что ты сотворил с моей госпожой?

Амарун сжала кулаки и подалась вперёд, испустив вопль бешенства.

Арклет принял боевую стойку.

— Тебе придётся придумать что-нибудь получше!

— Зачем? — спросил спокойный голос сзади, сразу за его правым ухом. — Разве мы не можем успокоиться и сесть у огня, чтобы поболтать об этом? Я приготовила чай.

Шторм Среброрукая! Как она..?

Арклет развернулся кругом, меч рассёк воздух, чтобы ударить...

И внезапно замер и задрожал, объятый страхом.

Он не только едва не ударил обнажённую, невооружённую женщину, но во время его резкого разворота как будто из ниоткуда возникли её пальцы, железные когти, и сделали что-то с его запястьем так, что меч улетел в сторону, а затем схватили его руку такой хваткой, которую он не смог бы сломить.

Шторм была сильнее него. И намного красивее. И прижималась к нему.

— Путы поверх одежды не удержат того, кто готов сбросить свой наряд, — промурчала она. — Тебе стоит запомнить это, лорд Делькасл.

Она добавила дружескую улыбку к своей реплике, и, казалось, в охотничьем домике вошло солнце. Серебряные локоны взметнулись, будто по своей воле, чтобы погладить Арклета по щеке и провести черту по его подбородку.

Арклет смотрел на неё, изо всех сил пытаясь не отрывать взгляда от лица женщины. Боги, как же она сногшибательно смотрелась! Он... он... было сложно и не смотреть на неё, и удержаться от полушага вперёд, чтобы почувствовать её всю своим телом. Если они начнут бороться, их контакт будет яростным, и... интимным.

— Я... я не знаю, что делать! — выпалил он, почувствовав, как мягкая рука (рука Рун, и, будь оно всё проклято, она тоже была голой!) скользит по его груди.

Он вздохнул и сдался.

— Где там этот чай?

Глава 3

У меня есть небольшой план

Сделав два шага в комнату над лавкой Иммаэро Сронтера, младший сенешаль Корлет Фентабль внезапно замер, а его глаза широко распахнулись.

— Я... я...

Улыбавшийся мужчина, сидевший в дальнем конце стола, рядом со Сронтером, небрежно взмахнул рукой.

— А, Фентабль, помнишь меня? Надеюсь, это приятные воспоминания?

Фентабль был слишком занят, погружаясь в потрясённый ужас, чтобы ответить. Его испуг, как в зеркале, отражался в глазах третьего человека за столом.

Боевой маг Рорскрин Мрелдрейк выглядел так, будто проглотил смертельную дозу яда и только сейчас это осознал.

Все они были рабами мужчины в конце стола. Красивого, весёлого мужчины, чьи тёмные глаза пожирали Фентабля.

Под тяжестью этого взгляда сенешаль опустил в последнее свободное кресло, едва осознавая, что делает.

Он, Сронтер и Мрелдрейк были пешками темноглазого мужчины, пока вчера вечером тот не покинул их и не стёр все воспоминания о себе.

Теперь он вернулся, и их рабство началось заново.

— Я знаю, что мы все тут знакомы, — сказал Мэншун, — хотя, признаю, я не рассчитывал, что мы когда-либо встретимся вот так. И всё же обстоятельства меняются, а вместе с ними — и мои первостепенные нужды. Так что, добрые сэры, слушайте внимательно.

Он улыбнулся им проникновенной улыбкой, похожей на улыбку акулы, и добавил:

— Я знаю, что вы будете очень внимательны.

* * *

— Тяни, — скомандовала Шторм, отвернувшись от него. Арклет осторожно подчинился.

— Сильнее, — приказала она. Сжав челюсти, он напрягся.

Неожиданно её рука болезненно дёрнулась в его хватке. Среброволосая женщина захрипела, как один из его стражников, получивший удар кинжалом, слегка покачнувшись в его руках и выдохнула:

— Хорошо. Встал на место.

Убрав руку, она повернулась к Арклету и зарычала в притворном гневе:

— И больше не заставляй меня это делать!

Арклет сделал глубокий и немного неровный вздох и выдох, прежде чем осмелился ответить:

— Я попытаюсь, леди Иммердаск.

Шторм закатила глаза.

— Просто «Шторм», пожалуйста. Всякий раз, когда я слышу этот титул, я чувствую

себя на несколько веков старше.

Она потянулась к его кружке той рукой, сустав которой он только что вправил.

— Ещё чаю?

Арклет кивнул, покосился на Амарун и снова поглядел на Шторм.

— Я... хм, приношу извинения вам обоим. Даже вам троим, но в первую очередь — Рун. Я... мне потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к этому.

— Не тебе одному, — сказала ему Амарун. — Запри дверь на засов и давай немного поспим. Я не только устала, но ещё и замёрзла.

Шторм протянула чай в одной руке и шерстяное одеяло — во второй. Затем она наклонилась между двух сюзейльцев, длинная, стройная и фигуристая, чтобы задуть дымящуюся жаровню.

— Давайте вдремнём. Эльминстер может постоять на страже.

Арклет вздёрнул голову. Он наградил её своей лучшей нахмуренной гримасой, затем окинул взглядом единственную комнату дома... но увидел лишь двух женщин. Когда его взгляд вернулся к Шторм, она веселилась.

— Попробайся привыкнуть немного *больше*, — сказала она. — Прямо сейчас.

Арклет вздохнул, изобразил пародию на вежливый поклон и опустил на одеяла. Его жизнь всего за несколько дней сделала драматический поворот, и, казалось, перемены продолжаются — причём перемены стремительные.

Он надеялся, что сможет удержаться в седле во время этой дикой скачки.

* * *

Мэншун ответил трём испуганным лицам вокруг стола приятной улыбкой.

Он понимал, что всем этим злорадством, легкомысленными фразами и ехидством потакает себе, как самые высокомерные дворяне — но, Бэйн его поцелуй, изображать из себя опереточного злодея было так *весело*! И, в конце концов, почему бы нет? Кто мог его остановить?

Эльминстер мёртв, а Кормир блажен в неведении и практически беззащитен — как созревший фрукт, который Мэншун вскоре сорвёт, если от нетерпения случайно не сделает неверный шаг.

Так пускай это развлечение станет его наградой, сполна заслуженным дурачеством, за которым, в конце концов, стоит целый век достижений — не то что пустое самодовольство и павлинье самолюбование юных дворян королевства.

Так почему бы не побаловать себя?

Но всё же ему случалось упускать шансы и проваливать идеальные планы прежде. Эльминстер там или не Эльминстер, королевство оставалось его трофеем.

Незавоёванным пока трофеем, которому уже случалось справляться с могущественными врагами.

Более того, в Кормире слишком много подпирающих престол магов — пускай им и недостаёт заклинаний, ума и предусмотрительности — чтобы укрощение этого королевства нельзя было считать пустяковым делом на один день.

Дурачась или не дурачась, Мэншун должен придерживаться плана. Согласно которому он при любых обстоятельствах ещё некоторое время не может публично раскрывать своё

присутствие или даже существование. Он должен работать через посредников. Черезмерная храбрость и нетерпение в прошлом были его недостатками; Мэншун был твёрдо намерен не повторять прежних ошибок.

— Новые изъяны взамен старых, — пробормотал он сам себе. — Таков мой путь...

— Г-господин? — осмелился переспросить Сронтер. Мэншун с ухмылкой отмахнулся.

Он всё это время планировал устроить бунт на Совете — что было не так уж и сложно, в конце концов — в надежде организовать несколько смертей. Парочки Обарскиров и горстки дворян. Конкретных дворян. Это должно было избавить его от некоторых самых непоколебимых противников и поставить Кормир на грань войны.

По крайней мере три различных сембийских заговора стремились к аналогичным целям, но, будем надеяться, не знали о его существовании. Как и некоторые довольно глупые и чрезмерно амбициозные купцы из Западных Врат, и, разумеется, Шадовар.

Если их незнание не притворное и продлится достаточно долго, эти игроки, сами того не желая, могут помочь превратить Совет Дракона в кровавую бойню. Если Мэншун всё сделает правильно, они будут оставаться в неведении о его присутствии ещё дней десять или дольше... и этого времени должно хватить.

Вспышка насилия и неудачный Совет, разумеется, предоставит шанс продвинуть его пешки повыше в иерархии королевского двора, а «его» аристократы смогут заслужить благосклонность.

Но была одна проблема.

И почему нет? Проблема была *всегда*. А зачастую и не одна.

Корни этой конкретной проблемы росли, разумеется, из возни Эльминстера. Последний подарочек от его заклятого врага.

Предательство Грозозмея было раскрыто. Большая часть его бесполезных глупых друзей была ранена и прикована к постели — а значит, неспособна посетить Совет — и будущему императору Мэншуну не доставало времени, чтобы найти им замену, новых аристократов, которыми он сможет манипулировать ради исполнения своих планов на Совете и после.

Призрачная принцесса Алусейр вышвырнула его из дворца, но она быстро угасала за пределами дворцовых стен, так что Мэншун старался избегать её и принялся искать ещё одну базу поблизости. А тут так удачно подвернулся Сронтер.

Он не планировал так скоро снова будить своих спящих агентов — Фентабля и Мрелдрейка, и этот поступок был не самым изящным вариантом, но сменившиеся обстоятельства вынуждали использовать новую стратегию — а это были самые эффективные посредники, которых он мог использовать.

Поэтому и произошла эта маленькая встреча.

— Ради благополучия королевства, — промурлыкал он, — Совет необходимо задержать. На день, не больше.

Фентабль и Мрелдрейк заметно расслабились. Они не перестали хмуриться — даже дневная задержка потребует кучи работы и множества затруднений — но это было куда менее опасно, чем некоторые вещи, которые они боялись услышать. А кроме того, задержка Совета несёт с собой некоторые преимущества...

— Это... хорошо, — осторожно произнёс Фентабль. — По последним докладам драконов ещё шестеро или семеро лордов находятся на пути в Сюзейл. Они могли не успеть вовремя, и это само по себе могло нанести существенный урон миру среди знати.

Мрелдрейк, похоже, сомневался.

— Только заплатить за это придётся миром среди уже собравшихся дворян, которые и так потеряли всякое терпение. Ещё один день и одна ночь, со всей этой выпивкой, старыми сварами и вооружёнными наймитами, которых они все с собой взяли...

Мэншун пожал плечами.

— Для вас ничего нового.

Сронтер прочистил горло. Остальные посмотрели на него.

Растерявшись от неожиданного внимания, он пробормотал:

— Н-но *как именно* задержать Совет?

— Что же до этого, — ответил Мэншун, — то у меня есть небольшой план.

В этот раз все уставились на него.

Он улыбнулся в ответ, ни капли не смутившись.

— На самом деле, — промурчал он, — ради этого я и собрал эту встречу. Вы трое заставите Совет Дракона начаться на день позже — но не бойтесь, снаружи этой комнаты никто не узнает, кто стал причиной задержки. Если вы будете в точности следовать моим указаниям.

Он откинулся назад в кресле.

— Но если любой из вас проявит, хм, *творческий подход*, последствия будут катастрофическими. Тем не менее, в прошлом мы хорошо сработались. Я знаю, что никто из вас этого не помнит, но в том-то и вся соль. Если всё пройдет гладко, я позабочусь, чтобы вы всё забыли — и опасались, что старшие рыцари или боевые маги вытащат что-то из вашего разума. Вы сможете абсолютно искренне поклясться, что ничего не знаете. Потому как, видите ли, вы действительно не будете знать.

Он переплёл пальцы и наградил собравшихся самой яркой своей улыбкой, предоставив им достаточно времени, чтобы задрожать от страха и потом взять себя в руки.

Проинформированные рабы — покорные рабы.

* * *

Лорд Арклет Делькасл проснулся очень резко, встревоженный и напряжённый. Это крайне отличалось от его обычного медленного, ленивого пробуждения в тепле на мягких шелковых простынях. Интуиция подсказывала, что он проснулся в привычное время, на рассвете. Но света не было, и его лицо замёрзло. Арклет чувствовал грубую шерсть на щеке, и вокруг пахло дымом, мокрым сумрачным деревом и...

И к нему прижимался и обнимал кто-то голый, тёплый и фигуристый.

— Р-рун? — прошептал он, распахнув глаза.

Он обнаружил, что смотрит в лицо своей возлюбленной. Они лежали на боку, переплетая ноги и руки, почти касаясь друг друга носами. Глаза девушки были закрыты и оставались таковыми, её дыхание было медленным, спокойным и равномерным. Спит.

И тогда Арклет всё вспомнил, и торопливо поднялся на локте, чтобы осмотреть хижину. Жаровня погасла, но очаг по-прежнему тлел, и над ним на чёрной решетке стоял чайник. Никаких признаков Шторм он не заметил.

Хорошо. По крайней мере на мгновение они с Рун остались одни. Он мог говорить свободно.

Он поцеловал её, нежно, но настойчиво. Её глаза распахнулись; девушка только

притворялась спящей.

— Мммм? — промурчала она.

— Ах, Рун, — прошептал он. — Я... хм... так люблю тебя и хочу поговорить. Прямо сейчас. Пока нас здесь только двое.

— Ах, — с бесовской усмешкой сказала ему Амарун кряхтящим тоном Эльминстера. — Вы, юные лорды, не расходуете время зря? Хорошо, потому что я тоже хочу с тобой потолковать. Так что начинай свою речь, парень. Начался новый день, но он быстро постареет!

Арклет напрягся, но сумел подавить желание отшвырнуть от себя тёплое и округлое в нужных местах тело.

— А... э... будь ты проклят, волшебник! Разве я не могу поговорить с моей Рун, чтобы ты не влез?

— Парень, — ответило ему ворчание мага, — ты, конечно можешь. И, надеюсь, с редкими исключениями — будешь. Видишь ли, я постараюсь как можно меньше использовать твою девицу и найти ей подходящую замену. Даю своё слово.

— Твоё слово? — горько отозвался Арклет. — И чего оно стоит? Даже моё собственное... немного упало в цене.

— Парень, мне нравится это не больше твоего, да и твоя госпожа не слишком-то наслаждается сама. Она — мой потомок, имей в виду, и я не желаю ей никакого вреда, ни телу, ни разуму, так что постараюсь очень хорошо о ней заботиться. В конце концов, она здесь со мной и знает обо всём происходящем. Я, конечно, немыслимо надругался над ней, признаю. Я пытался извиниться за то, за что не может быть прощения и потерпел неудачу, но она увидела в моих мыслях мою необходимость и мои причины так поступить и согласилась с ними. Она скажет тебе об этом сама, хотя придётся поверить на слово, что это будут её слова, а не мои. Так что давай жить дружно?

Арклет задумчиво посмотрел в такие близкие глаза танцовщицы. Эту женщину он полюбил так быстро и сильно, что сам до конца не верил. Может быть, волшебник использовал немного любовной магии? Но нет, его не было рядом, когда... или был?

Грязь и звёзды, да какая, в общем-то, разница? Он любил свою Рун, сильнее чем когда-либо и кого-либо, и... и в любом случае, что он мог сделать, чтобы помешать Старому Магу?

Ничего. Совсем ничего, лишь быть рядом с Амарун и надеяться, что скоро она избавится от Эльминстера, не пострадав. Насколько это возможно.

А это означало, что перемирие с мудрецом Долины Теней остаётся единственным разумным выбором.

— Хорошо, — громко сказал он, чувствуя неловкость. — Давай. Жить дружно, я имею в виду.

Тонкие пальцы Амарун с силой воина сжали его руку, и на её лице расцвела улыбка.

— Хорошо, рад, что мы с этим покончили, — прорычал Эльминстер, заставив её откатиться в сторону и отшвырнуть одеяло. — У Рун сейчас мочевого пузыря лопнет!

* * *

Младший сенешаль Корлет Фентабль пребывал в не слишком радостном расположении духа, но даже если бы пугающая тень Мэншуна не нависала над любыми его мыслями,

неудовольствие Фентабля в эту раннюю пору было неудивительно.

Он редко встречал рассвет или яркие и морозные утра, что следовали за ним, если не находился на дежурстве по приказу дворцового сенешаля Рорстила Холлоуданта.

Он действительно находился здесь по приказу Холлоуданта, грубый и напряжённый, цедил приказы полудюжине боевых магов и дюжине пурпурных драконов. Ещё больше солдат стояло в укрытых багровыми коврами коридорах, что вели к недавно обустроенному залу Правосудия, где должен был пройти Совет Дракона. Они следили за тем, чтобы все горничные, пажи и остальные держались от этих помещений подальше.

Начальник Фентабля, наверное, в любом случае поручил бы это ему, но младший сенешаль находил небольшое удовлетворение в том, что Холлоудант захворал не случайно. Наверняка он стонет сейчас в уборной, испытывая на себе эффекты того зелья, что Сронтер дал слуге — очередной пешке лора Мэншуна — чтобы тот подмешал его в графин, из которого Холлоудант отхлёбывал, просыпаясь в ночи.

Мэншун позаботился обо всём. Как будто напоминая им о последствиях непослушания. Туго сжатые губы Фентабля превратились в тонкую линию ярости.

— Сэр, поиски закончены, — доложил юный боевой маг. — Теперь покои чисты.

— А разве они не были таковыми? — фыркнул он.

Маг (как там его звали? Дармут? Тармут?) громко вздохнул, прежде чем ответить.

— Две мыши, дюжина муравьёв и жуков, одна сороконожка. Сейчас все мертвы и убраны. Четыре мышинных норы — заблокированы. Мы ведь боевые маги, сэр.

И боевые маги крайне неохотно получали приказы от простых царедворцев, хоть и не смели ослушаться младшего сенешаля в отсутствие королевского мага Ганрахаста и лорда печатей Вэйренса.

Фентабль задержал на лице готовую улетучиться мрачную улыбку и кивнул, поднимая глаза, чтобы бросить короткий взгляд через плечо собеседника на Мрелдрейка, ответный кивок которого был практически незаметен.

— Теперь запечатайте их, — приказал Фентабль, — закройте и запирайте двери — или сначала запирайте — или... ну, сделайте всё в том порядке, в котором нужно всё сделать, чтобы обезопасить палаты Совета!

Он отвернулся. Как только боевые маги уйдут, снаружи всех ведущих в помещение дверей поставят стражников, так что целый дворец — и большая часть города, учитывая сплетни — ещё до полудня узнает, что палату запечатали.

Но на самом деле этого не произойдёт. Одним из магов был Мрелдрейк, который узнает все подробности запечатывающего заклинания и сможет изменить заклинание телепортации так, чтобы использовать его по приказу лорда Мэншуна и преодолеть преграды.

О, этот Совет наверняка выйдет запоминающимся.

* * *

Амарун встала на ноги и сделала два неровных шага по спутанным одеялам и простыням, прежде чем покачнуться и начать падать.

Аркетт вскочил, чтобы подхватить её, заранее зная, что он не успеет.

— Рун! — воскликнул он, напрасно бросаясь к ней. Амарун выбросила руку в сторону, вырвала ногу из простыней, и по инерции сделала несколько шагов вбок, пока не коснулась

стены хижины и не соскользнула на пол.

Дверь резко распахнулась, и Шторм — облачённая в свои потёртые кожаные доспехи, со свежим хвостом в руках — ринулась внутрь, швырнула хвост в сторону и бросилась через всю комнату.

Арклет добрался туда первым.

— Рун, — умоляюще сказал он, обнимая её, — ты в порядке?

— Нет, я не в порядке, — пробормотала его госпожа — и, хвала богам, это был её голос, а не Эльминстера!

— Волшебник как-то высасывает из тебя жизнь, — проворчал Арклет, помогая ей встать. — Нам необходимо найти мага, которому можно доверять, чтобы он что-нибудь с этим сделал!

— Нет, — ответила Амарун, повернувшись, чтобы взглянуть в его глаза, и столкнувшись с ним носами. — Нет, это не Эльминстер. Богиня забрала её. Мистра.

Арклет смотрел на неё, затем нахмурился от гнева и беспокойства. Он обернулся к Шторм — и с испугом увидел, что она встревожена ещё сильнее.

Глава 4

Снова тёмное злодейство

— Э-это последний! — выдохнул ломовой извозчик сквозь пелену струящегося по его крупному красному лицу пота. Он торопливо попятился от молчаливого человека, который ловил каждый брошенный им тюк сена, складывая их куда-то во тьму у задней двери в лавку алхимика.

Задыхаясь ещё сильнее, дважды он едва не упал, в лихорадочной спешке огибая свой фургон и хлестая кнутом лошадей, чтобы быстрее убраться от лавки Сронтера.

Казалось, извозчик боялся, что за ним гонится сама смерть. Но Мэншун всего лишь наградил трясущийся, гремящий фургон кривой усмешкой, оторвался от стены и заставил людей с безвольно расслабленными лицами, которыми он управлял, сложить тюки сена в задней части переулка. Заклинания, что Мэншун на них наложил, прикончат грузчиков — и извозчика — когда он произнесёт определённое слово. Мэншун сделает это задолго до полудня, задолго до того, как любой пурпурный дракон сможет оказаться поблизости и решить расспросить их о чём-нибудь.

Если всё пройдет как запланировано, то когда утром над Сюзейлом взойдёт солнце, добрые солдаты Кормира будут слишком заняты для допросов.

Мэншун закрыл и запер на засов заднюю дверь. Затем он прошёл в захламленное помещение, которое Сронтер гордо звал своей «зельеварческой палатой». Находящийся здесь алхимик был поглощён своей работой.

Под погоняющим кнутом магии Мэншуна Сронтер что-то бормотал себе под нос, перебирая содержимое своих заляпанных и исцарапанных рабочих столов, снова и снова пританцовывая и метаясь по комнате, чтобы проверить и перепроверить различные бурлящие и мерцающие резервуары.

Тюки сена будут пропитаны кое-чем, в результате чего начнут источать ядовитый, маслянистый и липкий дым, если их поджечь. И пропитать их ядовитым зельем необходимо как можно скорее.

Но Мэншун верил, что Сронтер знает своё дело. У алхимика готовились на огне три различных субстанции, любой из которых должно быть достаточно, чтобы палату Совета очистили в панической спешке — и достаточно, чтобы любой задержавшийся там упрямец превратился в покойника. Трёх зелий должно хватить, чтобы не позволить единственному заклинанию придушить дым, и если царедворцы хоть что-нибудь слышали о благоразумии (а какой царедворец не слышал?), этого хватит, чтобы отложить Совет, пока придворные не убедятся, что над ним не нависло других угроз.

Мэншун сумел сдержать злорадное потирание рук, но по его лицу расплзлась жестокая усмешка. Ах, теперь, когда его старый враг погиб, тёмное злодейство снова приносило настоящее *удовольствие!*

* * *

— Что это? Дым?

Амарун указала на холодные клочки, парящие и извивающиеся в глубокой тени, где

стояли густые тёмные деревья.

— Поземная дымка, — в унисон отозвались Шторм и Арклет. Юный лорд засмеялся и величественным жестом предложил Шторм продолжать.

С улыбкой она приняла приглашение.

— Моряки зовут это туманом, когда он висит в доках или на море. Бывает здесь почти каждое утро. Это испаряется влага, когда день становится теплее.

— Хм, — ответила танцовщица, съёжившись от холода под деревьями. — Пока что-то не очень тепло.

— Согласна, — ответила Шторм, наклонив голову и прислушиваясь к тихому шелесту вдали. Лиса или похожий зверёк возвращались домой.

Повсюду вокруг троих людей просыпались лесные животные; Королевский лес приходил в движение. Эл снова вернулся в сапоги Шторм; Рун снова была собой; и Арклет вёл их на север, не покидая леса, но следуя вдоль тракта.

Тракт был недалеко, справа от них, и Шторм ожидала встретить патрулирующих лесников. Хижина осталась далеко позади, но обещанное Арклетом роскошное личное охотничье поместье Делькаслов, если верить ему, находилось примерно в одном дне пути на север.

Дворянин подошёл к ней, ведя под руку Амарун.

— Что, если ты расскажешь нам немного больше о, хм, жизни, которую вы с Эльминстером вели в Кормире последние несколько лет, — начал он, желая завязать разговор. — Наши боевые маги, похоже, считают вас серьёзными врагами королевства.

— Это мнение набирает среди них популярность, — согласилась Шторм. — По мере того, как годы забирают у нас старших, мудрых боевых магов и старших придворных слуг, знания о нас и о той, кому мы служим — Мистре — пропадают в результате великого бедствия, постигшего Искусство. Элу и мне кажется это слегка раздражающим, учитывая столетия трудов, которые мы вложили в охрану Кормира, чтобы все эти молодые маги могли расхаживать по нему с важным видом.

Она улыбнулась, пожала плечами и добавила:

— Каждого ребёнка нужно учить, но мы становимся старше, и стычки с неграмотными идиотами кажутся все менее и менее забавными.

Арклет ухмыльнулся.

— С неграмотными идиотами вроде меня, к примеру?

Шторм покачала головой.

— Ты не идиот, Арклет Делькасл. Боевой маг Рорскрин Мрелдрейк или дворцовый сенешаль Рорстил Холлоудант — вот это идиоты. Оба считают, что мы обычные воры, которые прожили трёхзначное число лет и провели некоторые из этих лет, прокладывая норы в королевский дворец.

Арклет закатил глаза.

— Да ладно. Ты же не ожидаешь, что я поверю во все эти байки, будто вам несколько тысяч лет? О том, как вы помогали Азуну Великому и обучали устрашающего Вангердагаста, и тому подобное?

Шторм подняла бровь. Арклет продолжал.

— Ох, вы просто позаимствовали деяния из легенд, да, но сейчас здесь нет боевых магов, которых требовалось бы впечатлить. Я слышал, что ты на самом деле — Сторнара Ролиган, а Эльминстер — Элгорн Ролиган, твой отец? Старший брат? Прадед? Вы двое —

предположительно старые низкопоставленные дворцовые слуги, которые попались на краже волшебных предметов и были уволены. Некоторые говорят, что вы арфисты или шпионы Сембии или Западных Врат. Я... ну, я не знаю, что и думать. Здесь только мы втроём, так может, расскажешь нам правду?

Шторм Среброрукая остановилась и повернулась к нему, волосы развевались вокруг, как дюжины беспокойных змей, а глаза горели двумя серебряными огнями.

— Я не жду, что ты вообще во что-то поверишь, лорд Делькасл. Я заметила, что твоё мнение о нас переменчиво, как погода, но надеюсь, что ты достаточно мудр, чтобы при наличии достаточного времени разумно оценивать людей. И поскольку мы сейчас вместе, ты будешь смотреть и слушать, и сам сделаешь выводы.

Арклет тоже остановился и повернулся к ней. Амарун на его руке, нахмурившись, переводила взгляд с одного из спутников на другого.

— Хорошо, — спокойно сказал он. — В интересах взаимного доверия давай предположим, что ответ, который ты мне дашь — истинная правда, и что я в него поверю. Так кто же ты на самом деле? Ты и облако ползучего праха, что называет себя Эльминстером?

— Я Шторм Среброрукая. Около девяноста лет тому назад я была бардом Долины Теней. Эльминстер это... Эльминстер. Мудрец Долины Теней, Старый Маг из легенд. Мы были — и остаёмся — Избранными Мистры, богини магии. Её слугами. Её старшими рыцарями, если хочешь.

— Мистры. Мёртвой богини, что однажды правила — и некоторые говорят, осквернила — всей магией.

— Этой Мистры, — спокойно сказала Шторм, серебряные косы по-прежнему извивались над её плечами, как змеи. — Да.

— Ты же не собираешься сказать мне, что она всё ещё жива? И что у неё есть какая-то тайная священная миссия для Рун?

— Нет, — ответила Шторм. — Мне не придётся.

Арклет выгнул бровь.

— О? И почему же?

— Потому что я знаю, что она жива, и могу сказать тебе об этом, — твёрдо вмешалась Амарун. — Я встречалась с ней. И если у Мистры есть для меня какая-то тайная задача, она ничего об этом не сказала.

— Пока, — мрачно произнёс Арклет.

Шторм улыбнулась.

— Хорошо, — оживлённо сказала она, снова зашагав на север. — Ты знаешь, кто такие мы с Элом, и знаешь про Мистру всё, во что осмеливается верить любой смертный. Остальные пробелы мы можем заполнить, когда будет время, которое можно потратить на болтовню. Например, пока мы шагаем к этому твоему семейному поместью.

Арклет нахмурился.

— Леди... Иммердаск, как вы предпочитаете? Не думаю, что мы всё выяснили. Эльминстер занимает разум моей возлюбленной, когда пожелает, и заставляет её...

Он почувствовал резкий рывок за руку.

— Лорд Делькасл, — резко сказала Амарун, — вам следует воздержаться от предположений на мой счёт и от мыслей, будто я представляю собой что-то вроде коровы или домашнего животного, покорного и безмозглого, которое вы можете обсуждать, как

будто меня здесь нет.

— Прости, Рун, но в том-то и дело, — искренне сказал юный дворянин, глядя ей в глаза. — Я не знаю, принадлежит ли твой разум тебе прямо сейчас, или это старый волшебник внутри тебя заставляет тебя так думать и даже не позволяет тебе это понять!

— Ох, не будь смешным! — вспыхнула Амарун. — Ты что, хоть на мгновение мог решить...

— Спокойно, подруга, — промурлыкала Шторм, положив ладонь на танцовщицу. — Он не может знать. Он не делил свой разум с Эльминстером или кем-нибудь другим, и понятия не имеет, на что это похоже, или...

— Я не позволю... — взревел Арклет.

Шторм хлопнула его по гульфику, заставив умолкнуть на полуслове.

— Никто не тебе не предлагает, — мягко сказала она. — Я просто успокаивала Рун, указав ей на то, что ты не можешь знать, на что похоже, когда Эл находится в твоей голове. Позвольте сообщить вам обоим, что мне его вторжение в разум Рун категорически не нравится, и если бы не крайняя необходимость, я попыталась бы это предотвратить. Его... хм, вторжение крайне мешает нам доверять друг другу... но это всё, что мы сейчас можем. Просить вас, наверное лучше сказать так. Доверьтесь нам. Пожалуйста. Иначе для всех нас в самое ближайшее время это закончится плохо.

Арклет был потрясён, увидев блеснувшие у неё в глазах слёзы.

Шторм хитро улыбнулась и добавила:

— Лорд Делькасл, вам следует нас поблагодарить. Десять дней назад вы умирали от скуки и проводили дни, стеная о бессмысленности вашего существования и отчаянном желании найти в жизни какую-то цель. Мы позаботились обо всём. Добро пожаловать в самую величественную жизнь из всех возможных. Добро пожаловать в спасение мира.

* * *

Мэншун осознал, что снова улыбается.

Алхимик заканчивал свою работу. Сронтер уже кивнул на одну из субстанций, нахмурился и отошёл, и медленно улыбнулся другой, прежде чем осторожно снять её с огня. Теперь он уделял всё своё внимание третьей.

Заставив алхимика всю ночь варить — если алхимики так это называли — Мэншун не стал проникать в его разум, не желая отвлечь или пуще прежнего напугать Сронтера в какой-нибудь ответственный момент.

Вместо этого будущий император Кормира держался позади, в тених, лениво изучая полки в поисках зелий, которые могут пригодиться в будущем, и размышлял.

Как только он получит настоящую власть в Кормире — полную и абсолютную, или будет в нескольких шагах от неё — он отправит королевских драконов на охоту за Шторм Среброрукой.

Её нужно взять живой, с неповреждённым рассудком.

Возможность допрашивать Шторм должна открыть ему многое, что он желал знать. Тайны Избранных, места, где скрыта магия, местонахождение Симбул — бывшей королевы Агларонда, чьё Искусство превосходило даже Эльминстера. Безумной и слишком могущественной для безопасности окружающих. Её следовало уничтожить.

Сронтер обернулся и нетерпеливо кивнул, с его подбородка капал пот.

— Готовы. Все три готовы.

Мэншун позволил своей улыбке расширяться.

— Добрый человек. Ты спас Кормир от самого Кормира.

* * *

Холодный утренний ветер далеко разнёс над Сюзейлом звук фанфар, призывающий дворян на Совет Дракона.

Мрелдрейка посетил торопливый дворцовый паж, и из тёмных и понимающих глаз мужчины в сознание боевого мага проник разум Мэншуна. Впрочем, Мрелдрейк и так знал, что время начинать своё колдовство.

В разуме Мэншуна уже висел хрустально чистый образ вымоченных и готовых тюков сена, которые принялся поджигать Сронтер.

Немногие маги умели без затруднений телепортировать пылающие материалы, но разум Мрелдрейка был заполнен, усмирён и успокоен сознанием Мэншуна, а сено только начало гореть.

Мрелдрейк заметил отблеск — всего на миг, прежде чем Мэншун мгновенно отсек этот образ и заставил боевого мага полностью сосредоточиться на сложных заклинаниях, над которыми тот работал — другого человека, за которым следил Мэншун.

Это была благородная леди, незнакомая Мрелдрейку, которая давно уже проснулась и уже несколько раз посмотрелась в зеркало, проверяя свою внешность. Звук фанфар привёл её на балкон, чтобы взволнованно устремить взгляд между башнями, над величественными крышами и укрытыми листьями кронами деревьев на устремлённый в небо королевский дворец Сюзейла.

По мостовым уже гремели кареты, и из своего высокого окна леди видела некоторых аристократов, прогуливающихся пешком в наиболее изысканных своих нарядах. Нарядившись в своё лучшее платье, она поспешила наружу, чтобы присоединиться к ним.

Когда она исчезла, Мрелдрейк увидел только зловещее веселье Мэншуна... и пламя, которое вздымалось и трещало, охватывая сено, когда Сронтер осторожно поджигал каждый тюк пылающей головёшкой.

Затем сквозь тяжёлый тёмный груз сознания Мэншуна Мрелдрейк сумел различить ещё кое-что. Крики и топот ног. Скачущее изображение большой дворцовой галереи — из глаз того же слуги, который передал ему сознание Мэншуна — и густой, едкий дым с усиками тёмно-синего, угрожающего цвета, смешаного с жирным, губительным зелёным, вьётся вокруг закрытых дверей Зала Совета.

Его заклинания перемещали тюк за тюком из тесноты задней комнаты Сронтера в на гладкий овал прежде пустующей плитки в сердце Зала Правосудия, с поднимающимися ярусами пустых, блестящих, тёмных деревянных скамей, до тех пор... пока работа не была окончена. Все тюки были телепортированы.

Лавка алхимика поблекла, и Мрелдрейк погрузился в странный вид из множества глаз, в котором виднелись торопящиеся пурпурные драконы, различные стражники и боевые маги, прибывшие расследовать суматоху... беспорядочный хаос падений, криков, резких приказов и топота сапог. Во имя Дракона, да Мэншун наверное управлял дюжиной слуг

одновременно!

Одна из сцен подплыла ближе, дворцовый коридор с несущейся по нему разъярённой женщиной, боевой волшебницей, которая была слишком хорошо знакома Мрелдрейку...

* * *

— Никаких больше фанфар! — яростно воскликнула Глатра.

— Госпожа Глатра?

— Вы слышали!

После этого яростного рёва боевая волшебница Глатра Баркантл развернулась кругом, чтобы отдёрнуть занавеску и сказать куда более спокойным голосом:

— Ваше величество, боюсь, Совет не может продолжаться. По крайней мере, сегодня. Разве что вы хотите погибнуть — и забрать с собой всё старшее дворянство Кормира.

— Понял, — раздался спокойный ответ из алькова за занавесом. — Есть те, кто обрадовался бы подобному решению, но я не отношу себя к их числу. Насколько я понял, ты предпочитаешь, чтобы я вернулся, с телохранителями и всем прочим, в королевское крыло? Прямо сейчас?

— Ваша мудрость, как всегда, непревзойдённа, ваше величество.

— Если бы только твоя лесть была правдой, — прозвучал ласковый и немного грустный ответ. — Идём.

— Хорошо, — выдохнула Глатра, позволив занавесу упасть и снова повернувшись кругом, чтобы злобно зыркнуть на лионара пурпурных драконов, который наткнулся на неё. Лионар тяжело кашлял, его лицо было серым. Он взмахнул рукой, пытаясь заговорить, но не смог.

Меч-капитан позади лионара тоже попытался заговорить — лишь для того, чтобы утонуть в беспомощном кашле и рвотных позывах.

— Я...я...

— Дурни! — фыркнула Глатра. — Держитесь подальше от дыма! Закройте двери во всех коридорах возле Зала Побед и вокруг будуара королевы Алвандиры, и откройте все двери и окна вокруг нас, здесь! Мы должны избавиться от дыма!

Заметив волшебника, который спешил с другого направления, она указала на него и приказала:

— Трейсгар, сними всех боевых магов со сторожевых постов и отправь в Зал Правосудия, чтобы избавиться от причины всего этого!

— Н-но...

— Сегодня никакого Совета не будет! Выполняй!

Она развернулась в другую сторону, увидела юного мага, осторожно выглядывающего из одной из комнат вдоль коридора, узнала его и рявкнула:

— Тармут, иди вслед за телохранителями короля и убедись, что *все* они надели ночные шлемы, чтобы не позволить отследить или повлиять на них заклинаниями! Быстрее!

Тармут торопливо кивнул и бросился бегом, но кто-то другой закричал на Глатру, и его голос вовсе не был дружелюбным.

— Глатра, — воскликнул старший маг, появлясь из дверей в окружении горстки товарищей — старших боевых магов. — Не припомню, чтобы тебя назначили лордом

печатаей! Несомненно...

— *Кто-то* несомненно должен в первую очередь охранять короля, Раэлдар! Попытка сделать меньшее считается за измену, не так ли?

— Но зачем отменять Совет? — заворчал другой маг, пока они торопились к ней. Возникали придворные слуги, убегающие от дыма или появляющиеся из различных покоев, привлечённые криками. — Король будет совсем недоволен!

— Я говорила с королём! — взревела Глатра голосом глубоким и чётким, как у какого-нибудь массивного меч-капитана драконов, — и он мгновенно понял то, чего не поняли вы: этот пожар не естественного происхождения, следовательно, замешана магия — а значит, среди боевых магов должен быть предатель, разве что кто-то прочитал наши мысли и таким образом узнал, как преодолеть печати, не сломав их и не предупредив нас. Так что же ты думаешь на этот счёт, Брандэрил?

Старший волшебник мрачно посмотрел на неё, кивнул, обдумывая её слова, затем провозгласил:

— Глатра права. У нас нет другого выбора, кроме как отложить Совет, пока мы не расследуем обстоятельства пожара. Поступить иначе — значит обречь короля Форила на смерть и поставить под угрозу мир в королевстве.

— Да, — неохотно согласился Раэлдар. — Если бы Ганрахаст и Вэйнренс были здесь, они вряд ли поступили бы по-другому. Мы должны справиться с дымом, узнать всё, что сможем, очистить помещение и наложить новые печати, затем отправить по городу глашатаев с вестями о новом сроке начала Совета.

Мэншун усилил хватку на разуме Мрелдрейка, сжал его железными когтями, и неожиданно безмолвный, беспомощный боевой маг почувствовал, что его отрывают от прорицающего заклинания, которое показывало ему Глатру. В бешеной спешке, конечности подчинялись не ему, Мрелдрейк открыл дверь своих покоев и поспешил по коридору туда, где все собрались вокруг неё, чтобы предложить свою скромную службу.

Было слишком наивно надеяться, что Глатра будет достаточно неосмотрительна, чтобы позволить любому из тех, кто накладывал печати в первый раз, заняться этим снова, но преданный боевой маг наверняка вызвался бы сам, поэтому...

Когда он распахнул дверь и ступил в людный коридор, Мэншун резко покинул его разум. Полностью.

Что могло означать лишь одно — он не ожидал, что Мрелдрейк добьётся успеха в попытке принять участие в наложении новых печатей.

Несмотря на потрясение, это Мрелдрейк смог понять. Вытерев пот с лица, сглотнув, чтобы успокоить дыхание, он напрасно попытался расслабиться.

* * *

— Думал, что твоя работа окончена? Вовсе нет, бравый мастер алхимии!

Улыбка Мэншуна была ласковой, но Сронтер беспомощно задрожал, заново охваченный чувством внезапного дикого ужаса. Что *теперь*?

— Мы только начинаем, — промурлыкал Мэншун, ворвавшись в разум алхимика, прежде чем тот смог хотя бы заскулить. — Мы отправляемся на небольшую прогулку, ты и я. Ты так хорошо справился с сеном, что заслуживаешь хорошей еды и лучшей выпивки, не

говоря уже о смехе и шансе восполнить твою прискорбно опустевшую кладовую в дюжине и более лучших — и худших — клубов, таверн и магазинов этого прекрасного города. Местах, в которых ты так хитренько станешь распространять слухи о различных диких и загадочных атаках на дворец.

— Но... но я не знаю, о чём говорить!

— Ах, отбрось все свои страхи. Я буду направлять твой язык, мне это не впервой. Правители должны уметь слушать и направлять слухи, иначе у них не останется времени научиться чему-то другому.

Глава 5

Предатели, повсюду предатели

В воздухе зазвенел зов горна.

— Боги, опять? — у бывалого лионара закончились ругательства. Он резко отвернулся от стола с пьянчугами, которых как раз собирался окинуть грозным взглядом, и торопливо вышел из таверны. Его люди — некоторые застонали — последовали за ним уставшим грохотом торопливых шагов.

Мэншун выступил из тени, чтобы проводить их взглядом, почти не улыбаясь. Весь день в городе росло напряжение; в клубах, тавернах, а затем и на улочках вспыхивали стычки между телохранителями различных дворян, и вскоре после полудня прозвучал сигнал «к оружию», призывая драконов покинуть казармы и выйти на улицы для поддержания порядка.

Совет Дракона перенесли на следующий день — и Сюзейл плохо принял эти новости.

От стола к столу, вдоль переулков бежали сплетни. Ну разумеется. Кто-то заявил, что короля Форила убили, другие клялись, что по королевскому приказу прикончили дюжину дворян, хотя ни одна из версий не сходилась в том, какие именно аристократы пострадали. Третьи утверждали, что гробницы в королевской усыпальнице раскрылись, и мёртвые короли Кормира рыщут по дворцу, разгневавшись на Форила за одну лишь мысль о сокращении королевской власти — и в своём неудовольствии отрывают конечность за конечностью слугам, царедворцам и боевым магам.

Вангердагаст вернулся из могилы, превратившись в чудовищного черепоголового монстра, настаивала особенно жуткая история, и требовал привести к себе благородных дам, «чтобы зачать новую династию, которая согреет Драконий трон».

Над этой последней басней Мэншун рассмеялся в голос. Она звучала так непохоже на старого дурня Вангердагаста — и очень похоже на Эльминстера.

О да, Мэншун намеревался поразвлечься, заставляя людей винить во всём Эльминстера. Если повезёт, он десятилетиями сможет заниматься этой клеветой и использовать её для прикрытия любой внезапной резни...

Но сейчас не было времени на подобные приятные размышления. Ему предстояло завербовать полдюжины новых предателей с чёрными сердцами среди амбициозной младшей знати. Эти лорды из младших домов так жаждали власти, что готовы были практически на всё. Они находились в Сюзейле, чтобы получить как можно большую выгоду, и прислушивались к определённым шепоткам.

Из них горсточка могла оказаться достаточно способной, чтобы представлять для него пользу.

Он плавно откинул занавес и шагнул к подлокотнику кресла, где сидел один из таких.

— Лорд Андольфин?

Человек с угловатыми чертами лица, нахмурившись, оторвал взгляд от полного графина, который собирался откупорить. Двойные клинья его раздвоенной бородки блестели от надушенного воска, которым они были намащены, чтобы держать форму.

— Я вас знаю, сэр? Как вы сюда попали?

— Ваши стражники всего лишь... простые громилы с мечами. Не ровня боевому магу.

Раздалось оханье людей, собравшихся вокруг Андольфина в его алькове, но Мэншун

мягко улыбнулся им и добавил:

— И тем более не ровня мне.

Спустя мгновение неуверенного молчания многие бросили быстрый взгляд на своего хозяина в ожидании указаний. Их руки застыли у рукоятей клинков.

Лорда Нейрика Андольфина, казалось, хватил удар; он замер в своём кресле и жестоко дрожал, глаза закатились в глазницах. Затем, весьма неожиданно, он расслабился. Глаза вернулись на место, и на его лице появилась улыбка.

— Расслабьтесь, все, — хрипло сказал он. — Я... помню этого человека. Старый друг. Очень старый друг.

Мэншун легонько хлопнул лорда по плечу.

— До следующего раза, в таком случае, — прошептал он и задёрнул занавес обратно.

Один разум завоёван; один человек теперь принадлежит ему. Будь у всех такая слабая магическая защита, заполучить шестерых было бы намного проще. Да, шестерых ему должно хватить — хотя не стоит надеяться, что каждый из шести лордишек, даже незначительных, не будет обладать достаточной волшебной защитой, чтобы предотвратить такие грубые вторжения.

Андольфин готов, Блэксильвер рядом...

Улыбаясь своей мягкой улыбкой, Мэншун отправился дальше.

* * *

— Вы находитесь здесь, — сурово сказала боевая волшебница Глатра Баркантл, подавшись вперёд, чтобы взглянуть в глаза горстки присутствующих в комнате царедворцев, — потому что Корона испытывает к вам глубочайшее доверие и ищет вашего совета.

— Спасибо, Глатра, — тихо сказал король Форил. — Очень хорошо сказано.

Четверо стоявших перед монархом и волшебницей придворных удержались от указания на то, что упомянутое «глубочайшее доверие» по всей видимости было не таким уж и глубоким, учитывая двух огромных рыцарей в полных латах, стоящих на одном колене перед королём, и троих каменноликих боевых магов, стоящих позади него с могущественными на вид скипетрами в руках... в конце концов, они ведь были старшими придворными слугами.

Дворцовый сенешаль отсутствовал. На его месте расположился младший сенешаль, Корлет Фентабль. Не было и командира старших рыцарей Эскреля Старбриджа — он покинул город, выполняя тайную миссию, но вместо своего начальника здесь находился его заместитель, красноречивый служащий правопорядка сэр Талонар Винтер. Рядом с Винтером сидел старый, грубый и очень компетентный сенешаль королевских регалий Лангрет Айронхорн, его высокая фигура с выдающимся брюхом расположилась в самом крепком кресле, а две палки, на которых он хромал по дворцу, лежали на сгибе одной из его массивных рук. В последнем кресле, на ладонь или две отодвинутом от остальных, находилась госпожа церемоний Джалесса Виндстоун, напыщенная, скептическая перфекционистка до мозга костей. Говорили, что дворцовый протокол — «её обязанность и единственное родное дитя».

— Вас пригласили сюда, — продолжила Глатра, — потому что мы лихорадочно пытаемся установить личность предателя, который пустил смертоносный дым в Зал

Правосудия — или хотя бы найти способ, как это сделать.

Она проследила за взглядом Фентабля, устремлённым к троим магам позади короля, и негромко добавила:

— Не сомневайтесь, мы используем любые заклинания, какие только сумеем вспомнить. Мы надеемся, один из вас сможет придумать меры, к которым мы могли бы прибегнуть, чтобы убедиться...

Сэр Винтер охнул, задрожал и осел в своём кресле.

Они все увидели причину, прежде чем кто-либо успел отреагировать. Призрачная, полупрозрачная фигура выступила из стены за креслом Винтера, а затем прошла через самого царедворца, чтобы оказаться лицом к королю Форилу.

— Ваше величество, — поприветствовала она его замогильным голосом, не обращая внимания на вылетевшие из ножен мечи рыцарей, — ваш предатель — боевой маг Рорскрин Мреддрейк. Думаю, он работает не один, но заклинания, что перенесли отравленное сено во дворец, сотворил именно он. После того, как он перенёс туда третий горящий тюк, Мреддрейк не смог удержаться от визита в Зал Правосудия, чтобы всё проверить. Я видела его.

— А вы кто ещё такая? — яростно завопил Фентабль. Госпожа церемоний тем временем упала без чувств, а старый Айронхорн подался вперёд с довольным смешком.

Принцесса Алусейр надела младшего сенешаля презрительным взглядом.

— Ты прекрасно знаешь, кто я, Фентабль. Мы достаточно часто встречались — и уверена, я видела куда больше твоих грязных делишек, чем тебе хотелось бы.

Три скипетра нацелились на призрачную фигуру, но Глатра предупреждающе подняла руку, чтобы не позволить волшебникам выпустить свою магию. Вытащив из-за пояса жезл, чтобы навести его на принцессу, она резко сказала Алусейр:

— Не уверена, что мы вообще должны слушать призрака, а тем более верить всему, что ты говоришь.

Старый Стальной Регент печально покачала головой, не отрывая взгляда от глаз короля, и даже на миг не взглянула на Глатру.

— Форил, — вздохнула она, — похоже, тебя окружают одни дураки. Если тебе нужен кто-то получше, я могу привести Вангердагаста — или то, что от него осталось.

* * *

Лорд Данталус Блэксильвер оказался высоким сладкоречивым болваном. Подчинить их вместе с изнеженным, демонстративно утончённым лордом Лираннусом Танторном было так же легко, как и Андольфина.

Пожалуй, даже легче, поскольку оба жаждали заполучить возможность обзавестись большей властью и уважением в Сюзейле, присоединившись к более состоятельным, высокомерным и куда более могущественным дворянам.

Но Мэншун почувствовал, как его улыбка увядает, когда обнаружил лорда Мелдера Краунруда сгорбившимся над блюдом с куропаткой на вертеле за лучшим столиком в «Мердрагоне». По бокам лорда сидели два нанятых им мага со стальными взглядами, сжимая в руках жезлы, и пристально оглядывали каждого поблизости. Один повернулся, чтобы посмотреть на Мэншуна, и его взгляд посуровел, стал вызывающим.

В далёких дверях нервно маячила прислуга, и неудивительно. Это был самый роскошный и дорогой зал в одном из самых престижных и дорогих клубов в городе, «Вздыбленном Мердрагоне», и эти жезлы угрожали некоторым из богатейших жителей Сюзейла. Любое недопонимание могло закончиться печально.

— Не приближайся, — угрожающим тоном сказал Мэншуну один из магов.

Будущий император не обратил на него внимания; его медленный, целеустремлённый шаг не замедлился, и его учтивое, слегка скучающее выражение лица не изменилось ни на каплю.

— Краунруд, — наклонившись к жующему куропатку лорду, спросил он мягким голосом, которым мог бы говорить скучающий любовник, — эти маги-недоучки — твои? Не знал, что в «Мердрагон» пускают с ручными животными.

— Ну, раз уж пускают ходячие кости, — ответил Краунруд, не отрывая взгляда от тарелки, — почему бы не пускать и наёмных волшебников.

Его тон был безразличным, даже скучающим, но Мэншун заметил, что мужчина держит свой только что опустевший вертел как кинжал. Кольцо на руке лорда слабо сияло.

Ах, вот значит откуда Краунруд узнал о том, что его собеседник — нежить.

Мэншун вздохнул, сел в пустое кресло напротив лорда и промурлыкал:

— Я хотел бы обсудить с вами небольшую измену. Выгодную измену, разумеется.

Раздался резкий звенящий звук, когда волшебник вплотную разрядил свой жезл — и магия, которая при этом высвободилась, пропала, унеслась по серебряной астральной нити. Мэншун почувствовал, как одно из его колец рассыпается в прах; кольцо забрало с собой смертоносную магию волшебника. Он подавил вспышку раздражения. Подобная защита стоила недёшево, и найти ей замену тоже было непросто.

— Вы освежающе прямолинейны, незнакомец-нежить, — произнёс Краунруд, впервые встречаясь с Мэншуну глазами. — А теперь убедите меня, что мне не стоит быть таким же прямолинейным с этим вертелом. Быстро.

Волшебник с дальней стороны от Краунруда зыркнул на Мэншуна, затем снова отвёл взгляд, оглядывая комнату в поисках других угроз. Так себе защитники.

Мэншун прикусил сушёную горошину, которую держал за щекой, позволил её содержимому заполнить свой рот, затем повернулся и дунул в лицо одного из магов поблизости, который только что использовал свой жезл и доставал новый.

Волшебник беспомощно закашлял, не в силах вздохнуть. Неудивительно, учитывая, каким было содержимое горошины и то, что маг в отличии от Мэншуна вампиром не был.

После этого Мэншун продолжил его игнорировать. Краунруд последовал его примеру, но красноречиво поднял вертел.

— У меня есть планы на будущую власть над Кормиром, которые включают тебя, Мелдер Краунруд. Как королевский канцлер, ты будешь надзирать за пурпурными драконами и напрямую руководить боевыми магами, — сказал ему Мэншун.

— Роскошная мечта, — произнёс Краунруд, но проскочившая в глазах искра выдала его возбуждение. — И кто же вы такой, исполнитель желаний?

— Твой хозяин, — промурчал Мэншун. Он подался вперёд, пока они не оказались нос к носу с лордом, и активировал заклятие, которое обернулось вокруг его сознания и швырнуло его в разум Краунруда.

Лорд занёс вертел... затем его рука упала. Аристократ задрожал и развернулся в кресле, чтобы смахнуть ладонью жезл, который пытался нацелить встревоженный волшебник за его

спиной.

— Дурак! Ты что, хочешь всё испортить?

— Ты что-то сделал с лордом Краунрудом! — прошипел маг Мэншуну, вскочив с места, чтобы торопливо отступить и снова нацелить жезл. — Ты что-то сделал, немёртвая тварь!

Голос мужчины стал громче, в их сторону начали поворачиваться головы. Мэншун криво усмехнулся, покачал головой, и заставил Краунруда повернуться к магу и сделать то же самое, а затем использовал быстрое и простое заклинание.

Голова волшебника взорвалась фонтаном крови. Прежде чем успели раздаться первые крики, Мэншун встал с кресла, выхватил нож из рукава и аккуратно перерезал горло все ещё кашлявшему второму волшебнику, а затем зашагал прочь.

Будь на нём собственное обличье, было бы фатальной ошибкой оказаться замеченным таким количеством высокопоставленных и влиятельных кормирцев.

Разум Краунруда теперь принадлежал ему. И это был разум умелого заговорщика и нарушителя законов, который уже обдумывал измену самостоятельно, без всякой помощи со стороны Мэншуна.

Улыбнувшись официанту и заставив того убраться с пути, содрогаясь от ужаса, Мэншун начал торопиться. Не из страха перед блюстителями порядка; он исчезнет задолго до появления драконов.

Нет, оставались ещё два лорда, которых он хотел завербовать — и в Сюзейле, заполненном амбициозной враждующей знатью и их настороженными телохранителями, задача найти и достучаться до его жертв займёт некоторое время.

Лорд Яссур Драгонвуд и лорд Релгадрар Лорун. Гибель и гниль, даже по именам они кажутся самовлюбленными идиотами...

* * *

— Ваше величество, — быстро и немного резче, чем намеревалась, произнесла Глатра, — разве стоит нам доверять словам призрака и вообще его слушать? По моему опыту нежить мало что понимает в стремительно меняющемся мире вокруг, вместо этого цепляясь за то, что они знали при жизни, и способна предстать в любом облике, в каком пожелает! Это может быть всего лишь образ, насланный враждебным магом из Сембии, или призрак изгнанного бунтовщика, притворяющийся Стальным Регентом, и...

— По твоему «опыту»? — глаза Алусейр вспыхнули. — Глатра Баркантл, и какой же у тебя есть опыт общения с призраками? Ты всегда стараешься не обращать на меня внимания, когда встречаешь меня во дворце, но, на самом деле, не имеет значения, кто я — хоть грязная горничная или уличный мальчишка! Услышав хотя бы намёк на измену одного из боевых магов, ты обязана это расследовать — иначе дом Обарскиров обречён, как и Кормир, который станет царством волшебников!

Глатра злобно посмотрела на принцессу.

— Призрак учит меня моей работе? А что ты дальше...

— Утихомирьтесь, — спокойно произнёс король Форил Обарскир, наградив Глатру взглядом, превосходившим по свирепости её собственный. Он долгое мгновение смотрел на неё, прежде чем обернуться и надеть таким же взглядом Фентабля, заставив младшего сенешаля неловко заёрзать и схватиться за какой-то талисман или магический предмет из

поясного кошель.

— Айронхорн, — мягко добавил король Кормира, — кажется, госпожу церемоний требуется привести в чувство. Извольте?

Затем он повернулся прямо к Алусейр, кивнул ей, как равной, и мрачно произнёс:

— Ваше величество, благодарю вас за совет.

Призрачное лицо подплыло ближе к нему и улыбнулось.

— Вы оказываете мне честь, государь. Я всего лишь «высочество» и не более того. Я никогда не правила, как королева — только как регент.

Форил махнул поросшей седыми волосами рукой.

— Любой, кто защищал Драконий Трон и королевство, когда мог захватить оба, для меня — всё равно что настоящий монарх. Ваше величество.

Фентабль поперхнулся.

Король повернулся к нему и строго произнёс:

— Это моё решение, преданный сенешаль, и моё суждение. Эта принцесса знала, о какой ноше речь, и приняла её, отказавшись от награды. Она служила королевству верой и правдой, и многие наши дворяне при ней стали куда преданней Короне, чем когда-либо прежде. Так что не смейте проявлять к ней неуважение — в моём присутствии или у меня за спиной. О, и кстати, сейчас самое время вам и вашим товарищам-царедворцам — не говоря уже о прочих в королевстве — перестать принимать мою привычную сдержанность и вежливость за слабость и малодушие.

— Хорошо сказано, — пробормотали в унисон Айронхорн и Алусейр, и король удивил всех в комнате, всего на секунду покраснев и ухмыльнувшись мальчишеской улыбкой в ответ.

Затем он повернулся к Глатре и вежливо сказал:

— Госпожа Глатра, я приказываю взять боевого мага Рорскрина Мрелдрейка под стражу и допросить с применением заклинаний, вмешательства жрецов и других средств, за исключением выжимки мыслей. Обыщите его покои во дворце. И незамедлительно отправьте сборщиков податей для обыска любой собственности, которой он может владеть в Сюзейле и окрестностях города. Если мы зря его обвинили, я принесу свои извинения.

Форил мрачно оглянулся на Алусейр и добавил:

— Но очень в этом сомневаюсь.

Фентабль, покрасневший и поникший после королевской отповеди, находился позади Форила Обарскира, скрытый его телом от остальных присутствующих в комнате. И хорошо для него, потому что никто не увидел, как он напрягся, его лицо изменилось, а глаза вспыхнули на миг огнём — крайне необычно для Фентабля или, если уж на то пошло, для любого младшего сенешаля любого высокородного дома.

Мгновение спустя Фентабль снова надел свою привычную робкую, почти ничего не выражающую личину, но разум позади этих задумчивых глаз оказался переполнен, поскольку собственное сознание Фентабля сжалось под холодным грузом воли Мэншуна. Мэшун, пребывая не в лучшем расположении духа после завоевания разума лорда Яссура Драгонвуда, торопливо вернулся в разум сенешаля, как раз вовремя, чтобы услышать, как Мрелдрейка обвиняют в предательстве.

Мэншун заставил Фентабля отвернуться и закрыть ладонью глаза, чтобы скрыть любую гримасу или искру во взгляде, которые могли бы выдать перемены в его сознании. Он должен был немедленно попасть к Мрелдрейку.

— Предатели, повсюду предатели, — сардонически произнёс он, и эти слова следом пробормотал сенешаль.

Прозвучавшая фраза заставила всех присутствующих мрачно кивнуть, за исключением госпожи церемоний Джалессы Виндстоун, которая только начала приходить в себя.

Эта мысль была для всех не нова.

* * *

Боевой маг Рорскрин Мрелдрейк только встал со стульчака в своём любимом дворцовом туалете, расправил одежду, проинспектировал содержимое своего носа опытным пальцем и направился к дверям, когда Мэншун тёмной молнией ворвался в его разум.

Мрелдрейк застыл, его пальцы замерли у дверной ручки, недостаточно близко, чтобы сомкнуться на ней, а затем в спешке вылетел за дверь.

Ему нужно было попасть на верхний этаж дворца, спуститься по дальней лестнице в самый восточный тоннель, что связывал дворец с разросшейся тушей королевского двора, пересечь этот проход, подняться из верхнего погреба двора в определённую ничем не примечательную кладовую в восточном углу нижнего этажа двора, и пройти сквозь спрятанный там портал. И желательно, остаться незамеченным — неопознанным, по крайней мере — и не поднять никакого шума.

Портал доставит его в королевскую башню в Марсембере, и, будем надеяться, даст достаточную фору, чтобы успеть взойти на борт корабля, отплывающего куда-нибудь подальше Западных Врат, прежде чем его выследят.

Выжимка мыслей — не самая приятная из возможных смертей.

Он бежал по коридору, когда Мэншун снова ухватил его разум, заполнив его растущим презрением к паническому бегству, и Мрелдрейк был вынужден замедлить шаг до нормального, открыть следующую дверь, к которой он подошёл, спокойно войти в свободную комнату за этой дверью и использовать изменяющее внешность заклинание.

Спустя несколько долгих, успокаивающих вдохов, из комнаты вышла коренастая и простоватая волшебница средних лет, аккуратно закрыла за собой дверь и зашагала по коридору усталой сучающей походкой, как будто вовсе никуда не торопясь.

Она чувствовала лёгкое головокружение, но помнила, что ей необходимо попасть в Марсембер и сесть на корабль в Тёрмиш или любой другой далёкий край — так, чтобы никто во дворце об этом не узнал. Она выполняла миссию столь тайную, что суть задания ей раскроют только тогда, когда она окажется в море. Её звали... звали Мифандрой, но запомнить это было тяжело — и тяжело было вспомнить очень могущественный и пылающий холодной злобой разум, который в спешке покинул её сознание и выжег по пути большую часть воспоминаний.

У Мифандры болела голова. Она нечленораздельно зарычала от боли и направилась к дверям, ведущим к дальней лестнице.

— Предатели, повсюду предатели, — пробормотала она. Затем остановилась и, нахмурившись, подняла голову. А это ещё откуда?

Глава 6

Разразилась гроза

Боевой маг Эллард Гонтур был юн, неопытен, полон чувства собственной важности и очень ретив. И в текущий момент ему определённо не хватало воздуха.

Он задыхался от волнения и напряжения, только что промчавшись через весь королевский двор вместе с пятью пурпурными драконами в полных доспехах, пыхтящих и лязгающих следом. Он резко остановился перед дверью, которая требовала его руки и произнёсённого шепотом пароля, и торжествующе распахнул её.

Наконец у него появился шанс сделать нечто важное, шанс на то, что его заметят — шанс стать героем!

О, ну и конечно послужить Кормиру, да...

— Здесь есть один портал, о котором обычно забывают! — воскликнул он. — Наверное, он не пойдёт этим путём — но если пойдёт, мы будем здесь, чтобы помешать!

Его сердце подскочило, как взметнувшееся пламя факела, когда он увидел, что драконы кивают. На лицах ветеранов было одобрение! На лицах Нарбрейса и Хетеля!

Миновав дверь, они прошли по тёмному и узкому проходу, повернули за последний угол и...

У дверей кладовой кто-то стоял. Кто-то в одеждах мага!

— Мреддрейк! — крикнул Гонтур. — Ни с места!

Волшебник у дверей обернулся, чтобы посмотреть на него — затем бросился внутрь, оставляя за собой лишь беззвучную вспышку света, означавшую, что портал принял её.

Да, её. Это была женщина, а не Мреддрейк!

Женщина, которую он никогда не встречал прежде.

В мантии, которая...

— Это он! Это был трюк! На ней была мантия Мреддрейка! — бросил Гонтур через плечо Нарбрейсу. — С этим пятном внизу спереди от...

Он достиг открытой двери, ухватился за раму, швырнул себя внутрь, прямо к пляшущему огню портала, затем заскользил, останавливаясь, и задержал дыхание от неожиданного предчувствия...

Когда Нарбрейс с силой толкнул его в спину и радостно проревел:

— Веди же нас, доблестный Гонтур!

И сияние портала поглотило его.

* * *

— Как было приказано, сэр, — пропыхтел дракон, — после того, как Нарбрейс, Хетель и остальные последовали за ним, я вернулся доложить вам. Мреддрейк сбежал в Марсембер, если парень прав, и — и я знал, что об этом немедленно следует сообщить вам!

— Очень разумно, меч-капитан Трун. Хорошая работа, — кивнув, согласился Фентабль. — Можете идти — отдохните сначала, в такой безумной спешке нет необходимости — и догоняйте Нарбрейса и товарищей. Я сообщу боевым магам.

Он похлопал задыхающегося солдата по бронированному плечу и поспешил прочь.

Трун кивнул, пытаясь отдышаться, и шагнул к двери туалета. Его мочевого пузыря был готов вот-вот лопнуть.

* * *

Вскоре после того, как за младшим сенешалем захлопнулась далёкая дверь, а Трун нашёл облегчение за дверью куда более близкой, по коридору промчалась молниеносная тень.

Она на мгновение замерла, чтобы подняться и оглядеться, и затем нырнула в стену и снова исчезла.

Однажды Стальной Регент — навсегда Стальной Регент. Этот Фентабль был таким же прогнившим, как и Мредрек — но когда он таким стал? Кто до него добрался?

Иногда Алусейр казалось, что она по-прежнему существует лишь благодаря своей всепоглощающей ярости.

В моё время двор не был таким жалким и коррумпированным!

Ведь не был же?

* * *

Тарграэль пробудилась в холодном мраке склепа с пульсирующей головной болью. Она не знала, что у рыцарей смерти вообще бывают пульсирующие головные боли.

Причина её страданий была очевидна, несмотря на радость того, что её снова выпустили потанцевать с живыми. Мэншун, вернувший её в сознание жестокими ментальными ударами, разбившими завесы вокруг многих её воспоминаний, был в безумной ярости.

Юный боевой маг с сияющими глазами и горстка драконов заметили этого невежду Мредрейка покидающим дворец через главные магические ворота в Марсембер — портал в королевской башне. Теперь требовалось как можно скорее убить их всех до последнего человека. И спрятать тела, чтобы предотвратить быстрый и лёгкий допрос со стороны жрецов.

И всё это ради того, чтобы спрятать след Мредрейка. Мэншун, должно быть, считал его крайне полезным.

Что ж, боевой маг Эллард Гонтур, и пурпурные драконы Илстан Нарбрейс, Горлун Хетель, Мандрон Салдар, Берент Толлоувуд и Унстарр Трун, приготовьтесь к боине. При жизни вы служили королевству, но теперь ваши быстрые смерти необходимы, чтобы сослужить Кормиру ещё большую службу...

Тарграэль аккуратно вернула крышку гроба на место, холодным ветром скользнула сквозь мрак, и быстро покинула склеп.

С ней был Мэншун, но он едва присутствовал в её разуме, большая часть его внимания находилась где-то далеко. Тарграэль была быстрым и грубым решением проблемы, возникшей как раз в тот момент, когда Мэншун предпочитал заняться чем-то другим. Чем именно, она не знала, да и знать не хотела.

Она снова ожила, и этого было достаточно.

Королевский дворец и королевский двор были её домом; оба здания она знала лучше кого бы то ни было. Каждый сырой и давно забытый уголок погреба, каждый закуток с ведущим наружу окном — ах, совсем недавно наступила ночь — и каждый тайный проход. Так что ей легко было скользнуть незаметной, высокой и бесшумной тенью среди многочисленных колонн к проходу, который вёл к некоей кладовой.

Она приближалась осторожно. Стоявший там страж обладал достаточной силой, чтобы легко её уничтожить.

Дверь, которая вела к проходу, стояла распахнутой, и часовых там не было... и поблизости тоже.

Своим мечом она растворила дверь пошире и на цыпочках прошла внутрь.

Там стояла тишина.

Было безлюдно.

Выглянув за угол, рыцарь смерти почувствовала, как поднимаются её брови.

Тарграэль сильно удивилась, обнаружив открытую дверь кладовой и абсолютно неохраняемый портал — в конце концов, это был путь изнутри и внутрь самого сердца кормирской власти, и восстановление его надёжности после Волшебной Чумы стоило жизни по меньшей мере семи боевым магам. Но рыцарь смерти не стала дожидаться неприятностей, тратя время на догадки и размышления. Она бесстрашно шагнула в сияние портала.

Другой конец портала — холодная, сырая и тёмная верхняя комната королевской башни в Марсембере, которую она помнила из далёких, далёких времён — тоже был безлюден.

Ну что ж. Неожиданности не прекращаются, подумала она.

Здесь стоял неудобный стул для часового, в углу находился закрытый ночной горшок, на крюках висели три фонаря, и...

Зеркало. О да, последний истинный рыцарь королевства сегодня ночью была особенно прекрасна. Чёрные доспехи и чёрный меч с серебряной кромкой, непокрытая грива её длинных волос, скорее белых, чем седых. Волосы обрамляли лицо с тонкими чертами, обтянутое такой же белой кожей, хотя на щеке росло пятнышко плесени...

Тарграэль пожала плечами, улыбнулась своему отражению. С плесенью или без, лицо оставалось всё таким же жестоким.

Она полюбовалась собой ещё мгновение, уперев руки в бедра, чтобы проверить, не разгневется ли Мэншун.

Но он, казалось, не заметил — его внимание ослабело ещё сильнее. То, чем он был сейчас занят, похоже, было ему куда важнее.

И это могло оказаться тем самым шансом, в котором она так нуждалась.

Размышляя, успеет ли она добраться до Вуали Ильдула прежде чем Мэншун поймёт, что она задумала, Тарграэль с мечом в руке нырнула в открытую арку, под которой, знала она, прошёл юный Гонтур.

— Но он один из наших магов, — прорычал солдат где-то впереди. — Он отправится в арсеналы, где они хранят магию, так? Не вниз, в доки, как какой-то вор!

— Поэтому юный Гонтур и носится туда-сюда, как испуганный цыплёнок, — отозвался другой дракон. — Он оставил нас здесь, чтобы убедиться, что Мрелдрейк не схватит что-нибудь и не вернётся к порталу, чтобы попасть обратно во дворец.

— Ха! Это последнее место, куда я бы направился, если бы Глатра висела у меня на хвосте! Но всё же разделять силы почти так же глупо. Разве они не учат боевых магов

здравому смыслу...

— Хорошо сказано, солдат, — прошептала Тарграэль, когда её меч перерезал ему горло. — Я почти жалею, что пришлось тебя убить. Но — как вы оба прекрасно знаете — приказы есть приказы.

Оттолкнув пошатнувшегося, умирающего воина в сторону, она рубанула его товарища и на мгновение она увидела испуганное лицо противника за вспышкой искр, рассыпавшихся, когда он отчаянно отбил её клинок своим.

— И кто же ты, верный дракон? — царственно поприветствовала его она. — Салдар или Таллоувуд?

Солдат уставился на неё.

— Ты знаешь..?

— Слишком многое, боюсь, — ответила Тарграэль, отбивив его оружие своим и ударив его по горлу ребром свободной ладони.

Падая, мужчина всхлипнул, пытаясь втянуть в себя воздух. Она обрушилась на него сверху, вдавила оба колена ему в живот, и принялась безжалостно рубить своей сталью. Его клинок вылетел из онемевшей руки, и она уколола своим мечом его шею и подалась вперёд, очутившись с драконом лицом к лицу.

— Как тебя зовут?

— С-салдар, — выдохнул он.

Она улыбнулась, будто игривая любовница, поцеловала кончик его носа и промурчала:

— А как звали твоего друга, которого я прикончила первым?

— Таллоувуд, — сглотнул он.

Тарграэль перерезала ему горло.

Не обращая внимание на брызнувшую на неё кровь, Тарграэль вскочила и побежала дальше. Королевская башня, какая удача!

А теперь, если юный Гонтур был достаточно любезен, чтобы направиться наверх, к комнатам, где боевые маги хранили свои безделушки и где были расположены роскошные спальни... не говоря уже о некоем секрете старой Короны, известном как Вуаль Ильдула...

Гонтур так и поступил. Тарграэль, ликуя, взбежала по ступеням вслед за юным и задыхающимся драконом, который пытался догнать по меньшей мере ещё двоих. Гонтур наверняка должен быть с передней парой, разве что он окажется ещё большим неосмотрительным и юным дураком, чем она подозревала. Даже старшие рыцари не решались в одиночку бросать вызов магам-отступникам, тем более когда рядом были верные и готовые ко всему воины.

Всего двумя этажами выше находилась Вуаль, холодная как лёд и беспрестанно шепчущая. Занавес, чёрный как ночь, представлял собой поле магической силы, давным-давно созданное тэянскими магами, нанятыми злонамеренным лордом Ильдулом.

Полезно, потому что те, кто погружались в его ледяную тьму и задерживались там достаточно, избавлялись от любой нацеленной на них следящей и прорицательной магии...

Ах! Ну конечно! В арсенале рядом с Вуалью хранилось большое количество магии, и юный Гонтур наверняка жаждал попасть туда и воспользоваться ею. Конкретно прорицательным шаром, который мог помочь ему найти Мрелдрейка, если тот был действительно глуп и не закрылся от подобного волшебства...

На следующем пролёте Тарграэль догнала Труна. Хлопнув молодого дракона по плечу, она с лёгкостью перехватила его меч, когда тот развернулся, чтобы уставиться на неё, и

подтянула его к себе, пока их губы не встретились. Задушив любой крик, который он мог издать, она вонзила свой клинок дракону под подбородок.

Тот содрогнулся в её объятьях и беспомощно выплюнул кровь в её рот. Траграэль наслаждалась её железным привкусом, пока держала дракона во время его коротких и жестоких посмертных судорог. Когда он осел, она позволила телу упасть на ступени и продолжила двигаться дальше.

Два оставшихся дракона были ветеранами, чьи имена были ей знакомы; справиться с ними будет уже не так легко. Но сделать это придётся — только так, чтобы Гонтур не узнал, или так, чтобы они послужили щитами от магии юного глупца, пока она не подберётся к нему на дистанцию удара...

— Что за этой дверью? — резко спросил кто-то. — Быть может, он прошёл сюда!

Всевидящие боги на небесах! Один из драконов направлялся к Вуали!

Тарграэль проскочила последний лестничный пролёт так быстро, что поднялся ветер. Нарбрейс почувствовал порыв воздуха и обернулся к ней в тот самый миг, когда рыцарь смерти достигла вершины лестницы. Легче лёгкого было воткнуть конец меча в его открытый шлем — ха, он был первым из всех, достаточно разумным, чтобы носить шлем.

Нарбрейс забулькал кровью, она повернула меч, чтобы убедиться, что он погиб, и двинулась вперёд. Этого шума оказалось достаточно, чтобы Гонтур, находящийся с противоположной стороны полуоткрытой двери магической оружейной, позвал:

— Нарбрейс? Что-то не так?

Тарграэль слегка улыбнулась и шагнула к стене у входа в оружейную, позволив умирающему дракону соскользнуть с её окровавленного меча.

Гонтур высунул голову из-за двери практически одновременно с тем, как последний дракон — Хетель — вышел из помещения с Вуалью, сказав:

— Лучше вам самому это увидеть, сэр маг...

Дракон замолчал на полуслове, когда увидел, как Гонтур покачивается, сжимая своё перерубленное горло в напрасной попытке не позволить крови хлынуть на лестницу, с которой он собирался упасть.

Его высокая, стройная убийца отошла от мага и скользнула к Хетелю с широкой и злорадной улыбкой на лице.

На её мёртвом лице.

Пурпурный дракон попятился, выругался. Затем нахмурился, оглянулся через плечо, очевидно, решая — остаться и держать оборону в дверном проёме комнаты, из которой он только что вышел, или нырнуть обратно и....

Тарграэль не оставила ему времени на ругательства или обдумывание тактики.

Выпад, парирование, низкий нырок, защитой высоко отбить меч дракона, кувырком броситься ему в ноги, ребром ладони ударить под коленку, быстро увернуться, позволив его мечу попасть по плиткам пола, рубануть вверх, целясь в лицо, вывести из равновесия яростным парированием, затем перебросить его через себя.

Дракон приземлился тяжело, с грохотом, она прыгнула следом. Перерезала глотку и вскочила, бросилась к Вуали, прежде чем он успел сделать последний вдох.

Я не предаю тебя, хозяин, я просто выполняю приказы. Всё ещё занята убийством шестерых, за которыми ты меня послал...

Холод Вуали был похож на радостную ласку. Тарграэль всегда было холодно, но этот шёпот заставил её почувствовать мурашки — почувствовать себя живой, поскольку ничего

подобного она уже давно не ощущала — и её разум внезапно оказался свободен от Мэншуна и всего остального.

Тарграэль задрожала, как будто на пике любовной страсти.

Наконец-то свободна.

* * *

Заклинание ударило в разум Мэншуна — в его защиту. Он почувствовал ревущее, царапающееся мгновение клубящегося хаоса, магии, напрасно вцепившейся в магию, и на миг ощутил ледяное покалывание, затем бурлящую, похожую на вуаль тьму, и утрату...

Мэншун рефлекторно моргнул. Он ни капли не пострадал, улыбка на его лице не дрогнула. Это была самая могущественная магия лорда Релгадрара Лоруна.

Старый дворянин отступал от него с написанным на лице неохотным признанием поражения, позволив упасть руке, с которой поднимались шипящие струйки дыма — всё, что осталось от волшебного кольца.

— И вы полагались на подобную защиту? — с недоверием спросил Мэншун. — Ну что же вы.

И он нанёс удар. Пронзив жалкое подобие защиты, проник в беспомощный разум Лоруна, с беспощадной скоростью сделав его своим.

Это был тёмный и извращённый разум, место, которое казалось почти уютным. Как и с Краунрудом — которого Лорун презирал, как соперника, но по крайней мере считал достойным того, чтобы считаться соперником — Мэншун теперь стал владельцем лорда, который с жадным удовольствием и злобными намереньями замышлял измену.

Когда его хватка на Лоруне усилилась, он увидел, как лёгкая улыбка, похожая на его собственную, медленно расплзается на лице лорда.

* * *

С разрывающим уши ударом грома над Марсембером разразилась неожиданная гроза. Небо расколола яркая молния, хлестнувшая мимо верхних окон королевской башни. Затем пошёл дождь. Его стук по ставням двойной толщины был достаточно силён, чтобы заглушить всё, что было тише крика.

Всё это было на руку Тарграэль. С крыши в спешке спустились промокшие и ругающиеся стражи, и, не заметив в темноте, пробежали мимо пятен крови. С их сапог, плащей и ножен текли струи дождевой воды.

Тарграэль неподвижно стояла за приоткрытой дверью, слушая, как они проходят мимо. Тяжёлый люк захлопнулся за последними из часовых, двумя жалкими мужчинами, которые выжали воду из своих усов, чтобы обменяться дружескими оскорблениями и поделиться отчаянным желанием попасть «вниз, к огню» и там согреться.

Рыцарь смерти с охотой пожелала им тепла, если они будут держаться в стороне от верхних комнат, пока она не закончит их обыскивать. Тела шестерых, которых её послали убить, лежали грудой у дальней стены во мраке Вуали, и если из них не натечёт кровь, предупредив более бдительных драконов, или если никто не явится с фонарём и не увидит,

что некоторые из луж на камнях башни на самом деле тёмно-красные, всё должно быть в порядке.

— Мне без разницы! — раздался грубый мужской голос, когда несколькими этажами внизу запахнулась дверь. — Сюзейл захлестнёт гроза намного хуже этой, если мы утратим бдительность, меч-капитан! Я хочу...

Грохнула ещё одна дверь, оборвав дальнейшие слова офицера.

Тарграэль улыбнулась, пожелав, чтобы шторм продолжался всю ночь, и отправилась обыскивать арсеналы на верхнем этаже. Она искала нечто старое, тёмное, тяжёлое и крайне неприглядное. Военский шлем из намащенного металла без всяких украшений, за исключением небольшой метки в виде высокой шляпы волшебника над прорезями для глаз.

Ночной шлем. Или, скорее, Ночной Шлем.

История гласила, что легендарный маг Эльминстер вручил старшим рыцарям Кормира только один такой шлем. Возможно, он создал его сам, хотя Тарграэль никогда не слышала, чтобы он занимался кузнечным делом.

«Последняя защита» для беглого наследника Обарскиров, как он назвал его. Эта вещь укрывала разум носителя от любой магии, так что его — или её — нельзя было отыскать или подчинить с помощью магии.

Конечно, Вангердагаст возненавидел самую подобную идею и попытался конфисковать шлем, сделав обладание или приобретение подобных вещей вне закона — но Каледней придерживалась другой точки зрения, так что вместо этого он посоветовал создать множество ночных шлемов и держать их в тайном охраняемом хранилище, пока не понадобятся.

Тарграэль не знала, создали подобные шлемы в итоге или нет, но дворцовые сплетни утверждали, что подарок Эльминстера не был уничтожен и даже проклятие на него не наложили, а вместо этого спрятали шлем где-то «вдалеке от Сюзейла». В Марсембере, предполагали большинство слухов. На вершине королевской башни в унылом и нередко мятежном порту, уточнял один источник.

Тарграэль очень надеялась, что этот конкретный источник был прав, шлем находится здесь и сможет спрятать её от Мэншуна. И, что ещё важнее, скрыть её от его прорицающих заклинаний *до того*, как он начнёт искать.

Она запахнула дверь и стала осматривать арсенал. Боги трижды ей улыбнулись: во-первых, королевская башня была древней и массивной, построенной из камня, который плохо скрывал новую кладку, и изначально не содержала тайников. Во-вторых, кормирские оружейные, в частности магические, были настоящими крепостями с аккуратно сложенными и рассортированными предметами, защищёнными друг от друга каменными полустенами или даже полными стенами с прочными дверями, и содержались в порядке. И наконец, как старший рыцарь, она знала, как предпочитают обустроить хранилища большинство кормирских сенешалей и командиров — и как они не любят иметь дело с сигнализацией или коварными магическими ловушками, когда хватают оружие по тревоге. Подобные заклятья можно было встретить ниже в башне, на лестнице, ведущей наверх, а не на самих верхних этажах.

Если, конечно, за те долгие годы, что Тарграэль отдыхала в своей гробнице, в мозги высших рангов кормирских волшебников, солдат и её товарищей-старших рыцарей не закрался ещё больший идиотизм, чем она считала возможным.

Ни в первой, ни во второй камере Ночного Шлема не было, хотя она приобрела

полезную троицу кинжалов в ножнах на запястьях и голени — но шлем сразу же бросился ей в глаза в третьей.

Она быстро огляделась вокруг, выискивая ловушки, сигнализацию или стражей-пауков с парализующим укусом, ничего не увидела — и взяла шлем.

Ничего не случилось.

С напряжённым волнением Тарграэль осторожно осмотрела шлем, чтобы убедиться, что внутри ничего нет — например, клинка, установленного, чтобы перерезать горло носителю, или острых шипов, покрытых подозрительными субстанциями. Ничего.

Она вот уже сотню лет не нуждалась в воздухе, но подняв шлем, поняла, что пытается задержать дыхание.

С неожиданным нетерпением она надела его на голову и сквозь щели для глаз посмотрела на комнату вокруг.

Ничего не произошло. Тишина.

Полная тишина. Вечное пение, тихое, на грани слышимости, которое звучало в её голове с самого первого вторжения Мэншуна, исчезло.

Исчезло.

Она была свободна.

По-настоящему свободна.

Она оборвала поводок и могла следовать собственным желаниям. Снова подобающим образом служить Кормиру.

Теперь она могла открыть охоту на Мэншуна. И на Эльминстера, и на некомпетентных идиотов при дворе, нынешних царедворцев и боевых магов — большая часть из них, от простых пажей до самой верхушки, была сплошными предателями и дураками, которые одним своим существованием подвергали Кормир опасности.

Да, она была свободна снова быть собой. Не рабыней архимага, а стражем Кормира.

Единственным стражем Кормира. Его последним настоящим знаменосцем. Каждая мысль, каждое проведённое ею мгновение снова были посвящены взвешенным деяниям, которые приведут Кормир к новому величию. Безразличная к сантиментам и вредоносной преданности традициям или дому Обарскиров или чему-либо другому. Она будет бесстрастным агентом Лесного королевства.

Если, конечно, снова не встретит эту суку Алусейр.

Глава 7

Да начнётся

Эльминстер решил, что это был очень долгий день.

Юная девушка, чьё тело он занимал, была куда крепче и выносливей, чем он сам когда-либо, но прямо сейчас она устала и страдала от боли в ногах.

Каждый шаг отзывался болью; её уже давно шатало; и даже если бы внезапно её жизнь стала зависеть от необходимости как можно быстрее преодолеть дистанцию до, скажем, вон того дерева... то жизнь Амарун Белой Волны кончилась бы прямо здесь.

Он по-новому взглянул на мнение кормирцев, которые считали, что Королевский лес тянется вечно.

Эл знал, что это не так — пару раз он пересекал его, ускорив себя с помощью магии, и часто телепортировался из одного края в другой. Но путешествуя подобным образом, шаг за неуверенным шагом через густой кустарник, в стороне от торгового тракта Пути Дракона, лес определённо казался бесконечным.

До обещанного им Арклетом уютного частного поместья Делькаслов оставалось полдня пути на север, а затем ещё хорошая прогулка на запад от тракта по поросшей травой тропинке в самое сердце леса. Прогулка, которая случится завтра, поскольку пока на одной из приспособленных для стоянки придорожных полей они принялись спорить, пытаться дойти до следующей стоянки или остановиться здесь, на лес опустилась ночь.

— Остановимся здесь, — решительно заявила Шторм тоном, который ясно давал понять, что она приняла решение.

Арклет одарил её кислым взглядом, который затем перевёл на Эла.

— Значит, вы решили, да?

— Слушай, юный лорд, — ответил Эльминстер, махнув рукой на деревья впереди. — Ты сможешь в этой темноте различать, куда ставишь ногу? Как по-твоему, там всегда будет достаточно места, чтобы размахнуться мечом и подрубить лапы под волком, чтобы тот не вцепился тебе в горло? Потому что я рубил волков в лесах на несколько тысяч лет дольше, чем ты — и я знаю, что когда мрак настолько непроницаем, это получается скверно.

— Неудивительно, в твоём-то возрасте, — пробормотал Арклет, но со вздохом прикусил язык, пожал плечами и развел руки.

— Вы правы. Остановимся здесь.

Шторм засмеялась.

— Ну, с таким же успехом можно продолжать спорить о жизни, которую вели мы с Элом — и о наших коварных попытках впутать в неё Рун — здесь, вокруг костра, а не пробираясь вслепую по лесу во тьме.

Арклет посмотрел на неё.

Целый день, шагая по лесу в стороне от тракта, они спорили об этике и ценностях жизни на службе Мистры, которую Эл и Шторм вели большую часть прошлого века. Арклета их деяния интересовали куда больше, чем он готов был признать, но он испытывал сомнения касательно участия Амарун в этой жизни, не говоря уже о том, что она могла и его потащить следом.

— Не могли мы просто остаться в Сюзейле и голыми руками бороться с Виндстагом и его сообщниками? — спросил он. — Или выступить против этих призраков синего пламени

нагишом и с повязкой на глазах? Даже это было бы безопаснее.

Шторм улыбнулась.

— Безопасность — то, как ты себя чувствуешь, а не отсутствие угрозы. Спроси свою Амарун про Талан, и посмотришь, насколько она жаждет вернуться в Сюзейл.

— Я не могу её спросить, — горько заметил Арклет, когда они подошли к имеющейся на поляне небольшой крытой стойке с готовыми дровами, чтобы взять их для костра. — Сейчас место занято стариком Кожаной Челюстью.

С дальнего края поляны раздался сухой смешок Эльминстера, прозвучавший выше, чем должен был из-за юных голосовых связок Амарун.

— Может, я и старик, парень, но со слухом у этого молодого тела всё в порядке. Раз уж об этом зашла речь, я верну тело ей, чтобы вы двое могли поцеловаться и поласкать друг друга, притворяясь, что вы одни.

Арклет сурово посмотрел на Эльминстера — по крайней мере, попытался. Ему сложно было наградить свою возлюбленную подобающе гневным и презрительным взглядом, даже когда она улыбалась кривой ухмылкой Эльминстера.

Лорд прекратил эти попытки, снова вздохнул, и опустился на колени у костровой ямы, раскладывая дрова, чтобы Шторм развела огонь. Обычно заботу об огне Делькаслы оставляли слугам; его познания заканчивались на том, что нельзя просто свалить дерево в кучу.

— Думаю, мне проще будет с этим смириться, — сказал он среброволосой леди, — когда я узнаю, кто — или что — такое Мистра. Для меня это всего лишь имя из далёкого прошлого. Мёртвая богиня, которая однажды правила или исказила всю магию.

— Тебе многое предстоит узнать, — мягко ответила Шторм.

Арклет кивнул.

— Это я охотно признаю, — он протянул её несколько расколотых на меньшие части брёвен. — Но я уже сказал об этом раньше, а вместо этого мы принялись говорить о текущей политике Кормира.

К ним присоединилась Рун, всё ещё разговаривая голосом Эльминстера.

— Прямо сейчас политика имеет большее отношение к тебе и твоей подруге. Беседы о богах — и об этике — могут длиться всю жизнь.

Она опустилась и обняла Шторм, прижавшись грудью к её груди. Арклет зачарованно глядел, как из рта, ушей и носа Рун по щекам и шее Шторм заструилась пыль, похожая на целеустремлённые колонны муравьёв, чтобы исчезнуть в декольте среброволосого барда.

Затем он отвёл взгляд. Почему-то это казалось... неприличным.

— Вы закончили?

— Ну, Эл меня покинул, — произнесла Рун собственным голосом, потянувшись к нему, — если ты об этом. У нас есть что-нибудь перекусить?

Шторм улыбнулась.

— Доверьтесь мне. Арфисты прячут съестные припасы рядом с этими подготовленными лесниками стоянками. И вопреки тому, что вы могли слышать, в этом мире ещё *остались* арфисты.

Арклет скептически кивнул.

— Можешь назвать мне хотя бы одного здесь, в Кормире?

— Разумеется, — Шторм подмигнула. — Это я.

И под её руками с жадным треском взметнулось пламя. Она осторожно подпитывала

его, спокойно поднося пылающую ветку к трём разным местам, прежде чем опустить её в зажёгшийся костер, а затем встала на ноги.

— Я сейчас вернусь. Или, если хотите, могу задержаться.

— Если..? О.

К своему изумлению, Амарун почувствовала, что краснеет.

— О, — кивнул Арклет, добравшись до сути позднее девушки. Он быстро взглянул на Рун и добавил: — Эм, нет. Не этой ночью. Не... здесь, под деревьями.

Шторм кивнула и ушла, почти беззвучно шагнув в непроницаемый мрак на краю поляны.

Арклет проследил за ней взглядом и был удивлён, как быстро потерял её из виду между деревьями. Ему показалось, что он увидел движение... но нет, он уже не мог сказать точно, где она находится.

Неожиданно его разглядывание было прервано лицом Амарун, появившемся прямо перед ним — нос к носу.

— Ты мог бы меня поцеловать, — прошептала она, предлагая свои губы. — Лорд Делькасл.

— Ну конечно, — легкомысленно произнёс он. — Куда делись мои манеры?

* * *

Мэншун откинулся на спинку стула, сжимая в руке кубок с лучшим вином лорда Релгадрара Лоруна, и бросил взгляд на свою марионетку.

Лорун сидел за столом напротив, глядя мимо него, бесчувственный и неподвижный из-за хватки Мэншуна на своём сознании.

Его разум был местом тёмным и удивительным. Лорун был таким же, как Краунруд, и даже хуже. Лорд принимал участие в полудюжине интриг против Короны и знал о втрое большем числе. Большая их часть была неловкими, мертворожденными попытками мелких тайных измен, скорее гневные разговоры в задних комнатах и небольшие обманы королевских инспекторов, чем источники настоящего вреда. Но некоторые зашли так далеко, что включали в себя конкретные планы захвата крепостей и мостов и убийства, как только с ненавистными боевыми магами будет покончено.

Это ни капли не удивило Мэншуна. Если бы не волшебники, шпионящие для Драконьего Трона и швыряющие заклятья при любом намёке на измену, эта земля уже давно утонула бы в крови гражданской войны — и не раз.

Удивляло другое — до такой степени, что он налил себе второй бокал вина и провёл куда больше времени, чем намеревался изначально, перебирая мысли Лоруна и выискивая дополнительную информацию. Лорун обладал немалыми познаниями о большей части спонсируемых Сембией заговоров в Сюзейле.

Люди считают, что разум содержит воспоминания, как гигантская учётная книга: упорядоченные предложения, которые остаются в одном месте и к которым легко обращаться снова и снова. Люди глупы.

Даже простейший разум хранит воспоминания в виде образов — увядающих, пересекающихся, беспорядочно сливающихся образов, которые скользят в бесконечных перестановках, цепляясь за привычные связи, но легко перемещающиеся со всеми своими

звеньями куда угодно в кипящем тумане.

Человека — и даже умелого архимага-вампира — это легко могло свести с ума.

Мэншун ухмыльнулся. Ещё *больше* свести с ума, как сказал бы Эльминстер.

Он был благодарен, что больше не придётся иметь дело с этой конкретной старой угрозой, и можно не принимать во внимание взгляды старого дурака.

Что же до этих сембийских интриг...

Мэншун не был кормирцем, и его познания о сюзейльских улицах исходили от относительно немногочисленных горожан, сознание которых он разграбил. И хотя некоторым из них было известно многое, имя «Андрант Гларврет» раньше ему слышать не доводилось.

Судя по всему, Гларврет был успешным состоявшимся торговцем, занимающимся импортом кузнечных изделий и витражей. «Уважаемым» в глазах города купцом, который снабжает товаром чужие лавки вместо того, чтобы открыть собственную. Родившийся в Сюзейле и достаточно разбогатевший, он входил в растущее число успешных граждан, которые желали стать дворянами, но пока не получили титул. И за их сытыми улыбками гнили неудовлетворённые амбиции.

По крайней мере, за улыбкой Гларврета. Этого было достаточно, чтобы он дважды отверг Лоруна, вместо того, чтобы принять его дружбу и союзничество в определённых заговорах против Короны. Гларврет хотел заполучить титул самостоятельно, не получая помощи от любого из кормирских дворян.

Как давно узнали шпионы Лоруна, предполагаемая дорога к знатности импортёра лежала через Сембию. Гларврет возглавлял самый сильный заговор из пользующихся поддержкой Сембии, целью которого было свергнуть или подчинить Драконий Трон, и собрал внушительную армию, скрывающуюся в самом сердце Сюзейла.

Потягивая вино со всевозрастающим удивлением, Мэншун начал выуживать любые сведения о Андранте Гларврете из раздражённого беспокойного разума лорда Лоруна.

Лорун продолжал глядеть прямо перед собой. На его застывших глазных яблоках начала оседать пыль.

Мэншун обнаружил, что забытый в его руке кубок опустел, и начал подниматься.

Затем он сел обратно и заставил своего новоприобретённого слугу достать для него графин. Куда приятнее было заставлять спотыкающегося Лоруна делать всю работу.

Хотя прислуга из него была так себе.

Да, прислуга. «Раб» — такое мерзкое слово...

* * *

— Ты так не хочешь покидать Сюзейл?

— Я... пока не знаю. Не думаю, но сказать наверняка не могу, — задумчиво ответил Арклет, глядя в горячие оранжевые угли костра, согревавшего их лица.

Он и Рун беседовали за трапезой из поразительно вкусных лесных корней и листьев, приправленных мясной пастой, которая, как подозревал Арклет, состояла из свежевыкопанных улиток.

Повар стояла на страже в нескольких шагах, по дальнюю сторону большого дерева, прижимаясь к стволу и вглядываясь в ночь. Подавшись вперёд и пристально всмотревшись,

Арклет мог увидеть кусок сапога Шторм, но насколько он мог судить, она и мускулом не шевельнула, не издала ни звука на протяжении...

Довольно долгого времени.

Он подавил зевок. Который час? Ночь наступила уже давно, и в кустах тут и там раздавались шорохи, там, куда и близко не доставал свет от костра. Он пока не видел горящих во мраке глаз, но...

— Добрый вечер, лесничие. Если вы и в самом деле лесничие, — неожиданно сказала Шторм. Её голос был спокойным, твёрдым и громким. — Присоединитесь к нашему костру?

Её приглашение поплыло в ночь. Казалось, прошло долгое время, прежде чем неожиданно раздался треск ломающихся веток... и семеро лесничих с луками в руках и кинжалами на поясе выступили из тёмного леса и приблизились к костру. Они встали широкой дугой, почти окружив стоянку; единственная прореха в их шеренге смотрела на тракт.

Старшие из лесничих обладали внушительными бородами и морщинистыми, жёсткими лицами. Они без всякого выражения изучали Шторм, и казавшийся самым старшим произнёс:

— Мы и в самом деле лесничие. Патруль королевских лесников. А вы кем будете?

— Мы кормирская знать, которую позабавили ваши попытки незаметно окружить нас, — мягко ответила Шторм.

— Знать, а? Ты, парень, какой титул носишь?

Выплюнув этот вопрос, старший лесничий шагнул вперёд, доставая свой кинжал. Остальные позади него натянули луки.

Арклет встал и положил руку на меч.

— Я — лорд Арклет Делькасл, а это леди Делькасл. Госпожа, с которой вы только что говорили — маркиза Иммердаск.

— Что-то я не слышал об этих домах, — прорычал другой лесничий, когда кольцо мужчин в коже и домотканной одежде начало сжиматься вокруг костра.

Старший лесничий остановился перед Арклетом и взмахнул рукой в жесте, который мог означать «стоп» или «спокойно, разойдёмся миром».

— Ну что ж, лорд Делькасл, — спросил он, — здесь только вы? Втроём и пешие? Никогда не видел здесь дворян без лошадей и свиты. Вы бежите от чего-то?

Два лесничих наложили стрелы.

Ещё двое быстро достали стрелы, когда из-за дерева выступила Шторм, её длинные серебряные волосы развевались вокруг плеч, как гнездо беспокойных змей.

Старый лесничий на миг перевёл взгляд к ней, затем вернулся к Арклету.

— Ну, благородный лорд? Вот мои вопросы; какие твои ответы?

* * *

Мэншун откинулся назад, хмурясь. Он закончил обследовать разум Лоруна, и к лорду вернулся рассудок и дар речи. Он сидел рядом, покрытый потом, насколько осмеливался, глядел на Мэншуна из подлобья, и тянулся за вином.

Лорун зал многое — но большая часть была намёками, сплетнями и докладами от людей, которым он платил за слежку, но не доверял. Сюзейл мог быть змеиной ямой,

готовой взорваться бунтом... или мог быть логовом недовольных дворян, среди которых у нескольких человек была мечта, а немного большее количество обладало языками без костей.

Что не слишком отличало его от любого другого места со знатью.

Западные Врата, Зентильская Твердыня, Сембия... Мэншун бывал всюду и решил, что они почти не отличаются друг от друга. Настоящие изменники редко поднимают шум. Большую часть суматохи, сплетен и обещаний злого рока создают те, кто слишком боится, чтобы предпринять что-нибудь самостоятельно, если их не подхватит пыл и кровь чужого мятежа. Лорун, по крайней мере, был достаточно трезвомыслящ, чтобы понимать, что он имеет дело с тенями чаще, чем с осязаемыми вещами, которым можно доверять, и это поднимало его над многими юными дураками, которых Мэншун встречал в этом городе последние две ночи по мере того, как лорды собирались на Совет.

— У меня есть пара вопросов, лорд Мэншун, — смирным голосом сказал Лорун, — и в мире, где существует хотя бы капля справедливости, настал мой черёд получить ответы, если они у вас есть.

Удивлённый Мэншун поднял руку ладонью вверх, предлагая продолжать.

— Что стало с этими призраками синего пламени? Они — это оружие боевых магов, которое скоро отправят охотиться за знатью? Или это меч, который находится в руках благородного лорда? Или они подчиняются сембийцам либо другому иноземному врагу Кормира? Или они инструменты кого-то, кто хочет стать лордом и вознамерился убивать дворян до тех пор, пока столько титулов и владений не лишатся хозяев, что Корона сможет даровать ему дворянство, чтобы заполнить эту пустоту?

— Хорошие вопросы, — отозвался Мэншун. — Такие хорошие, что у меня нет ни единого ответа.

Он поднял указательный палец и добавил успокаивающе:

— Но я пытаюсь это выяснить.

И тогда Лорун посмотрел на него прищуренными глазами и спросил:

— Или они у *вас*?

Мэншун покачал головой.

— Будь это так, Лорун, думаешь я стал бы тратить на тебя время?

* * *

— Эл? — прошептала Рун.

— Рано, — пробормотала Шторм. — Только если возникнет необходимость.

Лесничие осторожно стягивались ближе и вглядывались в троицу у огня.

— Топоров нет, — доложил один.

— Капканов тоже, — сказал другой.

— Даю вам слово, — сказала Шторм старшему из них, — что мы не собираемся охотиться, рубить лес или разводить костры за пределами этой ямы. Мы просто путешествуем, не больше, не меньше. Мы не беглецы от правосудия.

Старший лесничий кивнул.

— Я вам верю. Но есть ещё вопрос, который кажется мне самым любопытным: лорд Делькасл, отчего вы не на Совете?

Арклет медленно открыл рот, не зная что сказать — и услышал, как без запинки отвечает Шторм:

— Совет посетил старший лорд Делькасл, как глава дома Делькасл. Он поручил сыну отправиться сюда, забрав нас двоих, — её рука крепче обхватила плечи Амарун, — подальше от блуждающих взглядов некоторых, хм, дворян, чтобы избежать неприятностей. Из-за затруднительных обстоятельств в прошлом.

Несколько лесничих кивнули, и на лице старшего появилось нечто, что могло быть началом улыбки — пока его голова одновременно с головой Шторм не дёрнулась резко в сторону.

Затем это услышали все: слабый, неровный стук копыт с севера. Много лошадей, скачут быстро.

Забыв разговор и напряжённость, все заспешили к тракту.

Они добрались до обочины Пути Дракона как раз вовремя, чтобы увидеть вдалеке множество качающихся ламп на экипажах. В глубокой ночи, когда экипажи часто переворачивались или сходили с дороги, такое встречалось частенько. Лесничие приготовили луки, все кроме старшего, который поднял обе руки, не разрешая никому выйти на дорогу.

То, что приближалось к ним, оказалось отрядом из двух дюжин всадников, скачущих на юг так быстро, как только могли нести их фыркающие, испуганные лошади.

Пурпурные драконы в полных латах — хотя без знамён и копий, предназначенных для официальной поездки — промчались мимо, по трое в ряд, заполняя весь тракт, с суровыми лицами.

Затем наблюдатели на обочине заметили волшебников, трясущихся в сёдлах в середине колонны. Боевые маги, которых сопровождают на юг, почти наверняка направляющиеся из Арабеля в Сюзейл.

Они увидели тыл отряда, по крайней мере решили, что видят. Экипажей или фургонов там не было; огни, которые они приняли за лампы на экипажах, оказались факелами на шестах, пылающими за стеклянными перегородками. Это было необычно. Подобное использовалось лишь в медленных, спокойных процессиях на свадьбах и похоронах. Что здесь происходило?

Арклет и Шторм открыто нахмурились, а старший лесничий увидел достаточно. Он вылез н дорогу с поразительной для человека его лет скоростью, поднял руки и закричал:

— Какие вести?

Лошади заржали и встали на дыбы, всадники принялись ругаться, сражаясь с поводьями, чтобы удержаться в седле и смягчить неизбежные столкновения, и один из волшебников упал с коня.

Некоторые драконы в тылу отряда придержали лошадей и направились к лесничему, достав свои мечи. Остальные промчались мимо, направляясь на юг и оставляя за собой лишь дорожную пыль и утихающий грохот.

— Ты ещё кто? — спросил офицер, доставая сияющий меч и нацелив его так, что луч света упал на лесничих, Шторм, Арклета и Амарун. Увидев натянутые луки, он тихо выругался и пролаял:

— Люди короля?

— Ну конечно, — грубо отозвался главный лесничий, наклоняясь, чтобы помочь встать стонущему волшебнику. Его лошадь дальше на тракте словил один из драконов и пытался

успокоить фыркающее, бьющее копытами животное, чтобы привести его назад.

— Свежих лошадей у вас нет? — спросил дракон без особой надежды в голосе.

Старший лесничий покачал головой.

— Нет, *мои* патрули ходят пешком. А куда это вы так спешите?

Моргающий, покрытый синяками волшебник мрачно прорычал:

— Совет в Сюзейле был прерван; в городе беспорядки, некоторые даже говорят, будто всё похоже на войну, и...

Арклет повернулся к Шторм, потащив за собой Амарун, как испуганное животное.

— Я должен туда вернуться. Забери Рун в Вечернюю Звезду: там есть бондарь, который должен Делькаслам прилично монет. Проследи за ней, пока я не верну...

— Ну уж нет! — в унисон ответили ему Шторм и Амарун, — Мы идём с тобой!

Глава 8

Суматошные визиты

Хозяин остановился прямо перед Бурратом и посмотрел сквозь увенчанные бдительной головой льва ворота на поднимающиеся в ночь ряды горящих окон.

— Это здесь? — тихо спросил он.

Проводник, которого Гларврет отправил за своим высокопоставленным гостем, просто кивнул и отстучал сложный ритм на небольшой панели в углублении рядом со створками ворот.

Лорд Олдбрайдл отошёл на шаг, бросив на Буррата краткий взгляд «будь наготове». Лицо хозяина ничем не выдавало, что Олгарт Олдбрайдл был хотя бы слегка впечатлён сюзейльским особняком Андранта Гларврета, богатого и успешного торговца витражным стеклом и кузнечными изделиями — с другой стороны, в наше время пресыщенный и циничный глава дома Олдбрайдл вообще редко чем-то впечатлялся.

Мэншун улыбнулся внутри дрожащего и побеждённого разума Буррата, ожидая скорого развлечения. Если в этой части мира и было что-либо более смехотворное, чем заносчивая кормирская знать, так это восходящие нувориши, которые жадно пытались войти в ряды этой самой знати.

Подобно как раз-таки пригласившему Олдбрайдла на обед Гларврету. В поисках его поддержки, несомненно, что означало, что обед должен быть приятной трапезой вместо болезненного и в конечном счёте смертоносного кошмара с отравлением.

Ворота открылись, слуги согнулись в поклоне, и они прошли внутрь. Буррат держал язык за зубами, следуя за господином сразу за его правым плечом и не отвечая на молчаливые вызовы зыркающих на него наёмников. В открытую они его не оскорбляли, поскольку раз уж знатный лорд ограничился лишь одним телохранителем, этот страж должен быть необычайно умелым, хорошо экипированным и опасным.

Мэншун ждал, пока с обменом приветствиями будет покончено и Гларврет не поинтересуется, в хорошем ли здравии пребывает этим вечером лорд Олдбрайдл, на что он, Гларврет, искренне надеется.

И тогда Буррат наклонился вперёд, чтобы прошептать на ухо господину — достаточно громко, чтобы слышали все поблизости.

— Милорд Олдбрайдл, дважды на улицах я заметил мужчин, которые, похоже, следили за нами. Лорду Гларврету следует об этом знать.

Если хозяин и был раздосадован смелостью своего телохранителя или тем, что Буррат обратился к хозяину дома, как к человеку, который уже добился такого желанного статуса лорда, он не подал виду. Сам Гларврет покраснел от удовольствия и сделал жест своим наёмникам. Буррат, казалось, даже не взглянул в их сторону, но Мэншун знал, сколько человек ушло, и то, что все они были вооружены кинжалами и самострелами, без сомнения, покрытыми ядом.

Они выскользнули на улицы, но охотиться было не за кем. Мэншун придумал преследователей, о которых заставил сказать Буррата, но он был уверен, что рьяные агенты Гларврета кого-то да найдут. На улицах Сюзейла зрела бойня.

Буррат знал лишь малую часть того, о чём подозревал его хозяин — но Мэншун, посетив определённые разумы во дворце, был прекрасно осведомлён, что Андрант Гларврет

возглавляет давно присутствующие в Сюзейле сембийские силы, которые на протяжении многих лет терпеливо ждали шанса захватить власть.

И вероятность того, что нынешний Совет предоставит им такой шанс, казалась все выше и выше. Конечно, клика заговорщиков Гларврета должна сначала справиться с некоторыми враждебными тайными фракциями, которые хотят добиться того же — например, с фракцией под предводительством Корморота из Западных Врат. И если разразится открытая гражданская война, им придётся быть крайне осторожными в выборе кормирских дворян, которых они будут поддерживать, и тех, с которыми будут враждовать, убивать и предавать.

Некоторые представители знати хотели возвращения старых дней Кормира, когда горстка богатых и могущественных домов управляла королевством и держала на троне марионеточного Обарскира, с королевским магом, который служил этим домам как поводырь для короля, а любые боевые маги, существование которых стране приходилось терпеть, были всего лишь самоучками, которые ходили в патрули с самыми низкопоставленными драконами и подчинялись простым меч-капитанам. Тогда новые и менее значительные знатные семьи можно будет под любым предлогом отправить в могилы, а лавочникам и крестьянам напомнить, что их место — под пятой высокорожденных господ. И Сембия выучит жестокий, быстрый урок в войне, которая истощит их сундуки. Блесы, Кормерилы и остальные вернутся к управлению делами в далёких городах и государствах, лишившись своего богатства. Эту фракцию возглавляли лорд Альсевир и лорд Ханткраун, но были некоторые сигналы, указывающие на то, что они готовы выступить друг против друга, если наберут достаточно сил.

Затем были две меньшие группы старых дворян, которые хотели избавиться от Обарскиров и увидеть новую династию на Драконьем Троне.

Заговорщики, которых возглавлял лорд Краунруд, с другой стороны, желали вымести всю «старую гниль» древних родов из королевства. Всяких там Иллансов, Краунсильверов и Ханткраунов изгонят или вырежут под корень, чтобы измены и ошибки прошлого никогда не повторялись, а королевство стало процветать заново под мудрым и справедливым правлением короля Мелдера Краунруда, разумеется. Мэншун едва сумел подавить фыркanye, едва вспомнив об этом.

Заговорщики, которых возглавляли Златоперья и Эммараски, хотели, чтобы страной правил совет из шести лордов во главе с семьями, как ни странно, Златоперьев и Эммарасков, — который выбирал бы подчиняющегося им короля, после чего все крупные и богатые семьи, не входящие в совет, старые и новые, были бы лишены богатства и титулов и изгнаны из страны по приказу этого сурового монарха. Как именно шестеро правящих лордов намеревались этого добиться, Мэншун пока не слышал... и сомневался, что они подготовили какой-либо вменяемый план этой великой чистки, или способны были, когда наступит время, воплотить в жизнь вообще хоть какой-нибудь план.

Более молодые и менее влиятельные дома ожидаемо не хотели допустить доминанции древних семей. Мэншун слышал про фракции под предводительством лордов Халверона и Торчмора, но пока не определил, кто на самом деле их поддерживает, какие планы они вынашивают и какой подготовкой занимаются — если занимаются вообще.

Ему приходилось слышать циркулирующие среди собравшейся в Сюзейле знати шепотки о том, что кто-то вторгается в рассудок благородных лордов — должен, раз уж робкие действуют так смело, а непоколебимые старики бросают свои старые свары так быстро и решительно — но никакого согласия в вопросе, кто и как это делает, не было.

Ну, ответом на «как», разумеется, была магия, но кто её творил? Нанятые чужеземные чародеи или боевые маги, которые играют в собственные игры или служат Короне в каком-то мрачном столкнуть-знать-со-знатью заговоре — личность мага была предметом, по поводу которого титулованные кормирцы не могли достичь согласия. Они даже не могли решить, юным глупцом Грозозмеем манипулировал тот же самый человек, что прятал командира призраков синего пламени от всех домашних волшебников — и дворцовых магов — разыскивающих того, кто держит власть над призраками, или нет.

Мэншун подавил улыбку. Было приятно, что его козни замечали и боялись, даже если никто пока и не знал, кто за ними стоит. Ничего, для этого ещё наступит час...

Их провели в высокий и роскошный пиршественный зал. Одна из его стен была покрыта прекрасными барельефами, изображающими сцены охоты. Противоположную стену делил надвое внушительный ряд высоких стрельчатых окон. Многочисленные свечи в канделябрах отражались в блестящих тарелках, блеск которых, в свою очередь, отражался в окнах.

Гларврет обернулся к ним с улыбкой.

— Добро пожаловать за мой стол, лорд Олдбрайдл! Давайте...

Остальные его слова потерялись за ударом почти оглушающего пронзительного грохота, когда под сапогами тяжело вооружённых мужчин, влетевших внутрь на крепких верёвках, разбились несколько окон, засыпав помещение дождём бесчисленных осколков. Неожиданные гости тяжело приземлились, и покачнувшись, выхватили мечи и топоры, а затем принялись рубить и колоть всё, что двигалось.

Гларврет закричал и бросился бежать, забыв о госте.

В зал потекли стражники, но нападающие не обратили на них внимания. Они бросились за Гларвретом. Торговец распахнул тайную дверь в стене со сценами охоты и нырнул в неё.

Лорд Олдбрайдл попытался последовать за ним, но его зарубил ближайший вооружённый нападающий.

Буррат над умирающим господином вонзил свой меч прямо в глотку его убицы. Затем он развернулся и протаранил дверь, выставив плечо, прежде чем Гларврет успел закрыть её.

Отброшенный дверью, купец тут же бросился бежать.

— Закрой! Закрой! — завопил он через плечо, исчезая в тёмном и узком проходе, который шёл вдоль стены с барельефом.

Буррат выполнил его просьбу так быстро, как только смог, ударяя одного из нападавших, попытавшегося влезть внутрь, пока тот не упал назад. Грохнула дверь. Он нащупал засов и петли и запер дверь.

С той стороны сразу же обрушились тяжёлые удары. Он не стал задерживаться, чтобы выяснить, как долго выдержит дверь.

— Кто твой враг? — крикнул он, бросаясь за Гларвретом.

— Корморот из Западных Врат! — раздался крик в ответ. — Ты не узнал его? Ты его только что убил!

Вслед за этими словами раздался тяжёлый металлический стук, когда прямо перед Бурратом в проходе упала металлическая решётка, отсекая его от убегающего Гларврета.

Телохранитель остановился, пожал плечами и вернулся по проходу к запертой двери. Ту с энтузиазмом рубили топорами, но дверь была толстой и прочной; ему должно было хватить времени на поиски другого выхода из особняка Гларврета.

В другом направлении проход заканчивался дверью, которая вела в буфетную. Повара и горничные бегали и визжали; его появление заставило их сломя голову броситься дальше в

особняк

Мэншун повёл своё позаимствованное тело вслед за ними, уверенный, что они бегут к чёрному ходу — помой с кухни надо куда-то выливать, и чаще всего через удобный задний ход — и он сможет последовать за ними куда-то далеко от смертоносных заговорщиков Западных Врат.

Нельзя, впрочем, сказать, что ночь была потрачена напрасно. Отнюдь. Андрант Гларврет был крайне испуган, и борьба за будущее Кормира лишилась одного амбициозного купца-авантюриста из чужих земель. Ну что ж, бойня наверняка произойдёт и без него.

* * *

— Вот, — неожиданно сказала Амарун, ныряя в ворота. — Здесь достаточно уединённо. Она потащила за собой Шторм и обхватила руками высокую женщину.

— Рун, — прошипел Арклет, всё ещё задыхаясь после того, как на ходу спрыгнул с седла несущейся лошади, силой заставил взмыленное, брыкающееся животное остановиться, а затем снял свою госпожу, у которой побелели костяшки, из того же седла, — что ты делаешь? Это *королевские сады*! Их охраняют по ночам и...

— Ничего плохого не случится, если твои подруги не пойдут дальше, — раздался из темноты с противоположной стороны ворот спокойный голос пурпурного дракона. — Разве что, хм, тебе нужна помощь в том, чтобы, хм, *совладать* с ними...

— В этом *нет* необходимости, — резко ответил Арклет, немного неуверенно схватившись за двух обнимающихся женщин. Как оказалось, он схватил Шторм за локоть. В обмен на его попытку оттащить она издала страстный стон, заставив Рун беспомощно захихикать.

Он позволил своей руке упасть, даже не глядя зная, что из высокой арфистки в его возлюбленную струится прах. Его Амарун сдавалась Эльминстеру.

Снова.

— Будь ты проклят, волшебник, — прошептал он беззучно, опомнившись как раз вовремя, чтобы не предупредить стражника — и всех незримых товарищей дракона; они никогда не охраняли ворота в одиночку — что в этом замешан маг.

— Полагаю, дворец всё ещё открыт для тех, кто объявляет о своём запоздалом прибытии на Совет? — спросил он громче.

— Нет, господин, — раздался из мрака твёрдый ответ. — Были... неприятности. Совет отложили до утра, и прямо сейчас дворец и двор накрепко заперты и находятся под максимальной охраной. На вашем месте я бы убрался подальше отсюда до тех пор, пока утром не протрубят трижды. Если до тех пор вы или ещё кто попытается попасть внутрь, у нас есть приказ помешать этому. С применением силы.

— Ах. Понятно. Благодарю, верный меч.

— Доброго вам вечера, лорд, — раздался дружеский ответ.

Арклет вздохнул и снова потянул Шторм за локоть. В этот раз они с Амарун охотно вернулись с ним на улицу.

— У вас в имени найдётся тёплая вода для ванны, я надеюсь? — спросила среброволосая арфистка.

— Найдётся, — коротко ответил Арклет, быстрым шагом направившись вниз по

Променаду к ярко освещённому участку, где улица огибала королевский двор. — И пока вы будете плескаться, леди Иммердаск, я хотел бы обменяться парой слов с Эльминстером.

— Ты что, копишь их, парень? — пробормотала Рун голосом Эльминтера. — Сейчас тебе их разве не хватает? Я что-то не заметил за тобой нехватки слов!

* * *

Телохранитель убитого лорда к полудню следующего дня мог оказаться преследуемым в Сюзейле человеком — или оказаться слишком незначительным для того, чтобы обратить на себя внимание местных законников, если Совет пройдёт так, как ожидалось. Мэншун не стал рисковать. Буррат взобрался на высокое здание рядом с лавкой алхимика и предпринял опасный прыжок на крышу Сронтера, приземлившись так, что застучали зубы и затряслась крыша, а измотанный Сонтер вскочил с постели. Избавив Буррата от необходимости расталкивать хозяина.

Мэншун приказал алхимику дать Буррату выпить нечто, что заставит телохранителя уснуть и надолго задержит здесь, а затем приказал пострадавшему Сронтеру уступить Буррату собственную кровать.

Сронтер слишком устал и валился с ног, чтобы спорить. Он заснул в соседней комнате, достав одеяло из редко открываемого сундука.

Мэншун так его и оставил, вселившись в одного из пяти созерцателей и вылетев в ночь. Оставались дюжины мелочей, о которых по-прежнему требовалось позаботиться, чтобы Совет обернулся сокрушительным успехом — или не менее сокрушительной неудачей для тех, кому по нраву были нынешние порядки и стабильность Кормира.

— Эти королевства, — произнёс он, заставив созерцателя издать шипящее гудение, — принадлежат тем, кто готов подчинить их своей воле. До тех пор, пока я не уничтожу всех, кто дерзает совершить подобное, разумеется.

* * *

Арклет прочно закрыл дверь. Лица слуг, которые наносили воды из кухонных котлов, старательно ничего не выражали. Он позволил им думать, что пожелают, о том, что младший лорд Делькасл делит лучшую ванную с танцовщицей и незнакомой среброволосой женщиной.

Шторм нырнула в большую ванну из розового мрамора, которую предпочитала его мать, ещё прежде чем Арклет успел обернуться и предложить ей халат. Он неожиданно оказался перед торопливо раздевшейся Рун, которая тут же уселась на край ванны и сказала ему голосом Эльминтера:

— Ты знаешь, что этот Совет обернётся кровопролитием и гражданской войной, не так ли? Форила убьют прямо на месте, если Тимора не улыбнётся нам и мы не будем бороться изо всех сил?

— Неужели? — огрызнулся Арклет. — Даже с могучим Эльминстером на страже?

Эльминстер пожал плечами.

— Как это?

Он провёл одной из рук Рун по её обнажённому и стройному телу. Шторм поднялась из ванны, как морской дьявол, указывая Рун, что вода в её распоряжении. Эльминстер мрачно пояснил юному лорду:

— *Это* тело не сможет провести меня даже за двери.

Рот Арклета сжался в тонкую суровую линию, и его взгляд стал убийственным.

— Ну нет, — сплюнул он. — Нет. Я не впусти тебя к себе в голову. Уверен, ты можешь использовать какое-то заклинание, чтобы проложить себе путь и в мгновение ока лишить меня власти над собственным телом — но я буду бороться. Я никогда не отдам своё тело и не позволю голосу дома Делькаслов быть украденным... волшебником, котрому я не могу доверять, который в действительности может оказаться кем угодно, который... который...

У него закончились слова и он яростно уцепился за воздух в гневном «вон отсюда!» жесте.

Шторм поднырнула под его руку и схватила халат, позволяя ответить Рун. Та погрузилась в тёплую ароматную воду.

— Я не буду вторгаться в твою голову силой, парень. В этом нет необходимости. Пока. Я просто предупреждаю, что надо рассчитывать на худшее. Я вижу это впереди и у меня почти нет сил, чтобы противостоять беде.

— Разве ты не легендарный всемогучий Эльминстер?

— Я никогда не был всемогущим. Даже близко. В лучшем случае я был семенящим, не слишком-то организованным перетрудившимся дворцовым мальчиком на побегушках. Да, тебе лучше всего смотреть на то, что я делал и кем был, именно так. А сейчас я даже слабее. И да, чтобы предотвратить беду на Совете, я могу сделать совсем мало.

— Совсем мало? — горько переспросил Арклет. — Так почему ты всегда ведёшь себя так, как будто можешь позаботиться обо всём?

Эл помахал пальцем, как никогда не сделала бы Амарун, и сказал мягко:

— Подобные манеры хозяина мира многого стоят, парень. Сами по себе. Попробуй — увидишь.

— Тьфу! — воскликнул Арклет, снова лишившись дара речи.

Шторм хлопнула его по плечу.

— После такой прогулки по лесу тебе нужно принять ванну, — сказала она. — И пока ты будешь в ванной, выпусти немного этого бурлящего гнева и верни нам беспечный, весёлый Цветок дома Делькаслов, которого весь Сюзейл привык видеть беззаботно разгуливающим по улицам.

Арклет посмотрел на неё, пытаясь — успешно — не опускать взгляд ниже подбородка и не глядеть на остальное её тело, которое она вытирала полами открытого халата.

— И какой от этого будет толк Кормиру, готовому погрузиться в кровавую бойню? — фыркнул он.

— Это будет приятнее нам, — мягко отозвалась она.

— Тьфу! — любезно подсказал Эльминстер, прежде чем Арклет смог набрать достаточно воздуха и снова исторгнуть из себя этот комментарий.

Арклет посмотрел на него — или, скрее, на голое мокрое тело Амарун, когда она вышла из ванны, чтобы взять протянутый Штрм халат — затем обернулся и гневным нырком бросился в ванну, заставив воду хлестнуть о стены и потолок.

Каким-то образом, пока вокруг его ушей бурлили пузыри, а полурастворившееся ароматное мыло в воде щипало глаза, он почувствовал себя немного лучше.

Ему предстояла худшая кровавая баня с убийством знати, которую когда-либо видел Кормир, но по крайней мере он будет чистым и хорошо пахнущим.

Глава 9

Величественный совет

В холодном утреннем воздухе Сюзейла разнёсся звук фанфар, призывающий глав благородных домов на Совет Дракона. Амарун проснулась, когда встал Арклет, хотя он оделся и вылетел из особняка Делькаслов, не сказав своим гостям ни слова.

Шторм бесшумно открыла дверь Рун. На ней было только небрежно обёрнутое вокруг тела одеяло. Она молча протянула девушке грудку одежды. Оказалось, что это — роскошные платья. Позаимствованные из гардероба леди Делькасл, догадалась Рун, но решила не спрашивать. Шторм всё равно опять исчезла.

Амарун выбрала тёмное, длинное и строгое платье, которое более-менее ей подходило. Платье было слишком дорогим на её вкус, но с помощью пояса его можно было плотно обернуть вокруг туловища, а Шторм вручила ей несколько прекрасных поясов. Под платье она надела собственное бельё и сапоги, посмотрела в зеркало в гостевой комнате, моргнула, затем пожала плечами и распахнула дверь.

Снаружи стену коридора подпирала Шторм, тоже в собственных сапогах — конечно, заполненных прахом Эльминстера — но над ними облачённая в роскошное платье, по которому, была уверена Рун, будет скучать леди Делькасл.

— Пойдём, — тихо сказала Шторм. — Будем штурмовать дворец.

Они торопливо покинули особняк, по пути не останавливаясь кивая слугам, и быстро пересекли двор.

По улицам грохотали экипажи, и выйдя за ворота, они увидели идущих пешком дворян, одетых в свои лучшие костюмы.

Взявшись за руки, Шторм и Рун двинулись по улице, чтобы присоединиться к ним.

* * *

По городу снова разнёсся звук фанфар.

— Второй раз, — заметил богатый купец, надевшийся вскоре получить титул, одному из собравшихся у дворца дворян. Висящие над воротами знамёна хлопали на ветру. — Третьи прозвучат, когда все рассядутся, чтобы дать знать городу, что скоро начнутся речи. Надеюсь, захватили фляжку для скучных кусков?

Лорд проигнорировал его, прошагав мимо, не останавливаясь и не отвечая.

Горожане выходили на балконы, выглядывали из окон и дверей лавок, чтобы поглазеть на проходящую мимо знать.

Был здесь и этот юный хлыщ, лорд Арклет Делькасл, и тот тихий старый лорд Адарл Саммерстар («Настоящий джентельмен!»), а позади них ехала в открытом экипаже леди Делейра Трусильвер с потрясающей шляпкой на голове («Она разве не хворала недавно? Прекрасно сейчас выглядит!»)

Тем из зрителей, кто находился на Променаде или обладал достаточно близким наблюдательным пунктом, видны были бдительные ряды боевых магов у ворот дворца.

Но ни один из наблюдателей не был так близко, чтобы услышать, как старый стражник, стоящий на посту у дверей во дворце, говорит своему младшему напарнику — неопытному,

зато бегаящему шустрее товарища-ветерана — что боевые маги, которых он видит, наименее сильные и стоят здесь ради показухи.

— По-настоящему могущественные все внутри, вглядываются в чужие умы, смотрят и слушают, как совы на охоте.

— Я рад буду, когда закончится этот день, — сказал в ответ молодой.

— И я тоже, парень, — ответил старший стражник. — Третьи фанфары прозвучат, когда начнётся настоящее веселье — сам Совет.

* * *

Голова лорда Данталуса Блэксильвера кружилась от резкого сладкого запаха тропических цветов, которыми был надушен воск, использованный лордом Наэриком Андольфином, чтобы уложить раздвоенный клин своей бороды, но Блэксильвер воздержался от замечания по этому поводу. Если бы новоприобретённый друг не предложил подкинуть его к дворцовым воротам, ему пришлось бы идти пешком.

Их карета прогремела по расшатанной мостовой, затем промчалась мимо других лордов. Двое пассажиров проводили время, обмениваясь мнениями о недавно опробованных винах и превосходных сырах из далёких земель. Лорд Данталус Блэксильвер считал, что чрезвычайно хорош в праздной болтовне.

— О боги, — воскликнул хозяин экипажа, прервав на полуслове восхваление мягкого сембийского шарпнипа и глядя за спину своему гостю. — Нет, вы только представьте! Я думал, только дамы занимаются подобными глупостями!

— Что? — спросил Блэксильвер, а затем увидел. — А. О, вижу. Вижу.

Позади них по Променаду катились крупные разукрашенные экипажи, которые тянули одинаковые упряжки роскошных лошадей. В каждой карете сидел лишь один лорд, как будто одному человеку требовалась целая дюжина лошадей. Вдалеке виднелись ещё более помпезные повозки — одна был похож на корабль, вытянутый из гавани массивной колесницей, а у второй, кажется, были *балконы* — и все эти экипажи двигались ко дворцу.

В этом, как и во многих других отношениях, кормирские дворяне пытались перещеголять друг друга.

Блэксильвер уставился на упряжку с необычным раскачивающимся ходом.

— Это что... львы?

— Да, — коротко отозвался Андольфин. — Должно быть, пришлось нанять мага, чтобы держать их в узде. Надеюсь, никаких проблем из-за магии не возникнет.

В их поле зрения возникло нечто, казалось, приводимое в движение *драконами*, и Андольфин снова затряс головой, не веря своим глазам.

— Должно быть, укрытые иллюзией быки. Этого не может быть взаправду.

Блэксильвер смущённо хмыкнул, когда их экипаж замедлил ход, приближаясь к столпотворению у ворот.

— Если я хоть немного знаю боевых магов, их ярость не заставит себя ждать.

В этом он был прав. Вдалеке изгиб Променада пересекли два экипажа, сопровождаемые всадниками в сияющих доспехах, чьи кони, длинные копыта с флажками и роскошная броня затмевали собой лучший почётный караул пурпурных драконов. Всадники были достаточно многочисленны.

— Кто-то взял с собой личную армию, — прокомментировал хмурый старый лорд из открытого экипажа неподалёку. Мимо бегом промчались боевые маги, направляясь от дворца к далёким наездникам. Торчащие в окнах и дверях наблюдатели зашептались, завидев несанкционированную демонстрацию военной мощи.

Андольфин и Блэксильвер увидели, как бегущие маги Короны остановились, чтобы наложить заклятья, а затем грозно устремились вперёд. Спустя миг кони промчались мимо вдоль линии экипажей и миновали дворец. Промчались, не останавливаясь, несмотря на удары шпор и натянутые поводья их удивлённых ездоков.

Один из всадников даже упал с коня, и тот с пустым седлом продолжил скакать дальше. Всадник бросился следом, схватил поводья и с силой потянул; конь потащил его за собой, ни капли не сбавив скорость.

Всадники проскакали по Променаду до Восточных ворот и сквозь них, некоторые выкрикивали просьбы о помощи или ругались.

Андольфин засмеялся.

— Держу пари, за этими воротами ждут драконы с лагерем, разбитым, чтобы собрать там этих идиотов.

Блэксильвер покачал головой.

— Не принимаю. Уверен, что так и есть.

Они снова посмотрели на львов.

— Надеюсь, что боевых магов хватит, чтобы унять стычки, иначе...

— Да, — согласился Андольфин. — Иначе.

* * *

Имя лорда Арклета Делькасла не произвело впечатления у ворот; драконы окинули её взглядом с головы до пят и покачали головами.

Амарун бросила взгляд за их ряды, надеясь — напрасно — увидеть Арклета.

— Меня ждут! — почти умоляюще произнесла она. — Отсюда меня будет сопровождать лорд Делькасл!

Стражники лишь засмеялись, покачали головами и твёрдо ответили:

— Не сегодня, подруга.

Тогда Шторм Среброрукая взяла её за руку и повела её, обогнув драконов, к бдительной линии боевых магов, невозмутимо бросив стражникам:

— Даму *ждут*, сэры.

Когда они с удивлением уставились на Шторм, она добавила:

— Пожалуйста, пройдёте со мной, леди Амарун. Лорда Делькасла задержали, хм, некоторые из более *требовательных* господ, и он послал меня, чтобы забрать вас.

Она потащила изумлённую Амарун во дворец, пробормотав слова «Ганрахаст сказал мне, что сокол тёмен» ближайшему боевому магу.

Маг моргнул и уступил дорогу, изумлённый тем, что услышал кодовую фразу от незнакомой женщины, пробормотав:

— Кто вы?

Шторм наградила его такой тёплой улыбкой, что он покраснел, в её глазах засияли многообещающие огоньки, и она ответила:

— Некто под фальшивой личиной.

— Наверняка, — раздался холодный и знакомый голос по ту сторону дворцовой двери. — И поэтому вы обе можете развернуться и уйти. Подальше. Мы и так слишком заняты сегодня, чтобы развлекать танцовщиц и воровок.

— Глатра, дорогая, — насмешливо отозвалась Шторм, — разве ты не нужна сейчас Форилу больше, чем нам здесь?

— Раз уж ты смеешь произносить имя короля, делай это с большим уважением! — рявкнула Глатра, махнув стражникам поблизости, чтобы они увели Шторм и Рун прочь.

— Уберите их, — приказала она. — Немедленно.

Суровые на вид драконы подошли к девушкам.

— Вы слышали её, — сказал главный. — Уходите — или вас уведут!

— Если будут сопротивляться, не нежничайте, — добавила Глатра, отворачиваясь, чтобы наградить яростным взглядом новоприбывших дворян.

Шторм снова взяла Амарун за руку и зашагала вниз по улице — слишком быстро, чтобы стража стала далеко их сопровождать.

— Что теперь? — прошептала Рун. — Мы сдаёмся?

— Конечно нет. Есть дюжины способов проникнуть во дворец, — ответила Шторм. — Вот отсюда, например.

Она нырнула в дорожную лавку, послала владелице взмах рукой, включающий в себя какой-то тайный сигнал, затем нырнула в боковую дверь и вниз по тёмным и узким ступеням... лишь затем, чтобы резко остановиться перед копьём, которое сжимал суровый на вид пурпурный дракон. Позади него висел фонарь, а за фонарём стояли другие драконы и боевой маг.

— Дворец, — сухо произнёс полускрытый во тьме маг, — закрыт. Возвращайтесь завтра.

Без единого слова Шторм поднялась обратно по лестнице и вышла на улицу. Амарун пришлось поспешить, чтобы нагнать её.

— Они охраняют все входы, — вздохнула танцовщица.

Вскоре стало казаться, что так и есть. Ворота конюшен были заперты и охранялись отрядом драконов с копьями. Следующие два потайных тоннеля, ведущих из лавок, которыми попыталась воспользоваться Шторм, тоже охранялись. И на стук в дверь высокого дома позади конюшен ответила не красивая хозяйка, как обычно, а кислотицей боевой маг, который твёрдо сказал:

— Сегодня днём и ночью во дворце никому греть постели не нужно, спасибо, — и захлопнул дверь прямо перед ними.

— В королевских садах тоже полно стражи, — прокомментировала Рун, заглянув через плечо Шторм. — Это был последний путь внутрь?

— Нет, — ответила Шторм, — но я надеялась избежать медленных и неприятных. Иначе мы можем слишком поздно добраться к палате Совета.

Прижав палец к губам, она скользнула вдоль укрытой плющом стены высокого дома, из которого их только что выставили, завернула за угол и нырнула через узкую калитку в сад.

Добравшись до определённого участка заросшей плющом стены, Шторм увидела, что потайная дверь, которую она искала, открыта. Тот же волшебник глянул на неё исподлобья, сжимая в руках жезл, и сказал:

— Для простых продажных девок вы слишком настойчивы. Я, наверное, просто...

Ударивший его по затылку горшок издал твёрдый звенящий звук, и глаза мага закатились, прежде чем он тяжёлой неловкой грудой рухнул на створку двери.

Над сжимавшей горшок волосатой рукой Шторм и Рун улыбалось усатое старое лицо.

— Добрый день, барышни! Шторм, ты провела меня во дворец, и с тех пор я находил прилично еды и питья, так что настала моя очередь оказать тебе услугу! Дай только я оттащу этого увальня с пути, а затем входи! Добро пожаловать!

— Мирт! — счастливо поприветствовала его Шторм. — Я тебя расцеловать готова!

Он тут же с энтузиазмом воспользовался её предложением, и она ответила так пылко, что Амарун, протиснувшись мимо них, прошептала ей на ухо:

— Уверена, что никогда не была танцовщицей в маске?

Шторм хихикнула и оторвалась от губ Мирта.

— Позже, старый развратник, — нежно сказала она ему. — Сейчас мы немного торопимся. Надо спасти королевство.

— Ещё одно? Какое на этот раз?

* * *

Скрываясь за скачущим взглядом юного и взволнованного лорда Яссура Драгонвуда, Мэншун внимательно прислушивался к раздающимся вокруг комментариям благородных лордов, теснящихся и глазеющих, смеющихся и махающих... и втекающих сквозь одну из дверей в Зал Правосудия. Судя по тому, что он слышал, в подстрекательстве не было необходимости: лорды сами жаждали шанса вступить в спор с королём.

Он правильно оценил ситуацию, и поэтому держался подальше от разумов Краунруда и Лоруна, и укрыл все их воспоминания о себе плотной завесой. Без его влияния они будут лучше играть свою роль — и поскольку они, как и любой другой титулованный лорд и леди Лесного королевства, были расходным материалом, любое безрассудство с их стороны устраивало Мэншуна.

Будущий Император Кормира и Остального мира будет вполне доволен при условии, что кто-нибудь вытащит меч, прерывая Совет, или Форила заставят превратиться в тирана ради сохранения порядка, вынуждая большую часть дворян прекратить злиться на него.

Посмотрим, оказались ли дворцовые тупицы настолько глупы, чтобы навязать лордам конкретные места? Нет, похоже что нет, за исключением небольшой королевской зоны.

Ну что ж, подобного рода глупости сделали бы всё *слишком* простым.

* * *

В толпе дворян у одной из дверей в Зал Правосудия Арклет оглянулся на длинный, укрытый багровым ковром дворцовый коридор, который он только что пересёк, задумавшись, доведётся ли ему ещё раз увидеть эту роскошь незапятнанной, а часовых — такими мирными. Ему пришлось заглянуть через плечо лорда Брельбэйна — из года в год остающегося всё тем же утомительным старикашкой — и Арклет с испугом увидел посередине коридора Амарун Белую Волну в прекрасном платье, направляющуюся в его сторону.

Обогнув Брельбэйна и не обменявшись с ним ни словом, он шагнул ей навстречу.

— Ты попала внутрь? *Как?*

Ближайший стражник резко повернул голову, чтобы бросить на Амарун пристальный взгляд, и она засмеялась, ответив:

— Ну как же, Арклет, когда ещё представится такая возможность увидеть дворец и решить, нравится ли мне здесь, и при этом не страдать от расспросов скучающих стражников, придворных слуг, боевых магов и высокородных снобов... хм... *других высокородных снобов?*

— Дворян, — поправил он.

— Дворян, — эхом отозвалась она.

Арклет привлёк её поближе, бросив стражнику хмурый «не твоё дело» взгляд, и прошептал:

— Но... но как ты попала внутрь, Рун? Мимо стражников и всего остального?

— Мирт провёл нас, — ответила Амарун. — Шторм и меня, вот...

Она повернулась, чтобы указать на Шторм, и обнаружила, что показывает на пустое место. Шторм Среброрукой нигде не было видно.

Вокруг них громогласно затрубили третьи фанфары.

* * *

Комната вдоль застеленного багровым ковром коридора была тесной, пыльной, роскошно обставленной и занятой единственной среброволосой женщиной, которая разговаривала сама с собой.

Или, скорее, спорила с клубящимся облаком пыли.

Я должен попасть на этот Совет. Так что либо мы подчиним какого-то бедного-несчастливого высокопоставленного дворцового слугу или куда менее бедного лорда, либо я отправлюсь обратно в твои сапоги, и ты отправишься прямо туда. По крайней мере донеси меня к открытой двери, чтобы я мог просочиться внутрь и найти подходящую жертву, пока ты отвлекаешь стражу.

Шторм вздохнула.

— Нет, Эл. Это не сработает. Только не со всеми волшебниками, старшими рыцарями и драконами, которых они собрали вокруг этой палаты.

Покажи им зубки, Грозовая. Обычно это срабатывает.

Шторм покачала головой.

— Я ни капли не возражаю против попытки, просто не думаю, что это сработает. Не сегодня. У каждой двери куча боевых магов, сжимающих жезлы, получивших приказы использовать их без промедления, и на лицах у них — тревога и возбуждение. Они тебя испепелят.

От меня и так осталась лишь пыль; что они смогут сделать?

— Именно! — прошипела Шторм. — Мы не знаем! Они могут тебя уничтожить! И всё закончится прямо здесь — грёзы Мистры, твои обещания, всё остальное — из-за горстки дворян, грызущихся за Драконий Трон, чем они занимались с тех самых пор, как Драконий Трон вообще появился. Эл, да подумай ты головой!

У меня её больше нет, прозвучал предсказуемый ответ.

— Тогда воспользуйся моей!

Нет, нет, подружка, ты должна сделать это для меня. Всякий раз, когда я веду себя как безумец, всё идёт наилучшим образом, помнишь?

— Видимо, моя память, Старый Маг, куда менее избирательна, чем твоя!

* * *

Амарун и Арклет вместе повернулись к ближайшим дверям, которые вели в Зал Правосудия, но многочисленные хмурые боевые маги и пурпурные драконы не позволили Амарун войти.

— Слушайте сюда! — резко начал Арклет. — Я лорд Делькасл, и я...

— Никаких телохранителей или спутников, — так же резко ответил ему старший боевой маг. — Король дал чёткие указания, так что если хотите избежать неловкостей, лорд, вам лучше...

— Не стоит давать мне советы, — начал Арклет, он замолчал, когда Амарун вонзила свои будто стальные пальцы в его бедро.

— Лорд Делькасл, у вас есть обязанности перед вашей семьей и королевством, — прошипела она ему на ухо. — Идите к своему месту. Потом расскажете мне, как всё прошло.

И прежде, чем он успел ответить, она отвернулась, оставив его глядеть в лицо волшебнику, который проводил мастерскую демонстрацию насмешливой ухмылки без того, чтобы, собственно, ухмыляться.

Высоко задрвав подбородок, Арклет шагнул мимо него в Зал Правосудия.

* * *

Шторм пропала, и вместе с ней, разумеется, Эльминстер. Они что-то задумали, и Амарун выполнила свою часть — до поры.

Значит, танцовщицы в масках всё-таки могут оказать мелкую и скромную помощь в спасении королевств.

Шагая обратно по укрытому багровым ковром проходу, Амарун Белая Волна не увидела, как старший боевой маг посылает трёх других проследить за ней.

* * *

На третий сигнал труб слуг отослали из зала, и большая часть боевых магов и драконов вышла, чтобы встать караулом снаружи. Торопясь к ближайшему незанятому месту на заполненных знатно овальных ярусах, за исключением благородных лордов Арклет заметил только пару телохранителей в доспехах и двух писарей рядом с королём. Все присутствующие, скорее всего, догадались, что на самом деле это старшие рыцари и боевые маги.

Старший писарь поднялся, его резкое движение приглушило болтовню в зале, и ударил в маленький колокольчик. Воцарилась тишина. Начался Совет Дракона.

Король Форил встал, чтобы обратиться к лордам. Он казался скорее спокойным, чем воодушевлённым. Неужели в его лице виднелся намёк на грусть?

Арклет весь превратился в зрение и слух, рассматривая выражения на лицах других благородных господ. У большинства, как например у Харкулдрагона, виднелось открытое презрение.

Форил хотел, чтобы все лорды принесли «кровную клятву» присутствующим волшебникам. Это значило, что маги заберут у каждого лорда пузырьёк его крови, и если принёсший такую клятву совершит в будущем измену, они наложат на его кровь заклятие. Это должно было стать клятвой верности кронпринцу Ирвелу — который с безразличным видом сидел слева от короля; клятвой служить ему и хранить безопасность его персоны, чтобы он взошёл на Драконий Трон и затем правил, как законный король Кормира.

Взамен король Форил выразил свою готовность восстановить «некоторые» права и привилегии, ограниченные рескриптом — если собравшиеся дворяне сумеют убедить его, что это не навредит жизни кормирцев, родившихся без титула.

— Я услышал о вашем гневе, напрямую и из докладов о том, что вы говорили вслух, но не мне в лицо. Помните, что я должен справедливо править *всеми* кормирцами, высоко- и низкорождёнными. Я готов обойтись без увёрток, длинных речей и оскорблений, и окончательно решить это дело, здесь и сейчас. Так какие права и привилегии вас больше всего беспокоят, добрые лорды моего королевства?

Король вопрошающе простёр руки и снова сел. Его сидением, заметил Арклет, был не трон, а такое же кресло, как и все остальные в палате.

После короткой неуверенной паузы начался шум. Старый Крескур Маунтвирм оказался достаточно смел, чтобы встать первым. Лорд за лордом следовали за ним, каждый поднимался, чтобы заговорить о том, что именно он желал восстановить.

После того, как желавшие поболтать языками — Арклета среди них не было — закончили, оказалось, что восстановить лорды хотят всё.

Немногие из них предъявляли чрезмерные требования, но если сложить их все воедино, получалось, что требования лордов не только отменяли рескрипт, но и наделили бы знать ещё большей властью, чем прежде, превратив кормирского короля в простую марионетку.

Другими словами, произошло именно то, чего и ожидал Арклет.

Теперь должно было начаться *настоящее* веселье.

И если все в этой зале были более везучими, чем того заслуживали, возможно — лишь возможно — на следующее утро их королевство ещё будет стоять на своём месте.

Глава 10

Я всё это предвидел

Тихий звук позади неё — шорох быстрых шагов по ковру — заставил Амарун оглянуться.

Дальше по коридору, вдалеке, виднелись трое мужчин в мантиях. Боевые маги. Они направлялись к ней, их грозные взгляды не отрывались от девушки.

Они шли за ней.

Рун ускорила шаг и снова оглянулась. Маги, с тонкими улыбками, догоняли её.

Вздыхнув от смешавшихся страха и злости, она подошла к повороту, повернула за угол — и обнаружила, что угодила в ловушку.

Проход вперед был долгим, прямым и заканчивался закрытыми двойными дверями, которые были заперты на засов. Вдоль прохода были другие, не такие большие двери, но все были закрыты и скорее всего заперты. Она попробовала ближайшую.

Да. Заперта.

Рун торопливо двинулась по коридору, три волшебника вышли из-за угла вслед за ней.

Внезапно незримая сила вцепилась в её ступни и лодыжки, она споткнулась и упала.

Магия.

Снова вскарабкавшись на ноги, она обнаружила, что маги Короны почти настигли её.

— Именем короля, — приказал один, — сдавайся, женщина! Тебя подозревают в измене и...

— Чего тебе от меня надо? — огрызнулась она.

В своём изысканном платье она была безоружна и стояла неподвижно, задыхаясь после падения и от нарастающего страха, пока маги окружали её.

— Повиновения, — мрачно ответил другой маг, — что, напоминаю, ожидается от любого верного Короне кормирца! Если ты невиновна, тебе нечего бояться. Несколько быстрых заклинаний расскажут нам, что у тебя в голове, и...

— И я сойду с ума! — фыркнула Амарун. — Буду лаять, пускать слюну и...

— Ну-ну, — успокаивающе сказал третий маг, — но ты будешь верной и...

Позади них открылась дверь, и оттуда вырвался вихрь пыли, окутавший их головы.

Амарун быстро пригнулась, когда волшебники встревоженно закричали и начали творить заклинания. Сквозь увлажнившиеся глаза она увидела, как они шатаются, а из двери выходит кто-то ещё.

Могла Рун сбежать?

Нет, новоприбывшая, казалось, знала, где она находится, и шагала прямо к ней, вытянув руку...

Это была Шторм!

Пришло в действие заклинание боевого мага, хлестнув Шторм молнией. Она пошатнулась, но схватила Амарун за руку и потянула её к по-прежнему открытой двери.

Ударило новое заклинание, и когда Шторм застонала от боли, Рун почувствовала вспышку пылающего жара на плече и вниз по спине. Она низко пригнулась и бросилась в комнату за дверью, оставляя Шторм позади.

Вокруг ругающихся магов по-прежнему кружилась пыль. Оглянувшись, сквозь полные слёз глаза Рун увидела, как Шторм, платье которой было охвачено огнём, падает на руки

ближайшему волшебнику.

Он схватил её, а она схватила жезл с его пояса и использовала его на двух товарищах мага. Те рухнули, Шторм вывернулась, и третьего мага постигла та же судьба. Клубящаяся пыль будто оттолкнула её и заставила поспешить к Амарун, которая протянула руку и втянула задыхающуюся Шторм в комнату.

— Помоги мне с задвижкой на двери, — прошипела она Рун, с тлеющего платья поднимался дым. — Быстрее!

Вместе заперев дверь, они услышали далёкие крики из Зала Правосудия. Крики превратились в громогласный рёв сотен глоток.

* * *

Арклет ошибся: другие лорды далеко не закончили. Осмелев, они опрокидывали друг друга, чтобы встать и закричать. Лорд Ландрар Дасклоак зашел так далеко, что потребовал:

— Совет регентов — набранный из глав благородных домов — должен контролировать боевых магов, армию Кормира и королевское наследование, включая Ирвела. И Совет должен выбирать, кто — Обарскир или не-Обарскир — унаследует Драконий Трон, когда правящий Обарскир погибнет или не сможет более править!

Раздался согласный рёв, а также множество возгласов несогласия и недовольства, когда Дасклоак с триумфальным видом сел на место.

Король поднялся на ноги.

— На это, — сурово сказал он, — я согласиться не могу. Единственная причина существования королевской династии — обеспечить королевство хоть какой-то стабильностью. Если Совет сможет выбрать любого на место короля, всё это будет утрачено, и Кормир превратится в вечное поле боя между фракциями, стремящимися посадить в Совет своих людей и уничтожить тех советников, которые будут придерживаться невыгодных для них взглядов.

Многие лорды вскочили, чтобы прокричать свои возражения, но один гневный голос перекрыл их всех: Обраэрл Фулвезер.

— Легко пророчить такую судьбу! — заявил Фулвезер. — Все мы в мыслях можем призывать тьму и бедствия, ваше величество! Но мы сомневаемся, что Совет будет полной вражды и противоречий пустышкой, каким вы его рисуете. Старшие лорды не глупее и понимают королевство не хуже, чем ваши царедворцы!

Это вызвало общий рёв согласия.

— Ах, — сухо ответил король. — Ну если так, то все присутствующие легко смогут быстро и спокойно договориться, какие именно лорды должны войти в этот Совет, а какие туда не войдут. Так что называйте своих кандидатов, господа, чтобы все мы могли оценить вашу мудрость и благоразумие.

Он с явным вызовом посмотрел на ряды кресел и повторил:

— Называйте.

Разумеется, начался гвалт. Арклет молча ухмылялся, пока продолжались крики, до тех пор пока один одетый в кожу дворянин — лорд Мулькастер Эммараск — не победил со своим скандированием «Слушайте меня! Слушайте меня!»

Когда зал затих, Эммараск выдвинул план для совета из одиннадцати персон,

сформированного из членов конкретных старых семей, таких, как Эммараски и Иллансы, но не включающего Обарскиров, Краунсильверов и Трусильверов. Более того, он заявил, что такова была воля последнего регента королевства, знаменитой и героической принцессы Алусейр, и она, её мать, вдовствующая королева Филфаэрил, и королевский маг тех времён, Каледней, это одобряли!

Прячущийся в зале тайный свидетель не смог вынести такой вопиющей лжи.

В воздухе возникла мерцающая фигура Алусейр Обарскир, гневно указала на Эммараска и закричала:

— Ты лжёшь, Эммараск! Искажаешь мои слова! Как королевский регент, я предлагала учредить исключительно рекомендательный совет из одиннадцати граждан, избранных монархом из выживших Обарскиров, и не набирающий членов из конкретных, одних и тех же семей, благородных или нет. Вот что поддерживали моя мать и Календей. Но все старшие царедворцы и дворяне тех дней возненавидели эту идею, и твой отец был одним из тех, кто в открытую угрожали, что основание подобного совета немедленно станет причиной для восстания, так что этого не произошло! Держитесь правды, благородные лорды, иначе Кормир обречён!

Лорд Мулькастер Эммараск усмехнулся призрачной принцессе.

— Что это ещё за фокусы боевых магов? — спросил он. Не дожидаясь ответа, он окинул взглядом ряды кресел и громко сказал:

— В небесах полно соколов в этом сезоне.

По всему помещению поднялись с мест около дюжины старших дворян. Арклет, как и большинство остальных, замотал головой, пытаясь узнать всех: ближайшими к нему были Латленс Златопёр и Корладроп Сильверсورد.

Эммараск указал на Алусейр.

— Сгинь, фальшивое и лживое видение! Ты не Стальная принцесса из легенд; ты какой-то птенец из боевых магов, говорящий и делающий то, что прикажет Ганрахаст! Сгинь!

Это привело Алусейр в ярость, и призрак пронзил воздух. Лорды заахали и бросились прочь с её пути, а Алусейр пролетела *сквозь* Мулькастера Эммараска. Он схватился за сердце и задрожал, согнулся от боли и застыл, не в силах издать не звука. Развернувшись, она помчалась дальше и проделала то же самое со всеми лордами, вставшими, чтобы поддержать его — пронзила их одного за другим.

Оставив их испуганными и замёрзшими до костей, дрожащими — и разъярёнными.

Другие лорды тоже разгневались. Писари отложили перья и встали, чтобы защитить короля Форила своими жезлами. Тогда многочисленные лорды тут же во всеуслышание обвинили их, как боевых магов, во «вмешательстве в законные дебаты» Совета.

В мгновение ока по всему залу из ножен вылетели церемониальные мечи и кинжалы; старшие рыцари приготовились уводить короля в безопасность. А лорды бросились со своих мест, чтобы окружить короля и не позволить ему никуда сбежать.

Арклет Делькасл вздохнул, доставая свой меч. Всё это было так *предсказуемо*.

* * *

Боевые маги и пурпурные драконы обменялись встревоженными взглядами, когда крики, которые они слышали из-за закрытых и охраняемых дверей, превратились в

громогласный рёв, будто в битве. Нужно ли им войти внутрь? Есть ли в них нужда для предотвращения кровопролития? Цареубийства?

В этот момент к ним решительно подошла Шторм Среброрукая в обугленных останках платья. Амарун шла сразу позади неё.

— По приказу короля проход закрыт, — автоматически сказал дракон, преграждая ей путь.

— Короля, — зарычала среброволосая женщина, — отравили. Мы только сейчас раскрыли заговор! Он скоро упадёт ничком, замертво. Пропустите меня. Разве похоже, что при мне есть оружие?

Она подняла руки, чтобы продемонстрировать, что под цепляющимися за превосходную фигуру обугленными останками её некогда прекрасного платья практически ничего нет. Волшебники и воины непроизвольно уставились на неё.

Затем взволнованно и беспокойно переглянулись.

— Что, если они агенты Марсембера? Или Сембии? Или из Западных Врат? — прошипел один из магов, указывая на женщин.

— Не может быть, — сказал один из драконов помоложе, кивая на Амарун. — Эту я уже видел танцующей в «Драконьих всадниках» — и если она чей-то тайный агент, я свои портянки съем!

Из палаты Совета раздались крики и звон стали.

— Ох, фаррук! — процедил старший боевой маг. Он обернулся и распахнул двери.

* * *

— Сядьте на место! — взревели лорд Саммерстар, лорд Делькасл и другие дворяне, но многие дворяне явным образом намеревались угрожать глоткам кронпринца и короля, и уже скрестили мечи со старшими рыцарями.

В мгновение ока вокруг двух королевских особ закипела ожесточённая битва. Упал боевой маг, хватаясь за перерезанноееёе горло; старший рыцарь исчез под грудой дюжины колющих его дворян; кто-то сумел ударить Ирвела — только чтобы обнаружить, что кинжал вошёл принцу в живот, как будто его там вовсе не было; но тяжёлые удары кулаков, которые раздавал Ирвел, убедили противника, что борющийся Обарскир присутствовал здесь, и к тому же был весьма материален.

— Железная стража! — закричал этот лорд и вцепился в горжетку принца — которая, если верить слухам, содержала подобную защиту — чтобы сорвать её.

Отчаянный рывок старшего рыцаря снёс лорда в сторону, прочь от Ирвела и вниз на пол с тяжёлым ударом. Приземление оказалось для рыцаря смертельным, поскольку и кинжал, и меч корчащегося, стонущего лорда, на которого он приземлился, пронзили его насквозь.

Когда из редкого воздуха на пустом верхнем ярусе возникла женщина в архаичных доспехах, по всему Залу Правосудия раздались испуганные крики и возгласы. Пара изогнутых мечей — с клинками как будто из Калимшана или дальнего Рорина — сверкали в её руках.

Пока лорды смотрели, она опустила на два яруса и вонзила оба меча в лорда Барельдера, который боролся с другим лордом.

Он выгнулся, закричал и упал без чувств. Отбросив ударом ноги его меч, женщина

прыгнула вниз на следующий ярус, увернулась от вопящего дворянина с кинжалом и бросилась на лорда Амбриваля, безжалостно рубанув мечами.

Он сумел полуобернуться к ней среди всей этой бури острой стали, прежде чем женщина перерубила ему глотку. Пока он падал, а голова болталась, фонтаном разбрызгивая кровь, она развернулась и прыгнула вниз на следующий ярус.

Неизвестная мечница отыскивала конкретные цели, подобно молнии двигаясь на своей охоте — с пугающей скоростью прокладывая путь сквозь лордов, волшебников и стражников. Но не её боевое мастерство вселило страх в сердца дерущихся кормирцев. Это была охватывающая её аура холодного синего пламени, которое ничего не поджигало, но оставляло тех, кого она касалась, стонать и моргать от холода.

— Призрак синего пламени! Призрак синего пламени — новый! Прямо здесь! — хриплес закричал лорд Маунтвирм.

— Хватайте её! — заорал юный лорд. — Если мы все набросимся на неё, то сможем прикончить, прежде чем она убьёт всех нас до последнего!

Когда он прокричал эти слова, пылающая фигура достигла высокого, стареющего лорда — Фулвезера — и отправила его кровавой грудой на пол.

Затем синее пламя ярко вспыхнуло — и исчезло.

Призрак растворился так же внезапно, как и появился.

Проклятия наполнили воздух. О лордах Кормира можно было сказать многое, но далеко не все они были глупыми или туго соображали. То, что они только что увидели... да, это было по-настоящему; вон лежал зарезанный Фулвезер, а вон там на креслах осел Амбриваль, истекая кровью из разрубленной шеи. Это означало, что кто-то из присутствующих, лорд, посетивший Совет, обладал предметом синего пламени и знал, как его использовать.

Проклятия стихли в мрачном осознании — до тех пор, пока лорд не ударил кинжалом в лицо своего старого противника, и в зале снова вспыхнула безумная битва.

По крайней мере, это было всё, что увидел Арклет, прокладывая себе путь через кресла к Обарскирам, чтобы их защитить — прежде чем из ниоткуда вынырнул знакомый ему человек и оказался так близко, что они столкнулись носами. Знакомое лицо ухмыльнулось ему, пока он пытался прийти в себя.

Амарун Белая Волна прекратила улыбаться, чтобы поцеловать его в нос, и вскочить на ближайшее кресло.

Высоко возвышаясь в нём, она закричала голосом старого мужчины, благодаря магии разнёсшимся по всему помещению:

— Я, Вангердагаст, приказываю всем вам отойти от короля и кронпринца! *Всем вам!*

И после этого громогласного крика, когда все повернулись взглянуть на неё, она улыбнулась печальными старыми глазами.

Её руки сплели заклятие, и когда лорды стали выкрикивать насмешки, увидев вместо волшебника всего лишь юную девушку, она обрушила на них свою магию.

Это было заклинание, которым Эльминстер в совершенстве овладел несколько веков назад. Ужасное заклинание.

Затопив палату, оно начало вырывать кости из тел лордов, убивая того и этого, но других оставляя не тронутыми, забирая лишь тех, кто нападал на королевских особ. Когда мучительные смерти прекратились, ошеломлённые рыцари, боевые маги и Обарскиры отступили, не пострадав.

Звон стали стих, когда выжившие уставились на бескостные окровавленные куски,

крики которых превратились в умирающее бульканье.

Амарун покачнулась и соскользнула, что-то невнятно забормотав.

Арклет, потрясённый и испуганный, подхватил её, прежде чем девушка упала. Шторм Среброрукая уже держала другую руку Рун и шептала:

— Ох, Эл!

Все ведущие в зал двери распахнулись настежь, и внутрь потекли новые боевые маги и драконы. Вслед за ними вошли слуги, и снова поднялся гул, когда возникли недопонимания, полетели заклятья, а слуги стали швырять вино, которое они готовы были подать, в лицо лордам. Тем временем Обарскиров вывели из помещения.

Шторм упала в кресло, Рун резко перестала бормотать и приказала Арклету собственным голосом:

— Идём!

В замешательстве посмотрев сначала на неё, потом на Шторм, Арклет обнаружил, что запястье его свободной руки попало в крепкую хватку Амарун. Девушка потянула его руку к туловищу Шторм.

— Понеси её! — рявкнула Рун. — Быстрее!

Арклет моргнул, кивнул, подхватил Шторм, прижав её к бедру, сделал один неловкий шаг, взмахнув мечом в попытке сохранить равновесие.

Перед ними сразу же возник боевой маг.

— Стойте, именем короля! Сдава...

Удар ноги, нанесённый Амарун ногой в прыжке, швырнул жезл мага высоко в воздух, разбил сжимавшие его пальцы и долетел до подбородка несчастного. Маг без единого звука упал, потеряв сознание.

Когда Амарун приземлилась кошкой, два дракона в сверкающих доспехах бросились им наперерез, но уступили перед диким взмахом меча Арклета и отчаянным криком Рун:

— Тронете нас и оба окажетесь изменниками! Мы служим королю!

Когда в ответ драконы подняли клинки, Арклет сбил их в сторону. Рун бросилась стражникам под ноги в кувырке, который сшибил их с ног с диким звоном оружия и доспехов, освобождая Арклету путь к дверям.

Он побежал, таща за собой Шторм. Рун воскликнула:

— Я сразу за тобой! Быстрее!

Спустя несколько безумных мгновений они вместе выбежали из дворца в яркое солнечное утро.

* * *

Младший дворцовый сенешаль Корлет Фентабль и так за последние несколько дней много времени проводил разгневанным, но сейчас он разозлился *по-настоящему*. Боевые маги и бесчисленные драконы сновали туда-сюда, и никто из них не оставался на месте достаточно долго, чтобы выслушать его приказы. Он хотел, чтобы кто-то разыскал лорда Арклета Делькасла, а кто-то — юную девушку, которую пустили сегодня во дворец, хотя и не должны были, и...

Он как раз собирался испустить полный ярости рёв и чем-нибудь кого-нибудь ударить, когда знакомая мерцающая тень, которая была очень похожа на висевший в Зале Героев

портрет Алусейр Накации Обарскир, Стальной принцессы, шагнула к нему и заявила:

— У меня есть приказы для *тебя*, Фентабль. Не надо делать ничего того, о чём ты тут бормочешь. Вместо этого хоть раз займись чем-то полезным. А именно, отправляйся в Зал Правосудия с достаточным числом магов, чтобы усыпить самых буйных. Затем обезоружь всех остальных, вызови целителей из храмов, и успокой всех выживших дворян, посетивших Совет, прежде чем некоторые из них — вероятно, несколько групп заговорщиков среди них — не решат, что война с благородной династией Обарскиров приведёт Кормир к лучшему будущему!

— Лорды всегда так думают, — фыркнул Фентабль, не успев остановиться и спросить себя, зачем он вообще утруждается вести разговор с призраком. — Почему я должен заботиться о твоих дурацких страхах?

— Потому что некоторые из этих лордов ждут-не дождутся, чтобы казнить всех боевых магов — и царедворцев — каких только смогут найти, — спокойно ответила ему Алусейр, — и потому что к *твоим* дурацким страхам сейчас добавится *вот это*.

Она шагнула в то же самое место, которое занимало его тело — окутав сенешаля невыносимым холодом, от которого его лицо посерело, застучали зубы, а сам он сильно затрясся.

Когда всё начало темнеть и он упал, она шагнула в сторону, посмотрела на задыхающееся тело и весело сказала:

— А теперь вставай, чтобы я могла сделать это снова, сэра Фентабль. Ты пока ещё недостаточно пострадал. Ты ещё не начал *умолять*.

Глава 11

Кровь в вихре

К изумлению Арклета, Амарун повела его вдоль наружной стены дворца к воротам конюшен, где они обнаружили, что ряды стражников пропали, оставив на посту лишь одного взволнованного конюха и молодого и одинокого на вид пурпурного дракона.

— Что происходит? — резко спросил у них дракон.

— Драка на Совете, — мрачно ответил Арклет, поднимая свой меч, чтобы показать яркую кровь на клинке.

Молодой солдат посмотрел на неё, и кажется, ему стало немного дурно. Его копьё дрожало, когда он поднял его, угрожая Арклету.

— Вы потребуется опустить это, лорд, и...

— Мне потребуется, чтобы ты перестал глупить и как можно быстрее отправился в Зал Правосудия, — прорычал Арклет. — Они пытались убить короля! И кронпринца тоже. Некоторые из старых лордов, вот так, и сейчас они во дворце и на свободе, и большая часть размахивает мечами. Беги!

Юный дракон испуганно посмотрел на него — и бросился во дворец.

Оставив ворота и освободив им путь в королевские конюшни. Конюх взял ноги в руки и убежал, когда Арклет только показывал свой клинок.

Рун прошла в ворота.

— Нам потребуется лошадь. Шторм какое-то время не сможет передвигаться самостоятельно.

— Ты же Эльминстер, не так ли? — спросил Арклет, пытаясь догнать её с перекинутой через плечо Шторм. — Что ты сделал с Амарун?

Рун повернулась, обнаружила его меч у своего горла и немного грустно улыбнулась Арклету.

— Нет, Арклет, это я, — она устало покачала головой. — Даже если я — старый волшебник, если ты убьёшь свою Амарун — ну, ты убьёшь свою Амарун, не так ли?

Зарывав, Арклет убрал меч.

Вместе они шагнули в тёплые, окутанные сумраком конюшни. В каждом стойле находилась лошадь, но Арклет и Рун не встретили стражи и заметили удивительно малое количество конюхов — те, кого они видели, взволнованно шептались по углам.

Никто не обратил на них внимания, пока Арклет перехватил бесчувственное тело Шторм и позволил Амарун повести себя глубже в конюшни.

Когда она зашагала слишком быстро, он выбросил руку и схватил её за запястье.

— Я тебя не брошу. Что бы ни случилось с домом Делькасл или Драконьим Троном, будь то Вангердагаст, Эльминстер или призрак Азуна Четвертого, что говорил через тебя в зале, когда ты встала и закричала, я... я... проклятье богов, Амарун, я люблю тебя!

Рун развернулась. Её глаза сияли. Он обхватила его руками, поцеловала так, будто хотела взять в рот всё его тело целиком, и выдохнула:

— А я люблю тебя, так что давай поспешим!

Они поспешили.

— Так, — пропыхтел Арклет, пока мимо мелькало одно стойло за другим, — ты... сейчас ты это на самом деле ты, Рун? Как мне определить?

Его госпожа подмигнула ему.

— Доверие, лорд Делькасл. *Доверие*. Верь мне, когда я говорю, что я — на самом деле Амарун Белая Волна, чьими танцами ты так часто наслаждался и которая прямо сейчас тебя поцеловала — и призналась в любви в ответ. *Какие-то* принципы у меня всё-таки есть.

Она указала на расслабленное лицо и раскрытый рот Шторм, внутри которого, как она знала, клубилась в диком безумии пыль.

— Касательно его я не так уверена.

— Это была ты? Ох, это хорошо, — ответил Арклет, чувствуя неловкость. — Скажи мне, Рун, какую лошадь мы ищем?

— Любую хорошую и выносливую, которая сможет понести Шторм и не бросаться на нас, — немного беспомощно сказала она. — Я не разбираюсь в лошадях.

— Ага, — сказал Арклет, разворачивая её кругом. — Вон там, позади. Возьмем самую подходящую из осёдланных — их по приказу посменно держат наготове.

Он выбрал лошадь постарше, сонную на вид, и использовал длинные поводья, чтобы привязать к седлу Шторм. Пока он этим занимался, лошадь стояла смирно, так что Арклет решил, что она им подойдёт, и вывел из конюшен.

На воротах они столкнулись с новыми и задыхающимися после бега стражниками и боевыми магами, которые бросили на них — и на привязанное тело Шторм — весьма ошеломлённые взгляды, но Амарун быстро сказала им:

— Это один из её симптомов — слишком много переживаний. Однажды она приняла на себя нацеленное в короля злое заклинание, и до сих пор страдает, бедняжка. В храме знают, что делать, чтобы ей не стало *ещё* хуже.

Прежде чем кто-то смог решить остановить их или расспросить поподробнее — например, про *какой* храм речь — она помахала им на прощание и вывела лошадь на людный Променад.

* * *

— Всё прошло *не* хорошо, — мрачно сказал король Форил Обарскир, принимая кубок огненного вина, который передала ему Глатра — сперва подозрительно приняв и сделав крохотный глоток.

— Ваше величество обладает несравненным даром дипломатического преуменьшения, — резко сказала Глатра и обернулась, чтобы наградить жрецов, трудящихся над принцем Ирвелом, очередным взглядом исподлобья.

— Как он?

— Теперь остались только синяки, — успокаивающе ответил один. — Было три пореза, ни одного глубокого. Наше исцеление заставило их исчезнуть полностью.

— Сколько лордов потеряно? — сонно пробормотал принц откуда-то из-под склонившихся над ним священников.

Глатра собиралась проигнорировать вопрос, но увидела взгляд, который бросил на неё Форил, безмолвный приказ дать полный и честный ответ.

— Мы не знаем. Во-первых, стычки по-прежнему продолжаются, кто-то пытается свести старые счёты. Во-вторых, некоторые лорды тяжело ранены — по крайней мере, если судить по количеству пролитой крови — но сбежали из дворца. Смогут ли они вовремя

получить жреческую помощь...

Она пожала плечами.

— Смерти были, — тяжело произнёс король.

Глатра кивнула. Тела лордов Драгонвуда, Амбриваля, Фулвезера, Барельдера, Танторна, Хардивайпера, Рэйвенхилла и Браярброка были опознаны и доставлены в Часовник Доблестных, где с тех пор находились под стражей.

Она зашагала по комнате.

— Я пока не смогла обнаружить сэра Винтера, как и моих коллег-боевых магов Бламрельда и Ларейкона, но я хочу, чтобы все трое обследовали тела, прежде чем к ним доберутся жрецы или родные.

Проведя рукой по уставшим глазам, она добавила:

— Больше всего я хочу найти и опознать владельца нашего нового призрака синего пламени! Сразу после того, как юного лорда Грозозмея, который управляет теми двумя, что уже устроили бойню в городе, возьмут под стражу — живым, если сможем, — и предметы, которые он использует для управления призраками, окажутся в наших руках, и мы поместим их в безопасное место.

— Бурные деньки, — пробормотал Ирвел, находившийся на грани сна.

Глатра напряглась, затем подавила гневный ответ, уже готовый сорваться с её уст. На принцев не огрызаются. По крайней мере, из-за пустяков.

Вместо этого она вздохнула, посмотрела на короля и сказала ему прямо:

— Если дворяне будут драться друг с другом, с простолюдинами и с нашими драконами на улицах, нам будет непросто удерживать дворец. Придётся позвать на помощь каждого союзника, от призрака Алусейр до Мудреца Долины Теней — когда он неизбежно появится снова. Даже этого самопровозглашённого лорда Глубоководья, который рыскает по нашим залам, похищая еду и вино такими порциями, будто ест за дюжину. Мне ненавистна сама мысль о том, чтобы довериться любому из них, но прямо сейчас мы должны так поступить. Мы нуждаемся в них — по крайней мере, в том, чтобы они не стали нам врагами.

— А потом? — с блеклой ухмылкой спросил старший рыцарь, один из телохранителей короля.

— А потом, — жестоко ответила Глатра, — мы оценим их сильные и слабые стороны и соответствующим образом уладим все наши дела. Когда Дракониий Трон будет в безопасности.

— Делай, что должна, — устало сказал король Форил, глядя на беззвучно уснувшего принца, — но не надейся, что я буду скрываться вечно. Моё место — во главе моего королевства, и я не стану прятаться лишь потому, что дворец — или город, или страна — стали небезопасны.

— Ваше величество, — поспешно сказала Глатра, — я бы никогда не стала предполагать...

— Глатра, ты всегда так и делаешь, — с весёлой ухмылкой ответил Форил. — Я знаю. Я наблюдал за тобой. Только не надо мне тут превращаться в нового Вангердагаста.

Не успев остановить себя, Глатра изрыгнула ругательство, от которого жрецы заморгали, а старшие рыцари оскалились.

Затем, похолодев, она низко поклонилась, чтобы добавить:

— Ну *конечно* нет, ваше величество, — затем развернулась и выбежала, не встречаясь глазами с королём.

Когда она исчезла, Форил вздохнул, потянулся за вином и пробормотал:

— Бурные деньки, в самом деле.

Снаружи охраняемой комнаты, будто по сигналу, раздался приглушённый грохот.

* * *

— Король мёртв! Они убили короля Форила и порубили его на мелкие кусочки!

— Кто его убил?

— Все высоконосые — лорды Глубоководья, который встречались с ним на этом Совете! Бросились на него, все до последнего человека!

— Ну, я слышал, что он жив и здоров, и привёл наёмников, чтобы покромсать лордов, прежде чем они смогут хоть пальцем его тронуть!

— Замолчите оба! Не было никакого цареубийства, королевской семье это вообще никак не касается! Это дворяне схлеснулись с дворянами — они по-прежнему дерутся по всему городу!

Такими возбуждёнными возгласами обменивались посетители, хлынувшие в «Гуся Судьбы», таверну около порта, не славившуюся преданностью дому Обарскир или подчинением самым низкопоставленным пурпурным драконам.

Не успели они сгорбиться за столами с кружками в руках, оживлённо споря о том, кого видели мёртвым, и кто был убийцей, когда сквозь переднюю дверь ввалился самый громкий и гордый из завсегдатаев «Гуся», толстый меч-капитан в отставке Брорн Рорил. Он истекал кровью, а взгляд его глаз был безумен.

— Обарскиры мертвы! — выдохнул он. — Это гражданская война, сэры! Запирайте дочерей или убирайтесь из Кормира, чем быстрее тем лучше! В Лесном Королевстве — война!

* * *

Старший конюх Делькаслов бросил лишь один взгляд на лошадь, которую Арклет завёл в их конюшни, и ухмыльнулся.

— Где, милорд, вы её нашли? Надеюсь, что вы выиграли пари, а не проиграли!

— Это было самое спокойное из оседланных животных в королевских конюшнях, Бёртланд, — отрезал Арклет, — и скоро оно туда вернётся. Так или иначе, мне необходима возможность остаться наедине, здесь и сейчас, так что если ты не против, отправляйся на кухню за ранним перекусом и скажи им, что это я тебя послал...

Конюший вытер руки о заткнутую за пояс тряпку, окинул Амарун взглядом свеху донизу, и подмигнул лорду Делькаслу.

— Ну *разумеется*, юный господин! Я знаю...

— Бёртланд, — отрезал Арклет, — ты извинишься перед леди Амарун за то, что собирался сказать, и подумаешь над своим поведением. Посмотри на эту раненную госпожу на лошади! Мы должны позаботиться о ней и обсудить её и наше будущее. Так что выброси все мысли про, хм, любовные свиданья из головы и...

Конюший оглядел привязанную к лошади, обожжённую и бесчувственную Штурм —

которая выбрала именно это мгновение, чтобы открыть один мутный глаз, заметить его, одарить тёплой улыбкой и серьёзным подмигиванием. Принявшись изучать её пути, он оглянулся на Арклета, потом на Амарун, сова посмотрел на Шторм, снова на Арклета.

И подмигнул.

— *И в самом деле*, юный господин! — воскликнул он. — Я плохо о вас подумал! Я думал, у вас всего одна подружка, а у вас тут две доступные девки! Не говоря уже про бонда...

— Бёртланд! — взревел Арклет. — Уходи! Больше ни слова! Убирайся!

Конюший торопливо ушёл, но не настолько быстро, чтобы оказаться за пределами слышимости, прежде чем захихикать.

Амарун следила, как он идёт через сад.

— Похотливый старый козёл, — сухо прокомментировала она.

— Я... мои извинения! — торопливо произнёс Арклет. — Это было непростительно! Я...

— Не должен об этом беспокоиться, — сказала им Шторм, выгибаясь, насколько позволяли верёвки. — Потому что времени у тебя нет. Эл... дошёл до предела и какое-то время будет блуждать в безумии. Мне немногим лучше. Так что вы по большей части сами по себе.

Она натянула кожаные полосы, привязавшие её к седлу.

— Освободи меня от этого, пожалуйста.

— Прости, — быстро сказал Арклет, подскочив к ней. — Я...

Он повозился с узлами, затем зашипел от раздражения и начал резать их своим поясным ножом. Шторм слабо перекадилась — и грохнулась на усыпанный сеном пол конюшни.

— О боги, прости! — воскликнул юный лорд, потянувшись к ней. Амарун пришлось сражаться с неожиданным приступом хихиканья.

Шторм тоже засмеялась, когда Арклет помог ей сесть. Она посмотрела на себя.

— Твоя мать будет не слишком мною довольна, — сказала она, оглядывая разрушенное платье, и, очевидно, ни капли не беспокоясь о том, сколько обнажённого тела оно открывает. Затем она резко подняла взгляд.

— Королевство уже погрузилось в войну?

Арклет пожал плечами.

— Мы были слишком заняты, пытаюсь вытащить тебя из дворца, чтобы вести наблюдение. Но пока я не видел дыма и не слышал зова боевых труб...

Он посмотрел на Рун.

Та покачала головой.

— Люди бегают и кричат о той или иной беде. Вооружённых стычек я не видела, но Шторм, мы были *заняты*. Народ взбудоражен, это точно.

— Тогда нам нужно попасть во дворец, — решила Шторм. — Быстро.

— Во дворец? Мы же только что вытащили тебя оттуда! — запротестовал Арклет, зная, что его утончённый облик давно исчез, и он всё больше похож на наивного деревенского дурачка, угнетённого своим статусом — и угнетаемого каждым новым событием, которое с ним происходит.

— И я вам за это признательна. Надеюсь, вы не сочли необходимым убивать *слишком* много раздражающих волшебников или путающихся под ногами стражников? При свидетелях, во всяком случае?

— Нет, но...

— Тогда мы возвращаемся. Сейчас же. Прикажи слугам вооружиться и охранять твою мать, как будто на особняк Делькаслов готова обрушиться армия завоевателей; верни мне мою одежду — платье местами сплавилось с кожей и это больно, как в Девяти Адах — и давайте найдём Мирта, Алусейр и то, что осталось от Вангердагаста, а потом все вместе разыщем Глатру. Надо собрать под единые знамёна Корону, двор и попытаться не позволить полным радостного энтузиазма бунтующим дворянам погрузить королевство в гражданскую войну.

— Но я думал, что мы решили повернуться спиной ко всему этому и...

— Решили, но дела пошли достаточно скверно, чтобы нужды Кормира стали важнее наших.

Рун нахмурилась.

— А о чём конкретно мы собираемся говорить с Глатрой?

— О том, чтобы взять под арест Марлина Грозозмея, — мрачно отозвался Арклет, — и заполучить в наши руки — в руки Короны, то есть — Клинок и Чашу, которые позволяют ему управлять двумя его убийцами. Призраками синего пламени, что убили Сесзгара Ханткрауна и всех, кто был с ним.

— Нет, ты был прав, когда сказал «в наши», — решительно поправила Шторм. — Доверять Глатре призраков можно не больше, чем юному Грозозмею. Они слишком могущественны, чтобы она — или любой человек во дворце — смогли противиться искушению. Но ей пока не стоит знать, что я так считаю, и что мы не намереваемся вручать Клинок и Чашу прямо ей в руки.

Рун закатила глаза.

— И каким образом то, что я сейчас услышала, отличается от тех поступков дворян, которые ты, Глатра и все верноподданные Короны и весь двор яростно обличаете, как измену?

Шторм улыбнулась.

— Это легко. Они — истинные злодеи с тьмой в сердце, а мы — хорошие люди, в сердцах которых есть место лишь героизму и благим намерениям.

* * *

У Мэншуна болела голова.

Хотя, скорее, его разум гудел от напряжения и дрожал от усталости, и это заставляло болеть ту голову, которую он в данный момент занимал.

Так или иначе, он по-прежнему был в игре.

Другие оказались не столь везучими. Лорд Лираннус Танторн и лорд Яссур Драгонвуд погибли, убитые в стычке в Зале Правосудия.

Ему пришлось бежать из гибнущего, угасающего разума Драгонвуда, вторгнувшись в ближайший разум из тех, что он уже поработил — как оказалось, это был разум Мелдера Краунруда.

Прибытие Мэншуна спасло Краунруду жизнь, заставив ошеломлённого лорда покачнуться и упасть — рухнуть между креслами, защитившими его от яростных ударов двух старых соперников, которые те пытались обрушить на затылок лорда. Нагнувшись с верхнего

яруса, пытаясь добраться до Краунруда, они потеряли равновесие, когда в середине их ударов его тело исчезло вниз из поля зрения, и клинки вонзились в спинки кресел — и обрекли их на смерть, поскольку ближайшие лорды посчитали целями этих атак себя и ответили без всякой пощады.

Хотя он почти наверняка был жив лишь благодаря тому, что позиция под ногами остальных спасла его от яростной схватки, которая впоследствии разгорелась так близко над ним, Краунруд был далёк от признательности. Его истерзанный разум утонул в противной боли и кипел чёрной яростью на своего нежеланного наездника.

Что же касается Мэншуна, мнение Краунруда его ни капли не волновало. Тело этого человека могло бежать — а также идти и ползти, если уж на то пошло — и этого было достаточно, чтобы унести Мэншуна прочь из королевского дворца, обратно в лавку алхимика Сронтера.

Выкрикивая предупреждения о самых различных преувеличенных бедствиях, люди бежали из дворца по улицам, где шатались телохранители знатных лордов, обмениваясь острыми взглядами, не менее острыми словами и угрожая друг другу мечами. Некоторые испуганные горожане поспешили закрыть свои лавки.

Да, всё это было крайне приятно.

Король Форил всё ещё был жив; следовательно, ни у кого не было хорошего оправдания для набора армии ради открытой войны за опустевший Дракониий Трон. Но городом правило смятение, и испуганный народ тянулся за мечами и кинжалами.

А это означало, что некий коварный злодей, известный как Мэншун, мог начать в открытую творить насилие. Убийство там, исчезновение здесь — среди больших стычек, которые наверняка начнутся — и если Корона обрушится на это кровопролитие полной мощью своих драконов, население разозлится на подобное проявление тирании. Станет ещё злее. Ослабив и без того слабого короля, и освободив будущему императору пространство, чтобы сделать то, что сделать было необходимо.

А Краунруд мог подождать. На койке в пустой комнате, надёжно запертый в уголке погреба Сронтера. Если хватит здравого смысла, он немного поспит — с другой стороны, главы благородных домов Лесного Королевства не славились своим здравым смыслом. Подлой хитростью — да. Самонадеянными интригами и мнением, будто мир им что-то должен, а боги им улыбаются — определённо. Здравый смысл встречался реже и куда более мелкими порциями.

Маленькая тюрьма Краунруда на самом деле была кладовой для дров алхимика, но Мэншуна несколько не беспокоило отсутствие там дерева для печи. К тому времени, как снова наступит холодная погода, он будет наслаждаться удобствами королевского дворца — и если по какой-то причине этого не произойдёт, а алхимик окажется слишком удобным, чтобы позволить холоду забрать его, будет достаточно времени, чтобы захватить или украсть чьи-то дрова.

Прямо сейчас у него были дела поважнее. Мэншуну было необходимо как можно быстрее разузнать, какой лорд управляет этим новым призраком синего пламени.

Сразу после того, как он проверит управляющего призраками лорда, с которым уже знаком, чтобы убедиться, что при Грозозмее по-прежнему есть его жизнь, свобода, Парящий Клинок и Виверноязыкая Чаша.

Так что в самой просторной комнате погреба Сронтера пылало зловещее сияние свежесозданных ясновидящих глаз, и смуглый и привлекательный будущий император шагал

среди парящих в воздухе мерцающих сфер, пристально вглядываясь в разыгрывающиеся в них сцены.

Променад перед дворцом бурлил. Кто-то — Дасклок? — попытался попасть во дворец в центре клина из своих телохранителей и обнаружил, что пурпурные драконы не только не поддаются на приказания, уловки, угрозы, попытки оттеснить с дороги, но ещё и достали из арсеналов арбалеты и угрожают воспользоваться ими, если разъярённый лорд не прекратит попытки штурмовать дворец и не вернётся в свои покои — быстро и покорно.

Было соблазнительно задержаться и посмотреть на разворачивающееся веселье, но смерть Эльминстера не означала, что будущий император лишился всех остальных врагов...

Одна сцена в тёмной сфере требовала его немедленного внимания: лорд Марлин Грозозмей был крайне напуган и расхаживал из стороны в сторону в верхних покоях особняка Грозозмеев, не зная, куда и как бежать. В окне комнаты были прекрасно видны явившиеся за ним гончие Короны: полдюжины боевых магов и две дюжины пурпурных драконов, большинство — в полных доспехах, а некоторые — в лёгком облачении, но с арбалетами.

Парящий Клинок висел у Марлина на поясе, Виверноязыкая Чаша была прижата к груди, и потеющий Грозозмей бормотал себе под нос, озвучивая все ужасные возможности, что приходили ему на ум.

Два его призрака с лёгкостью могли перебить простых драконов — но шестеро волшебников скорее всего в мгновение ока сумеют разделаться с убийцами синего пламени. А если он телепортирует призраков через половину Кормира, вместо того, чтобы воспользоваться ими, Марлин всё равно будет обречён на смерть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Боевые маги без предводительства лорда печатей, старшего рыцаря с холодной головой или леди Глатры вели себя как осторожные, предусмотрительные люди. Силы Короны медленно окружали особняк, не готовые пока ударить в двери и потребовать открывать — а тем более, выбивать их силой.

Это оставляло Мэншуну достаточно времени.

Он повернулся. У одной из стен своего погреба, среди нагромождения ящиков и сундуков, с неуверенным видом сидел алхимик, глядя на Мэншуна — который улыбнулся Сронтеру своей лучшей улыбкой с оттенком мягкой угрозы.

— Верный Сронтер, хватай всё необходимое, чтобы создать ядовитый дым — достаточно дыма, чтобы заполнить весь особняк Грозозмеев. У тебя есть десять вдохов, чтобы собрать все требуемые компоненты.

Сронтер уставился на него широко открытыми глазами, и Мэншун весело добавил:

— Поспеш. Или я потрачу одиннадцатый вздох на то, чтобы призвать червей, которые съедят твоё тело, пока ты будешь лежать и смотреть на них, парализованный и вопящий.

Алхимик сглотнул.

— Иди, — мягко поторопил его Мэншун, и алхимик бросился по лестнице из погреба со скоростью, ранее Иммаэро Сронтеру недоступной.

Мэншун засмеялся и послал освобождённого созерцателя следом за мужчиной, чтобы следить за ним.

Может быть, лордам-вампирам и не требовалось дышать, но взрывы и кислота могли хорошенько им навредить... и навредить тому, что обитало в третьей комнате погреба алхимика.

Созерцателям, которые очень скоро ему понадобятся.

Глава 12

Зашла слишком далеко

Мирт уселся на подоконник, на гладкий камень, где точно так же сидели сотни его предшественников, и выглянул наружу, на яркую, пробуждающуюся весеннюю роскошь королевских садов. Он был... счастлив.

Теперь он знал, где лежат сокровища, где находятся основные и королевские кухни, знал несколько спален, которые, похоже, никогда не проверялись, знал кладовые с сыром и сосисками, и знал, где вечно засыпающий часовой оставляет свои запасные ключи.

Он нашёл себе кинжал, лучше которого у него никогда не было — годами хранившийся обёрнутым в намавленную ткань, чтобы уберечь от ржавчины. Скучать по нему не будут. Как и по маленькой ржавой сфере из того же сундука, точь-в-точь похожей на ту, что он использовал когда-то в замке Глубоководья, чтобы сковать чудовище. Это была крайне полезная маленькая магия; когда наступит время отправиться куда-то ещё, она с радостью отправится вместе с ним.

Он даже знал, где получить свой следующий бифштекс после того, как закончится присвоенная им копчёная нога ягнёнка, которую он прямо сейчас поглощал укус за жирным вкусом.

Толстый старый лорд испустил громкую грохочущую отрывку, уселся на окне, упёршись сапогом в дальнюю сторону рамы, погладил своё брюхо, и посвятил себя тому, чтобы сделать его ещё толще.

Он был вполне доволен жизнью. Здесь был не его дом, но в конце концов это был дворец. Здешние слуги были немного слишком нервными и напыщенными на его вкус, но...

— Мирт? Мирт из Глубоководья?

Голос принадлежал женщине, был резким и повелительным. И в нём не звучало ни малейшего намёка на дружелюбие.

Мирт вздохнул, взвешивая ногу ягнёнка на ладони, чтобы прикинуть, сойдёт ли она за дубинку. Или хотя бы за метательный снаряд, если уж на то пошло. Он заставил себя улыбнуться, прежде чем отвернуться от приятного вида на сад.

— Да?

Он не ожидал, что окликнувшая его будет одна, и оказался прав. На него глядела небольшая толпа, аккуратно выстроившаяся, чтобы преградить все пути к отступлению.

Впереди стояла женщина в простой тёмной мантии волшебницы, расставив ноги и оперев руки в бёдра. Ха. Одна из *этих*.

За каждым её плечом на шаг позади стояло по паре магов — её подчинённых — а за ними выстроилось около дюжины облачённых в доспехи и беспокоящих пурпурных драконов, вооружённых копьями вдобавок к своему обычному оружию.

— Я леди Глатра, боевой маг здесь, в Кормире. Я не помню, чтобы вас когда-либо приглашали в эти стены, как гостя королевства, сэр, и у меня есть к вам несколько вопросов.

Мирт махнул в её сторону ногой ягнёнка.

— Хорошо. У меня тоже найдётся к тебе парочка.

Он откусил ещё кусок.

— Мне сказали, что вы — известный человек, лорд своего города. Ещё мне сказали, что вы... *преуспевали*, если это верное слово, около века назад.

Мирт спокойно жевал, никак не комментируя её слова. Глатра вздохнула.

— Это правда?

Мирт беззаботно кивнул и снова откусил от ноги.

Некоторые из стражей открыто ухмыльнулись за спиной волшебницы. Судя по выражению на её лице, она почувствовала эти ухмылки. Мирт продолжал жевать.

— Значит, вам больше ста лет? — в голосе Глатры раздались стальные нотки недоверия.

Мирт снова кивнул.

— И каким же образом вы прожили так долго? И как лорд Глубоководья оказался в королевском дворце Сюзейла?

Мирт глотнул, поднял ногу ягнёнка, как учёный мог бы поднять палец, помахал ею, и улыбнулся собеседнице широкой и жирной ухмылкой.

— Магия.

Глатра не впечатлилась.

— Чья магия?

Мирт пожал плечами.

— Я не знаток в том, что касается Искусства, подруга, но меня сюда призвал — тем или иным заклинанием — высокомерный щенок по имени Марлин Грозозмей. Лорд Марлин Грозозмей, как мне сказали.

— Сказали? Кто сказал?

— Несколько человек. Среди них были двое твоих коллег, магов Короны.

— Сказал он что-нибудь о том, почему, хм, призвал тебя сюда?

Мирт повертел ногу, выбирая лучшее место для своего следующего укуса.

— Хотел третьего огненного призрака вдобавок к тем двоим, что уже у него были. Вместо этого получил меня. Был не особенно рад. Наши пути быстро разошлись.

— Третьего огненного призрака? Ты говоришь о призраках синего пламени?

Мирт кивнул, вгрызся в мясо и полностью посвятил себя пережевыванию. Он снова посмотрел в окно.

Губы Глатры сжались плотнее, и она сделала шаг к толстяку на подоконнике.

— И ты видел, как он приказывает этим призракам? Призывает их?

— Нет, — радостно сказал Мирт, повернувшись обратно, чтобы ответить с набитым полупережёванной говядиной ртом. — И нет.

Глатра сделала ещё шаг.

— В Кормире, — сухо проинформировала она, — людям, как правило, хватает приличия, чтобы говорить с боевым магом с чем-то более напоминающим уважение.

Мирт сдвинул мясо во рту за одну щёку и ответил:

— А в Глубоководье я привык разговаривать с гневными женщинами, когда мы вдвоём были комфортно раздеты и делили постель, вино и трапезу. Во время моих прежних визитов в Кормир старый Азун обычно делил со мной бутылочку, а может и шесть бутылочек, и говорили мы с ним за добрым горячим ужином, задрав ноги на стол. Но я понимаю, что после его смерти королевство пришло в лёгкий упадок, а все глухие захудалые местечки на краю мира берегут свои собственные мелкие традиции, поэтому не буду слишком строг. А ты?

Позади Глатры раздались приглушённые смешки. Она не стала оборачиваться, чтобы посмотреть, кто смеётся.

— Я могу убить, подчинить магией или бросить тебя в темницу прямо сейчас, —

спокойно заявила она.

Мирт поднял жирный палец.

— Поправочка. Ты можешь *попытаться*.

Он проглотил говядину во рту, проинспектировал значительно уменьшившуюся ногу в поисках лучшего места для своей следующей атаки, и мягко добавил:

— Я парень, который победил двух разгневанных благородных лордов Кормира в особняке одного из них — несмотря на пару призраков синего пламени и относительно небольшие груды зачарованных предметов, которые они носили на себе и которыми размахивали вокруг. Возможно, тебе захочется помнить об этом.

— О, несомненно, — тихо сказала Глатра, дав волшебникам позади неё знак приблизиться.

Мирт наградил её полным отвращения взглядом.

— Подруга, я *ем*. Где тебя растили? В конюшне?

Глатра застыла на миг, затем задрожала от ярости и распрямила спину.

Мирт с интересом взглянул на неё. Теперь и вправду казалось, что её растили в конюшне, и она обиделась на упоминание об этом.

Это должно быть здорово.

Если он выживет.

* * *

— Ты действительно думаешь, что они до сих пор не поставили новых часовых охранять эту дверь? — поинтересовалась Рун.

Шторм пожала плечами.

— У тебя есть план получше?

Рун моргнула.

— Ты права.

— Я так понимаю, вы, хм, позаботились о часовом здесь в прошлый раз? — пробормотал Арклет. Когда девушки кивнули, он осторожно добавил:

— Можно проверить всё иначе. Совет сейчас... уже не проходит, а вместе с вами есть я, и я — наследник благородного дома.

— Я бы не рассчитывала на тёплый приём, — предупредила Шторм, — учитывая всех лордов, что бегают вокруг, размахивая своими мечами и призывая к измене. Конечно, мы с Рун не похожи на волосатых и мощных телохранителей, но...

Несмотря на её осторожные слова, походка Шторм была беззаботной и лёгкой, когда она подошла к двери высокого дома за королевскими конюшнями. Дом был слишком маленьким, чтобы считаться особняком, в отличие от трёх зданий, окружавших его и упиравшихся в конюшни, но его парадная дверь была достаточно крепкой и массивной, чтобы помешать войти, если никто не ответит на стук.

Никто не ответил, и Шторм повела их тем путём, которым они с Рун уже прошли раньше, вокруг сада к боковой двери. Та была закрыта, но открылась, когда она повернула кольцо на двери, приглашая их в ту самую спокойную, безлюдную тишину, которую они уже видели раньше. В этот раз на полу не лежало бесчувственного волшебника, и Мирт не улыбался над его телом, но горшок, которым он воспользовался тогда, стоял на столе в конце

помещения.

Шторм подняла руку, призывая не шуметь, и встала неподвижно, прислушиваясь. После нескольких долгих, терпеливых вдохов, она переступила порог и остановилась, снова прислушавшись.

Тишина. Она быстро зашагала вперёд и спустилась по ступеням вниз, направляясь к заднему погребу и туннелю под конюшнями, который вёл во дворец.

— У них по-прежнему могут висеть здесь заклатья сигнализации или слежки, — предупредил Арклет, — даже если мы ничего не заметим.

Шторм кивнула.

— Обычно так и есть. Поэтому нам стоит начинать торопиться, прямо... *сейчас*.

Амарун и Арклет подчинились. Шторм повела их по скудно освещённым тоннелям, сквозь двери во тьме, вниз по ступеням за этими дверями в слабое мерцание дворцовых погребов. Казалось, она точно знает, куда идёт, и они ни разу никого не встретили, хотя Шторм наверняка обходила хорошо освещённые участки, где предположительно могли заниматься работой слуги и царедворцы.

— Куда ты ведёшь нас? — произнёс Арклет у неё за плечом, когда она высунулась за угол, чтобы осмотреться.

— В королевский склеп.

— Зачем? — нахмурился Арклет.

— Она знает, что это привлечёт моё внимание, вот зачем, — тихий голос, который не принадлежал Рун, пробормотал в другое ухо Арклета, с места, которое было слишком узким, чтобы там мог кто-либо поместиться.

Он моргнул, сильно испугавшись. Схватившись за меч, он стал оборачиваться — и уставился прямо в призрачное лицо, парящее в воздухе у него под носом. Пока Арклет смотрел с раззявленным ртом, ощущая исходящий от призрака холод, тот приобрёл осязаемую плотность, и под лицом начал возникать намёк на тело.

— Принцесса Алусейр Обарскир, некогда — королевский регент, — вежливо представилось лицо. — Добрый день, лорд Делькасл.

Взгляд призрака устремился к Амарун.

— Леди, — замогильным голосом поприветствовала она танцовщицу.

Затем Алусейр повернулась к Шторм.

— Ну? Что такое?

— Ты знаешь, что случилось на Совете, — мягко сказала арфистка. — Мы собираем ваш род и верных царедворцев, чтобы удержать дворец и помочь восстановить порядок, прежде чем всё ещё сильнее выйдет из-под контроля.

— Мы? Вы трое?

— С тобой, Вангердагастом и Миртом, если сможешь собрать нас всех вместе, прежде чем мы попробуем поговорить с Глатрой.

— Ха, — небрежно отозвалась Алусейр, — с *этой*. Прямо сейчас в восточном крыле она пытается запустить коготки в Мирта.

— Тогда Ванги может подождать, — ответила Шторм, — хотя он будет недоволен. Давай доберёмся до Глатры, пока она ещё не зашла слишком далеко.

— Слишком поздно сразу по нескольким причинам, — возразила Алусейр, приобретая ещё большую плотность. Они увидели меч у неё на поясе и длинную и стройную ногу за ним.

— За мной, защитники Кормира!

Мэншун смотрел на двух тиранов смерти. Эта пара была самой крепкой из его тварей, их тела практически не пострадали и казались почти живыми, и уж точно находились в куда лучшей форме, чем другие его созерцатели-нежить.

— Пятна гнили, участки мумифицировались или просто осыпались, — таково было заключение Сронтера после вчерашнего осмотра, и Мэншун решил, что оно хорошо описывает положение дел.

В текущий момент, без его указаний, тираны парили в воздухе немymi, дремлющими сферами. Но он только что испытал обоих, и они поворачивались и били с ужасающей скоростью. Им уже не требовалось дышать, а значит, ядовитый дым Сронтера им не навредит.

Так что оставался лишь сам Сронтер со своими зельями в руках...

Будущий император Кормира зевнул. Долгое время он считал, что вампиры никогда не устают, но они чувствовали мысленное напряжение точно так же, как и живые люди — по крайней мере, этот конкретный вампир.

Да, это был утомительный день, и парад треволнений, похоже, пока ещё и близко не подошёл к своему концу — и *почему* все эти вещи происходили одновременно? Была это прихоть богов, их способ извлечь как можно больше развлечений из отчаяния смертных? Мэншун снова заглянул в свои прорицательные сферы.

Трое из парящих огней показывали двор снаружи особняка Грозозмеев. Окружив здание, силы Короны стучали в двери и громко требовали открывать. Вперёд — хотя, скорее, внутрь — brave солдаты Кормира! Сделайте этот коллективный шаг в пропасть...

Мэншун обернулся к своей самой новой сфере. В её глубинах леди Нармитра Грозозмей лежала на своей любимой кушетке со сладостями в одной руке и тонким флаконом в другой. Она была разъярена наглостью этих незванных гостей. И поэтому она призвала слуг, чтобы шипеть жестокие угрозы касательно их судеб, если они впустят «варварских захватчиков», и отдавать им величественные приказы защищать особняк и не позволять никому войти, будь то хоть сам король.

Мэншун поймал себя на улыбке. Экая гадюка! Простовата и слишком стара на его вкус, но если бы она возникла в его жизни лет сто назад...

Но как там её сын?

Мэншун посмотрел в самую старую свою сферу и увидел ровно то, что и ожидал.

Наверху в своей башне Марлин Грозозмей расхаживал из стороны в сторону в растущем страхе, быстрее чем прежде, почти метаясь из одной пустынной комнаты в другую. Наверняка он чувствовал вокруг себя сжимающиеся челюсти капкана и не видел никакого выхода.

Мэншуну не нужно было проникать в его разум, чтобы знать, о чём думает юный глупец.

Единственный способ бегства — отчаянный рывок через весь дом, используя призраков и их способность проходить сквозь стены, превращающую их в смертоносных убийц, наносящих удары в спину. Но призраки подчинялись ему неохотно, и он не мог — не должен был — полагаться на их охрану. Они позволят схватить или подчинить его, или даже...

— Я г-готов, лорд Мэншун, — пробормотал Сронтер позади вампира.

Будущий император Кормира обернулся, его мягкая улыбка стала шире. Наконец-то.

Алхимик был бледен от страха. Он стоял, с неуверенным видом сжимая по три стеклянных флакона с изумрудной жидкостью в каждой руке.

— Если разбить по одному из каждой руки, получается смертоносный дым? — спросил Мэншун. — От него есть защита или лекарство?

— Н-нет, лорд. Ничего, кроме могущественной храмовой магии.

— Хорошо. Не тревожься; я отправлю тебя и верну обратно живым. Просто держись подальше от своего дыма, мм?

Сронтер лихорадочно закивал. Он ещё продолжал махать головой, как идиот, когда телепортационное заклинание Мэншуна переместило его в точку на несколько шагов сзади напуганных слуг в аванзале за запертыми и забаррикадированными дверями особняка Грозозмеев.

В прорицательной сфере Мэншун увидел, как Сронтер поморщился при виде слуг, согнулся и аккуратно опустил флаконы на пол. Разбив один, он швырнул второй в его осколки, подхватил оставшиеся и бросился бежать.

Поднялся дым, и второе заклинание Мэншуна — то, которое он наложил на бегущего алхимика перед телепортом, впрочем, этот тупица всё равно не заметил, что вместо одного заклинания лорд-вампиры сотворил сразу три — начало действовать, подняв за спиной Сронтера сильный ветер, который замедлил преследующих его слуг, понёс дым к дверям, на которые нацелили свою магию боевые маги снаружи, затем завихрился в аванзале. По всему помещению слуги начали кашлять, шататься и в конце концов падать.

Ветер продолжал дуть, с пугающей скоростью разнося дым. Сронтер бежал глубже в дом, крепко прижимая к телу флаконы и направляясь в центральный обеденный зал. Добрый человек; он был слишком напуган, чтобы подумать о себе или осмелиться предать своего поработителя.

Сронтер достиг обеденного зала и разбил ещё пару флаконов. Поднялось свежее облако дыма.

Алхимик бросился дальше по пустынным коридорам. Он двигался медленней от усталости, но следовал приказам Мэншуна, разыскивая маленькую комнату в задней части особняка. Это был центр помещений, в которых обитали и работали больше всего слуг. Каждый заткнутый рот означал, что одним источником разговоров о небольшом заговоре Грозозмея стало меньше.

Это напомнило Мэншуну посмотреть в свою последнюю сферу. Прощайте, леди Грозозмей...

Парадные двери особняка поддались, сорванные с петель заклятьями боевых магов, и пурпурные драконы бросились внутрь, прямо в поджидующий дым.

Улыбка Мэншуна стала шире. Так им и надо, чрезмерно рьяным рукам тирании, за то, что вломились без приглашения в частный особняк уважаемой благородной семьи.

Сронтер разбил свою последнюю пару флаконов, и Мэншун пробудил последнее из трёх заклинаний на алхимике. Задыхающегося Сронтера в мгновение ока вырвало из когтей смерти, которую он распространял, пронесло через некоторые из богатейших улиц Сюзейла — и оставило по ту сторону двери в запертой комнате, где томился Краунруд.

Мэншун надеялся, что они сумеют не прикончить друг друга, пока он будет занят в особняке Грозозмеев.

В аванзале кашляли и падали солдаты Кормира, боевые маги бросились обратно наружу,

задыхаясь и изрыгая проклятия.

Мэншун засмеялся и сотворил заклинание, которое поместило его в то немногое, что осталось от разлагающегося разума ближайшего тирана смерти.

Оно подействовало, и погреб вокруг него, казалось, покачнулся. Затем Мэншун посмотрел сквозь многочислённые тёмные глаза и увидел, как его красивое человеческое тело шатается под ментальным весом взгляда сразу с двух точек зрения, под грузом управления сразу живым и мёртвым носителями.

Затем он заставил человеческое тело выпрямиться, улыбнулся и снова сотворил заклятие.

Вселившись в разум второго тирана смерти.

Погреб поплыл вокруг — Бэйн свидетель, как же он устал! — затем медленно выровнялся.

Очень медленно.

Человеческий носитель Мэншуна вздохнул.

Затем зрение перестало качаться и плыть, он заставил своё человеческое тело подойти к стене и соскользнуть по ней в сидячее положение, откуда человеку видны были прорицательные сферы.

Здесь он сотворил великую траслокацию, которая переместит обоих неживых созерцателей в комнату башни двумя этажами ниже отчаявшегося Марлина Грозозмея.

Затем он сотворил её снова — отложенного действия, чтобы вырвать тиранов с их ношей обратно в погреб, когда он пожелает.

Погреб поблек, и его многочисленные глаза увидели клубящийся дым.

Мэншун задрожал, когда окружающее снова поплыло. Он действительно устал.

Когда очертания снова приобрели резкость, он увидел, что нижний этаж особняка Грозозмеев повсюду вокруг двух его парящих тел превратился в тёмный и безмолвный лабиринт валяющихся слуг и бурлящих клубов дыма.

Тираны смерти не могли улыбаться сильнее, чем позволяли им застывшие изгибы их широких зубастых пастей, но Мэншун попытался улыбнуться.

Прежде чем эти тупые боевые маги сумеют справиться с дымом, будущий император Кормира и других королевств успеет забрать юного лорда Грозозмея и его два прелестных предмета с синими призраками.

Леди «Я-на-всех-кричу» Глатра будет *так* недовольна.

* * *

— Леди Глатра! — закричала Шторм, сразу увидев, что времени на любезности не осталось. Только на быструю и отчаянную ложь. — Вы нужны королю!

— Не *сейчас*, — зарычала Глатра, оранжевые и фиолетовые языки пламени уже за клубились вокруг её поднятых рук, когда она шагнула к толстяку в окне.

Но она тут же вздохнула и опустила пылающие руки.

— Кто зовёт?

Большинство боевых магов и драконов уже обернулись к двери, которая распахнулась настежь и отшвырнула опиравшегося на неё неудачливого солдата на пол. Они все уставились на юного лорда, танцовщицу, которая повсюду, похоже, его сопоровождала,

высокую и сногсшибательно красивую среброволосую женщину... и призрак принцессы Алусейр.

— Мы, — тихо ответила Шторм.

Глатра зло посмотрела на неё.

— *Зачем* я потребовалась королю?

— Король желает, чтобы ты обращалась с его гостем, лордом Глубоководья, с несколько большим уважением и несколько менее смертносной магией, — фыркнула Алусейр, холодным ветерком просочившись сквозь собравшихся кормирцев, чтобы воспарить перед боевой волшебницей.

Которая позволила пламени вокруг своих рук угаснуть и холодно спросила:

— Ваше высочество, когда придёт конец вашим интригам?

Призрачный нос Алусейр внезапно оказался почти вплотную с живым носом Глатры.

— Когда Обарскир занимается управлением Кормиром, дорогуша, — мягко сказала она, — это что угодно, только не «интриги». Царедворцы, которые неспособны это понять, очень быстро могут обнаружить, что им нашли замену.

Охваченная призрачным холодом, волшебница сделала шаг назад.

— Но вы *мертвы*, принцесса! Мертвы! И...

— Глатра, — резко оборвала её Шторм, — выслушай нас! Хозяин двух призраков синего пламени, что убили юного Ханткрауна в «Храброй лучнице» — лорд Марлин Грозозмей! Он владеет Виверноязыкой Чашей, которая управляет одним призраком, и семейным сокровищем Грозозмеев, Парящим Клинком, управляющим другим. Вы должны заниматься *им*, а не этим лордом Глубоководья!

Глатра напряглась.

— Прямо сейчас этим занимаются другие верные Короне агенты. Как его величеству прекрасно известно. А вы почему вмешались?

— Мы здесь, чтобы помочь, — заговорил Арклет.

— Помочь *с чем*? Свести меня с ума?

— Нет, с этим и без нас уже справились, — сказала волшебнице Алусейр, летая вокруг неё по сужающейся спирали. — Мы шесть преданных кормирцев, которые здесь, чтобы помочь тебе и твоим коллегам — магам, старшим рыцарям и драконам — защищать дворец и попытаться сохранить порядок в Сюзейле.

— Да неужели? — издевательским тоном спросила Глатра. — Шестеро? Я вижу четверых — кто ещё?

— Королевский маг Вангердагаст, — ответила Алусейр, — которого нет сейчас с нами, и мужчина, которого ты только что собиралась испепелить.

Глатра скептически посмотрела на неё, затем развернулась кругом, чтобы одарить Мирта таким же взглядом.

Он молниеносно соскочил с окна, щёлкнул каблуками и принял фехтовальную стойку, выставив перед собой жирную кость ягнёнка вместо меча.

— Ну, — хрюкнул он с дружеской усмешкой, — если возьмёте.

Глава 13

Как только, так сразу

Глатре потребовалась пара секунд, чтобы выровнять дыхание и усмирить свой нрав.

Справившись с обеими задачами, она завопила:

— Возьмём? *Возьмём?* Да я тебя прикую к стене в самом глубоком и сыром подземелье!

Мирт улыбнулся ей широкой невинной усмешкой.

— Это значит да?

Глатра испустила неразборчивый рык в бессловесной ярости, затем ударила себя по бокам, сделала глубокий вдох, и холодно сказала:

— У меня нет на это времени. Королевство в опасности.

Она сделала три быстрых шага в сторону, затем резко развернулась и прошла обратно.

— Я надеюсь, что все вы преданы Драконьему Трону, и ценю вашу помощь. Но в то же время я не могу одобрить пятерых-шестерых самопровозглашённых героев, разгуливающих по сюзейлскому дворцу за этими стенами и творящих всё, что пожелают, не подчиняясь королевским приказам или законной власти — в моём лице, например.

— Верная волшебница, — вежливо спросила Алусейр, — можем ли мы поговорить с тобой наедине?

Глатра посмотрела на неё, затем окинула взглядом помещение.

— Ты хочешь, чтобы я приказала уйти этим добрым драконам и моим коллегам-магам? Прости, но нет. Вы легко можете попытаться одолеть меня числом. У вас может даже получиться.

— Плохое оправдание, — ответила призрачная принцесса. — Мы и сейчас легко можем так поступить.

— Это угроза? — вспыхнула Глатра.

— Констатация факта, — сухо ответила Алусейр. — Если хочешь, я могу превратить это в обещание.

— Ха, — хохотнул Мирт, — а я только решил, что ты кое-что начала понимать, леди Глатра. Царедворцы с толстой черепной костью редко дослуживаются до высоких постов, а если и дослуживаются — то долго там не задерживаются.

— Ты, — зарычала боевая волшебница, оборачиваясь к нему, — молчи! Ты мой пленник и...

— Эй, подруга, вовсе нет. Я почётный гость короля Форила Обарскира — и, так уж случилось, старший лорд города, способного с лёгкостью купить и продать весь Кормир, если мы по какой-то безумной причине захотим это сделать. Твой суровый характер мне по душе, но не твои поступки. Тебе предложили помощь, которую осаждённые царедворцы должны с радостью принять, но ты отказываешься. Дура.

Глатра беззвучно открыла рот, лишившись дара речи, затем сжала губы в тонкую жёсткую линию.

— Ты можешь быть прав во всём, но главная здесь я, — отрезала она.

Алусейр вздохнула, но Глатра повысила голос и продолжила.

— А посему слушайте мои приказы — все вы! Будь некоторые из вас живы, я бы беспрекословно им подчинилась, — она, не моргнув, встретила взгляд Алусейр, — но раз уж это не так, то вы отправитесь играть роль пастушьих собак, загоняя дворян и приводя их

обратно сюда. *Без телохранителей.*

Принцесса посмотрела на неё с чем-то вроде печали на своём призрачном лице. Значит, сплетни могли говорить правду, поняла Глатра: подобным приказам Алусейр не могла подчиниться, даже если бы хотела... наверное, она действительно превратится в простой шуршащий ветерок, если отойдёт от дворца дальше, чем до середины Променада. Ну что ж, если так, принцесса могла бы проглотить свою королевскую гордость и просто признать это.

Глатра повернулась и указала на Амарун.

— Ты должна сдать под надзор драконов, чтобы оставаться в стороне от неприятностей.

— И стать заложницей, которая поможет гарантировать преданность Арклета, — прошипела Рун, яростно глянув на боевую волшебницу — которая, уже повернувшись к Арклету, притворилась, что не слышит.

— Лорд Делькасл, вам следует доложить сэру Винтеру и получить назначение в ряды пурпурных драконов, которые отчаянно нуждаются в боевых офицерах — особенно в том случае, если мы столкнёмся с открытым восстанием.

Арклет изогнул бровь. Мысли лорда ясно отразились на его лице. В том, что касалось военной службы, дворяне не принимали приказов от простых царедворцев. Неужели эта волшебница считает себя королевским регентом?

— Возьмите себя в руки, лорд, — сказала ему Глатра. — У меня нет времени на споры. Ни на что нет.

Она повернулась к Мирту.

— Твоё мнение обо мне безосновательно и я не согласна с ним. Повторяю: ты мой пленник. Попытаешься сопротивляться или бежать — и столкнёшься со смертельной силой.

Она посмотрела на Шторм.

— Ты, — резко сказала Глатра среброволосой женщине, — останешься со мной. Ты должна рассказать мне всё, что знаешь сейчас ты и остальные арфисты здесь в Кормире — а также поделишься сведениями о том, каким дворянам мы можем доверять, какие — закоренелые изменники, а кто просто следует за самым сильным львом.

Шторм без всякого выражения встретила взгляд Глатры, затем повернулась и посмотрела на Рун, Арклета, Алусейр, а потом на Мирта.

Было достигнуто молчаливое соглашение.

Глатра смотрела на них. Они сдаются? Или решили, что несмотря на свою преданность Короне Кормира, не могут принять её условий?

Шторм спокойно обошла Глатру и направилась к двери, через которую недавно вошла. Мирт последовал за ней.

Глатра схватилась за жезлы на поясе и сделала шаг, преграждая дорогу толстому гостю из Глубоководья.

Шторм резко развернулась, Глатра стала оборачиваться, но пальцы железной хваткой схватили её за плечо и вывели из равновесия, толкнув её, спотыкающуюся, через всю комнату.

— Остановите их! — рявкнула драконам и магам Глатра. Амарун и Арклет бросились к двери, пока Алусейр пронзала своим телом одного стражника за другим, замораживая их сердца и бросая их задыхаться.

Глатра восстановила равновесие за миг до того, как врезаться в стену, повернулась так, чтобы видеть спины своих удирающих пленников и их союзников, и потянулась за жезлами.

Её пальцы схватили воздух. Жезлы с её пояса были разбросаны по всему помещению! И теперь их топтали сапогами спотыкающиеся люди.

Да, спотыкающиеся. Призрак Алусейр раз за разом проходил сквозь них, как дикий ветер, оставляя толпу слабых, замороженных и неловких драконов и товарищей-магов пытаться выполнить её приказы.

Глатра постаралась успокоиться и начала творить заклинание. В этот самый миг Шторм Среброрукая развернулась в дверях в вихре серебряных волос, схватила ближайшего боевого мага и швырнула его через всю комнату.

Прямо в Глатру.

Летящий, беспомощно орущий груз из мечущихся рук и ног.

Оказавшийся тяжёлым и *очень* твёрдым.

Глатру ударило, швырнуло на пол, из лёгких вышел весь воздух. Маг, который сбил её с ног, к счастью кувыркнулся дальше. Но не раньше, чем нарушил её заклинание, ударив Глатру острыми коленями и локтями... и позволив удирающей пятёрке выскочить за дверь.

Пытаясь снова втянуть в себя воздух, Глатра увидела, как её коллеги падают на колени, хватаясь за грудь и горло, а Алусейр вылетает из них в призрачном триумфе, чтобы скользнуть за дверь с криком:

— Ко мне, друзья! Я отведу вас туда, где никто не сможет найти или следить за вами!

— На это не рассчитывайте, — яростно прошипела Глатра, поднимаясь на колени. — Эта дура с толстым черепом вместо мозгов не смиритесь так легко с поражением.

В тёмном проходе за дверью что-то за клубилось — и Алусейр стрелой влетела обратно в комнату, нацелившись прямо в голову боевой волшебнице.

Лишь чтобы остановиться прямо перед её лицом.

— Глатра Баркантл, — прошипел призрак, — Кормир в опасности! Королевству необходимо, чтобы ты повзрослела немедленно! Подумай об этом.

Затем принцесса пропала, не оставив ничего, кроме пустого воздуха у Глатры перед носом.

А за этим воздухом — группку смущённых мужчин в мантиях и доспехах, старательно избегающих её взгляда, пока Глатра поднимались на ноги.

Глатра неожиданно обнаружила, что готова зарыдать.

* * *

— Нет! — завизжал Марлин Грозозмей, широко распахнув глаза в ужасе и замахав мечом на тирана смерти. Парящий Клинок сверкнул и ударил, погрузившись в прогнившие пластины, которые при жизни чудовища были прочны, как латы пурпурных драконов.

Созерцатель содрогался от каждого удара, заставляя качаться многочисленные перекрывающиеся точки зрения Мэншуна, когда его глаза крутились и качались.

На мгновение всё смазилось, и в голову ударила тяжёлая боль. Чёрный огонь, как же он устал!

Зрение прояснилось, обзор снова сфокусировался. Второй тиран ухватился за Чашу и только что врезался в борющегося лорда сзади. Помещение было слишком маленьким, чтобы созерцатели могли эффективно сражаться...

Но неловкий удар сработал; меч вылетел из руки Грозозмея. Мэншун использовал

ухватившегося за юношу тирана, чтобы отбросить Марлина в сторону, придавив его, когда лорд обмяк и попытался соскользнуть на пол, чтобы поползти к мечу. Второй тиран подхватил меч.

Теперь назад, прочь из особняка Грозозмеев, ко мне.

В погреб Сронтера... так *устал*...

Дым как-то попал сюда вместе с тиранами? Нет... Тогда что это за фиолетово-серый, тяжёлый туман, что повис в его разуме? Нарастающая *боль*...

Мэншун остстранённо осознал, что утратил контроль над одним из тиранов. Чудовище неподвижно повисло у стены погреба. Мэншун видел его со своего места на полу, полу, который шатался под ним, медленно, как палуба корабля, где он стоял много лет назад, сражаясь с неторопливыми волнами Лунного моря...

Слишком много. Он пытался контролировать слишком много существ за раз. Бурлящий ужас Сронтера, холодный, мёртвый груз двух созерцателей-нежити, и всё это — поддерживая ясновидящие сферы и сотворяя многочисленные телепорты, подпитывая заклинания, висящие в ожидании активации... слишком много. Поток ужаса Грозозмея одолел его, на сей раз вырвал разум лорда за пределы мастерства древнего вампира, истощил его...

Бэйнова блевота, в конце концов у него тоже были пределы.

— Сарк и луррук, — выругался он усталым шёпотом, глядя, как над головой вращается потолок. Грозозмей убежал.

Лордишка вырвался из-под державшего его тирана, но Мэншун из последних сил пока ещё сохранял над чудовищем контроль. Если Грозозмей попытается навредить человеческому телу Мэншуна, тот сможет бросить тирана на юношу, или преградить его тушей разъярённому юному лорду путь к истощённому лорду-вампиру...

Или, если придётся, он мог принять форму тумана — но в последний раз, когда он так поступил, ещё под именем Орбака в Западных Вратах, так много его магических пут угасло и пропала такая внушительная часть ментальной власти над другими, что он потратил почти семь сезонов, восстанавливая лишь половину этого; остальное возврату не подлежало.

Так что это было крайней мерой.

Ооох, его голова...

Меч и чаша лежали на полу погреба под вторым, неподвижно парящим в воздухе тираном. Расплывающимся взглядом Мэншун увидел, как юный лорд хватается их.

С мечом в руке, Марлин Грозозмей на миг устремил бледное, испуганное лицо к Мэншуну, а затем развернулся и бросился по лестнице из погреба вверх.

Мэншун лежал на холодных камнях, слушая, как утихает грохот сапог юного лорда. Он был слишком истощён и почти лишился сил, чтобы предотвратить побег Грозозмея.

В лавке наверху воцарилась тишина. Ни грохота, ни дыма... лишь неподвижность.

Значит, его пешка сбежала — до поры — и забрала с собой два предмета синего пламени.

Мэншун вздохнул. Будущий император Кормира очевидным образом перетрутился.

Он позволил исчезнуть своей власти над последним тираном и смотрел, как тот парит с обвисшими глазными отростками. Если бы боль просто *угасла*, чтоб её...

Наверху раздался слабый скрип двери и звон колокольчика. Затем повелительный женский голос, слегка задыхающийся, но набирающий пронзительную громкость — и приближавшийся.

— Хозяин? Алхимик! Мастер Суронтур, или как-тебя-там! Ау-у-у! Есть здесь кто-нибудь? Продавец! Про-да-вец!

Из-за двери в углу погреба, где томились в плену алхимик и благородный лорд Кормира, раздался приглушённый шум — Иммаэро Сронтер пытался открыть запертую дверь.

Губы Мэншуна насмешливо изогнулись. Ну разумеется. Алхимик очень хорошо знал, что Нечелсея Саммартаэль не выносит ожидания.

* * *

— О-они говорят это повсюду, сэр! Конечно, всегда ходят самые безумные сплетни, но сейчас *все* кричат об этом! Благородных лордов перебили, король Форил мёртв, и королевство в состоянии войны!

Лорд Ирлин Стоунстейбл замотал головой.

— Всё это сразу не может быть правдой! Брорин, твой слуга любит заложить за воротник?

С дальнего края заставленного графинами стола в главной приёмной особняка Стагхэвен мрачнолицый хозяин отрицательно покачал головой.

— Эрельд один из старейших и самых верных слуг Виндстагов, — почти жестоко провозгласил он. — Умный, предусмотрительный и достойный всяческого доверия. Если он утверждает, что в городе так говорят, значит, ты можешь быть уверен, что в городе так говорят!

— Холарк! Этого ещё не хватало! — выругался Стоунстейбл, осушая свою флягу и откидываясь на спинку кресла, чтобы посмотреть на слугу, как будто тот был меняющим обличье чудовищем, на глазах отрастившим клыки и когти.

Виндстаг неожиданно повернулся к пожилому сенешалю в одном из своих резких перепадов настроения.

— В состоянии войны? — проревел он в напуганное лицо старика. — Ты *уверен*?

— Достоин он доверия иль нет, — пропыхтел знакомый голос, прежде чем напуганный Эрельд смог произнести хоть слово, — но уж *я-то* в этом уверен, как пурпурный дракон!

Лорд Мелласт Ормблейд, с красным лицом, задыхаясь от бега, проковылял мимо слуги, чтобы рухнуть в свободное кресло и выдохнуть:

— Правда, всё до последнего слова! Многих дворян убили — гологрудая танцовщица из клуба, похоже, одержимая призраком легендарного Вангердагаста! Король цепляется за жизнь, несмотря на, кажется, три или четыре пронзивших его меча — а Хандрагон жив, это наверняка — но многие из дворян старой крови напуганы или разгневаны достаточно, чтобы мы *уже* были в состоянии войны!

Снаружи раздались стук копыт и громкое ржание протестующей лошади. Прежде чем кто-либо смог встать и отправиться посмотреть, в чём дело, внутрь влетел лорд Сакраст Хандрагон.

— Резня во дворце, дюжина лордов старой крови мертвы, остальные кричат о восстании, и есть новости ещё похуже! — мрачно провозгласил он.

— Хуже? — недоверчиво взревел Виндстаг. — Куда уж хуже?

Хандрагон схватил графин и начал пить, не обременяя себя бокалом.

— Прямо сейчас я едва не переехал семейных слуг Грозозмеев, — ответил он, с

грохотом обрушив графин с остатками вина на стол. — Они бегают по улицам, утверждая, что лорда Марлина и большую часть его домашних в особняке Грозозмеев прикончили неизвестные.

* * *

— Где именно мы сейчас находимся? — проворчал Мирт.

— Глубоко в заброшенном крыле, — ответила Алусейр. — Здесь старая магия лежит так густо, что никто из служащих королевству боевых магов не сможет проследить или даже просто найти нас с помощью магии.

— Они догадаются, что мы здесь, — резко сказала Шторм, и все они увидели, как призрак пожимает плечами.

— Пускай, — ответила принцесса. — Что толку? Я считаю, что мы успеем кое о чём договориться, прежде чем Глатра сможет собрать достаточно драконов, жрецов и магов, чтобы осмелиться зайти сюда так далеко. Можете начинать спорить.

Арклет улыбнулся.

— Ты хорошо нас знаешь.

Алусейр улыбнулась в ответ.

— Вы же кормирский дворянин, лорд Делькасл.

— И хотя ты прекрасно известен своей демонстративной беззаботностью по любому поводу, — мрачно сказала Шторм, — в последние несколько дней ты был каким угодно, но точно не беззаботным — и крайне далёким от спокойствия. Я чувствую твоё недоверие. Настало время поговорить.

Арклет покраснел, испустил тяжкий вздох, прислонился к колонне и сложил руки на груди.

— Настало. Хотя у нас не было особых возможностей для длительных разговоров о чём угодно. Да и я не осмеливался сказать, что думаю, поскольку Рун справедливо разгневалась бы, начни мы говорить о ней, вместо того, чтобы поговорить с ней, да и потому, что... я боюсь вас, леди Шторм, и того, кого вы носите с собой.

— По-настоящему боишься? Или просто остерегаешься? — тихо спросила Шторм.

— Боюсь по-настоящему, Шторм. Вы... персонаж легенды. Как и *он*.

— Эльминстер, — одновременно произнесли Мирт и призрак.

— Эльминстер, — подтвердил Арклет. — Слуги богини, носители магии, которая способна разрушать замки и ровнять горы и всё такое прочее; я слышал истории. На многих пирушках, поздней ночью за выпивкой, нередко рассказывают о вас, леди Шторм. Говорят, вы возглавляете тех арфистов, что ещё остались в Кормире, или вербуете новых, или и одно и другое сразу. Я вырос, слушая подобные рассказы. Теперь я встретил вас, стал заботиться о Рун — и боюсь, что Эльминстеру нужна моя Рун, телом и душой, чтобы превратиться в его марионетку.

— А если так? — осторожно спросила Шторм. — Разве это не сделает её самой охраняемой женщиной во всех королевствах?

— Нет, если он способен подчинять кого пожелает. Это делает Рун и любого, кем он завладел, вещью, которую можно использовать и бросить, если она пострадает; вышвырнуть, как треснувшую флягу. И более того, моя Рун может сгинуть навечно задолго до того, как

треснет её фляга. Вот чего я боюсь. Того, что если я когда-либо оставлю вас, леди Шторм, вместе с Рун, Эльминстер проникнет в неё и полностью поработит, сохранив от настоящей Амарун лишь тело.

Рун начала что-то говорить, затем крепко сжала губы и бросила на Шторм требовательный взгляд.

Среброволосая женщина посмотрела на них, увидела, что Мирт и Алусейр глядят на неё с не меньшей заинтересованностью, и вздохнула.

— Что ж, Арклет, справедливо. Услышь правду: Эльминстер может занимать лишь те тела, которые я для него подготовлю — или подготовила ранее. Прямо сейчас в мире есть лишь один такой человек: Амарун.

Шторм шагнула вперёд и посмотрела Арклету в глаза.

— Он не сможет занять твоё тело, если ты сам, по собственному желанию, не решишь впустить его.

— Я тебе не верю, — прошептал Арклет.

— Да, и эта проблема тенью лежит между нами, — грустно согласилась Шторм. — Тенью, от которой я бы с радостью избавилась.

Она отошла на несколько шагов назад в пыльный мрак, затем снова повернулась к нему.

— Я могу доказать правдивость моих слов, Арклет — открыв наши разумы друг другу — но у меня больше не хватит магии, чтобы сделать это без посторонней помощи.

— Чьей помощи? — резко спросил Арклет.

— В этом дворце демонстрируется некий зачарованный предмет... по неприятному совпадению — в противоположном конце здания. Прямо сейчас, когда драконы на взводе, а Глатра висит у нас на хвосте, путешествие туда будет небезопасным, но...

— Нет, — сухо сказал Арклет. — Прямо сейчас ты носишь Эльминстера с собой. Если наши разумы, хм, соприкоснутся, Эльминстер сможет проникнуть в мой и подчинить его.

— Это не так.

— Ты так утверждаешь. Но откуда мне знать, что Эльминстер не управляет тобой прямо сейчас, заставляя говорить...

— Довольно, — рявкнула Алусейр, воспарив над их головами. — Ваше мнение о Мудреце Долины Теней, лорд Делькасл, далеко от того человека, которого я знаю — а знаю я его, да помогут мне боги, уже больше ста лет. Слушайте же мой королевский приказ: прекратить отказываться от любого предложения показать вам правду, и принять одно из них. Кормиру нужны мудрые дворяне, не просто упрямые!

Арклет посмотрел вверх на неё.

— Ваш королевский приказ? Простите, принцесса, но как сказала Глатра — вы мертвы. Ваше время отдавать приказы прошло.

— Вот как? Что ж, — провозгласила Алусейр, голос которой внезапно стал острым, как меч, — моё время сохранять королевское терпение определённо заканчивается!

Она мстительной стрелой бросилась вниз из сумрака, прямо в Арклета — и осталась в нём.

У них на глазах лорд Арклет Делькасл задохнулся, посинел и начал трястись.

Глава 14

Разорванные вещи и отчаянная беготня

Холод, пронзительный холод...

Арклет пытался дышать, пытался удержаться на ногах, пытался заговорить...

И проиграл все эти битвы.

Он тонул. Всё стало серым. Он смутно осознавал, что Рун кричит и хватается за него.

Её пальцы были тёплыми, но всё остальное было холодным и тёмным. Смертельный холод режущей кромкой ярости бешено терзал его внутренности, обжигая разум гордыней и скорбью более великими, чем всё, что он когда-либо чувствовал.

Так вот на что это похоже — быть призраком принцессы.

Ты даже не представляешь, наивный лордишка, прозвучало в глубинах его разума.

Он соскользнул по колонне, конечности налились тяжестью камня. Он рухнул на колени, губы не подчинялись ему, голова безвольно повисла — и только тогда призрак Алусейр Обарскир выскользнул из его груди, как облачко дыма, и зарычал:

— Уже лишился сил? Я хочу сломать тебя, Делькасл, если это необходимо, чтобы ты позволил Шторм и Эльминстеру войти в твою голову и *показать* тебе, на что это похоже — и что Эл не намеревается подчинять тело Амарун или уничтожать её разум.

— Ты... *тиран*, — смог прошипеть Арклет, зло глядя на неё.

— Да, так и есть, — согласилось парящее перед ним лицо. — Но выслушай моё суждение: настал час быть тебе мудрее, лорд Делькасл. Твои друзья и королевство нуждаются в этом.

Она отстранилась — милосердие богов! — и Арклет снова смог пошевелиться.

Он посмотрел на Мирта.

— А каково твоё мнение обо мне, лорд Глубоководья? Такой ли я упрямый, наивный глупец, каким меня считают эти герои легенд?

— Ну конечно, парень. Ты же кормирский лорд! Большинство дворян — упрямые и наивные глупцы, и остаются таковыми, если никто не пнёт их сапогом. Тебя только что пнули. Подействует ли?

Арклет посмотрел на Амарун, которая по-прежнему держала его.

— А ты, Рун? Ты тоже думаешь, что я глупец?

Её глаза были двумя знамёнами любви. Двумя грустными и гордыми колодцами.

— Я думаю, что ты — твердыня силы, которая отказывается сдаваться, — тихо ответила она. — Но в отличие от многих наглецов среди твоих высокорожденных собратьев — Виндстага, например — ты предпочитаешь скрывать свою силу, вместо того, чтобы постоянно ею пользоваться. И я люблю тебя за это. Мой лорд Глупец.

Арклет моргнул, потом медленно улыбнулся.

— Я... понимаю. И поскольку ты ухватываешь суть намного быстрее и чётче, чем я, я веряю свою судьбу в твои руки. Научи меня, Амарун. Даже если тебе придется использовать для этого Эльминстера.

Амарун посмотрела на Шторм.

Та пожала плечами.

— Не знаю, поправился ли Эл достаточно, чтобы сказать или сделать что-нибудь.

Выскользнув из одного сапога, она сунула ладонь внутрь. Наружу рука вынырнула, до

локтя укрытая слоем праха.

Рун потянулась вперёд, Шторм схватила её, и прах молнией пробежал по их сомкнутым рукам.

Они увидели, как Амарун дрожит, выгибается, закатывает глаза — так, что остались видны только белки. Девушка покачнулась.

Арклет поймал её и увидел, как та исподлобья взглянула на Алусейр, прежде чем прохрипеть голосом Эльминстера:

— Разумно ли это? Когда ты загоняешь в угол юных лордов, по моему опыту они начинают беситься и причиняют большой ущерб. Несчастных случаев мне только не хватало.

— Эл? — осторожно спросила Шторм. — Как ты?

— Ужасно. Ты?

Шторм улыбнулась.

— Бывало и лучше.

— Ха. Полагаю, это можно сказать про всех нас, — Рун посмотрела на Мирта. — Снова здравствуй, старый вор.

— Хо, древний разрушитель, — весело отозвался Мирт. — Ты, похоже, окружил себя прекрасными дамами.

— Всегда так делаю. Пока не обучу себе замену, по крайней мере. И раз уж об этом речь...

Рун повернулась к Арклету и прижалась к нему.

— Поцелуй меня! — прорычала она ему в лицо грубым голосом Эльминстера.

Арклет моргнул.

— Ты... проникнешь в мой разум?

— Да. Неохотно, парень, не в качестве завоевателя — но раз уж Лус нас заставила, то почему бы и нет. Как только я тебя подготовлю.

Арклет нахмурился, но затряс головой, сдаваясь. И поцеловал женщину, которую держал в руках.

Когда их губы разделились, лицо Арклета едва заметно изменилось. Он напрягся, легонько отстранил Рун, и зашагал вниз по коридору.

Отойдя за несколько колонн, далеко во мрак, с Алусейр, скользящей следом, чтобы убедиться, что во тьме не притаились скелеты, он развернулся и вернулся назад.

— Ладно, — медленно сказал он. — Я увидел твою правду. Я тебе верю.

Он прислонился спиной к стене.

— Ты действительно не собираешься подчинять Рун или меня, или оставлять себе наши тела. Только одолжить их на короткое время, когда решишь, что это действительно необходимо.

Он достал свой меч.

— Но знай вот что, Эльминстер из Долины Теней — я всё равно буду тебе сопротивляться.

Он поднял свой клинок в боевую позицию.

— Я хотел бы полюбить тебя. Хотел бы доверять тебе. Но твой разум — как могучая гора, а мой — как крохотный камешек.

Он взвесил в руке свой меч, не отрываясь глядя в глаза Амарун.

— Я уверен, что настолько превосходящий меня разум, принадлежащий магу, у которого было больше тысячи лет, чтобы отточить искусство обмана, может мне лгать. Не

только словами, как простой человек, но и при слиянии умов.

Он посмотрел на Шторм, потом опять на Амарун.

— Разве это неправда?

— Правда, — признал Эльминстер, — но есть и другая правда, о которой тебе следует знать, лорд Делькасл. Такой обман невозможен, если другие сознания, что разделяют связь, не согласны на него. Шторм? Алусейр?

Призрак и среброволосая женщина кивнули и направились к Арклету, но юный лорд предупреждающе поднял руку.

— Не трудитесь. Я верю, что мне сказали правду, если принцесса и столетний арфист подтверждают это. Это неважно. По-прежнему не существует ничего, что вы, любой из вас, мог бы сказать, чтобы я позволил Эльминстеру взять управление над моим телом. Я ненавижу саму мысль, что он может сделать это с Рун, и ещё сильнее ненавижу, что она согласна на такое, но он способен — и разве этого, боги свидетели, мало? Остальным приходится всю жизнь жить в одном лишь теле! Если его разорвут на части, мы умрём. Почему же ты можешь вселиться в неё, в меня, а потом в кого-то другого, создавая личную армию рабов? А?

— Чтобы спасти мир, — прошептал Эл, — и армию — никогда.

— Прости меня, Мудрец Долины Теней, — резко ответил Аркет, — но я всё равно тебе не верю. Я видел в твоём сознании, что ты должен завербовать боевых магов Кормира. Разве они — не армия?

— Один вопрос, лорд Делькасл, — тихо произнесла Шторм. — Ты поклялся, что никогда не вступишь Эльминстера к себе в голову и не позволишь ему управлять твоим телом. Если на кону будет выживание Кормира, или жизнь Амарун, или существование дома Делькасл... согласишься ли ты мне войти в твой разум и управлять твоим телом?

Аркет посмотрел на неё, чувствуя, как краснеет лицо. Эта идея его возбудила, и от этого ему стало стыдно; неужели другие это заметили? Неужели они все это заметили?

Шторм всегда казалась такой мудрой; Эльминстер всегда на два шага опережал любые его мысли... и принцесса Алусейр много лет назад совершила немало подвигов...

Он не мог этого вынести. Глупец или нет, он не мог...

Ему нужно было убежать, остаться наедине, чтобы подумать. Даже без Рун.

Ударив кулаком в стену, Аркет развернулся и бросился бежать, разрубая мечом пустой воздух, где должны были гибнуть враг за врагом.

Никто не окликнул его по имени и не бросился следом. Никто.

* * *

Лорд Брорин Виндстаг оторвал взгляд от ближайшего пустого графина и заворчал:

— Снова вернулся? Эрельд, я же сказал тебе оставить нас в покое! Нам нужно обсудить важные вопросы...

Старый слуга очень низко поклонился.

— Д-да, милорд! Пожалуйста, поверьте, я прерываю вас с огромной неохотой! К вам посетитель, лорд, который был добрым другом вашего отца и которого всегда привечали в этом доме, и он сказал, что пришёл по делу величайшей важности!

Виндстаг нахмурился. Жрецы исцелили его, но боль почему-то не исчезла — и он

ненавидел сюрпризы.

— Ну, — раздражённо ответил он, — тогда приглашай его!

Слуга склонился ещё ниже и вышел, но вернулся раньше, чем Виндстаг смог обменяться взглядами, содержащими вопрос «теперь ещё что?» с его напуганными дружками Стоунстейблом, Ормблейдом и Хандрагоном. Неужели Марлина убили люди Короны? Может, они на очереди? И кто такой этот незванный...

— Лорд Тревин Илланс, — величественно провозгласил Эрельд, низко склонившись.

Седовласый лорд скупно улыбнулся слуге и вошёл в комнату. При нём была чёрная трость, он носил полуплащ старого покроя. Сапоги его были такими старыми и сношенными, что облевали ноги, как дамские перчатки по локоть.

— Брорин, — вежливо поинтересовался он, — как вы? Моих ушей достигли вести, что вас ранили.

Лорд Виндстаг с искренней радостью улыбнулся гостю. Илланс был старым другом и кредитором его отца, и единственным человеком, которому Брорин был склонен доверять.

Насмешливый сынок Трэвина, Ротгар, Виндстагу, Грозозмею и собравшимся за этим столом был не друг, но старший лорд Илланс был человеком иного сорта.

— Лорд Илланс, — поспешно сказал Брорин, вставая, чтобы протянуть гостю руку, — добро пожаловать! Я заплатил жрецам и получил исцеление — и считаю, что мне посчастливилось не попасть на этот Совет, где со мной могло случиться что похуже!

— Рад это слышать, — ответил Илланс, заметив пустое кресло у стены и направившись туда. Эрельд оказался там первым.

Илланс сел, с молчаливой признательностью посмотрел на слугу, и сделал быстрый жест рукой, который заставил старого Эрельда мгновенно покинуть комнату. Виндстаг сощурился.

— Не хотите ли вина? — спросил он, но Илланс отмахнулся от бокала.

— Я здесь не для того, чтобы пить, парень, — он окинул взглядом стол. — Простите мою прямоту, но случившееся сегодня заставляет меня спешить. Эти любезные господа с тобой — ты им доверяешь?

— Свою жизнь, — медленно ответил Виндстаг. — А в чём дело?

Илланс поднял почти пустой графин так, чтобы в стекле отразился свет, и сказал ему:

— Я слышал, лорд Брорин Виндстаг заключил союз с лордом Марлином Грозозмеем — и другими. Эти люди входят в их число?

Лица вокруг стола превратились в осторожные, ничего не выражающие маски, и руки поползли к кинжалам.

— Да, — признал Брорин Виндстаг. — И снова, лорд, я спрошу вас: в чём дело?

Илланс опустил графин.

— В нашем доблестном королевстве наступает время... смут. Будут выбраны стороны, и те, кто попытаются избежать объявления своей преданности, пострадают. Здесь я представляю людей, которых можно назвать «партией». Так случилось, что эта партия считает себя слишком немногочисленной, чтобы возобладать в борьбе. Следовательно, я стремлюсь завербовать единомышленников, объединить фракции в более крупный союз, который сможет преуспеть в сохранении и создании лучшего Кормира.

— Признаю, милорд, я заинтересован, — пробормотал Хандрагон. — И к чему же конкретно стремится ваша партия?

— Вы достаточно мудры, чтобы не спрашивать имена. Тест пройден, — Илланс

позволил мимолётному призраку улыбки коснуться своих губ. — Знайте, что некие лорды этой земли верят, что нашего доброго, но нередко заблуждающегося короля Форила должна, хм, *охранять* группа дворян — набранная из нас и наших союзников. Мы наймём чужеземных волшебников, чтобы советовать королю — «управлять» такое гадкое слово — и подрядим магов, наёмников и верных кормирцев, симпатизирующих нашему делу, охотиться и уничтожать этих грязных боевых магов.

Он откинулся назад и посмотрел в глаза юных лордов, глядя, как они сначала расслабились... а потом заинтересованно подались вперёд.

Хорошо. Кольцо на его пальце, которое могло убить их всех, не понадобится. Пока.

Лорд Виндстаг тоже умел читать по лицам.

— Думаю, я выражу наше общее мнение, — с нетерпением начал он, — когда скажу, что мы *крайне* заинтересованы...

Без объявления и без всякой помощи дворецкого дверь с грохотом распахнулась, и прежде чем кто-либо успел выхватить свой кинжал, в помещение влетел задыхающийся человек.

— Спасите! — выдохнул Марлин Грозозмей, едва не рухнув на стол. — Вы должны меня спрятать!

— От кого? — прорычал Хандрагон.

— Кто за тобой гонится? — резко спросил лорд Илланс, поворачивая кольцо на своём пальце до тех пор, пока оно не засветилось.

Глаза Грозозмея широко распахнулись от ужаса, когда он взмахнул тяжёлой чашей, которую держал в одной руке, и мечом с ярким лезвием в другой.

— Он вторгается в твой *разум*, — прошипел Марлин в лицо Иллансу, — и посылает за тобой созерцателей!

Все сразу же вскочили на ноги и заговорили одновременно. Бокалы перевернулись, покатались и разбились о пол. Никто не обратил на это внимания.

— Да что случилось, Марл? — потребовал Ормблейд громче остальных. — Кто за тобой...

— Стойте! — крикнул Хандрагон, заглушив окончание его реплики. — Это ещё кто такой?

Он указывал на дверь.

Которая снова была открыта. В проёме виднелся моргающий дворецкий и человек, чья поза и одеяние принадлежали слуге, но из другого имени.

— Осбур? Какие вести? — воскликнул Илланс, прежде чем добавить для остальных присутствующих: — Этому человеку можно доверять.

Мужчина поклонился, затем хриплым голосом провозгласил:

— Меня послал лорд Элберт Олдбрайдл и остальные...

— *Элберт*? А что случилось с твоим хозяином, лордом Олгартом Олбрайдлом?

— Мёртв, лорд Илланс. Убит... другими, которых возглавлял человек из Западных Врат. Последним приказом, который отдал мне лорд Олгарт, было передать его сыну некое предупреждение, если он сам погибнет. Я так и сделал, и его сын — мой новый господин — поручил мне разыскать вас и точно так же предупредить.

— Я слушаю.

— «Во время этих беспорядков соперничающие заговорщики из Сембии и Западных Врат попытаются завербовать старших царедворцев Кормира, чтобы с их помощью повлиять

или захватить правление Лесным Королевством. Остерегайтесь Корморота, Йестреля и Лендретов Сэрлунских.» Таковы были его точные слова, лорд Илланс.

— Благодарю тебя, верный Осбур. Возвращайся к лорду Элберту и передай ему мои соболезнования. Скажи двум моим людям — воинам в красном, которых ты миновал на пути сюда — что они должны сопровождать тебя по моему приказу, чтобы ты в безопасности вернулся к новому господину. С беспорядками в городе некоторые дворяне могут выбрать своей целью гонцов.

Слуга низко поклонился, поблагодарил и отбыл, дворецкий вышел вслед за ним и плотно затворил дверь.

Стоунстейбл поднял свой бокал в сторону Илланса.

— Лорд Олбрайдл, которого постигла скоропостижная кончина, входил в вашу партию, не так ли?

— Отец и сын, оба, — спокойно ответил Илланс, провожая по-прежнему задыхающегося Грозозмея к креслу. — Мне будет не доставать дружбы и благоразумия Олгарта. Последние посланные им вести, боюсь, ни капли меня не удивляют. Господа, мы стоим в самом сердце... интересных времён для всех нас.

Марлин Грозозмей издал потрясённый, почти вслихпывающий звук, и все взгляды обернулись к нему.

— Королевство погрузилось в войну... что я наделал? — дрожащим голосом произнёс он, глядя в их нахмуренные глаза. — Что мы все натворили?

* * *

Многие юные лорды Кормира представляли собой ленивых бездельников, не привыкших к физической нагрузке, но ноги и лёгкие Арклета Делькасла были в полном порядке. Он нёсся, как ветер в гавани, с внушительной скоростью погружаясь во тьму заброшенного крыла.

Со вздохом, который сделал бы честь любой встревоженной матери, призрак Алусейр Обарскир направился следом за ним.

— Что она собирается с ним сделать? — требовательно спросила Амарун, пытаясь разглядеть, куда направился убегающий лорд. Её голос принадлежал злой и напуганной юной танцовщице, а не хриплому Старому Магу.

— Защитить его, — ответила Шторм. — Это ведь заброшенное крыло, помнишь? Заклятья, ловушки, даже ходячие скелеты...

— Эльминстер, — твёрдо заявила Амарун, — мне необходимо моё тело. Немедленно.

— Чтобы ты могла броситься следом? Поймать и утешить его? Ну разумеется, — сказал внутри неё волшебник — и пропал, отделившись от девушки густым, ослепляющим облаком пыли.

— Спасибо, — выдохнула Амарун. И вылетела из помещения.

— Вой имя богов! — проревел Мирт. — Ну и носится же эта девка! Эти заклатья, ловушки и скелеты должны быть адски быстрыми, чтобы...

— Спасибо за эту радостную мысль, милорд Ростовщик, — язвительно ответила ему Шторм, пока пыль текла по её ногам зловещим потоком, набиваясь в сапоги.

Как только поток остановился, она тоже бросилась бежать.

Мирт тяжело вздохнул, пожал плечами, и последовал за ней, хлопая своими разодранными сапогами.

— Уж лучше я присоединюсь к параду, чем буду торчать тут один, — громко проревел он, проносясь по коридорам и покрытым паутиной залам. — Посмотрю Кормир, потанцую с его скелетами, оставлю свой след. Или наконец найду себе могилу.

Позади него, оставшись незамеченным, с потолка на собственной нити опустился паук размером с голову пыхтящего глубоководца. Паук обследовал место, только что покинутое шумными людишками.

Повсюду лежали порванные останки его сетей; предстояло много работы. Как всегда.

Глава 15

Счастливое царство хаоса

— Остатки дыма пропали, — выпятив грудь, как пурпурный дракон на параде, доложил молодой волшебник, Калдор Рейвентри, страстно желающий проявить себя парнишка из Арабеля. — Потребовалось шестнадцать заклинаний.

— Хорошо, — резко сказал боевой маг Ярджек Бламрельд. — Что вы обнаружили?

Во время тщательного обыска особняка Грозозмеев к нему то и дело подбегали офицеры драконов, чтобы держать в курсе, но Бламрельд хотел узнать, принадлежит ли Рейвентри к типу «я делаю свою работу и больше ни на что не обращаю внимания», как предыдущий ретивый юноша, которого на него повесили... или после надлежащей тренировки он сможет представлять хоть какую-то пользу.

— Имён я не знаю, но видел леди Грозозмей и две дюжины других. На них была одежда домашней прислуги. Насколько я слышал, Марлина Грозозмея пока не обнаружили.

— Сколько погибших?

— Шесть или семь, но жрецы говорят, что многие ещё могут умереть. Некоторые исцелённые страдают от сильного кашля. Ходить пока не может никто.

Бламрельд с отсутствующим видом схватился за свою косматую бороду, вырвал несколько волосков и пустил их по ветру. Крепко задумавшись, он всегда так делал.

Итак, кто же сумел незамеченным проникнуть в дворянский особняк — через кордон драконов и боевых магов, включая самого Бламрельда — и выпустил по всему зданию ядовитый дым из разбитых флаконов, прежде чем снова исчезнуть? Послал созерцателя, или, возможно, иллюзию такового?

— Вы можете доверить мне допрос плен... эээ, выживших, — сказал Рейвентри. — Ну, наблюдение за допросом. *Разумеется*, все наши коллеги-волшебники будут...

— Разумеется будут. И как они прекрасно знают — и ты тоже наверняка об этом не забыл — эти добрые люди не пленники, а невинные подданные. Уверен, что могу оставить это в твоих руках. Сколько сейчас у нас мертвецов?

— По-прежнему семеро, Яр... эээ, сэр Бламрельд.

— Просто «Бламрельд», Рейвентри. Мы все здесь боевые маги!

— Так точно, сэ... эээ, Бламрельд.

Бламрельд почесал свой некрасивый нос.

— Прочешите особняк ещё раз. Фальшивый пол, движущиеся полки, любые стены, которые кажутся достаточно толстыми, чтобы скрывать потайной ход... нас интересует не только юный Грозозмей, но также каждый меч и чаши, кубки, кувшины и глубокий железные котелки. Да, и любые спрятанные монеты, драгоценности и оружие. Всё найденное принесите мне. Наш лис, может, и сбежал, но если у него здесь нора, я хочу её найти.

Рейвентри сумел замаскировать свой раздражённый вздох резким кивком, потом снова вернулся в особняк.

Ярджек Бламрельд отошёл прочь, миновал ровный поток младших жрецов, прибывающих, чтобы помочь по-прежнему страдавшим от кашля слугам Грозозмеев. Леди Грозозмей доставили во дворец, и судя по всему, она пребывала в добром здравии. Юный Рейвентри не сможет провести свой неумелый допрос. Остальное было уже неважно.

Кроме созерцателей, разумеется. Если чудовища были настоящими, а не иллюзорными. Глатра и другие ветераны должны немедленно о них узнать.

Снаружи на Променаде царила атмосфера тревоги и беспокойства — и говорили *все*, порождая гул, который не раз заставил Бламрельда вздрогнуть. Многочисленные простолюдины с наскоро загруженными повозками торопились покинуть город, слуги в многоцветии ливрей, какое редко встречалось под открытым небом Сюзейла, сновали вокруг и обменивались сплетнями о войне на Совете.

Как ни странно — хотя бдительные драконы и служили тому доказательством — не видно было никаких признаков дворян или их телохранителей, и никаких стычек на улицах.

Сплетники вокруг целеустремлённо шагающего ко дворцу Бламрельда сходились в одном: Кормир погружается в гражданскую войну. И быстро.

— Я становлюсь слишком стар для этого, — пробормотал он, вырывая ещё несколько волос из своей бороды.

* * *

Боевой маг Велвин Трейсгар мрачно покачал головой.

— Говорят, Фулвезер был убит, и Браярброк тоже. Невелика потеря, конечно, но если в королевстве начнётся война...

— Я слышал про Барельдера и Танторна, — ответил его коллега, маг Короны Джорельд Нуреннантур. Они шли вдоль прохода Боевых Знамён, не обращая внимания на знакомую и кажущуюся бесконечной галерею увядших трофеев. Боевые маги направлялись на встречу с леди Глатрой, что не вызывало энтузиазма у обоих. — Не стоят их смерти того, чтобы все стали сражаться, не правда ли?

— Ха. Похоже, некоторые лорды готовы сражаться вообще по любому поводу — притом именно сейчас. Именно это беспокоит Глатру и остальных. Надеюсь только, что её беспокойство не приведёт к тому, что она взбесится и урежет нам плату или отправит в конюшни охранять навозные кучи, или ещё что-то такое. Стоит ей начать — и она уже не остановится.

— Лучше бы она не останавливалась где-то подальше отсюда. Тогда король и все до последнего лорда могли бы усесться за бокалом вина, хорошим сыром и лучшими дворцовыми блюдами, и уладить все разногласия. Или просто пировать и спорить целый год и ещё дольше, пока мы будем продолжать жить своими жизнями без всякого намёка на войну. Зачем...

Далеко впереди кто-то выскочил из дверей и промчался поперёк длинного коридора. Один человек. Мужчина с мечом.

Трейсгар и Нуреннантур переглянулись, затем в унисон пожали плечами. В любое другое время подобное зрелище стало бы поводом немедленно поднять тревогу, но после катастрофы на Совете дворец, казалось, кипел от бегущих слуг и гонцов — и лязгающих оружием пурпурных драконов.

Эти драконы всюду размахивали своими копьями и щитами, и хотя сейчас это не был дракон в доспехах, и вместо копья у него был меч, в конце концов это был только один человек.

Маги прошли дальше и огляделись, достигнув места, где бегущий мужчина пересёк

коридор. Дверь, через которую он прошёл и та, в которой исчез, стояли распахнутыми. Узкие проходы за ними были темны и пустынно. Как всегда.

Маги снова обменялись взглядами, затем поспешили по своим делам. Было бы крайне неосмотрительно опаздывать на встречу с Глатрой.

— Так какой лорд усерднее всех пытался нарезать короля на ломтики? — спросил Трейсгар. — Я был у западных дверей, глядел сквозь две дюжины сражающихся лордов, и вообще не смог разглядеть королевских особ!

Нуреннантур фыркнул.

— Пока это остаётся предметом споров, как любит говорить старый Холлоудант. Я оказался там слишком поздно, чтобы...

Увлечённые этой волнительной дискуссией, оба мужчины совершенно не заметили красивую молодую женщину, которая пересекла коридор сразу у них за спиной, направляясь по той же дороге, что и человек с мечом.

* * *

Амбициозный молодой боевой маг, о котором Трейсгар и Нуреннантур придерживались довольно невысокого мнения, тоже вряд ли смог бы её не заметить — учитывая, что женщина врезалась прямо в него, когда он выходил из комнаты, опустив голову, изучая только что выбранный свиток.

Свиток полетел в воздух; маг рухнул на камни, пытаясь втянуть воздух и определённо чувствуя себя ушибленным; его налётчица бросилась дальше, не задерживаясь ни на миг.

В зал Верной Девы, хорошо освещённый — благодаря чему боевой маг Сургол Велард смог проследить за её стремительным бегом.

По его мнению, незнакомая молодая женщина, носящаяся по дворцу, могла означать лишь одно — неприятности. Должно быть, она была воровкой или того хуже.

Поднявшись на ноги и восстановив дыхание, Сургол Велард величественно воздел руки, нацелил жезл — по своему обыкновению, с ненужным, зато приятным вычурным жестом — и погрузил её в сон.

Велард подошёл и уставился на рухнувшую женщину. Корона и Трон, она оказалась настоящей красавицей! Немногим старше его. Этим допросом он займётся самостоятельно.

Своим первым и чересчур запоздавшим допросом. Бывалые боевые маги, казалось, считали, что Сургол не готов к подобным обязанностям, но к счастью — во время этого воцарившегося ненадолго хаоса — рядом не оказалось старших магов Короны, которые могли бы ему приказывать и находить изъяны во всех его словах и поступках, или вмешаться, отстранив его от дел.

— Стража! — с надеждой и нарастающим возбуждением позвал он. — Стража!

В зале Верной Девы всегда стояли на посту двое драконов, и Сургол был доволен, когда они рысцой подбежали к нему с уважительными гримасами на лицах, как будто он был самым лордом печатей или леди Глатрой.

— В кандалы эту пленницу, — сурово приказал он, — и приковать её за шею к кольцу в стене в должностной палате Магов в Длинном коридоре. Как только закончите, ключи должны оказаться у меня в руках.

— Конечно, сэр, — откликнулись они, поднимая бесчувственную женщину, как будто

она была соломенной куклой. Прекрасной соломенной куклой, которой требовалось аккуратное и очень внимательное отношение.

— Что вы с ней делаете? — рявкнул Велард.

— Приказы, сэр. Всех пленников следует обыскивать на предмет оружия.

— В том случае, если я не отменю эти приказы! Хватит её лапать и отнесите в должностную палату!

— Да, сэр.

Кажется, одновременный ответ стражников прозвучал недовольно? Что ж, неважно. Главное, что они подчинились.

* * *

— Возьмите себя в руки, лорд Грозозмей, — строго сказал Илланс. — Нельзя толкать спящего льва, а затем пугаться, когда он с рёвом просыпается.

— Н-но они этого ждали, — широко распахнув глаза, зашипел на него Марлин. — Человек с созерцателями, тот, кто захватил их разумы! Он из дворца!

— Царедворец? — резко переспросил Илланс. — Откуда вам это известно?

— Он был в моей голове, — раздался ответ, которому сопутствовала дрожащая хватка на ближайшем графине.

После долгого, глубокого глотка под аккомпанемент изумлённых охов, которыми встретили его последние слова, Грозозмей добавил:

— Я не знаю его лица или имени, но он обладает достаточным званием, чтобы раздавать приказы. Это не горничная, не повар и не паж — это кто-то *важный*.

— Эти созерцатели, — требовательно спросил лорд Илланс, — они были живыми или казались мёртвыми, ранеными, возможно гниющими? Хорошенько подумай. Попытайся вспомнить, как они выглядели.

Марлин посмотрел на него, потом моргнул. Нахмурился и моргнул снова.

— Они действительно казались гнилыми в некоторых местах, — медленно сказал он. — Да...

Лорд Илланс кивнул и откинулся на спину кресла, оглядывая собравшихся.

— Некоторые из древних, слишком безумных боевых магов работали с подобными мерзкими созданиями. Твой ментальный червь, должно быть, один из них. Если сейчас они, эти отступники Короны, охотятся за тобой, у нас мало времени.

Трое младших лордов заговорили одновременно, но Илланс поднял руку, и в мгновение ока воцарилась тишина. Он подался вперёд, чтобы взглядеться в глаза Марлина.

— Слушайте меня внимательно, лорд Грозозмей, — сказал он мягким голосом, в которым однако проступала острая, твёрдая грань. — Единственный способ избежать охоты и собственной гибели в роли изменника — воспользоваться вашей парой призраков синего пламени...

В воздухе над столом повисло внезапное напряжение. Илланс поднял вторую руку, чтобы сдержать его, и продолжил.

— О да, ваша власть над этими призраками многими лордами этой земли не осталась незамеченной. Но, надеюсь, не царедворцами, за исключением, вероятно, этого предателя с тиранами смерти — но ваша *единственная* надежда в том, что до поры он не осмелится

раскрыть себя. Используйте своих призраков как можно скорее, чтобы схватить короля Форила.

Напряжение в этот раз вырвалось в виде изумлённых ругательств, но у лорда Илланса закончились руки, которые он мог бы поднять.

— Затем, — продолжал он, по-прежнему не отрывая взгляда от глаз Марлина, — вы должны обмануть нашего стареющего Обарскира, притворившись, что вы отчаянно и храбро спасаете его от призраков — в постановочном сражении. Спланировать которое должны немедленно помочь все собравшиеся за этим столом.

Марлин смотрел на него. Взгляд юного лорда посветлел, когда он увидел выход из сложившегося смертельного тупика.

— Да! — воскликнул он, обрушив кулак на стол так, что задрожали графины. — Да, во имя богов! Великолепно, лорд Илланс! Просто великолепно!

Так оно и было. Большинство дворян знали, что король Форил Обарскир был совсем не таким добрым и справедливым человеком, каким считали его простолюдины. Он был маразматическим старым дурнем.

А значит, это «спасение» его от призраков почти наверняка должно было пройти успешно.

* * *

Шторм остановилась у открытой двери, увидев, что противоположная дверь тоже открыта. Затем она с видом настоящей королевы зашагала через широкий коридор.

Королевы, с поистине королевским величием игнорирующей толстого пыхтящего старика в хлопающих сапогах, который следовал за ней.

То, что она увидела в трёх шагах от себя, заставило её напрячься, затем скользнуть к стене и застыть там, махнув Мирту, чтобы он поступил аналогично.

Тот подчинился со вздохом, который должен быть беззвучным, но не был. За выпуклостями Шторм он не видел, что именно её встревожило.

Шторм это не беспокоило; она была слишком занята, глядя, как двое пурпурных драконов тащат бесчувственную Амарун Белую Волну в направлении Длинного коридора, а следом за ними важно шагает самодовольный боевой маг.

— Можешь дальше идти очень, *очень* тихо? — прошептала она через плечо.

— Думаю да, — радостно прорычал Мирт немногим громче хриплого шёпота.

Шторм кивнула и скользнула вперёд в полной тишине.

Он двинулся следом, всего лишь капельку более шумно.

Что означало, что два дракона, которым резко позволили удалиться, возвращаясь на свой пост в зале Верной Девы со смешанным чувством жалости и негодования, их не слышали.

Шторм надеялась, что дверь, которую она выбрала, чтобы обойти стражников и достичь Длинного коридора незамеченной, ведёт в пустую комнату.

Она и её пыхтящая тень достигли двери, которая, как она знала, ведёт в должностную палату боевых магов, как раз вовремя, чтобы услышать слабый звон цепей.

Без колебаний она прижалась ухом к двери.

— Никакого оружия они не нашли, — пробормотал гнусавый молодой голос, — но я

прервал их обыск, разве нет? А значит, будет разумно обыскать эту нарушительницу самому, прежде чем я разбужу её. Интересно, как это расстёгивается?

Шторм обернулась, встретила вопросительный взгляд Мирта, отошла обратно, где смогла прошептать ему на ухо:

— Обойди по коридору эту комнату и очень громко распахни её дальнюю дверь. Оставайся за дверью на случай если он использует заклинание.

Мирт ухмыльнулся, кивнул и бросился выполнять.

Как только она услышала грохот дальней двери, Шторм открыла дверь перед собой и бросилась сзади на шею молодого волшебника.

Он услышал её и начал поворачиваться...

Но оказалось слишком поздно.

Он отправился на пол, лишившись чувств. Из его ладони со звоном выпали ключи.

Шторм закрыла дверь, через которую вошла, затем подошла к другой двери и выглянула наружу. Никаких следов Мирта не было. Бросив взгляд в обе стороны пустынного прохода, она нахмурилась, пожалала плечами и закрыла дверь.

У бесчувственного мага на поясе был жезл, тонкий кошелёк для монет, и нож — такой тупой и маленький, что его можно было использовать разве что для намазывания на хлеб масла или варенья. Она взяла жезл, узнав изображённые на его концах символы; этот символ дарует мёртвый сон, а тот — пробуждение.

Она коснулась Амарун «тем» концом, затем стащила с пальца волшебника одинокое кольцо. Судя по виду, это было одно из тех чароотражающих колец, что создала Каледней и иногда дарила их некоторым арфистам.

Надев кольцо, Шторм подхватила ключи и освободила Амарун. Лодыжки в кандалах, запястья скованы цепью за спиной, ошейник прикреплён к стене достаточно короткой цепочкой, чтобы вынудить пленницу стоять — иначе она бы задохнулась. Подобные оковы могли оказаться полезными позже, но Шторм некуда было их спрятать, поэтому она их оставила.

— Ш-шторм? — тихо спросила Рун, оглядываясь вокруг и потирая горло. — Что со мной случилось? Мгновение назад я бежала, начала уставать, и тут...

— Этот милый молодой волшебник наложил на тебя сонные чары, — сказала ей Шторм. — А это значит, что прошло достаточно времени — учитывая, что в том направлении никакого особого шума я не слышала — чтобы Арклет покинул дворец, не подняв беспорядков или тревоги, и оказался в городе.

— К чему ты ведёшь?

— Нет смысла гнаться за ним. Позже мы попробуем найти его в особняке Делькаслов, но прямо сейчас я голодна, и судя по урчанию твоих внутренностей — ты тоже. Так что сначала кухни. Потом нам лучше немного побеседовать с леди Глатрой, если не хотим, чтобы боевые маги гонялись за нами всякий раз, как мы сворачиваем за угол в этом дворце.

Рун открыла рот, чтобы запротестовать, затем вздохнула и снова закрыла. Она и в самом деле была голодна. И устала.

В очередной раз самым разумным, что могла сделать Амарун Белая Волна, было сдаться.

Хвала богам, госпожа Саммартаэль ушла, не осмелившись нырнуть в сумрак задней комнаты Сронтера — а тем более во тьму его погреба.

Алхимик вернулся к работе в своей лавке, дав Краунруду несколько глотков вина с чем-то безвредным, что заставило его заснуть. Мэншун, в одиночестве сидевший в лучшем кресле алхимика — которое оставляло сомнения во вкусе Сронтера касательно мебели — чувствовал себя намного лучше.

Просто в будущем ему следует помнить, что даже у него есть пределы. Не более двух разумов одновременно, и лишь один — если он силён и враждебен.

Пока он боролся за то, чтобы оставаться в сознании, прорицательные сферы все взорвались или угасли, погрузив погреб в полную темноту.

Свет Мэншуну не требовался, и он не стал его искать. Вместо этого он сотворил заклинание, чтобы достичь разума боевого мага Рорскрина Мреддрейка.

И ждал во тьме, очень долго ждал, пока удивление сменялось раздражением, затем гневом... а затем признанием.

Его заклинание потерпело неудачу.

Мреддрейк был хорошо защищён, мёртв, либо только что открытые пределы возможностей Мэншуна были сильнее, чем он думал.

Мэншун снова сотворил заклинание, в этот раз — разыскивая разум леди старшего рыцаря Тарграэль.

И снова, спустя долгое время, вынужден был признать неудачу.

Будущий император или нет, ограничения у него имелись. А это означало, что он должен действовать соответственно.

Настало время думать как смертный, живой человек. Осторожный, готовый к битве, за которым охотятся внимательные враги.

Созерцателей лучше рассредоточить. Один тиран смерти и мелкий созерцатель будут спрятаны — по отдельности — во дворце, другая пара — в кладовой Сронтера, остальные — в другом месте, в более неприступной крепости, чем эта лавка...

Может быть, настало время разбудить Талан? Возможно, но учитывая счастливое царствование хаоса во дворце, ему необходимо было знать, что там происходит. Значит, сначала Фентабль...

* * *

— В последней кухне всегда есть суп, горячие пироги, чесночный хлеб и сосиски, — объяснила Штурм, — для слуг, которые приходится есть на ходу. Эти закрытые кружки не для эля; они для супа.

— Попытаюсь иметь в виду, — ответила Амарун, с полным животом чувствуя себя намного лучше, — в следующий раз, когда буду брать дворец штурмом.

Штурм засмеялась и прошла к небольшой и старой деревянной двери в конце помещения.

Рун вздохнула.

— Куда теперь?

— В одну кладовку.

— Там вялится редчайшее драконье мясо?

— Нет, там только горшки с вареньем и ягодами.

— Тогда зачем...?

— Там есть расшатанный камень.

— Вот как...

Затем Рун осенило.

— Тайник арфистов?

— Именно.

Они прошли мимо маленького окна и нырнули в лабиринт переходов и кладовых. Снаружи наступал вечер. Шторм, казалось, знала, куда идёт, и вскоре сняла с решётки мерцающий камень, распахнула ближайшую дверь и ступила в тёмную комнату с низким потолком, заваленную большими горшками и слабо пахнущую соленьями.

— Три дюжины лет прошло с тех пор, как я в последний раз была здесь, — пробормотала она.

— Ох, ну разумеется нет, — начала Рун, но её слова стихли, когда среброволосая женщина устремила на неё взгляд древних, как само королевство, глаз.

— Я вспомнила про это место только оказавшись на внутренней кухне, — сказала Шторм. И вздохнула. — У Эла та же проблема. Двери в наших разумах открываются неожиданно — двери, про которые иногда мы даже сами не знаем. Иногда то, что открывается — небезопасное и тревожащее, и чем бы оно ни оказалось, у нас редко бывает время как следует с этим разобраться.

Она криво усмехнулась.

— Как моя сестра иногда всё ещё говорит, быть сумасшедшей хотя бы никогда не скучно.

Амарун смотрела на неё, не зная, что сказать.

Шторм подмигнула ей и повернулась к толстому горшку на полу под полкой. Вытащив его, она надавила на один конец открывшегося камня. Тот немного сдвинулся, она сунула палец в возникшую щель и поддела камень. Скрытая под камнем ниша была маленькой, и она достала оттуда что-то похожее на кусок кольчуги. Кошель?

— Что это такое? — спросила Рун.

Шторм прижала палец к губам, вернула на место камень и горшок, затем запустила руку в кусок кольчуги и вынула что-то наружу, протянув его Рун.

Это было простое железное кольцо.

— Надень.

— Оно магическое?

— Да. Железная стража. Не действует на любые вещи при тебе, но незачарованный металл, которым тебя бьют, проходит насквозь, как будто ты сделана из дыма. В этой штуке — парализующей перчатке, которая, кажется, уже не работает — ещё четверо таких колец. Всё это — старые арфистские предметы, которые маги Короны не смогут так уж легко отследить. Никому про них не рассказывай.

— И зачем же мне это понадобится?

Шторм наградила Рун печальным взглядом.

— Сдаётся мне, Амарун, что мы идём на войну.

Глава 16

Друг и враг

Сэр Винтер покачал головой.

— Несколько лордов бродили по улицам, направляясь из одного клуба в другой или из своего жилища в различные харчевни, — ответил он, — разумеется, в сопровождении хорошо вооружённых телохранителей. Но что касается драк на улицах или признаков собирающихся для штурма вооружённых людей — ничего. Вообще ничего. До сих пор, по крайней мере. Мы сохраняем бдительность.

Глатра поджала губы.

— Возможно, лорды этой земли более разумны, чем я думала, — пробормотала она.

Она кивнула на прощание Винтеру, который ответил на кивок и поспешил прочь. Глатра принимала незатихающий поток докладов, и было бы трагично пропустить нечто важное лишь потому, что он отвлек её сообщением «никаких проблем».

— Торнатар? — рявкнула она.

— Здесь, леди Глатра. Мы восстановили порядок во дворце. О раненых лордах позаботились, допросили и вернули в их квартиры. Три подслушивающих заклятья на них были резко оборваны, подозреваю, нанятыми магами, но остальные чары остаются в действии и до сих пор не принесли ничего интересного.

— Хорошо. Меня в особенности интересует всё, во что вовлечены лорды Эммараск и Халверон. При малейшей возможности услышать что-то полезное или загадочное, меня следует немедленно об этом уведомить, не взирая на время суток и возможные обстоятельства.

— Как прикажете, — ответил Торнатар, поклонившись Глатре так низко, будто кланялся самому Обарскиру.

Она поморщилась, потрясла головой и повернулась, чтобы взглянуть на Мензифура, придворного алхимика. Этот человек подкрадывался бесшумно, как паук! Где, во имя всех...

Её взгляд упал на пару лиц в терпеливо стоящей вокруг толпе — лиц, которых там не должно было быть.

Шторм Среброрукая и юная танцовщица, Амарун Белая Волна.

Сдержав ругательство, она рявкнула:

— Вы двое что ещё здесь делаете?

— Здравствуй, Глатра, — сухо сказала Шторм. — Мы хотели бы встретиться с королём Форилом Обарскиром. Побыстрее, если это вообще возможно.

Глатра смотрела на неё, чувство вины и ярости нарастало в ней с ошеломительной скоростью, эмоции, с которыми Глатра, как она считала, уже разделалась, и... и...

— Категорически нет, — услышала она свой отказ. — Твои силы, Шторм, хоть в легендах без сомнения и преувеличены, остаются загадкой. Я могу обречь его величество на смерть, позволив вам оказаться в двух комнатах *от него* — и хотя твоя спутница молода, она тоже остаётся загадкой. Танцовщицу могли заполнить ядом враги Обарскиров и послать сюда, чтобы убить короля — откуда мне знать.

Царедворцы, драконы и боевые маги вокруг неё молча ошетинились, повернувшись к Шторм и танцовщице — и расступившись вокруг них.

Глатра продолжала, желая, чтобы они слышали каждое слово и знали, что за этими

двумя стоит пристально следить, когда поблизости нет её, чтобы отдать прямой приказ.

— И вас здесь не двое, а больше, как бы вы не пытались убедить в обратном, — сказала она. — Принцесса Алусейр, Вангердагаст и Эльминстер ходят вместе с вами, неважно, видим мы их или нет.

Она повысила голос и драматичным жестом указала на Шторм и Амарун.

— Я бы посчитала с моей стороны изменой даже позволить вам приблизиться к нашему королю, ведь насколько я знаю, вы сразу же попытаетесь подчинить его каким-то образом, чтобы править Кормиром из могилы.

Две женщины стояли в кругу нахмуренных мужчин с суровыми взглядами. Глатра наградила их торжествующей ухмылкой.

— Трейсгар? Нуреннантур? Достаньте жезлы и схватите мне этих двоих. Без магии, которая могла бы навредить остальным, и не надо их убивать, но в остальном можете использовать всё необходимое, чтобы срази...

В пустом воздухе прямо перед лицом Глатры внезапно вспыхнул свет, и из него знакомый голос прокричал:

— Глатра? Леди Глатра! Лорд Делькасл прорвался через наш пост здесь! Мы... наши драконы ранили его, но он тоже порезал нескольких!

Глатра почувствовала, как самообладание ускользает от неё, и стиснула зубы.

— И каким же это образом, Харброу, — резко спросила она, — одинокий лорд смог проложить себе путь через сторожевой пост из восьми драконов и целых *пяти* боевых магов, включая тебя? Отвечай!

— Делькасл был не один, госпожа! Призрак Алусейр защищал его и заморозил всех нас одного за другим. Она... мы не смогли устоять против неё. Она... не позволила нам его схватить.

— Мой Арклет! — воскликнула Рун. — Где он? Как сильно вы его ранили?

— Госпожа? — переспросил далёкий боевой маг, очевидно не понимая, кто кричит эти вопросы.

— *Спасибо* за твой доклад, Харброу, — твёрдо сказала ему Глатра. — Защищай свой пост, пока я не отдам тебе другого приказа или не пришлю замену.

— Госпожа, я слышу и подчиняюсь, — раздался ответ, прежде чем свет угас.

Амарун шагнула к Глатре.

— Где он?

Глатра не обратила на неё внимания.

— Трейсгар! — рявкнула боевая волшебница, отворачиваясь. — *Разберись* с этими двумя! Остальные...

Что-то ударило её по лодыжкам, и Глатра беспомощно рухнула, издав испуганный возглас — крик, который резко прервался, когда беспощадная плитка вышибла у неё весь воздух из лёгких. Сильные пальцы вцепились в неё — танцовщица, которая...

Вспышка и звенящий звук превратились во второй крик, когда разряд из жезла Трейсгара ударил в невидимую защиту, предоставленную охранным кольцом Глатры, и отскочил обратно в боевого мага. Лишь затем, чтобы заклятье срикошетило от его более слабой защиты и угасло безвредной какофонией, снова достигнув Глатры.

Почти рыча от свежего приступа ярости, Глатра Баркантл поднялась на ноги и резко повернулась к танцовщице.

Лишь затем, чтобы снова рухнуть на пол с ещё большей силой.

Шторм сделала ей подсечку! Сучка каким-то образом пробралась точно за спину Глатре, и сейчас хватала танцовщицу за плечо и шипела: «Пойдём! Харброу охранял зал Побед — сюда!»

Танцовщица, не мешкая, бросилась в указанный коридор. Шторм сразу за ней.

— Нарушители! Злодеи! Предатели! — яростно завопила Глатра, поднимаясь на ноги. Волосы падали на неё лицо, самообладание разлетелось в клочья. — Стойте! Стойте и сдавайтесь! Я *запрещаю* вам убегать!

Шторм замедлила бег и оглянулась.

— Глатра, — сухо откликнулась она. — Думаю, тебе лучше привыкнуть, что твои приказы игнорируют те, над кем у тебя нет власти — или *не должно* её быть. Я не вижу здесь ни королевского мага, ни любого из Обарскиров, и как вековой дворянин этой земли, я помню, что у боевых магов очень мало полномочий, когда они не подчиняются прямым приказам королевской семьи или королевского мага. Ты *делаешь вид*, будто у тебя есть право всем вокруг приказывать, но это совсем иное дело. Я, маркиза Иммердаск, не повинуюсь тебе, неверная слуга!

Глатра открыла рот — и захлебнулась таким гневом, которого никогда раньше не испытывала. И дар речи покинул её. Полностью.

Когда она снова смогла заговорить, спустя несколько полных неразборчивого рычания мгновений, она выплюнула единственное слово в направлении удаляющегося по коридору вихря серебряных волос: «Сука!», и бросила сонное заклятье в двух бегущих женщин.

Долю секунды спустя собственная магия Глатры полетела обратно в неё, на мгновение ошеломив волшебницу, когда ударила в её защиту.

Среброрукая умела отражать заклятья туда, откуда они исходили.

Прямо на глазах бурлящей от злости Глатры две женщины свернули за угол вдалеке и исчезли.

Сжав кулаки, Глатра откинула голову, чтобы убрать с лица спутанные волосы, и сделала глубокий вдох, пытаясь сохранять спокойствие.

Остро осознавая, сколько безмолвных людей сейчас на неё смотрят.

Будь величественной. Твоя власть абсолютна, что бы ни говорила эта лживая сучка. Облачись в неё и служи Кормиру. *Будь* Кормиром.

Она прочитала простое и быстрое заклинание, и сказала в возникшее прямо перед ней сияние:

— Харброу? К тебе направляются две женщины. Одна из них высокая, с длинными серебряными волосами, которые шевелятся вокруг её плеч, будто живые; вторая моложе, танцовщица. Шторм Среброрукая и Амарун Белая Волна. Шторм — с серебряными волосами — может отражать заклятья обратно в их творцов. У танцовщицы не должно быть никакой магии. Ты должен схватить обеих, прибегая к любым необходимым мерам, за исключением убийства.»

Она выслушала подтверждение от Харброу и оборвала действие магии, мрачно усмехнувшись.

Ждать его доклада долго не придётся — и Харброу наверняка доложит об успехе, раз уж она предупредила его о Шторме.

В конце концов, Харброу, опозоренный своей неудачной попыткой остановить Делькасла и жаждущий загладить вину, был не один. Вместе с ним было ещё четверо боевых магов.

Мирт вышел из боковой двери дома за конюшнями с таким видом, как будто ничто на свете его не волновало. Мешок с монетами, позаимствованный из дворцовой сокровищницы, приятным грузом покоился на плече.

Почему бы нет? Он покидал весёлый хаос правящей крепости Кормира, и её суматошная стража и размахивающие жезлами маги до сих пор были его главной заботой в этом новом мире, почти на сто лет отстоящим от того времени, когда он правил в Глубоководье.

Сейчас стражники были заняты у различных ворот и дверей, пытаясь держать знать снаружи, а этот конкретный представитель знати как раз и собирался выбраться наружу.

Он снимет комнаты на одном из постоянных дворов вдоль Променада под фальшивым именем. «Агайрон Миззрим» звучало неплохо. Там он посидит, прихлёбывая вино, и решит, какую новую жизнь для себя создать.

Первым его инстинктом было бежать из земли, в которой по меньшей мере двое юных дворян желали ему смерти. Сбежать будет несложно, учитывая, что Сюзейл — портовый город и всегда обладал тайными магическими путями, к услугам которых легко могли прибегнуть обладатели достаточного количества монет. Такие пути связывали его с Марсембером, куда более сомнительным портом, где представители Короны редко получали желаемые ответы...

Но всё же ему *нравилась* атмосфера Кормира, смут и прочего.

Холарк, он хотел остаться!

Шторм была дьявольски милой женщиной, и Мирту пришлось по нраву Делькасл и его подруга, но их битвы были не его битвами. За исключением того, что если дуболомные дворяне этой земли поднимут восстание, они легко могут развалить Кормир, который был ему по душе — но, в конце концов, беспокойные времена дарили хитрым купцам многочисленные возможности завести выгодное дело или ухватить кусочек власти при дворе... или, быть может, даже жениться на представительнице могущественной знатной семьи...

Мирт взглянул вниз, на своё запятнанное пищей брюхо, засмеялся и покачал головой.

Что ж, может и найдётся несколько могущественных матрон, скучающих в одиночестве, поскольку они уродливее козлов или лошадиных крупов, или обладают нравом, как у обезумевшего от боли быка, которые отчаялись достаточно, чтобы поддаться на льстивые речи такого старого волка.

Осталось ли у него достаточно терпения, чтобы выдержать менее приятные стороны подобного союза? Скука никогда не была его другом. Хмм.

Размышления об этом наверняка шли бы куда лучше, если бы он лежал, задрав ноги, в хорошем кресле, и с графином чего-то алкогольного в руке.

Сначала надо найти хорошую гостиницу...

Всё, что осталось от принцессы Алусейр, немногим больше клочка сумрачного воздуха, неохотно остановилось в воздухе, в дюжине шагов от дворца. Арклет Делькасл ушёл, исчез

на одной из улиц с дальней стороны Променада, и провожать его дальше она не могла.

Настало время возвращаться к Шторм, Амарун и Мирту. В конце концов, у Алусейр осталось не так уж много друзей в этом мире, и зная Глатру и то, как взбудоражены были все охраняющие дворец маги и драконы, этим троим может потребоваться её помощь, и...

— Стойте! — раздался взволнованный мужской голос из комнат глубоко во дворце. — Вы там! Стоять! Девка... женщина... ты! Я с тобой говорю! Стоять! Стоять или я...

Последовала короткая потасовка, другие мужчины одновременно кричали разное, и Алусейр влетела прямо в их гущу как раз вовремя, чтобы увидеть, как отчаянно бегущая Амарун качается, содрогается, спотыкается и падает с болтающейся головой и онемевшими руками. Уснув прямо на бегу.

Пять магов Короны, сопровождаемые двумя драконами по бокам, не сделали ни шага в её сторону, чтобы подхватить девушку. Они просто смотрели, несколько человек даже ухмыльнулись, когда она рухнула на пол безвольной тяжёлой грудой.

Алусейр нависла над ними, становясь более материальной. Она могла заморозить всех этих жестоких бахвалов, пронзив их тела, но сейчас была достаточно разгневана, чтобы пожелать сначала ударить одного из них — Харброу, который радостно смеялся над результатом своей магии — по лицу и извергнуть на него своё королевское неудовольствие.

Чтобы достичь какой-то плотности, даже ненадолго, потребовалось немало усилий. Принцесса всё ещё пыталась это сделать, когда показалась несущаяся вниз по коридору Шторм Среброрукая. Вокруг её плеч, как гнездо разозлённых змей, извивались длинные серебряные волосы.

— Это было крайне недостойно с вашей стороны, сэр маг, — прорычала она. — С каких это пор боевые маги Кормира нападают на любых неповинных граждан?

— С тех пор, как им приказывают сокрушить неких определённых негодяев, — торжествующе сказал ей Баэрн Харброу. — Эту танцовщицу — и *тебя!*

Жезл в его руке плюнул в Шторм магией.

* * *

Мирт окинул взглядом роскошную комнату — хм-хм, неплохая кровать под балдахином, жаль, что не с кем её разделить — и пригубил бердасское тёмное.

Затем, нахмурившись, пригубил ещё раз.

Неужели это то самое вино, которое он помнил таким особенным? Либо он был не в своём уме, либо его обманули, либо напиток, который назывался так в эти дни, был кислой водичкой в сравнении с букетом, которым отличался много лет назад.

Он осушил весь кубок одним богатырским глотком, чтобы проверить, не улучшит ли это впечатлений. Не улучшило, и слуга, который только что принёс это вино, вздрогнул.

Мирт наградил его тяжёлым пристальным взглядом.

После того как слуга начал пятиться, глубоководец вежливо поинтересовался:

— Не порекомендуете ли мне вино получше?

— Н-нет, сэр. Это наше лучшее.

— Понятно, — сказал Мирт и тяжёло опустился в большое кресло. Оно застонало под его весом, но выдержало. Что ж, по крайней мере боги обладали хоть небольшим милосердием.

— Принесите ещё, — приказал он, и устроился поудобнее для тщательных размышлений.

* * *

Жезл сна Харброу ударил в Шторм Среброрукую в тот самый миг, когда два его коллеги-мага совершили ошибку, решив присоединиться к веселью.

Шторм улыбнулась.

Каледней Кормирская была её добрым другом, и они работали вместе на протяжении многих лет. Каледней показала среброволосой арфистке, как использовать кольцо, которое сейчас было надето на Шторм, чтобы не только отражать заклинания. Когда больше одного заклятья ударяло в кольцо за раз, его носитель мог решить, куда перенаправить эту магию — по частям или целиком.

Шторм отправила все сонные чары, которые ударили в неё с трёх сторон, на Харброу.

Слабая защита последнего дала ему как раз достаточно времени, чтобы скорчить удивлённую гримасу, прежде чем маг рухнул на пол, присоединившись к спящей Рун.

Остальные четверо волшебников встревоженно закричали и рассеялись, и, закатав рукава, приготовились швырять *настоящую* боевую магию в этого очевидно крайне опасного врага. Алусейр быстро прошла сквозь одного из них, чтобы нарушить его заклинание — и принцесса была как раз достаточно плотной, чтобы устроить хорошую встряску его сердцу и лёгким, от чего маг упал на колени, задыхаясь от боли и ужаса.

Шторм не стала ждать, пока её чем-нибудь взорвут. Она бросилась к ближайшему магу, отбила в сторону его неловкий захват, крепко схватила за горло и развернула вокруг себя, используя его как щит.

Он попытался завопить и сумел издать булькающий вой — но тут Шторм с силой ударила его о ближайшую стену, начисто вырубив несчастного о каменный рельеф. Когда маг начал оседать в её руках, она взяла его за колено и локоть и швырнула в следующего волшебника.

Последний оставшийся маг к тому времени посерел и рухнул на пол — Алусейр вошла ему в грудь, заморозив сердце. Предыдущий замороженный ею маг полз по коридору позади так быстро, как только мог. Тот, чьи внутренности она потрепала, всхлипывал от ужаса и слабо пытался последовать за коллегой.

Алусейр устремилась туда, где смогла ухмыльнуться в пока ещё гневное лицо Шторм.

— Хочешь, чтобы я завалила убегающих?

Шторм нахмурилась.

— Только чтобы мне хватило времени снять с них кольца и жезлы.

— Глатра и остальные старшие боевые маги с лёгкостью могут издали отследить зачарованные предметы Короны, — предупредил призрак.

Шторм кивнула.

— Если мы сможем подкинуть, скажем, кольцо Марлину Грозозмею так, чтобы он об этом не знал — в его одежду или за пояс — это приведёт их к нему. Или можем воспользоваться жезлами как приманками, если спрячем их в нужных местах.

Алусейр одобрительно засмеялась, метнувшись вниз по коридору. Спустя миг дальний из уползающих магов застонал от боли и страха, когда она нырнула в него.

Мгновение Шторм смотрела, как Алусейр охотится на двух ползущих мужчин, затем освободила Харброу и ещё двоих ближайших от их колец и жезлов.

— Эл, — пробормотала она, стягивая сапог, — мне нужно, чтобы ты занял тело Рун и вывел её отсюда. Боевые маги её усыпили.

Откуда отсюда? Мы бежим из дворца?

— Да, — сказала Шторм поблескивающей текущей пыли. — Снова.

Что ж, не впервой. Глатра по-прежнему разгневана на нас?

— Можно и так сказать, — сухо отозвалась Шторм.

Хорошо. До тех пор, пока боевой маг на нас гневается, мы что-то делаем правильно.

Глава 17

Город проклят

Мирт швырнул пустой графин на пустую кровать, посмотрел исподлобья на оба предмета и зарычал.

Всё было бесполезно. Он, как бродячий кот с чесоткой из-за блох, просто не мог успокоиться.

Так бывало всегда, когда дело касалось раздумий. Он всегда размышлял лучше, когда куда-то шагал, когда что-то *делал* вместо того, чтобы просто сидеть и бездельничать в роскоши и одиночестве... и с усиливающейся скукой.

Наступила ночь, но это было неважно. Если он мог пройти по докам в Глубоководье и притащить свою мерзкую старую шкуру домой в более-менее целом виде, он мог пройти и по хорошо освещённому Променаду в Сюзейле с вполне приличными шансами вернуться в эту помпезную берлогу одним куском.

Монеты были спрятаны в таком месте, где их мог найти только сильный и решительный вор. Чтобы отодвинуть шкаф, за который сунул их Мирт, требовались двое сильных мужчин — или один потеющий, пыхтящий и старый лорд Глубоководья. При нём были его клинки; слуга позаботится о его ключе; в просторном сапоге хватало монет, чтобы купить ласки танцовщицы, если ноги занесут его в подходящее место...

— Ростовщики живут лишь тогда, когда находят проблемы на свою голову, — произнёс вслух Мирт, — а если ты бродишь по городу, обычно проблемы находят тебя сами. Да.

Он спустился под мягкий свет висящих ламп по скрипящим, укрытым тёмным ковром ступенькам и вышел на улицу.

* * *

Марлин Грозозмей шёл вдоль закрытых лавок. За его спиной вздымался тёмный плащ. Самые старые, самые тихие его сапоги почти не производили шума, пока он спешил в ночь.

Он был так взволнован, что почти задышался, и в горле, медленно расцветая, поднимался мелкий червячок страха. В особняке Стэгхэвен план Илланса казался посланным свыше откровением, таким *правильным*, но сейчас...

Далеко впереди бок о бок быстро двигались два синих огня в сгущающемся мраке. Его призраки направлялись во дворец.

Чтобы угрожать королю.

* * *

Либо дворяне не торопились, собирая воинов и начищая сапоги, чтобы выглядеть как можно лучше, когда вспыхнет восстание, либо драконы проделали очень хорошую работу, очищая город — по крайней мере, эту его часть — от вооружённого и взбудораженного народа на улицах.

Променад, под его обычными тёплыми и многочисленными фонарями, на долгих

изгибах вокруг парящих, массивных громад просторных зданий королевского двора и более древнего, больше похожего на крепость королевского дворца, был немногочислен. Нет, люди вокруг были, разумеется, притом одни лишь пешеходы — никаких повозок, фургонов и экипажей видно не было — но никто не кричал и не махал мечом. Большинство горожан прогуливались в одиночку, по-двое, по-трое; единственной более крупной группой, которую встретил Мирт, был патруль стражи — драконы с боевым магом, тихо переговаривающиеся и на первый взгляд ни капли не встревоженные.

По старой привычке Мирт частенько оглядывался. Его первый взгляд через плечо запечатлел в памяти гостиницу, то, как она выглядит ночью, чтобы он легко смог найти её снова. Второй взгляд должен был заметить любого, кто мог преследовать глубоководца, находился на улице во время его первого взгляда и двигался таким образом, что можно было предположить, что Мирт Глубоководец представляет для него интерес.

Таких людей Мирт не заметил.

Что ж, неудивительно. В конце концов, среди ныне живущих его не знал никто, кроме небольшой горстки друзей, в эту эпоху, настолько далёкую от того часа, в который, он думал, его найдёт смерть. Вековая жизнь предназначалась для архимагов или искалеченных богами жрецов, не для жирных старых ростовщиков с подвешенными языками, которым нравилось провоцировать людей, считавших себя могущественными или важными. Зачем...

Мирт оглянулся в третий раз и моментально изменил своё мнение.

— Таландор! Кацтул! Кацтул *кацтул!* — выпалил он.

Сложно было не узнать двух мужчин, окутанных неугасающим ярким синим пламенем. Целеустремлённо направляющихся к нему с обнажёнными мечами в руках.

— Келстин, гелкор и храстующий сабруин! — добавил он окружающему Сюзейлу, начиная торопиться, громко хлопая своими старыми сапогами — той же обувью, от вида которой заметно поморщился роскошно одетый управляющий в гостинице.

Если они бросятся в погоню, существует лишь одно хоть наполовину безопасное место. Проклятый дворец. Снова.

— Этот город проклят — или проклят я! — прорычал Мирт, набирая скорость, бросаясь из стороны в сторону, начиная пыхтеть и желая побыстрее оказаться в другом месте.

— Я для этого слишком стар, — пробормотал он. — Проклятая смертоносная магия! Почему эти крысиные боевые маги не разделаются с ними, а?

Он надеялся завести двух убийц в гущу этих самых магов Короны; если он сможет проскользнуть мимо или угодить прямоком в готовые взять его под стражу руки боевых волшебников, возможно его пылающие преследователи отправятся следом — и ручные маги Драконьего Трона их уничтожат.

Он бросил ещё один быстрый взгляд через плечо и заставил себя бежать быстрее.

Да, волшебники были его лучшей надеждой.

Разумеется, только в том случае, если он доберётся до дворца прежде, чем призраки поймают его.

* * *

Мэншун сумел забыть, насколько раздражающим был разум младшего сенешаля Корлета Фентабля.

В самой природе Фентабля были заложены неприятности; этот человек отличался средней хитростью, выучил искусство ловкой манипуляции и тонкого обмана, и получал неподдельное наслаждение от интриг и грызни дворцовой дипломатии.

Однако он считал себя впятеро умнее, чем был на самом деле, и так идиотски радовался своей жалкой беготне за шансом застрашать низкопоставленного слугу или возможностью подчеркнуть свой ранг в разговоре с кем-то всего лишь чуточку ниже в дворцовой иерархии, что это бесило Мэншуна.

«Бесило» — это ещё слабо сказано. Так что Мэншун управлял разумом Корлета Фентабля резко и нетерпеливо. Он считал первейшей необходимостью узнать положение дел во дворце — но предпочёл бы обойтись без этого.

Король скрывался, и его тщательно охраняли. Даже амбициозная, как всегда, Глатра, могла изображать его заместительницу лишь настолько хорошо, насколько позволяла её непрекращающаяся агрессия. Пока правил хаос, за закрытыми дверями шёпотом обменивались сплетнями младшие царедворцы, а высокопоставленные должностные лица скрывались в различных комнатах вдали от своих привычных контор и постов, чтобы снующие туда-сюда посланцы Глатры не могли их обнаружить.

Согласно дворцовому протоколу, королевский маг и лорд печатей — которых по-прежнему не могли отыскать — оба могли отдавать приказы младшему сенешалю; следовательно, все остальные боевые маги подобными полномочиями не обладали, за исключением военного времени. Но Глатра, похоже, вспоминала о традициях и протоколе лишь тогда, когда они играли ей на руку, и полностью игнорировала их в обратных случаях.

Младший сенешаль Фентабль точно так же один за другим проигнорировал шесть пакетов с приказами, которые доставили ему гонцы. Он позаботился о том, чтобы проинформировать гонцов, что госпожа Глатра Баркантл была объявлена предательницей Короны, и её приказы следует игнорировать. Он воздержался от пояснения, что решение объявить Глатру предательницей принял самостоятельно, без участия короля, но услышав это, гонцы лишь равнодушно моргали, позволив ему сделать вывод, что они уже знают. Они знали, что этот пустой жест был его тщетной попыткой предупредить неизбежный ход Глатры, которая объявит предателем его, как только узнает, что Фентабль скрывается и не выполняет её приказы.

Однако даже самому младшему из драконов, стоящих на страже во дворце или королевском дворе, показалось бы странным, что младший сенешаль покинул дворец в то время, когда его начальник, дворцовый сенешаль Холлоудант, храпел в своей кровати.

Ещё более необычным для Фентабля было то, что он выскользнул из дворца в одиночку, без помпезных приказов и провозглашений, без пары-тройки гонцов, на случай, если в них возникнет нужда, без писца, который мог бы запечатлеть его наиболее ценные-для-королевства мимолётные мысли, и без парочки телохранителей, призванных подчеркнуть его важность.

Мэншун отправил бы Фентабля голым и измазанным в навозе, если бы его цели это позволяли.

Однако данный случай подобного не допускал — впрочем, как и любых привлекающих внимание выходов. Мэншун отправил Фентабля на встречу с некими дворянами. Якобы пытающимися сформировать партию, призванную хранить мир и защищать королевскую семью и всех сюзейльских царедворцев, если разразится гражданская война. На самом же деле, Мэншун намеревался использовать свою магию, чтобы скрытно прочесть мысли всех

лордов, которые окажутся достаточно близко, и узнать, кого из них можно использовать. Партия Фентабля станет основанием власти Мэншуну среди дворян, когда он захватит трон.

Более того, существовала возможность — небольшой, но всё-таки шанс — что он может оказаться достаточно близко к нужному лорду и узнать, кто управляет возникшим на Совете призраком синего пламени.

А ещё настало самое подходящее время, чтобы начать распространять слухи, которые заставят народ с подозрением отнестись к жрецам всех популярных религий в королевстве. Кражи, убийства, предательства, пожирание младенцев... многое. Жрецы представляли угрозу для вампиров, и Мэншун хотел, чтобы им хватало забот в его новой империи, или по крайней мере их жизнь осложняло подозрение и неприязнь простолюдинов, чтобы у священников не было возможности вмешаться в царящий хаос и восстановить порядок, в процессе обзаведясь влиянием и властью.

Самый тайный путь из дворца, не включающий в себя сырых тоннелей и ступенек из погреба той или иной лавки или таверны вдоль Променада, находился в доме за конюшнями. Фентабль выбрал этот маршрут, но отойдя от дворца всего на квартал, увидел запыхавшуюся, сгорбленную фигуру, спешащую по Променаду в его сторону, бросая за спину многочисленные быстрые взгляды.

Мирт из Глубоководья, направляющийся... во дворец?

И сразу за ним — Фентабль резко остановился за миг до того, как Мэншун успел почувствовать удивление — спешила мстительная пара синих призраков Марлина Грозозмея.

Мэншун заставил Фентабля отступить в дверной проём, чтобы следить за бойней оттуда.

* * *

Эл встряхнулся и удовлетворённо взмахнул руками — тонкими, гибкими и юными руками Амарун. Боги, как хорошо было оказаться в таком молодом, сильном и гибком теле. Почему...

— Если ты закончил наслаждаться общим состоянием здоровья Рун, хотела бы напомнить, что оно недолго останется таким хорошим, если мы тут задержимся, — предупредила Шторм, ухватив его за руку.

Эл покорно последовал за ней по узкому коридору. Он узнал этот проход; впереди была дверь, ведущая в альков, где у одной из меньших, не слишком важных дворцовых дверей стояла стража.

— Почему всё хоть раз не может быть так, как в кабацких байках? — на бегу небрежно поинтересовался он. — На посту не будет стражников и всё такое...

Шторм хмыкнула и ударом распахнула дверь в альков.

Несколько испуганных драконов выругались и потянулись за мечами, но она прошла прямо сквозь них, бросив резкое:

— Вольно, верные драконы! Я леди Глатра, и мы здесь с боевым магом Трейсгаром испытываем новое заклинание. Если мы выйдем как две потрясающие женщины — я с серебряными волосами, а он — как танцовщица, которую некоторые из вас могли видеть разок-другой — наша магия действует. Мы направляемся в «Дракон и лев», чтобы

подвергнуть эту маскировку испытанию более суровых критиков.

— Я... эм... удачи, госпожа! — торопливо промямлил командир, широко распахнув дверь, как только Шторм потянулась к ней. Она поблагодарила его лучезарной улыбкой, шагнула в ночь снаружи — и остановилась так резко, что лишь грация и чувство равновесия Амарун уберегли Эльминстера от того, чтобы в неё врезаться.

По Променаду, задыхаясь, спешил Мирт Ростовщик, хромая в их сторону так быстро, как только мог. Позади Шторм увидела причину его спешки.

Два призрака синего пламени наступали ему на пятки — мечи наружу, на лицах неприятные ухмылки.

— Спасите! — выдохнул Мирт. — Проклятье, спасите!

— Конечно, — воскликнула Шторм, бросившись к нему и схватив выдохшегося лорда за плечо. — *Рун!*

Эльминстер подхватил глубоководца за другую руку и они потащили его назад к двери.

— Смена планов! — рявкнула Шторм на нахмурившихся стражников. — Собрать сюда всех боевых магов, каких только сможете найти!

Они уставились на неё.

— Сейчас же! — взревела она, пытаясь изображать голос Глатры.

Стражники бросились бежать — трое младших немедленно, остальные — когда Шторм бросила на них яростный взгляд, наконец, отпустив задыхающегося старого лорда и наступая на них, рыча, как разозлённый волк.

— Они сразу за нами, — сказал Эл, пинком ноги захлопнув дверь и прислонив Мирта к стене коридора.

Шторм бросилась к двери с засовом в руках.

— Надеюсь, Лус...

Два клинка пронзили дверь и ударили в засов.

Она крепче схватилась за засов, синие убийцы потащили его к себе, вырвали свои мечи, убрали их. Шторм быстро сунула засов на место, запирая дверь.

Миг спустя печати на ней неожиданно вспыхнули, проявляясь, мерцая и вздуваясь, кода призраки попытались пройти прямо через толстую каменную стену.

— Нет времени ждать Алусейр, — проревел Эльминстер. — Если я съеду с катушек, Грозовая...

— Конечно, — ответила Шторм, взяв на изготовку свой клинок.

Печати стали ослепительно белыми, превратились в дикую расколотую молнию прямо перед Эльминстером, исторгнув гневный ливень искр — и мерцающий синий меч прошёл сквозь это сияние, а за сразу за мечом — и его владелец.

Эльминстер улыбнулся, уклонился от меча, и нежно произнёс заклинание прямо в лицо призраку.

В мгновение ока все звуки стихли, или так показалось — но клубящаяся пыль и трещины, пробежавшие по штукатурке на стене, сказали Элу, что он просто оглох. Синий свет призрака погас, оставляя неподвижный почерневший скелет с мечом в руке, и печати дворца разошлись, отступая по коридору в обоих направлениях, как пожар в сухой траве.

Лишь затем, чтобы вскипеть вдалеке — и волной вернуться обратно.

Синее пламя загорелось снова, неподвижный скелет снова стал плотным на вид человеком в движении — и печати ударили призрака с двух сторон.

В этот момент Эльминстер ещё и ослеп. Он слабо ощущал, что его швырнуло в воздух, а

затем врезался во что-то гладкое, плоское и очень твёрдое.

Чтобы отскочить обратно, и спотыкаясь сделать несколько шагов вперёд вслепую на ногах, которые казались сделаны из резины или, быть может, из струн...

— Умеют они дворцы строить, — остроумно заметил он, или подумал, что заметил, прежде чем молния ударила его в тысячу мест и унесла весь Сюзейл прочь.

* * *

Взрыв кухонной сковородой ударил по ушам Фентабля, яркая вспышка пронзила ночь, как будто тьма была расправленным плащом, который легко резал нож.

Застыв в дверях, прижав ладони к ушам, Фентабль заморгал от резкого света, но чётко увидел, как старая массивная дворцовая дверь взлетает в воздух и летит через весь Променад, чтобы с силой удариться о каменный фасад здания с лавкой внизу и клубом наверху, затем рухнуть, расколовшись, на землю, подняв облако пыли.

Сразу за дверью наружу вылетела фигура, окутанная мерцающим синим пламенем.

Она врезалась в нижнюю часть лавки, в центральную колонну, по бокам которой находились разбившиеся окна, и бесчувственно соскользнула по недрогнувшему камню на землю.

Фентабль мог быть напуган, но Мэншун лишь удивился.

Он смотрел на рухнувшее тело, затем на зияющий проём, в котором ещё недавно была дверь.

Там стояла танцовщица, Амарун Белая Волна. Она покачнулась, выглянув на улицу, подняла и широко развела руки. У её ладоней гневно плясала молния.

Неужели *она* только что взорвала призрака синего пламени?

Что же такое произошло с прежде ничего не смыслившей в Искусстве юной девушкой, потомком Эльминстера, чтобы она стала архимагом за считанные... дни, кажется?

Мэншун прищурился.

* * *

Даже булыжник под ногами вздрогнул, когда дверь сорвало с петель и вышвырнуло наружу.

Призрак синего пламени, прижимавшийся к наружной стене дворца, увидел, как мимо пролетел его товарищ.

Затем, не задержавшись даже, чтобы посмотреть, что с ним стало, призрак нырнул сквозь зияющий дверной проём во дворец.

Мимо шатающейся, пустившей слюну девушки с пустым взглядом, девушки в хватке трескучей молнии, и стонущей, тоже шатающейся, среброволосой женщины позади неё, чтобы достичь отчаянно ругающегося толстяка, спотыкающегося в узком проходе, ведущем глубже во дворец.

Призрак злорадно улыбнулся на бегу и поднял свой меч.

Мирт увидел синее отражение нависшего над ним пламени и развернулся, чтобы дать бой.

Улыбка призрака стала ещё шире. Потребуется один, максимум два удара, и затем...

Меч, скорее призрачная тень, чем сталь, рубанул по синим огням — и разрубил их в тёмное ничто.

Бегущий призрак споткнулся в искреннем изумлении.

И обнаружил, что смотрит в такую же полную мрачного злорадства улыбку, как его собственная, на лице полупрозрачной женщины в лёгких кожаных доспехах. Её непокрытые шлемом волосы свободно развевались. Она повисла в воздухе, неподвижно, как щит, преграждая путь к задыхающемуся, сопящему старому лорду.

— Ты осмелился войти в *мой* дворец, чтобы убить человека, в нарушение *моих* законов, в *моём* королевстве? — прошептал призрак Алусейр Обарскир. Ужасная улыбка по-прежнему играла на её губах. — Приготовься заплатить мою цену.

* * *

Амарун, шатаясь, вышла из дворца и начала падать на улицу — но серебряные локоны поймали её, и сильная рука снова помогла ей выпрямиться.

— Тихо, Эл! — произнесла Шторм, обнимая оглушенную танцовщицу сзади. — Тихо!

Эл?

Не веря своим ушам, Мэншун смотрел на двух женщин по ту сторону улицы.

В следующее мгновение он покинул разум Корлета Фентабля с беззвучным воплем страха и ярости, в безоглядной спешке, бросив сенешаля пускать слюну и шататься так же сильно, как танцовщица. Его никакая Шторм Среброрукая не поймала, и Фентабль резко рухнул лицом на мостовую.

В следующее за этим мгновение созерцатель размером с голову младенца вылетел из его мантий и нырнул в ночь.

Отвисли челюсти, раздались крики, и Мэншун смутно припомнил, что по улице спешили какие-то пурпурные драконы, услышавшие взрыв.

Ба! Прямо сейчас его не волновало, узнает ли мир о том, что младший сенешаль носит под мышками созерцателей.

Эльминстер из Долины Теней *был жив!*

Потребовалось на удивление мало времени, чтобы пересечь усеянные особняками, шпилями, башнями и куполами улицы и достичь открытого всем ветрам окна дома Трусильверов.

Леди Делейра Трусильвер заметила созерцателя раньше своих горничных, и резко приказала всем слугам покинуть комнату. Если кто из них и увидел, как она достаёт какую-то подвеску из открытой шкатулки на прикроватном столбике, или вынимает кинжал из ножен, прикреплённых к тому же столику снизу, виду они не подали.

Мэншун проигнорировал подвеску и кинжал и не стал тратить время на любезности.

— Талан, — приказал он, — найди волшебника Эльминстера, который всё ещё жив и использует не принадлежащие ему тела. Убей любого, в кого он вселился — уничтожь полностью. *Убедись*, что он мёртв, затем позови меня, чтобы я проверил. Поторопись!

— Как я его узнаю? — спросила она, бросив и кинжал, и подвеску.

Созерцатель ринулся к ней, как огромная оса, размахивая глазами стеблями.

Она почти сумела не вздрогнуть, когда глазные стебли скользнули в её ноздри и уши и

задержались там на то ускользящее мгновение, какое потребовалось Мэншуну.

Он передал в разум Талан образ Амарун Белой Волны — шатающейся в дверном проёме, глядя в никуда, вокруг поднятых рук пляшет молния — затем убрал молнию из этого видения.

— В этом облике он скрывается сейчас.

Созерцатель подался назад достаточно, чтобы одарить госпожу Делейру Трусильвер угрожающим взглядом.

— Найди Шторм Среброрукую и заставь её рассказать, кто — Эльминстер, а кто — нет. Не убивай её, пока не будешь уверена. Но после — убей. В первую очередь твоя задача — *закопать Эльминстера поглубже!*

Глава 18

Сейчас я иду охотиться

Шторм покачнулась, всхлипнув от боли. Магия изливалась из тела в её руках, с треском сталкиваясь с дворцовыми печатями.

Там, где магия Эльминстера ударяла в печати, а печати ударяли в ответ, возникала энергия. Она клубилась вокруг Шторм и Амарун, сначала похожая на огонь и кислоту, затем скорее на солёный кнут рабовладельца, который давным-давно довелось испытать Шторм... или на вихрящиеся, безжалостно острые грани начарованного жрецом барьера сотен клинков...

Чтобы спасти их обеих, она вытолкнула Амарун в ночь, подальше от печатей. Назад на Променад, где Шторм тяжело упала на колени. Амарун осела мёртвым грузом у неё на руках. Внезапно её окружило кольцо мечей, сверкающий круг смертоносных лезвий.

— Сдавайтесь! — рявкнул пурпурный дракон. — Покажите пустые руки и назовите себя.

Шторм посмотрела на него, задыхаясь, и подавила боль достаточно, чтобы сказать:

— Мы боевые маги, солдат! Горим изнутри от дикой магии! Ради вашей собственной безопасности, отойдите от нас и от того дверного проёма *прочь!*

Солдаты разом побледнели и отступили. Содрогнувшись, Шторм обхватила Амарун и покатила, унося их обеих дальше по улице. Два дракона подозрительно двинулись за ними, но были отозваны меч-капитаном.

Стиснув зубы, Шторм поднялась, потащив за собой по-прежнему слепую, оглушённую Амарун, и медленно повела танцовщицу в ночь.

— Эл? — прошипела она, когда они достигли входа на боковую улочку в дальнем конце Променада.

Единственным ответом был нечленораздельный слабый стон.

Дальше по улице она заметила сгорбленного, спотыкающегося человека, который убежал прочь от них. Он был окутан блеклым, слабо мерцающим синим пламенем.

— Показали призраку, что по чём, — громко прошипела Шторм.

Когда она это сказала, далёкая фигура повернула за угол и исчезла.

* * *

Призрак синего пламени, которого не впечатлила её улыбка, атаковал бесстрашно, с собственной ухмылочкой, уверенным, почти беззаботным ударом.

Алусейр ловко отбила его меч в сторону своим призрачным клинком, и продолжая движение, ловким изгибом глубоко порезала ему бок, подлетела ближе, разрезая торс. Кончик меча проскрежетал по рёбрам, устремившись к горлу.

Синий огонь отступал перед серебряно-серым туманом её меча, расступаясь и темнея, обнажая человеческое тело. Алусейр ринулась вверх, уходя от его бешеной контратаки, и рубанула противника по тыльной стороне его сжимавшей меч руки, прямо над локтем.

Меч синего призрака прозвенел на дворцовом полу, Алусейр развернулась и налетела на него снова. Она не осмелилась попробовать прямой выпад или обезглавливающий удар,

поскольку каждое прикосновение огненной ауры призрака к её мечу — который являлся частью самой принцессы, обретая плотность по её воле из той же призрачной эссенции, из которой состояло всё тело Алусейр — пожирало её не-жизнь.

Было бы глупостью убить этого нарушителя ценой её собственного существования и оставить её возлюбленный дворец совсем без охраны.

Так что она ограничилась рубящими ударами по рукам и корпусу, кружа вокруг противника в бесконечном кружеве острой стали, заставив его сжаться за собственным клинком, всё больше и больше угасая.

Призрак синего пламени вдруг резко рванулся и бросился бежать с криком боли и ужаса, бросившись прочь из дворца, дико махая мечом в попытке защититься от клинка Алусейр.

— Враг по крайней мере был заметно ослаблен, — удовлетворённо сказала призрачная принцесса пустому коридору, остановившись прямо перед бурлящим хаосом нарушенных, пытающихся восстановить свою целостность печатей, чтобы проследить, как призрак несётся по Променаду. Он свернул на боковую улочку и продолжал быстро удаляться.

Снаружи драконы помогали бормочущему что-то младшему сенешалю Фентаблю встать на ноги. Он казался пьяным или оглушённым, а солдаты, придерживающие его, взволнованно говорили о «созерцателе, как в легендах, только размером с детский горшок!»

Один из них держал лезвие своего меча у горла Фентабля.

— Я слышал о таких. На одной из лекций старика Даргуста о глазных тиранах, два года назад. Он говорит, что некоторые из них по-прежнему скрываются в сердце Хуллака, выжидая, пока не представится шанс захватить королевство!

— Ну, а я слышал, что некоторых видели прямо здесь, в Сюзейле! — проревел старый дракон. — Забудь о далёких лесах, от которых следует держаться подальше, у нас тут...

Хмурясь от любопытства, Алусейр подалась вперёд, чтобы лучше слышать.

И в этот момент нечто тяжёлое и острое пронзило её сзади, толкнув вперёд на кипящие печати.

Холодный презрительный смех сопровождал этот безжалостный удар, и Алусейр скорчилась в беспомощной агонии, разрываемая яростью волшебных печатей. Она едва чувствовала меч, который выдернули из неё, заставив закружиться её туманное тело.

Клинок, который пронзил её насквозь.

Клинок, который рубил призраков так же, как и живую плоть.

Паря у самого пола, омываемая болью, Алусейр подняла взгляд на свою мучительницу.

Та стояла в дверном проёме сразу за пределами действия печатей, с мечом в руке и жестокой усмешкой на лице.

Это была рыцарь смерти Тарграэль, спятившая старший рыцарь. Леди Тёмные Доспехи.

Которая зашипела на неё:

— Это я сторожу Лесное Королевство и забочусь о нём, вовсе не ты, испорченная и глупая сучка, потерпевший неудачу регент! Сейчас я иду охотиться на величайшего врага Кормира — но когда у меня будет свободное время, я вернусь, чтобы с тобой покончить! Можешь на это рассчитывать.

Мэншун ушёл, покинув взволнованную Талан.

Она испытала, да, *наслаждение* от приказа выследить Амарун.

Значит эта девка на самом деле была Эльминстером... Знай об этом Талан, она была бы не такой смелой во время их первой встречи — но неважно. Если он когда и был грозным чароплётотом из всех этих безумных историй, сейчас Мудрец Долины Теней наверняка превратился в бледную тень себя прежнего, раз уж Мэншун доверил ей его убийство. Замки рушились и взлетали в облака, драконы приручались и убивались в небесах, архимаги сражались и превращались в груды дымящегося пепла...

Величественные истории, без сомнения. Но всё же, возможно, это только истории.

Талан посмотрела вниз на своё стройное тело, которое пересекали два широких пояса из кожи, хранящие не менее девяти кинжалов в специальных ножнах — бритвенно-острых и сбалансированных для метания, включая тот, что недавно она швырнула в глаз сембийского купца-обманщика — и решила, что готова.

Что было хорошо, учитывая, что Мэншун горел желанием разобраться с этим делом как можно скорее.

Она проверила свой полый каблук на правом сапоге, где хранились ключи к кое-каким дверям в её особняке. Ключи оказались на месте. Она в последний раз сдвинула свой пояс с мечом, чтобы убедиться, что он не мешает ножевым поясам.

Хорошо. Время для охоты.

Талан схватила великолепный ночной плащ из мерцающего кружева, доходящий до самых лодыжек — такое носили, чтобы показать всем, что Трусилверы легко могут превзойти богатством дюжину любых дворян помладше, любым подходящим для покупок солнечным утром — и обернула его вокруг себя, чтобы скрыть кожаные доспехи от слуг, которые могли стать свидетелями её ухода. Бросив последний взгляд на свою спальню, чтобы проверить спрятанные там вещи, она вышла на балкон.

Там ожидал шнур для лазанья, который она хранила скрытым за статуей каменного грифона в восточном краю балкона. После толчка от стены и быстрого прыжка вниз в мягкий мох своих садов, она оказалась на пути к задней двери из сада и в укутанный ночью город за ней.

— Амарун Белая Волна, — прошептала она в ночь, когда чёрный шнур просвистел у подбородка, — ты станешь мёртвым волшебником.

* * *

— Она была вот здесь, леди Баркантл! — закричал ниже по коридору человек с грубым голосом. — Вот здесь, где стоит толстяк!

Мирт восстановил дыхание, размял свои ноющие ступни — он действительно становился староват, чтобы бежать, спасая жизнь, по твёрдым камням через весь город — и расправил одежду. Затем, с чувством, как будто тонет, посмотрел в направлении, откуда раздался крик, и увидел драконов в полных доспехах. Много драконов. И среди них немало волшебников.

Они быстро приближались, с мечами и копьями наготове, и смотрели в его сторону с крайне недружелюбным видом.

— Да, прямо здесь... драконовы потроха! Дверь! Проклятая дверь исчезла!

Прозвенел знакомый Мирту голос.

— Мирт! Мирт из Глубоководья! Стой и сдавайся, негодяй, или заплатишься жизнью! — леди Глатра была в ярости.

— Упс, — проревел Мирт, торопливо разворачиваясь и устремляясь к дверному проёму. Что, подумал он про себя, снова бросаясь бежать и набирая скорость, было довольно громким названием для «зияющей дыры, где недавно стояла и по-прежнему должна бы стоять крепкая дверь».

Волшебники. Именно они всегда были причиной настоящих неприятностей. Они и злобные существа ночи с их древней магией.

Да. Ну, ноженьки, не подведите меня...

* * *

Мистра, не подведи меня... Оооох, боль...

Эльминстер едва осознавал, что находится под ночным небом, быстро шагает по сырой, слегка зловонной мостовой, что под вонью отбросов и гниющего мусора чувствуется слабый запах моря, и знакомое сильное, выпуклое тело Шторм прижимает его к себе, помогая идти.

«Его» — значит Амарун, разумеется. У девушки все конечности, кажется, по-прежнему были на месте и двигались как обычно, хотя зрение превратилось в полную слёз муть, а в ушах звенела неугасающая какофония.

Могло быть и хуже, вяло сказал он себе сквозь боль, от которой раскалывалась голова. Его задела чудовищная отдача, которую стоило бы предвидеть, раз уж он стоял прямо посреди дворцовых печатей. Будто какой деревенский маг-самоучка...

— Ш-шторм? — сумел пробормотать он. Он не мог общаться с ней с помощью телепатии, даже прижимаясь вот так крепко. Эта часть его мозга горела, кипела тёмным огнём.

— Эл, — успокаивающе произнесла Шторм, перехватывая тело Амарун так, чтобы ему было немного удобнее. — Я здесь. Я вылечу тебя, когда мы доберёмся куда-нибудь в более безопасное место. Не пытайся говорить или использовать телепатию, если не будет *крайней* необходимости.

Добрая старая Шторм. Хорошая девочка. Она знала, на что это похоже — тяжесть и боль использования магии.

Она знала, что это такое — быть с Мистрой и потерять её.

* * *

— Шторм! — хрипло крикнул Мирт, задыхаясь. — Среброрукая! Эй, подруга, сюда! Подожди меня немного!

Шторм только что нырнула в переулок, таща за собой бесчувственную Рун. Она высунула голову обратно за угол, увидела Мирта и ухмыльнулась.

— Иди сюда, — приказала она. — Сможешь постоять на страже.

— Что? — пропыхтел Мирт, присоединяясь к ней. — Тебе помочиться надо?

Шторм закатила глаза.

— Нет, мне надо попытаться вернуть рассудок Эльминстера в лучшую форму.

Мирт кивнул и вытащил кинжал.

— Меня преследует Глатра, — предупредил он, пытаясь втиснуться в переулок. — С целой кучей драконов и волшебников. Эти ребята как будто никогда не спят.

— Если мы им не позволяем, — ответила Шторм, опускаясь перед распростёртой Амарун и прижимаясь к ней лбом. — Всё это часть нашего хитрого плана по завоеванию Кормира.

— Ха, — хмыкнул Мирт. — Сдаётся мне, слишком уж много народу в этом городе вынашивают хитрые планы по завоеванию Кормира.

Закрытое ставнями окно перед ним распахнулось, открыв голову и плечи скучающей на вид служанки. Не глянув на улицу, она выплеснула в окно полное ведро грязной воды.

Мирт пригнулся. Когда служанка высунулась наружу, чтобы закрыть ставни, он поднялся, ухмыльнувшись прямо в её испуганное лицо, и повёл кинжалом.

— Ты одна из них?

С испуганным криком окно снова захлопнулось.

— Ему лучше, — сообщила Шторм. — Но в основном благодаря тому, что Рун — молодая и сильная. Мне нужно место и тишина на протяжении достаточного времени, чтобы по-настоящему его исцелить.

— Тогда давай-ка снова двигаться, прежде чем гончие Глатры найдут нас здесь, — проревел Мирт. — Если мы выйдем из этого переулка на следующую улочку к югу, сделаем крюк и пойдём вверх вдоль второй улочки, попадём к дьявольски дорогой гостинице, где я снял комнату, и сможем провести ночь там.

Он наградил её улыбкой и с надеждой добавил:

— Две девушки, одна — танцовщица, а вторая — с серебряными волосами, что движутся сами по себе? Моя репутация взлетит до небес.

Шторм посмотрела на него.

— Мирт, твоей репутации нужно что-нибудь повнушительнее. Завоевать королевство, усыновить дракона... такие вещи.

Мирт распрямил плечи и наградил её своей лучшей усмешкой.

— Вот как? Ну что ж... где в этом прекрасном королевстве вы храните своих драконов?

* * *

Самый могущественный волшебник в Сюзейле был так же самым богатым, но стал таким отнюдь не благодаря тому, что игнорировал щедрые предложения о найме.

Даже те из них, которые поступали глубокой ночью.

Так что назвав своё имя, статус и семейное состояние, лорд Арклет Делькасл смог добиться от бесстрастного привратника позволения войти.

Тот повёл его по коридору, уставленному двумя рядами великолепных и полностью одинаковых воинов в доспехах, которые в полной тишине одновременно поворачивались, следя за Арклетом, пока он шёл мимо — и которые, как он подозревал, являлись свежесозданными доспешными ужасами, часовыми, которыми хвастались все самые старые и богатые благородные семьи до последней.

Коридор привёл их в высокий зал, где находились две изгибающиеся лестницы,

поднимающиеся в непроницаемый мрак. Помещение освещал бледный, серебристо-синий свет скульптуры из бесконечно кружащихся в воздухе мечей, кинжалов и другого странного острого и зазубренного оружия, что висело в воздухе в центре зала.

Привратник провёл Арклета прямо через комнату, под оружием, не обращая на мечи никакого внимания.

Арклет заметил пятна крови на полу — слабые и блеклые, но очень характерные, и совсем немало. В точности под сверкающими и светящимися клинками.

Увидев их, Арклет не отрывал взгляда от клубящегося шторма стали. По крайней до тех пор, пока не вышел из-под него.

А тогда его взгляд упал на новую угрозу. Похоже, Ларак Дардулкин любил впечатлять, или, скорее, пугать своих гостей.

Лишь оторвав глаза от крутящихся саблей и фальшионов, заметил он четверых паривших в воздухе доспешных ужасов, которые выглядели, как люди в броне, сжимающие по два меча каждый. Люди, у которых просто не было тела ниже груди.

Каждый из этих стражей бдительно висел над каждой дверью в помещении. Их головы плавно поворачивались, следуя за пересекающим комнату Арклетом.

Привратник подвёл Арклета к двери напротив той, через которую они вошли, открыл её и жестом пригласил Нежный цветок дома Делькаслов войти.

В сумрачную приёмную с высоким потолком из раскрашенных чёрным панелей, на которых виднелись загадочные символы — которые, как подозревал Арклет, были нарисованы просто ради показухи и не обладали никаким настоящим значением.

Разве что это были образчики недавней моды среди архимагов зачаровывать картины или нарисованные руны. Магия освобождалась при прикосновении или если изображение повреждали.

Да, это было вполне возможно, не так ли?

В комнате стоял простой чёрный стол. У противоположных его концов стояли друг напротив друга два кресла.

Арклет не сделал и шага в их сторону, вместо этого медленно обходя комнату по кругу, рассматривая руны и глифы — или впечатляющие на вид, якобы мистические бессмысленные символы, если они были таковыми на самом деле. Других дверей в комнате он не заметил, кроме той, что плотно затворили за ним, но разумеется, любая из этих панелей могла открываться. На полу или на крыше, где были собственные символы. Их слабое мерцание было единственным источником света.

Арклет шагал, но никто не приходил.

Когда он чертил по комнате уже третий медленный круг, ему показалось, что один из символов за его спиной изменился, приобрёл новые очертания, но Арклет не был уверен.

Впечатляюще. Или старательная попытка произвести впечатление.

Тянулось время. В одиночестве, в пыльной тишине Арклет ждал аудиенции, которой, как начинало казаться, могло не случиться до утра.

Задумавшись, он решил, что его это вовсе не волнует. Здесь, глубоко в недрах похожего на крепость особняка, который каждым своим дюймом кричал о зловещей волшебной силе своего владельца, Арклет был — или по крайней мере чувствовал себя — в безопасности от Эльминстера и Шторм, Глатры и всех остальных боевых магов, синих призраков Грозозмея, третьего призрака и того, кто им управлял, и всех прочих волшебников, которых могли нанять амбициозные дворяне.

Как волшебник по найму, Ларак Дардулкин обладал репутацией крайне невежливого человека и очень дорогого специалиста, так что если Арклет собирался заручиться его поддержкой против Эльминстера, чтобы сохранить в безопасности разум Амарун — и его собственный заодно — ему лучше было оставаться вежливым и терпеливым.

От скуки он попытался определить, на какой высоте находится этот этаж особняка. Он был, наверное, немного выше роста высокого человека на улицах, что окружали это место с трёх сторон, судя по количеству ступеней, которые Арклет преодолел, подходя ко парадной двери, и... ну, если сплетни о домах волшебников, которые были внутри больше, чем снаружи, не были правдивы, то он пересёк практически всё здание в ширину. С другой стороны вот этой стены должна быть улица.

Некогда этот дом принадлежал старому Раскивалу Рендеверу — раздражительному старому купцу, которого Арклет едва помнил, сторбленному мужчине с двумя собаками. А до того принадлежал лорду Сарливалу, последнему из рода, который держал здесь любовницу, о которой прекрасно знала — и неизменно испытывала ярость по этому поводу — его жена. По крайней мере, такие истории...

Беззвучно открылась одна из панелей, и высокий, довольно невзрачный мужчина с неприятно поблескивающими тёмными глазами шагнул в комнату. На нём развевалась мантия с высоким воротником.

Ах, ну да. Угрожающий архимаг должен выглядеть соответствующе.

— Лорд Делькасл, — холодно сказал Дардулкин. — Чего вы желаете?

— Нанять вас для защиты меня и другой персоны, которой я дорожу, от старого мага, который желает управлять нашим сознанием.

Дардулкин поднял бровь и указал на одно из кресел резким движением руки.

— Садитесь.

Лишь после того, как они уселись, он спросил:

— Кто этот маг, который, как вы считаете, вам угрожает?

— Это... Эльминстер. Эльминстер из Долины Теней. *Тот самый* Эльминстер.

Дардулкин фыркнул, бросив ледяной взгляд через стол.

— Лорд Делькасл, вам придётся постараться получше.

Глава 19

Опасаясь худшего, я сбежал

— Нет, — терпеливо сказал Арклет. — Я не сошёл с ума и, думаю, не ошибся. Это действительно Эльминстер.

— Он так себя называет?

— И он, и другие. Включая леди Глатру, среброволосую женщину, которая зовёт себя Шторм Среброрукой и определённо похожа на Шторм из легенд, и...

Дардулкин взмахнул рукой, прерывая его.

— Высокая, властная или грубая, сногшибательно красивая, длинные серебряные волосы, которые шевелятся сами по себе? Я могу заставить выглядеть подобным образом вас, или себя, раз уж на то пошло, с помощью простого заклинания. Вас обманули, молодой лорд. Угрозы вторгнуться в разум обычно остаются всего лишь угрозами. Эта магия достаточно проста, но для её автора существует опасность, которая намного перевешивает любую выгоду. *Умелые* работники Искусства в этих водах не плавают.

— Сэр Дардулкин, — осторожно сказал Арклет, — мне не слишком-то важно, угрожает мне некомпетентный безумец или компетентный архимаг неизмеримой силы. Я слышал, как его голос доносится из уст моей возлюбленной, говорил с ним — с ней, точнее, но в её голове был он — и разговор этот был бы невозможен, если бы он отсутствовал. И он заставил меня впустить его в свой разум. После того, что я видел и слышал, я знаю, что он на это способен — будь он настоящий Эльминстер или нет. Мне также неважно, зачем он назвался Эльминстером — чтобы впечатлить меня или пол-Фаэруна. Меня впечатляет то, что я видел, а не имя, которое он использует.

Дардулкин подался вперёд.

— И что же вы видели?

— Ну, — начал Арклет, — я... хм...

Дардулкин скорчил гримасу, которая, возможно, должна была обозначать улыбку.

— Вот именно. Лорд Делькасл, похоже, вы напрасно тратите моё время. И всё же вы намерены меня нанять?

Арклет вздохнул.

— Да. Должен сказать, не похоже, чтобы вы жаждали заполучить мои монеты!

— Я не жажду, — Дардулкин повернул одно из колец, украшавших его пальцы, и в воздухе между ними неожиданно прозвучало пение. — Не подходите ближе, иначе пострадаете.

— Что? Сэр маг, я вас уверяю...

— Нет, лорд Делькасл, это я кое в чём вас уверяю. Вы мой пленник и останетесь таковым, пока мне не будет выгодно вас отпустить.

— Чтоооо?

Арклет вскочил на ноги, перевернув кресло, и выхватил меч.

— Вот и обычный ответ высокомерной знати на всё, что им не по нраву. Поэтому я и воспользовался только что защитной магией.

— Но... но *зачем* вы это делаете? Вы в союзе с Эльминстером?

— Такого человека больше не существует. Настоящий Эльминстер давно мёртв вместе со своей богиней. О, это имя может использовать целая свора шарлатанов-недоучек, чтобы

напугать жертв своих махинаций. Эти шуты гороховые меня не интересуют. Однако меня интересуют вы, лорд Делькасл.

— Почему? — фыркнул Арклет. — Я что, очень привлекательный?

Дардулкин задумчиво потер друг о друга пальцы. На его лице возникла слабая, холодная улыбка. Она задержалась на мгновение, как будто ей было неудобно в таком непривычном месте, и сразу же угасла вновь.

— Не сам по себе, нет. Не льстите себе, Делькасл — хотя я знаю, что большинство из вас, юных лордов, ничем другим и вовсе не занимаются.

Волшебник встал и зашагал по комнате. Арклет ощутил перед собой неожиданное давление, отталкивающее его назад. Щит Дардулкина перемещался вместе с носителем.

— Нет, — пробормотал волшебник, окинув скучающим взглядом символы на чёрных стенах, — я думаю, вы — представитель одной или нескольких партий дворян из всех этих политических клик, как стервятники, кружащих вокруг доживающего свои последние дни правления Форила. Это дело с «Эльминстером» просто неумелый способ нанять меня и заручиться моими услугами для вашей партии. Что, в свою очередь, означает, что вы можете стать ценным заложником в любых сделках, которые мне может потребоваться заключить с вашими союзниками. Если они считают вас расходным материалом, что ж — по крайней мере я лишил ваш маленький кабал заговорщиков ресурсов одного из его членов — и притом богатого.

— Волшебник, — резко спросил Арклет. — Ты спятил?

— Все волшебники безумны, благородный господин. Или кажутся такими для тугодумов вроде вас, которые видят мир лишь как хранилище монет и обитель согласных на всё девок, мечей и угроз, и которым никогда не дано познать красоту Искусства.

— Понятно, — Арклет попятился. — И на кого же ты работаешь? На себя, знаю, но в рядах чьей партии состоишь?

— Ничьей. Я сам по себе, в стороне от всей этой утомительной борьбы за власть. Если представители других заговорщиков посетят меня в дальнейшем, я тоже могу взять их в плен и собрать свою коллекцию.

— С какой целью? Думаешь, что можешь торговаться с каждым благородным домом в этой стране? С благородными родами, у которых есть собственные семейные маги, родами, которые могут нанять ещё больше магов, так что ты закончишь дракой сразу со многими чароплётками одновременно?

— Ах, сказано как истинный лорд. За власть надо сражаться и использовать для сражения с чужой властью, не так ли?

Арклет нахмурился.

— Власть — это искусство получать желаемое *без* использования грубой силы.

Дардулкин снова улыбнулся. Улыбка казалась не более естественной, чем в первый раз.

— Вы меня удивляете. Это верно. Я не намереваюсь сражаться с кем-то или против кого-то — разве что найдутся глупцы, которые попытаются осадить мою обитель.

Он шагнул вперёд, пока его щит не заставил Арклета снова отступить.

— Я решил не принимать чью-либо сторону в нарастающем хаосе и беспорядке, пока не наступит время, когда все уцелевшие фракции готовы будут отдать большие суммы и концессии в обмен на мои услуги.

Он развёл руками.

— Тогда я приму лучшее предложение, не соглашаясь на меньшее, чем титул и звание

при дворе, а в идеале — позицию, обладающую настоящей властью за тронном, сравнимой с той, которой обладал в древности Вангердагаст. Но при этом — без ответственности и необходимости подчиняться королевской семье, сопутствующих титулам королевского мага или придворного волшебника.

Он смерил Арклета взглядом и оскалился.

— Тогда я буду лордом, Делькасл — и, думаю, начну становиться таким же мерзким и жестоким, как вы.

— Полагаю, я должен быть оскорблён, — отозвался Арклет, — но вместо этого мне просто тошно, сэр Дардулкин. Я пришёл, чтобы найти помощь против Эльминстера и был готов хорошо заплатить, но сейчас Эльминстер кажется меньшим злом, чем я его считал.

— Что ж, всем нам когда-то приходится начинать познавать мир, — ухмыльнулся архимаг, делая ещё шаг вперёд.

Арклет отступил, затем неожиданно развернулся, перескочил через стол и бросился к двери, через которую вошёл.

Маг побежал через комнату с неожиданной скоростью и оттолкнул Арклета от выхода своим щитом — когда до двери оставался всего шаг.

— Это, — жестоко произнёс Дардулкин, задыхаясь, — было *неразумно*. Я вызову своих стражников, чтобы увели вас.

— Ваши стражи — это доспешные ужасы?

— Именно. Мои собственные создания. Спорить с ними будет *крайне* неразумно.

Арклет кивнул. Значит, дверь недосыгаема — пока сквозь неё не пройдут доспешные ужасы, и волшебнику придётся сделать шаг назад, унося с собой щит и оставляя самого любимого из Делькаслов в этом королевстве делить с конструктами край комнаты. Панель, через которую вошёл Дардулкин, тоже была недосыгаема.

Но что насчёт других панелей? Он повернулся и снова бросился через комнату, перескочив стол и с силой ударив в одну из панелей на внешней, как он считал, стене.

Та немного поддалась, так что он ударил её снова — плечом. Панель затрещала, поддаваясь сильнее.

Когда Арклет ударил панель в третий раз, Дардулкин с гневной гримасой поднял руки, чтобы использовать магию.

Панель со стоном отворилась, как дверь на пружинах — и открыла расположенное за ней окно!

Большое, прозрачное окно из чистого стекла самого дорогого сорта, которое стоило множества золотых львов. С женственными, обрамлёнными рюшем занавесками — не менее дорогими.

Арклет скрестил руки перед лицом и шеей, выставив перед собой эфес меча, и швырнул себя в окно, надеясь, что там нет никакой странной магии, которая заставила бы его отскочить обратно.

Магии не было.

Грохот был оглушительным.

Арклет едва заметил летящие во все стороны осколки, ленту сада шириной с плечи крупного мужчины, тёмную сюзейльскую улицу за ней — а между садом и улицей кованную железную ограду, которая казалась весьма прочной.

Такой она и была.

Он врезался в ограду и скользнул по ней вниз, пойманный между железом и каменным

особняком. Железом, которое наверняка могло плевать молниями или сворачиваться в острые когти, будь у Дардулкина время заставить ограду всё это проделывать.

Захрипев в отчаянном усилии, Арклет вскочил, схватился за верхнюю часть ограды, подбросил себя вверх, через штыри, приземлился с глухим ударом и звоном меча, который он выронил.

В состоятельном квартале вроде этого подобный шум в мгновение ока должен был привести к нему патруль стражи.

Он перекатился, схватил свой меч, но не стал тратить время, чтобы перевести дыхание. Вскочив на ноги, он бросился бежать.

Разумеется, никакой стражи не было видно — *почему* проклятых драконов никогда нет рядом, когда они тебе *нужны*?

— Весьма прохладная беседа, — услышал он спокойное замечание Дардулкина. — Поздней ночью переговоры редко проходят удачно. Однако я не могу позволить энергичному и болтливому юному лорду сбежать от меня, зная то, что знает он. Так что простое заклятие остановит вас, Арклет Делькасл, пока мои ужасы вас не заберут.

Арклет бросился к одной из сторон улицы, пытаясь спрятаться от взгляда архимага. Как там работает парализующая магия? Он не помнил; он слышал про неё лишь дважды, и...

— Ох храст, — выругался он, почувствовав ползущую по телу усталость, сковывающую конечности. — О нет! Нет...

Это было словно пытаться идти по шею в воде.

Он попробовал усилием воли продолжать свой путь, но спустя какое-то время понял, что хотя его сердце бьётся, а конечности напрягаются, окружающее уже не меняется.

Он стоит на месте.

Ох дьявол.

* * *

— Тихо! — хрюкнул Мирт. — В нашу сторону бежал человек, вон там — он только что остановился.

— Без сомнения, восхищённый тем, что лицезреет знаменитого Мирта Ростовщика, глубоководского лорда, — отозвалась из-за его спины Шторм, которая тащила покачивающуюся и почти безвольную Амарун. Рун могла идти самостоятельно, вся слабость прошла, но приходилось вести её, чтобы удержать от падения.

— Нет, подруга, «остановился» не как обычно, а как парализованный магией. Я видел такое не раз. Кто-то заморозил его на полушаге. И будь я проклят, если этот парень не кажется мне знакомым.

— Какого сорта знакомым? — осторожно спросила Шторм, пытаясь выглянуть из-за туши толстяка.

— Сорта «Арклет Делькасл» знакомым, — отозвался Мирт, сделав пару торопливых шагов. — Судя по всему, он только что выскочил из вон того окна. Того, где стоит идиот в мантии злого мага.

Шторм хлопнула Мирта по плечу, чтобы тот остановился, затем выглянула из-за него, будто глубоководец был крупным булыжником, за которым она пряталась.

— Только не это.

— Очевидно именно это, — ответил Мирт. — А что именно?

— Он отправился на встречу с беспощадным Дардулкином, самым сильным волшебником по найму во всём Сюзейле, чтобы заручиться его магией, — ответила Шторм. — Наверняка затем, чтобы защитить кое-чье сознание от Эльминстера.

— И переговоры не увенчались успехом?

— Похоже на то. Ходят слухи, что у Дардулкина есть личная армия доспешных ужасов, так что он, скорее всего, следит за Арклетом, пока юношу не заберут ужасы.

— Так заберём его первыми, — проревел Мирт, снова бросившись вперёд и потащив за собой Шторм, — и используем Арклета как щит от заклинаний, раз уж парень уже парализован, а?

— Ага, — уныло согласилась Шторм, на каждом шагу ожидая, что их испепелит нечто ужасное.

Мирт не стал смотреть в сторону окна, не стал и осторожничать. Он просто подхватил Шторм под мышку, чтобы держать её с другой стороны от особняка мага, подскочил к Арклету, сунул руку между ног юного лорда, ухватился за его пояс, подпихнул коленом, поднимая его с земли, и продолжил идти.

Первое заклинание ударило в них через шесть шагов, когда Мирт поворачивал Арклета между собой и окном.

Оно обдало их жестокой болью и бросило на мостовую шипящие молнии.

Когда эти трескучие маленькие разряды утихли, Шторм — оказавшаяся ничком на камнях, всё тело покалывало там, где не парализовало — посмотрела на Мирта, потом на Амарун.

Волосы толстого купца все встали дыбом, лицо почернело, и дымок лениво поднимался с жилета. Или как там назывался этот грязный, бесформенный предмет верхней одежды, что носил старый лорд Глубоководья.

Лицо Рун перестало быть пустым и залитым слезами. Оно было злым и внимательным.

— Эл? — прошептала Шторм.

— Кто это сделал? — рявкнул из прекрасного рта Рун знакомый голос Мудреца Долины Теней.

— Дардулкин. Самый могущественный архимаг в Сюзейле, а может, и во всём Кормире. Он стоит вон в том окне.

— Вот, значит, как? Ну что ж...

Тогда их ударило второе заклинание, взрыв, что поднял их с мостовой и швырнул вниз по улице, как подхваченные ветром листья — кувыркаться и беспомощно кричать проклятия.

— Довольно, — сплюнул Эльминстер, когда все они снова остались лежать на камнях. — Шторм, излечи меня!

— Он послал за нами свои доспешные ужасы...

— Тогда излечи меня *немедленно*.

Шторм повернула голову.

— Мирт, помоги мне. Нам нужно попасть за тот угол, а потом найти альков или дверной проём, который ты сможешь оборонять от любых доспешных ужасов, пока я буду исцелять Эла.

Мирт ответил нечленораздельным, осторожным «хорошо, если так» хмыканьем, затем начал ползти.

— Должен тебя предупредить, — прохрипел он, медленно подползая к ней, похожий на движущуюся кучу кухонных помоев, — что мои умения разрушителя-доспешных-ужасов слегка заржавели. У Пьергейрона есть... ээ, были — только два таких, и он считал их слишком ценными, чтобы мы на них практиковались.

— Всё, что нам нужно — чтобы ты достаточно их задержал, — ответила Шторм, подползая туда, где она смогла дотянуться до Арклета и покатить его неподвижное тело. Затем она вцепилась в Амарун, тоже заставляя её ползти.

— Хах, — проревел Мирт, протягивая руку, чтобы помочь перекатывать Арклета. — Чем старше становлюсь, тем дольше кажется это «достаточно».

— Я тоже это заметила, — согласилась Шторм, устремляясь вперёд, чтобы подхватить голову Арклета прежде чем она ударится о мостовую. — Думаю, некоторые называют это «прогрессом».

— О? Некоторые? А другие как это называют?

— Общим упадком королевств, все быстрее и неизбежнее скользящих в Бездну, ползучим хаосом и скорым уничтожением.

— Ааа. Так значит, мне стоит побыстрее зарабатывать свои монеты, а?

— Ага, — согласилась Шторм, не сдержав улыбки.

* * *

Брорин Виндстаг не помнил времён, когда где-то рядом с ним не ухмылялся бы Деласко Сорнстерн. На протяжении многих лет они почти всё делали вместе, и так продолжалось до сих пор.

И после клятвы Грозозмея исполнить смелый план лорда Илланса они не стали тратить время зря и отправились в их излюбленное «тайное место», тёмный уголок в семейных садах Сорнстерна, где могли обсудить дела, не опасаясь быть подслушанными.

Их обоих охватила бы немота — и холодный, отчаянный ужас при воспоминании о всех изменнических действиях, что они так беззаботно обсуждали — узнай они, что каждый их остроумный комментарий подслушивает и запоминает старший рыцарь Короны, который следил за Виндстагом годами. Некий сэра Талонар Винтер, очень похожий на портреты великого Короля Азуна, четвёртого обладателя этого имени, и кто в данный момент находился над ними, скрытый в кроне могучего тенистого дерева.

Человек, который так привык к этой ветке, нависавшей над беседкой, где два друга обсуждали свои делишки, что он мог взобраться и слезть с неё беззвучно, даже в непроглядной тьме, при помощи или без помощи высоких стен Сорнстернов с остриями наверху.

И всё же два лорда пребывали в блаженном неведении о своих слушателях, и вели беседу, не скованные правилами приличия. Прямо сейчас они обсуждали шансы Марлина Грозозмея.

— Да, прямо через внешнюю стену особняка Грозозмеев. Крепкий камень в фут толщиной, никаких тайных дверей или ворот. Шагнул, не останавливаясь, синее пламя и всё прочее, и даже гари за собой не оставил.

— Никаких тайных дверей? — недоверчиво переспросил Виндстаг во второй раз.

— Нет, — подтвердил Сорнстерн. — Он в этом поклялся, настаивая, что был трезв и

видел всё *очень* отчётливо. Они вдвоём шагнули сквозь стену, не произнося никаких заклинаний. В месте, где были прочные твёрдые камни — он потом проверил. И Индур никогда не лгал нам и не приукрашивал. Он прекрасно знает, что за такое поплатится своей шеей.

Виндстаг кивнул.

— Так расскажи мне про этих призраков синего пламени.

Сорнстерн откинулся назад, чтобы взглянуть на ночные звёзды — те немногие, что видны были за величественной тёмной листвой дерева над ними. Даже будь у него светящийся камень на шесте, чтобы взглядеться, не было никаких шансов, что юноша заметит так внимательно прислушивающегося к ним старшего рыцаря, поскольку старший рыцарь не обладал привычкой такие шансы кому-то оставлять — даже тупым и безнадёжным юным лордишкам.

Впрочем, Деласко Сорнстерн никого и не искал. Он наслаждался моментом, смакуя тот редкий случай, когда Виндстаг его слушал.

— У моего отца, Гедро, — медленно начал он, — есть хобби.

Он сделал паузу, чтобы посмотреть, как Брорин жадно подался вперёд, демонстрируя первые признаки нетерпения. Прежде чем оно успело смениться гневом, Деласко продолжил.

— Он собирает знания и реликвии о знаменитых авантюристах прошлого. Несколько лет назад он узнал всё про этих знаменитых искателей приключений, Девятку. Не героические рассказы бардов и старые кабацкие сплетни, а *всё* про них. Чем они кончили, если быть точным.

— Сестра Среброволосой — Лурл, Лаэраль или как-то так — попала под проклятие бога, да? После того, как надела Корону Рогов, и та пожрала её мозг?

Сорнстерн вздрогнул от слов Виндстага.

— Д-да, можно сказать и так. Она стала злой, по крайней мере до тех пор, пока её не спас лорд архимаг Глубоководья, Чёрный посох, и не взял её в жёны...

— Забавно всё обернулось, да? Сними-ка платье и узри моё лекарство! — ухмыльнулся Виндстаг.

По старой привычке Сорнстерн ответил ожидающимся от него кивком и такой же ухмылкой.

— Да, я тоже это заметил! Сколько мы потеряли, не родившись могучими магами, а?

— И правда. Значит, она съехала с катушек, и Девятка разошлась, чтобы потом никогда не сойтись снова, — почти пропел Виндстаг. — Видишь? Кое-что из того, о чём талдычили мои наставники, я всё-таки запомнил...

Сорнстерн кивнул и снова улыбнулся.

— Выловить что-то из этого потока бессмыслицы уже здорово! Ты правильно помнишь, и некоторые из участников Девятки потом были наняты богатым купцом из Аткатлы. Они не знали, что купец находится под властью архимага, желавшего воплотить долголетие и молодость в магические предметы, заточив внутри жизненную силу живых существ, и...

— Ох уж эти амнийцы! Готовы собственную руку продать! Им нельзя доверять ни на медяк!

— О... хорошо сказано, и в самом деле — нельзя! Ну, этот волшебник легко одолел авантюристов с помощью своих заклинаний и заточил их в предметы своего изготовления. Позднее по меньшей мере один, а скорее даже два из этих зачарованных предметов попали в

руки Грозозмеев.

Виндстаг впервые утратил свой энтузиазм. Он сощурился, будто потрясённый какой-то мыслью.

— И откуда же ты об этом узнал?

— От отца, — триумфально ответил Сорнстерн, — а он узнал от печально известного Старого Мага, про которого ходят легенды: Эльминстера из Долины Теней. В обмен на то, что дал Эльминстеру приют на одну ночь и позволил осушить графин плохонького вина. Старый дурак решил, что ему подали лучшее отцовское.

Два лордишки уже в который раз зафыркали и заухмылялись над доверчивостью низших классов, пока Виндстаг не напрягся, когда его посетила новая мысль.

Взволнованно подавшись вперёд, он спросил:

— И сколько членов Девятки были заточены в предметы? Сколькими управляет Марлин?

Сорнстерн пожал плечами.

— Думаю, всего двумя, но точно не знаю. Я заметил, что Марлин вообще ничего нам не говорил про этих призраков всё то время, что посылал их в город.

Виндстаг улыбнулся.

— А ты сказал бы на его месте? Это было его секретное оружие против Обарскиров.

— Или против нас, — задумчиво ответил другу Сорнстерн. — Или против нас.

Глава 20

Весомая причина бояться

— Если можешь поторопиться, подруга, то сейчас самое время, — прорычал Мирт у входа в альков.

— Доспешные ужасы? — спросила Шторм, которая лежала, прижавшись лбом ко лбу Амарун. Она была так *близко*...

— Да. Дюжина или больше. Летят вниз по улице с крайне угрожающим видом. Несутся по воздуху.

Шторм закрыла глаза.

— Как далеко?

Эл почти полностью пришёл в себя. *Почти*.

— Где-то в десятке шагов. Нет, уже в шести. Слишком распроклято *близко*!

Мирт прохрипел последнее слово, когда передний пустой доспех опустился перед ним на мостовую и взмахнул своим двуручным мечом. Внутри конструктора пульсировал зловещий внутренний огонь.

Сталь зазвенела о сталь, когда Мирт, пыхтя, парировал. Он не осмелился уворачиваться из-за девушек у себя за спиной. Ужас снова замахнулся, и второй его товарищ опустился на камни.

Мирт потряс головой. Как только этот присоединится к первому, он — мертвец.

— Шторм? — проревел он. — Есть какие-нибудь чудеса в запасе? Они нужны мне сейчас!

— Да, — раздался знакомый глубокий, более грубый мужской голос. — Думаю, найдутся.

Мирт облегчённо вздохнул и бросился в сторону. Как только доспешный ужас торопливо шагнул на его место, чтобы снова взмахнуть мечом, Эльминстер прошептал что-то — и ночь взорвалась яростным изумрудным пламенем.

Или это была вспышка чего-то другого? Со странным булькающим звуком, похожим отчасти на торжественную песнь, а отчасти — на вой пилы, оно опустилось на улицу медленно расширяющимся, пылающим конусом, всасывая в себя шагающие комплекты доспехов. Все до единого.

В движущемся, растущем сиянии видны были кружащиеся мечи, рукавицы и шлемы, сметённые, когда оно затрещало, потемнело, затрещало снова — и резко угасло.

Оставляя тёмную и пустую улицу, за исключением почерневшего, подпрыгивающего шлема, который прозвенел по мостовой и подкатился к сапогам Мирта. Внутри шлема по-прежнему кипел красный огонь.

Эл потянулся вниз одной из грациозных рук Рун, подхватил шлем и прошептал что-то быстрое и простое, что заставило красный огонь сжаться в бурлящую сферу. Затем он сунул сферу Шторм.

— Сохрани это для исцеления в будущем, когда потребуется.

Он направился за угол улицы. Мирт устало поплёлся следом. Несмотря на тело фигуристой юной девушки, он двигался, как разозлённый Эльминстер — а когда Эльминстер злился, получалось обычно весьма зрелищно.

Дардулкина уже не было в окне, и проделанную Арклетом дыру закрывала панель

внутри.

Эльминстер долгий бесшумный вздох рассматривал осколки по краям разбитого окна, затем поднял руки и неторопливо сотворил заклинание.

Стена особняка с рёвом исчезла, обнажая внутренности полудюжины комнат и заставив козырёк из внезапно лишившейся опоры черепицы застонать, покоситься — и черепок за черепком обрушиться, чтобы с грохотом разбиться о железную изгородь внизу.

Мирт вытаращился на это широко раскрытыми глазами, затем вздрогнул.

Дверь в задней части одной из разрушенных комнат распахнулась, и изумлённый Ларак Дардулкин посмотрел на внезапную разруху с одной стороны своего дома.

Он увидел юную танцовщицу, которая по-прежнему стояла с поднятыми в последнем жесте своей магии руками. Драматичным жестом воздев собственные руки, он выплюнул гневное заклятье.

Воздух внезапно наполнился огнём, рычащие шары из которого с пугающей скоростью полетели в Рун. Мирт спрятался обратно за угол, выбросив руку, чтобы предупредить Штурм, и зная, что уже слишком поздно, слишком поздно даже цепляться за жизнь, пока...

Самый высокий из огненных шаров резко замер в воздухе, как будто столкнувшись с незримой стеной. Его яростное оранжево-красное пламя посинело, затем позеленело, затем стало сине-серебряным — и растворилось, песком осыпавшись на мостовую, но полностью исчезнув, даже не коснувшись камней.

Мирт боязливо выглянул за угол.

В этот раз настала очередь Дардулкина недоверчиво таращиться на происходящее. Его заклинание исчезло, как будто его и не бывало — и маг видел, как оно растворяется в воздухе, видел, как разгневанная юная девушка на улице в мгновение ока отражает самую сильную его боевую магию.

Она *не могла* такого сделать. Никто не мог.

— Кто... кто ты? — прошипел он, поворачивая в испуганной спешке кольцо, чтобы призвать свою лучшую защитную магию. Не дожидаясь ответа, он побежал через обнажённую, открытую ночи комнату, направляясь к своему сильнейшему магическому посоху, скрытому за одной из панелей.

— Меня зовут, — раздался спокойный, почти безразличный ответ, — Эльминстер.

Ловкие пальцы Рун задвигались снова — и когда Дардулкин отодрал панель и триумфально сомкнул хватку на мерцающем чёрном посохе, ощутив, как сила посоха струится сквозь него, следующее заклятье Эльминстера нанесло удар.

Вопреки безоблачному ночному небу звук был похож на удар грома, Результатом этой магии было уже не чистое исчезновение, а серия взрывов, разорвавшая на части несколько комнат дома Дардулкина, швырнув камни, штукатурку и всё прочее высоко в ночное небо в направлении Шутовского луга. Карающий вихрь вырвал потрескивающий, злобно пульсирующий и в конце концов взрывающийся посох из рук мага и швырнул его прочь через ночное небо вместе с остальными обломками... и утих. Когда последнее эхо магии отразилось от ближайших строений, и из окон принялся высываться оглушённый и растерянный народ, ошеломлённый и напуганный Ларак Дардулкин остался стоять посреди дымящихся руин, уцепившись за край открытой панели.

Его величественная чёрная мантия была разорвана, а на теле зажигались и гасли многочисленные деловито моргающие пятнышки света безмолвным памятником защитной магии, что сберегла его жизнь, но заплатила за это свою цену.

Со звуком, который вначале звучал как стон, но закончился вздохом, похожий на клык остаток внутренней стены наклонился и рухнул.

Не оставив Дардулкину за что цепляться.

Волшебник упал на захламленный пол, сжался в комок, и лишь испуганный взгляд мага сказал Мирту, что тот всё ещё жив.

Над павшим волшебником неподвижным квадратом висели в воздухе четыре доспешных ужаса, охраняя двери, которых там больше не было.

Завидев их, Эльминстер вздохнул. Затем зашевелил рукой в быстром, сложном чароплетении.

На протяжении долгих мгновений казалось, что ничего не происходит. Затем раздался единственный *клинк*. За ним ещё один. И ещё.

Что-то упало.

Затем целой серией *клинков* и *кланков* куски доспехов посыпались со всех четырёх парящих конструкторов. Куски осыпались всё быстрее. До тех пор, пока в воздухе не осталось вообще ничего, лишь груды металла на полу вокруг дрожащего Дардулкина.

Тот мог только смотреть, время от времени лишь мяукая от недоверчивого страха, как опавший металл у него на глазах начинает ржаветь с невозможной скоростью.

Ко времени, когда Дардулкин дважды или трижды сглотнул слюну, всё, что осталось от его стражей — горы красновато-бурого порошка. Рассыпались даже рукояти мечей.

— Теперь можешь поплакать, — нежно сказал Эльминстер сжавшемуся в клубок архимагу. — Как, похоже, любят говорить в эти дни волшебники: всем нам когда-то приходится начинать познавать мир.

* * *

Стеная от ужаса, Марлин Грозозмей поспешил домой. Всё пошло совсем *не так!*

Что же теперь делать, что же *теперь* делать?

Остались ли вообще призраки синего пламени в его власти?

Он не мог прогнать из головы видение того, как одного из призраков швырнуло через весь Променад. Призрак выглядел как обычный наёмник, человек, которого можно убить так же быстро — и, проклятье, так же легко — как любого другого, человек с мечом, который просто почему-то горит синим пламенем. Да любой волшебник-самоучка сможет такое наколдовать!

Он считал себя таким могущественным, таким важным...

Призраки легко расправились с Ханткрауном, но... но...

Не оказались ли они сейчас всего лишь яркими флагами, пометившими его, как предателя, для всех, кто готов оглядеться вокруг?

Ганрахаст, королевский маг? Эта ворчливая сука, леди Глатра? *Король?*

Его посетило краткое ужасное видение колоды для рубки мяса во дворцовом дворе и кронпринца Ирвела, ожидающего рядом, с большим острым мечом и беспощадной улыбкой...

Марлин потряс головой, чтобы прогнать от себя этот образ, и зашагал по комнате, направляясь к своему излюбленному графину. Ну и вляпался же он...

О нет.

Позади будто из ниоткуда расцвело густое синее сияние, отразившись во всех его графинах. Схватив одной рукой рукоять Парящего Клинка, а второй — Виверноязычную Чашу, Марлин резко обернулся.

Призрак, разумеется, улыбался. Призраки синего пламени улыбались всегда. Широкими, ужасными улыбками, злобными или злорадно-безумными, и, разумеется, фальшивыми.

Улыбка разительно контрастировала со злобным шипением, которое издал, шагнув из стены, Трет Халонтер, давным-давно бывший лучшим воином Девятки. Его потрёпанные и неприглядные кожаные доспехи казались старыми и рваными, кое-где повисли лохмотьями. Воин в сердце трепещущего синего огня, который был слабее обычного, угрожающе подался вперёд.

— Послал нас в самую пасть могущественной магии, да, — прошептал он, будто раненый внутри. — Надменный идиот.

Марлин каким-то образом сумел зайти за стол, с которого схватил Чашу, и из своего жалкого убежища по ту сторону столешницы испугано огрызнулся:

— Ты мой слуга! Помнишь?

В отчаянной спешке выхватив меч, он поднял его и Чашу перед собой, как будто это были святые реликвии, которые могли прогнать яростного духа.

— Помню. О да, я помню, — ответил Халонтер, сверкая своей широкой улыбкой. — На самом деле, лордишка, я никогда не забуду.

— М-мне жаль. Я видел... что случилось с дверью. И-и с тобой. Но я же не мог предвидеть, что какой-то боевой маг окажется настолько спятившим, чтобы уничтожить часть собственного дворца лишь затем, чтобы победить тебя! Не мог же?

Всё с той же ужасной усмешкой Халонтер ловко рубанул мечом по дуге, которая перерубила ряд новых, незажжённых свечей и горлышко одного из самых старых графинов Марлина, не разбив и не перевернув его.

Марлин задрожал при мысли о том, каким острым должен быть клинок призрака.

— Нет, не мог, — ответил он сам себе, дрожа от страха.

— Нет, — прошипел Халонтер, — ты не мог.

Он сделал угрожающий шаг вперёд, оказавшись у стола. Марлин почуял слабый, едкий смрад Халонтера. Как прокисшее вино и множество перемешанных специй.

— Тем больший ты глупец, — добавил призрак, толкая стол вперёд.

Стол мог бы болезненно прижать Марлина к его лучшему серванту, но к счастью для лорда, сбоку стояла каменная реплика носовой фигуры древнего корабля Грозозмеев, массивная, твёрдая и неподвижная, как стена за ней. Стол врезался в неё и дальше двигаться не мог.

С рычанием призрак развернулся и направился в противоположную сторону, пересекая комнату.

— Релв! — сплюнул Халонтер. — Как он?

— Я... я...

Запнувшись от страха, Марлин не успел больше ничего произнести, когда стена, сквозь которую прошёл Халонтер, снова засветилась синим — тёмной, блеклой синевой — и появился сгорбленный, хромающий Релв Ланграл.

Пламя второго призрака было слабыми, мерцающими тенями, и выглядел он так, будто проиграл схватку с вооружённым разделочным ножом мясником. Или тремя мясниками.

— Ты, — зарычал он на Марлина, — послал меня против какого-то могущественного духа! Госпожи клинка, или повелительницы клинка, или каким *тлуином* называют женщину, которая способна заставить свой меч танцевать, выписывать пируэты и даже наливать ей стларново вино! Меч был частью её — его касание обожгло меня! Она способна летать; она способна исчезать; всё, что я мог делать — только защищаться! Больше не посылай меня сражаться с гордыми призрачными принцессами в их собственных дворцах! Тьфу!

Он рубанул своим мечом, но удар, который должен был разбить ряд неоткупоренных, дорогих бутылей с винами из далёких земель, рассёк лишь пустой воздух, когда нога призрака подкосилась. Ланграл беспомощно завалился на бок и рухнул на ковёр Марлина.

— Простите, простите, *простите!* — отчаянно забубнил Марлин, бросаясь помочь упавшему плуту — но резко остановившись, когда Халонтер предупреждающе ткнул одним из своих клинков.

— Что мне сделать? — спросил он.

— Используй нас мудро, — прошипел Халонтер. — Не так часто. И не в ближайшее время. Нам обоим нужно время, чтобы выздороветь.

— Вы сможете выздороветь zde... здесь? — выпалил Марлин, размахивая Чашей.

Халонтер наделил его долгим безмолвным взглядом, который по части неприкрытой злобы мог поспорить с его широкой и неувядающей улыбкой.

Марлин отпрянул от него, затем бросился к боковой двери и через неё — в свою гардеробную, торопливо приставив к двери кресло. Из-за неё он начал возвращать призраков обратно в их предметы.

Халонтер не сказал ни слова, но не опускал своего злобного взгляда. Релв на полу шипел яростные ругательства.

Только когда оба они исчезли, и взмокший от пота Марлин оказался в одиночестве, он понял, что испугало его больше всего.

Оба призрака сами были крепко напуганы.

Так же, как и он.

— Я должен бежать из Сюзейла, — мрачно сказал он комнате. — Прямо сейчас.

Пинком отшвырнув кресло, он шагнул обратно к столу, поставил на него Чашу, затем бросился по комнате, подбирая необходимые вещи.

— Плащ, фонарь, побольше монет, запасной кинжал, старые охотничьи сапоги взамен этих модных...

Он подумал о Королевском лесу. Да, туда он и отправится.

Прямо сейчас, когда все значимые лорды были здесь, в Сюзейле, а судьба королевства лежала на блюдце между ними.

Да, он уйдёт.

Почему? Проклятье, да потому что он боится.

Перед ним вспыхнул взгляд леди Глатры, затем злобные глаза Халонтера, затем груз тёмной и злой воли, которая так часто проникала в его разум...

— У меня есть стларновски весомая причина бояться, — прошипел он вслух, возвращаясь к столу, чтобы посмотреть на собранные вещи.

Ох, ему ведь потребуется королевский указ, чтобы городские ворота открыли ночью. Хорошо, что его отец принадлежал к поколению, считающему, что каждый благородный дом должен при любом удобном случае давать взятки царедворцам в обмен на различные вещи

на случай будущей нужды.

Указы были спрятаны в ящике небольшого амнийского стола, вместе, да, вместе с отравленными кинжалами, которые тоже могут ему пригодиться.

Ах! И как же он собирается зажигать фонарь? Кремень и кресало в отдельной трутнице. В конце концов, при нём не будет слуг там в лесу.

В лесу. Где в лесу?

Вряд ли он мог отправиться в охотничий домик Грозозмеев. Как только ручные волки Глатры обнаружат, что он сбежал из дому, они первым делом заглянут туда.

Нет, это должна быть другая охотничья хижина, которую вряд ли найдут.

Что означало место, принадлежащее одному из его многочисленных друзей среди его собратьев-заговорщиков.

Виндстагу.

Учитывая раны и пятно, которое он навлек на свою репутацию, охотясь за топором, и свою мнительность, Виндстаг ещё много дней и носу не покажет за ворота своего особняка. Что означало, что охотничий домик какое-то время будет свободен, поскольку ни один другой член семьи Виндстагов не любил охоту.

Туда Марлин и отправится.

Но не один. Не в эти глухие места. Только не тогда, когда королевские лесничие могут обойтись с ним, как с любым отчаянным разбойником.

Он возьмёт троих людей, лучших оставшихся телохранителей среди тех, кому он мог доверять.

Насколько он вообще мог кому-либо доверять, разумеется.

С ехидной и горькой усмешкой, порождённой этой мыслью, Марлин поспешил покинуть комнату, чтобы найти седельные сумки.

В конце концов, он ведь возьмёт ещё четыре самых быстрых лошади.

* * *

— Последнее заклинание было лишним, — пробормотал Эл, когда Шторм снова устало улеглась на него сверху и взяла его подбородок — подбородок Рун — в ладони, чтобы прижаться к нему лбом.

Их разумы погрузились друг в друга в привычном слиянии... и исцеление началось заново. Никто из них не желал замечать, каким мрачным и усталым был разум Шторм.

— Не можешь обойтись без величественных жестов, — прошипела она. В её дыхании чувствовались слабые нотки корицы. — Без последнего росчерка. Без злоупотребления магией.

— Это важно, Грозовая, — ответил он. — Правильное впечатление может выиграть дюжину битв. Заставь врагов бояться...

— Да, да, я знаю, — вздохнула она. — Только заставляй их бояться меньшим количеством магии в следующий раз, ладно?

— Хорошо, милая, — пробормотал он. — Или шататься и падать будешь уже ты, а не я. Я знаю.

Шторм пробормотала нечто нечленораздельное и прижалась к нему, её разум согрелся от вспышки удовольствия.

Эл задумался на миг, что из сказанного породило такую реакцию... а затем забыл вместе со всем остальным, когда исцеление достигло той стадии, на которой он всегда погружался в забвение.

Прекрасное забвение...

Глава 21

Тайники и находки

Мирт пошатнулся, едва не вывернув лодыжку на неровной мостовой, и изрыгнул проклятие.

Спустя шаг он спросил:

— Сколько ещё мы будем тащить его лордейшество, а? Легче он не становится!

— До тех пор, пока не выветрится заклинание, сковавшее его конечности, — отозвалась Шторм, — или пока Эл не решит, что ему не потребуется использовать магию для более важных целей.

— Ха. То есть никогда, насколько я знаю магов, — проворчал Мирт. — Зачем...

Рун, которая тащила Арклета за другой конец, резко повернула голову и зашипела глубоким голосом Эльминстера:

— Тихо! Опусть голову и посмотри вон туда!

Кивком головы Амарун указала направление, куда следовало взглянуть Мирту; тон Эльминстера заставил его немедленно подчиниться.

Два вдоха спустя — всё это время Эльминстер что-то бормотал — мимо них промчались четыре всадника на быстрых лошадях.

Выглянув из-под своих кустистых бровей, Мирт уставился на стройные плечи танцовщицы и был вознаграждён видом того, как она поворачивается и указывает пальцем на второго всадника.

Стук копыт стих.

— Кто-то торопится покинуть город, — прокомментировал Мирт. — И ты знаешь кто, не так ли?

— Юный лорд Грозозмей, — коротко ответил Эл, — со своими громилами. Я наложил на него следящее заклятье.

— Разумный ход, — устало сказала Шторм, чьи серебряные локоны разошлись, снова обнажая лицо, — но если это продлится долго, мне потребуется исцеление. Магия или долгий, хороший отдых. А лучше — и то, и другое.

— С горячими ваннами по первому твоему требованию?

— Ты хорошо знаешь женщин, лорд Глубоководья.

— Лучше, чем магию. Это следящее заклятье, оно продолжает истощать тебя всё время, что старый Заклинашка держит его на нашем убегающем лорде?

— Так и есть, — вздохнула Шторм, останавливаясь. Они достигли врат особняка Грозозмеев. Эл заметил, что ворота за отбившими всадниками не заперли, и остановился, чтобы заглянуть внутрь.

— Стражников я не вижу, — произнёс он. — И даже слуг, которые могли бы закрыть ворота. Пойдём. К конюшням.

— А если кто-то попытается нам помешать? — проворчал Мирт. — У нас тут груз.

— По просьбе лорда Виндстага мы решили подшутить над лордом Грозозмеем и лордом Делькаслем, — быстро ответил Эл. — А если нам не поверят, Шторм и я — то есть, Рун — сбросим одежду. Такое обычно отвлекает большинство стражников и напыщенных слуг-мужчин.

— А мне что делать? — поинтересовался Мирт.

— Ты нам потребуешься, если стражниками и напыщенными слугами окажутся женщины, — радостно ответила Шторм.

Впрочем, никто не стал им мешать и даже не вышел из особняка. Они скользнули в тёмные и пустынные конюшни. Эл позаимствовал кинжал Шторм, зажёл слабый сияющий камень в его рукояти и прошёл прямо в угол, где стояла старая повозка — под таким углом, что, очевидно, уже не подлежала использованию. Под ней лежала груда гниющего брезента, покрытая толстым слоем пыли и усеянная мышинными гнёздами.

— Здесь мы спрячем магию, которую могут отследить Глатра и её гончие, — шёпотом провозгласил он. — Затем уйдём.

Они так и поступили. Шторм дала Элу и Мирту кольца железной стражи, и спустя несколько мгновений они вернулись на улицу с по-прежнему парализованным Арклетом, чтобы продолжить путешествие к особняку Делькаслов.

Мирт оглядывался назад семь раз, но ворота так никто и не закрыл.

* * *

Тарграэль шагала по изгибающейся улице с таким видом, как будто всё вокруг ей принадлежало. В конце концов, она была старшим рыцарем Кормира — главным старшим рыцарем королевства, что бы там ни думали живые — а патрули в этом богатом квартале с дорогими особняками были частыми и обычно приставали к бродягам. Но к надменным прохожим они привыкли относиться с уважением.

Она была уже в нескольких улицах к югу, на дальней стороне Променада, разыскивая Мэншуна — поскольку если он найдёт её раньше, чем она его, Тарграэль сразу же снова станет рабыней. В кулаке она сжимала драгоценный камень из дворца, очень древнее сокровище Обарскиров. Подарок эльфов, как утверждали легенды. Большая часть его возможностей была забыта, но камень функционировал как чуткий детектор пробуждённого поблизости Искусства.

Мэншун был далеко не единственным занятым этой ночью чароплётотом, в этом пылающем от многочисленных интриг городе со всеми его дворянами, но Тарграэль знала о его любви к постоянной слежке, и бродила по улицам, надеясь, что камень уловит ровные потоки Искусства, подразумевающие несколько действующих прорицательных глаз.

Но пока она ничего не нашла.

Тарграэль сильнее и сильнее тревожилась, что с каждым шагом у старого вампира появляется всё больше возможностей обнаружить её. И что чем дольше драгоценный камень отсутствует на своём обычном месте, в комнате Дуаровой Отставки, тем больше вероятность, что боевые маги отправятся искать её.

Наверное, лучше было отказаться от этих смелых поисков, вернуть камень и спрятаться в заброшенном крыле. Но вместе с тем она могла на обратном пойти свернуть к особняку Грозозмеев и попробовать камень там. Мэншун в последние дни проводил много времени в сознании незадачливого лорда, и даже если юный глупец и заслуживал жестокой расправы, оставался вопрос призраков синего пламени и его обладания предметами, которые ими управляли.

Ей необходимо спешить. Улицы благородных кварталов были практически безлюдны — хотя она завидела вдалеке трёх припозднившихся гуляк, тащивших раненого, или, скорее,

пьяного товарища домой — и Мэншун был не меньше других заинтересован в богатых и влиятельных, и в том, какое применение он сможет им найти.

Проследовав вдоль изгиба улицы, она увидела нечто, что почти заставило Тарграэль остановиться от изумления — и ускорить шаг спустя мгновение нерешительности. Врата особняка Грозозмеев были открыты.

Почти все величественные особняки были ограждены высокими стенами, чтобы держать воров подальше от их земель. Не говоря уже о постоянных уличных торговцах, кредиторах или незваных зеваках, топчущих сады. Владельцы подобных недешёвых барьеров обычно использовали их — особенно по ночам. Ворота всегда были закрыты и открывались только перед экипажами или каретами. Незапертый вход и отсутствующие у открытых ворот бдительные слуги — это было необычно.

Позади Тарграэль патрулей стражи не было, впереди она тоже их не видела. Поблизости не было никаких боковых улочек, и непрерывная полоса стен не давала патрулям — или кому-то другому — никакого укрытия, чтобы подкрасться к ней незамеченными.

Так что, высоко подняв голову и выпятив грудь, Тарграэль шагнула прямо в ворота на земли Грозозмеев, как будто вход открыли специально для неё.

Через шесть шагов по пустынной, укрытой ночью подъездной дорожке камень в её руке немного нагрелся. Не вспышкой активных заклинаний и не ровным повышением температуры, обозначавшим близость постоянных магических печатей, но острым, слабым нагревом.

Здесь была *дворцовая* магия! Небольшое количество, но рядом, оказавшаяся здесь совсем недавно...

Тарграэль нахмурилась. Затем сделала шаг влево. Да. Повернувшись, она пересекла подъездную дорожку и шагнула на газон справа. Нет, слабее, значит обратно влево.

Дом поднимался прямо впереди, хотя, разумеется, подъездная дорожка достигала его серией длинных, плавных изгибов. Дальше налево, мимо нескольких сумрачных деревьев, были... конюшни.

Тарграэль припала к земле и резко обернулась влево, покидая дорожку и шагая по полосе газона, которая должна была провести её вокруг беседки под деревьями к боковой или задней стене конюшен.

Если там поджидал патруль стражи или назойливые боевые маги, она хотела увидеть их раньше, чем они увидят её.

Оказавшись за деревьями, ближе к конюшням — тёмным, тихим, как будто заброшенным — камень в её руке становился теплее с каждым сделанным шагом.

Может быть, Эльминстер снова взялся за своё, похищая дворцовую магию? Или это был его тайник украденных зачарований? Сама она не стала бы использовать для этого ограждённое стенами благородное имение, но возможно Эльминстер хотел, чтобы в случае обнаружения его тайника обвинили Грозозмеев.

Много лет он изображал Элгорна Ролигана, работающего во дворце вместе с сестрой — Штурм Среброрукой, его товарищем на службе погибшей Мистре. Они до сих пор действовали вместе, разве нет?

За вычетом нескольких мышей конюшни были пусты. Камень привёл Тарграэль прямо к небольшому свёртку колец и жезлов. Сонные жезлы, за исключением одного со взрывами и одного, разбрасывающего липкую паутину. Снаряжение боевых магов.

Значит, если только несколько магов Короны не замыслили что-нибудь, всё это было

украдено.

Скорее всего, украдено Эльминстером и Шторм или каким-то слугой Грозозмеев. Не Марлином; этот забрал бы предметы в дом и спрятал их в таком месте внутри особняка, которое посчитал бы безопасным, за всеми его печатями и защитами.

Нахмурившись, Тарграэль сунула мешок обратно, прикрыла его давно прогнившим брезентом и задумалась. Может быть, ей следует поискать Шторм Среброрукую? С пышной фигурой, красивую, с её длинными серебряными волосами — мужчины скорее заметят её, чем Эльминстера или Мэншуна, особенно если эти двое старых магов не желают быть замеченными.

Может быть, ей стоит разыскать подобных внимательных персон и расспросить их?

Или поступить мудрее, вернуться во дворец, спрятаться и проявить терпение?

— Тьфу! — громко воскликнула она в ночь, поворачиваясь на каблуках.

Она поступит мудро и терпеливо.

Ха. Тарграэль могла быть нежитью и рыцарем смерти — но несмотря на всё это, она, должно быть, старела.

* * *

Мэншун нетерпеливо скользнул обратно в своё смуглое и красивое человеческое тело. В качестве носителей созерцатели были не так уж плохи. Уж лучше они, чем парить, как призрак, но когда дело доходило до серьёзных размышлений, он предпочитал быть вещественным и находиться в теле, похожим на то, в каком он родился.

И это время настало прямо сейчас, здесь, в погребке алхимика. Убогое местечко, и он знал множество куда более роскошных покоев — Мэншун по-прежнему скучал за вздымающимся мраком его Главной башни в Зентильской твердыне, даже спустя все эти годы — но оно всё больше начинало казаться домом.

Прорицательные сферы терпеливо мерцали, пока он уселся, пробежался по ним взглядом, чтобы убедиться, что нигде не происходит ничего тревожащего — ничего не происходило — и погрузился в размышления.

Значит, его старый враг был жив — а может, стал нежитью. Эльминстер снова был в Сюзейле, вернулся со Шторм Среброрукой. Всё-таки он уцелел.

И, насколько можно было судить, пока не собирался обрушиться на Мэншуна.

Что было странно; если бы Эльминстер уничтожил одного из *его* клонов, Мэншун, только очнувшись, поступил бы так, как поступал уже не раз — нашёл способ дать сдачи. И сильно. А заодно быстро.

Не настолько отчаянно, чтобы принести в жертву очередного себя, но достаточно, чтобы Эльминстеру стало ясно, что он по-прежнему цел и не намеревается отступить.

Так чем же занят Эльминстер?

Ну *разумеется*, вмешивается в происходящее. Именно так Старый Дурак и поступает всегда. Пытается править королевствами в тени престолов, подговаривает одного лорда дать ему кров и пищу, пока крадёт магию и монеты у другого лорда — или, в данном случае, у королевской семьи Кормира. Держится ближе к богатым и могущественным, шепчет им на ухо, заставляет их делать то, чего он хочет — как уже поступал на протяжении многих веков.

Мэншун и сам понимал соблазны власти. Власть была ультимативным эликсиром; не

было ничего сильнее.

Но он делал всё это самостоятельно, не цепляясь за юбки Мистры Могучей, никогда не забираясь к ней в душу — и в постель — чтобы найти убежище в тепле её улыбки и заботы. Он свою власть заслужил, а хитрый старый Эльминстер выпросил её у наивной богини. О, это сработало, да, но кто мог бы предвидеть, что великая богиня Всего Искусства, Наша Госпожа Тэйн, *сама* богиня, погибнет?

Важно сейчас было вот что: без Плетения, без слуг Мистры, без других Избранных которых можно было использовать и злоупотреблять их доверием, Эльминстер стал ленив в собственном Искусстве. Он провёл годы, делая то и сё, для Мистры и для себя, но редко проводил время, оттачивая Искусство более великое, овладевая новой магией.

Так что великий Мудрец Долины Теней, оставшись без своих друзей и без доступного могущества, стал куда слабее и ничтожнее *истинно* могущественного Мэншун.

Кем бы он ни был прежде, Орбаком из Западных Врат или Мэншун из Зентарима, он сам творил великое Искусство и отточил свои навыки собственным трудом, не божественными дарами, не полагаясь на чужую помощь. *Он* был лучшим волшебником, истинным архимагом.

Что, в свою очередь, неизбежно означало, что Эльминстер, хитрый, но ленивый, на путях Искусства мог лишь следовать туда, куда вёл Мэншун.

Разве Эльминстер не пытается украсть любую магию, какую только может? О, это затем, чтобы кормить его безумную, где-то заточённую любовницу, да, но разве прежде чем отнести ей, он не изучает каждый украденный предмет, чтобы узнать всё, что сможет,?

Значит, пока будущий император Мэншун вселяется в избранные им разумы, Эльминстер должен отставать на шаг, повторяя то, что уже когда-то делал Мэншун. Используя свои копии, клонов, пробуждающихся, когда уничтожают их предшественника.

Да, вот в чём дело. Должно быть...

Он *убил* Эльминстера, уничтожил его. Взорвал его тело, разорвал его, затем испепелил.

И сделал всё это быстро, ни на мгновение не упуская из виду своего врага, тщательно высматривая любые признаки бегства. Их не было.

А значит, когда Эльминстер погиб, где-то проснулся его следующий клон. Испугавшись смерти от рук того, кто один раз уже с такой лёгкостью его уничтожил, Эльминстер воспользовался магией, чтобы надеть личину юной девушки — танцовщицы, которая была его собственным потомком — и наверняка поместил настоящую Амарун Белую Волну в магический стазис в какой-то тайной пещере или крипте, до того момента, как в ней возникнет нужда.

Которая возникнет, когда он освоит Искусство подчинять чужие разумы, как Мэншун, и завладеет более молодым и сильным телом своей правнучки.

Но пока должны существовать и другие клоны Эльминстера, тщательно спрятанные в Сюзейле.

И сейчас, пока Мэншун может оставить в покое текущего Эльминстера, его главной задачей должно стать нахождение и уничтожение ожидающих клонов.

Пускай благородные заговорщики плетут интриги и убивают друг друга; когда ряды лордов поредеют, он сможет вернуться к этой игре и тогда захватить Драконий Трон, или решить, кто будет его согревать, пока не наступит время сорвать плоды и избавиться от марионетки.

Начиная с этого мгновения, в первую очередь он будет охотиться и уничтожать

спрятанных Эльминстеров.

Будь я Эльминстером, где в Сюзейле я спрятал бы своих двойников?

Или... подождите-ка!

Мэншун сам много раз испытывал смерть, нередко — как раз благодаря Эльминстеру. Он привык к этому, стал жёстче и сильнее. Но не его противник.

Эти прятки, этот отказ выступить против Мэншуна, запросто могли означать, что Эльминстер — пробудившийся клон — где-то скрывается. Что смерть заставила его бояться Мэншуна, и он остаётся в укрытии, используя заклинания, чтобы видеть и слышать через свою марионетку — Амарун Белую Волну.

А значит, вопрос следует сформулировать так: будь я Эльминстером, где бы в Сюзейле я спрятал себя?

В месте, где смог бы держать поблизости по меньшей мере одного клона. В месте, где на него не смогут случайно наткнуться слуги или простой народ. В месте, которое не станут без предупреждения обыскивать пурпурные драконы, или, что ещё важнее, боевые маги.

Но таково было мнение Мэншуна, успешного правителя и военачальника. А как думает Эльминстер?

Он хитёр, но ленив, считает себя умным, но зачастую выбирает самый лёгкий путь. Он прожил много веков и был любимым слугой богини; у него есть гордость, он сам — гордость. И он пытается стать таким как я, более успешным архимагом, избежав при этом трудного пути.

Какой способ скрыться от боевых магов и жить праздно, в роскоши, получая магию по первому желанию, может быть лучше, чем «спрятать» себя в обличье могущественного мага?

Да!

Будь Эльминстер, к примеру, Ларакон Дардулкином, он мог обитать в самом сердце Сюзейла в похожем на крепость особняке, купаться в роскоши, мог швыряться заклинаниями, не вызывая подозрений, к нему могли подлизываться и целовать ноги...

Ларак Дардулкин...

Самый могущественный независимый маг в Сюзейле. Идеальная маска для клона Эльминстера.

Мэншун вскочил с кресла и шагнул в гущу своих прорицательных сфер.

Вот эту легко было настроить следить за особняком этого надменного волшебника...

Но когда в поле зрения возникла картинка особняка, Мэншун затряс головой от изумления. Когда всё *это* случилось?

Высокий дом Ларака Дардулкина наполовину исчез, одна сторона была открыта небу, и в самом сердце руин и разрушения он увидел архимага, свернувшегося в клубочек на полу, окружённого десятью доспешными ужасами, которые кружились вокруг него обеспокоенным и неуверенным хороводом.

Ну и ну! Если это *и в самом деле* Эльминстер, Мэншуну представился самим Бэйном посланный шанс! Убить Эльминстера сейчас, когда он уже повержен — но сделать это жёстко, быстро и сильно, в случае, если тот, кто победил его, по-прежнему где-то поблизости. А если Дардулкин не был Эльминстером, это по-прежнему была прекрасная возможность ограбить его обитель или превратить волшебника в очередного полезного раба.

Мэншун торопливо пересёк погреб. Лучше всего подойдёт самый сильный его созерцатель — живой, а не тиран смерти.

Да, созерцатели оставались внушительными тварями, когда дело касалось силового

— Беспокоить матушку Арклета нет нужды, — сказала им Шторм. — Его парализованное тело провело нас за ворота — этого достаточно. Кладите его вот сюда.

Они находились на землях особняка Делькаслов, на поросшем травой склоне, между садом, аккуратно посаженным таким образом, чтобы казаться диким, и более строгой террасой, обрамлявшей крайнюю посадку фруктовых деревьев.

— Слишком устала для стычек с благородными матронами, а? — хмыкнул Мирт, когда они осторожно уложили Арклета на землю.

— Слишком устала для любых любезностей, которые только придут тебе в голову, — пробормотала Шторм. — Надеюсь, Арклет сможет добыть немного целебных зелий из семейных кладовых — если там найдётся такое сокровище — прежде чем я отрублюсь. Эл, постарайся сделать всё быстро.

— Хорошо, — ответил Эльминстер, голос которого по-прежнему казался неуместным, исходя из юного стройного тела Амарун. — Приляг здесь, Шторм, а я устроюсь между тобой и парнем, и сможем сделать всё так, что тебе даже садиться не придётся.

— Снова его исцеляешь? — спросил Мирт, протягивая руку Шторм, помогая ей опуститься на траву.

— Да, — отозвалась та. — Буду держать его, пока он работает над заклинанием, но это то же самое. Я исцеляю, когда Эл истощается, чтобы беречь его от безумия.

— Я отойду вон туда, и буду держать ножи наготове, — прорычал Мирт. — Жаль, что у тебя нет лишних заклинаний, чтобы снова сделать меня молодым, стройным и сильным. Или убрать боль в ногах.

Наклонившись, он взгляделся в неподвижное тело Арклета Делькасла. Рука юного лорда была изогнута, а одна нога поднята, чтобы сделать следующий шаг.

— Интересно, понимает ли он, что вы собираетесь с ним проделать?

Устроившись на земле, Эльминстер повернул голову и заглянул Арклету в лицо.

Его ответ прозвучал голосом Амарун, наполовину мрачным, наполовину — голосом готового сорваться в слёзы человека.

— О, он знает. Поверь мне, знает.

Глава 22

Диспуты и взаимные упрёки

Арклет помахал рукой.

— Я снова могу *пошевелиться*! Слава всем богам! Спасибо!

Рука Амарун осталась на его шее, и из её прекрасных уст — которые он только собирался поцеловать — раздался глубокий голос Эльминстера.

— Придержи немного свои благодарности, парень. Мы пока не закончили.

Арклет сощурился.

— Да? Что ты собираешься делать?

— Шторм, — спросил Эл, — ты готова?

— Да, — вздохнула Шторм. — Это необходимо.

— Да, необходимо.

Арклет взревел и откинул назад голову, пытаясь отдёргнуться. Рука Рун на его плече неожиданно с силой вцепилась в юношу.

— Надеюсь, ты объяснишь, что именно «необходимо», прежде чем сделать это со мной, маг.

— Мы должны заглянуть тебе в голову, чтобы убедиться, что на тебя никто не воздействует магически, не шпионит через тебя, и не использует на тебе следящие чары.

Арклет напрягся.

— Я знал! Я так и знал, что ты найдёшь какой-то повод, чтобы...

— Значит, ты оказался прав, и теперь не будешь в себе разочарован, правда? — проворчал стоящий над ними Мирт.

— Он говорит о том, чтобы *завладеть* мною, лорд Глубоководья! — огрызнулся Арклет. — Уж простите, если...

Его голос стих, а ярость в глазах сменилась хмурым удивлением.

Да, вот на что похож разум грубого и лживого старого архимага, сказал голос Эла в недрах его головы. Несмотря на саркастичное ворчание, разум Эльминстера был дружелюбным, как будто принадлежал старому дядюшке с причудами. Арклет увидел сверкающие, вздымающиеся башни сине-белого цвета в глубинах великого зелёного леса, затем бородатое лицо, увенчанное короной Кормира, лицо, которое почти наверняка принадлежало Азуну Четвёртому в его лучшие годы... затем обнажённую, прекрасную женщину, высоко парившую в воздухе в самом сердце грозы, её волосы разметались вокруг и сверкали молниями, которые, казались, не причиняли женщине вреда, в глазах её горел триумфальный огонь, а лицо было похоже на Шторм, хотя неуловимо отличалось... затем он смотрел в просторные тёмные залы, в бесконечные длинные проходы, полные образов, все из которых невозможно было увидеть, не говоря уже о том, чтобы сосчитать.

— Спокойно, парень, спокойно. Не пытайся осушить все мои воспоминания одним глотком. Мне потребовалось около двенадцати сотен лет, чтобы собрать их; пожадничаешь — и запросто сойдёшь с ума.

Затем разум Эльминстера, казалось, скользнул мимо него, как великий левиафан парящего дракона, тело, которое продолжалось и продолжалось, демонстрируя пугающий размер и силу, проходя мимо, мимо, и всё не заканчиваясь...

Гнев Арклета исчез, растворился в удивлении, а вместе с ним — большая часть его

страха. Арклет ощутил внезапное неудобство, пытаясь продолжить осмотр разума Эльминстера, когда тот начал пускать корни в его сознании... он увидел тёмные и ужасные вещи, жестокие смерти и скорбь, которая заставила его отпрянуть, но смог понять, что Мудрец из Долины Теней не скрывает *ничего*, позволяя Арклету видеть и чувствовать всё, что тот пожелает.

И Арклет Делькасл обнаружил, что ему *нравится* принимать этот разум у себя в гостях. Ему *нравился* этот старик. По-настоящему нравился, и Арклет начинал — лишь начинал — по-настоящему узнавать его, ближе, чем он знал кого-либо прежде.

Обширный разум осторожно развернулся и начал отступать, дракон скользнул мимо него в противоположном направлении. Арклет увидел лишь малую часть, но этого было достаточно, чтобы понять одно: он может доверять Эльминстеру из Долины Теней.

В недрах своего разума и где угодно.

Внезапно Арклет заплакал, растворившись в радости и понимая, что это странно — но так важно. Дворяне Кормира росли, зная, что не могут доверять никому, и что люди, которые доверяют другим — дураки и тупицы, которых следует использовать.

Сейчас Арклет наконец-то знал — *знал* — что есть один человек, которому он может доверять.

— Четыре, парень. Четыре человека, а не один, — пробормотал Эл, сжимая его в объятиях Амарун. — Шторм, твоя мать, Рун, и Эльминстер Омар. А теперь прекрати лить на меня слёзы; это лучшая одежда Амарун.

* * *

Ах, что за редкое зрелище: обладающие здравым смыслом боевые маги.

Мэншун, оседлавший тело своего самого сильного глазного тирана, выглянул из-за цистерны на крыше, глядя, как патруль магов Корроны уходит от особняка Дардулкина.

— Оцепить до рассвета и прибытия подкреплений, — услышал он крик. — Внутрь не входить. Кормиру нужны живые герои, а не мертвецы.

Ну-ну. Да он ещё и философ. Надо будет использовать этого мага для специальных поручений, когда Мэншун станет императором Кормира и прочих земель. Или заточить его. Возможно, в виде мозгов в горшке.

Благодарный тучам, которые заслонили звёзды и сделали ночь поистине тёмной, Мэншун подлетел к краю крыши. Между ним и развалинами Дардулкина было ещё две крыши, а между последней крышей и развалинами проходила улица. Пурпурные драконы отступили на позиции, откуда можно было следить за всеми, кто входит или покидает особняк Дардулкина.

Впрочем, видели они не так уж и хорошо. В этом квартале, принадлежащем к одной из лучших частей города, хватало фонарей, но туман из гавани уже начинал ползти по улицам.

Как только он заметит ауру света вокруг фонарей — означавшую, что туман стал достаточно густым, чтобы мерцать и снижать видимость — наступит время выступать.

Ах. Ну вот. Терпение вознаграждено.

Мэншун скользнул вперёд, покачивая глазными стеблями в предвкушении.

Ну что, Эльминстер, хочешь ещё раунд? Повторное уничтожение?

Дардулкин наконец-то поднялся на ноги, качая головой и бормоча что-то себе под нос.

Из-под обломков он вытащил длинный, зазубренный кусок от разбитого дверного косяка и опёрся на него, как на посох.

Опёрся так, будто был слабым, старым, измученным... как будто ему и в самом деле требовалась помощь, чтобы стоять.

Это заставило Мэншуна осмелеть настолько, чтобы опуститься в наполовину обрушившуюся верхнюю комнату особняка и оттуда послать вперёд свой разум, медленно и с бесконечной осторожностью.

Эльминстер ли ты, бормочущий архимаг? Или очередной надорвавшийся глупец?

В конце концов, в мире таких полным-полно...

Осторожный зонд Мэншуна почувствовал нечто острое и узкое, сосредоточенное на разуме, что он искал. Затем ещё одно и ещё, беспокойно движущееся — неподалёку. Доспешные ужасы, по-прежнему окружавшие потрясённого мага, ожидавшие приказов и цели. Всего десять штук.

Он потянулся мимо них, медленно и осторожно, как только мог. В прежние времена он слишком часто чувствовал, как вокруг сжимаются ловушки Эльминстера...

Дардулкин был объят ужасом. Лишь сейчас он начал выползать из состояния потрясённого неверия в то, что юная девушка с движениями танцовщицы смогла так быстро и так легко нанести ему поражение.

Эльминстер. Не этот самодовольный маг, но чароплёт, который разрушил половину особняка — и картину мира этого тупицы Дардулкина.

Это сделал ненавистный враг Мэншуна, либо подчинив разум своей правнучки, либо, что более вероятно, надев её обличье на своего клона, чтобы избежать наказания — поскольку когда боевые маги используют свои заклятья на настоящей Амарун Белой Волне, они обнаружат, что у девки к Искусству нет вовсе никакого таланта.

Значит, Дардулкин был не Эльминстером, а простой малодушной дешёвкой. Что, впрочем, не означало, что он будет бесполезен в качестве раба. Этот особняк, стоит его отремонтировать, станет прекрасным местом, чтобы держать здесь всех его созерцателей — троих живых, шестерых глазных тиранов, жалкую тушу седьмого, и пятерых меньших их собратьев. В конце концов, если их обнаружат, во всём обвинят Дардулкина; никто не станет искать ещё одного архимага. Более того, в случае если созерцателей найдут в погребке Сронтера, Корона быстро поймёт, что Сронтер так же слаб в Искусстве, как и Белая Волна, и станет искать стоящего за ним чароплётца.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Да, это будет идеально. Человеческие рабы в погребке алхимика, а тираны — здесь.

Ментальный щуп Мэншуна превратился в жестокую волну; Ларак Дардулкин едва успел что-либо заметить, прежде чем его разум в ужасе сдался.

— Вставай, — услышал шёпот собственного голоса Дардулкин, и все доспешные ужасы одновременно повернулись и пристально уставились на него.

— Настало время хоть раз повести себя, как настоящий архимаг, а не ухмыляющийся мешок пустого самодовольства и самоуверенности. Будь могучим магом, Дардулкин. Будь мной.

— Это кольцо железной стражи, — объяснила Шторм. — Оно заставит большую часть мечей и других клинков проходить тебя насквозь, не причиняя вреда. Но не слишком-то на него полагайся — любая зачарованная сталь будет ранить тебя, как обычно.

Она подняла руку, чтобы показать Арклету, что носит аналогичное кольцо, и указала на Мирта, а затем на Амарун.

Его возлюбленная взяла Арклета руку в свою, позволяя Эльминстеру устремиться обратно в его разум и связать их с разумом Шторм — тёплым, но печальным, радостным, и всё же обеспокоенным — чтобы Арклет мог понять и увидеть, что Шторм говорит ему о кольцах правду.

Затем Эльминстер снова отступил, и Арклета окатила волна облегчения.

Разум Шторм представлял для него опасность. Он так легко мог влюбиться в неё и потерять себя в нахлынувшей страсти... но корона и трон, хорошо было знать, когда кто-то говорит тебе правду. Неудивительно, что боевые маги древности так часто применяли выжимку разума к дворянам и ко всем остальным.

— Что теперь? — услышал собственный вопрос Арклет. Поднялся и просвистел мимо лёгкий ночной ветерок, зашуршав листьями в его семейном саду.

— Теперь, парень, — тут же ответил Эльминстер, голос которого по-прежнему звучал чудовищно неуместно из уст его Рун — мы поговорим. Можешь назвать это военным советом. Небольшим и без потасовок, если получится.

* * *

— Меня зовут Рорлин Хэндмейн, и я лионар пурпурных драконов, — спокойно, как будто предвидел его, ответил на холодный вопрос офицер. — Мне приказали узнать, что здесь произошло, и предоставить вам любую разумную помощь, сэр Дардулкин. Корону всегда интересуют взрывы и вышедшая из-под контроля магия. Памятуя о вашем статусе и достижениях, старшие боевые маги послали сюда меня, вместо того, чтобы самостоятельно явиться к вам — архимагу, который может не пожелать раскрывать свои профессиональные тайны другим последователям Искусства.

— Благодарю за вашу — довольно неожиданную — предусмотрительность, — холодно ответил архимаг. — Выслушайте же мой ответ и передайте его остальным соглядатаям Короны, окружившим мой дом, прежде чем уведёте их обратно к пославшим вас магам; довольно могущественное, но мирное заклинание вышло из под контроля, и ничего больше. Я не нуждаюсь и не хочу вашей помощи в подсчёте последовавшего ущерба. Случившееся не касается ни Короны, ни общего благосостояния, и ради вашей собственной безопасности вам лучше будет убраться. Сейчас же.

Он шагнул вперёд, к осыпающемуся краю того, что осталось от стены его особняка, и сверху вниз гневно посмотрел на лионара и трёх сопровождающих его драконов.

Лионар кивнул, поднял руку в салюте, и сухо ответил:

— Ваши слова услышаны. Что же до нашего предложения и нашей бдительности... пожалуйста, волшебник.

Затем Хэндмейн повернулся спиной к Дардулкину и его особняку и зашагал прочь.

Мэншун вынужден был сдерживать смех. Как хорошо сказано, бравый лионар! Он заставил тело Дардулкина повернуться к парившим перед ним терпеливой дугой доспешным

ужасам и приказать — громко и бессмысленно, исключительно ради кордона внимательно слушающих драконов — охранять повреждённый особняк и следить, чтобы внутрь не проскользнули нарушители.

Туша созерцателя, в которой он прибыл, была скрыта в одной из верхних комнат, где по-прежнему присутствовала крыша, вместе с терпеливо ждущим меньшим созерцателем, которого он мог использовать для возвращения в лавку Сронтера.

Потянувшись к сознанию двух ближайших ужасов, он послал их открыть спуск в погреба Дардулкина, чтобы впустить туда своего созерцателя.

Оставив других ужасов защищать стены от крыс, мышей и птиц, которые были достаточно неосторожны, чтобы приблизиться к разрушенному особняку, он повёл тело Дардулкина на экскурсию по его погребам.

К удовольствию Мэншуна, на первых ярусах подвальных помещений обнаружилась одна просторная комната, в которой находилось несколько клеток с массивными железными прутьями — клеток величиной с небольшие хижины. Тощий, болезненного вида грифон был заперт в одной, пол которой был усыпан его перьями, но остальные были пусты, за исключением неприятных на вид груд костей. Хорошо. В эти клетки можно поместить созерцателя — и его собратьев-тиранов, когда он доставит их сюда.

Мэншун возведёт крепкие печати вокруг этого места — защита Дардулкина была жалкой — но ради неизбежных боевых магов, которые наверняка прямо сейчас следили за ним с помощью магии прорицания, он позаботится, чтобы тираны валялись на полу, а не парили в воздухе, и не поднимали своих глазных отростков — чтобы чудовища казались мёртвыми, а не живыми.

Печати были почти бесполезны, являясь, скорее, частью декора, впечатлявшего доверчивых идиотов... что ж, оставалось лишь надеяться, что книги и зачарованные предметы Дардулкина будут хотя бы на десятую долю такими могущественными, какими считал их волшебник. Настало время проверить, что он получил, и есть ли у его последней пешки хоть какая-то новая для Мэншуна, будущего императора Кормира, магия.

Да, этот титул определённо звучал неплохо.

* * *

Арклет кивнул.

— Тогда говори.

Эльминстера упрашивать не пришлось.

— Парень, — начал он, — ты слышал от Шторм, кто именно меня сразил: Мэншун.

— Ещё один древний волшебник. Когда-то правил Зентильской твердыней, ездил на драконах, был нехорошим. Так гласят легенды, по крайней мере.

Мирт хмыкнул и кивнул.

— Эти легенды не лгут, — согласился Эл, — и сообщают практически всё, что тебе нужно о нём знать. Теперь выслушай остальное. Мэншунов было уже много. Когда он убит, пробуждается его очередная копия, и приходится убивать его снова. Его Искусство сильно, с его помощью он с лёгкостью подчиняет чужие разумы, превращая людей в своих рабов.

— Ты тоже так можешь, — тихо сказал Арклет.

— Я тоже так могу, да. Но Мэншун... совсем не так разборчив. Там, где я обманываю...

— Манипулируешь.

— Тоже подходящее слово, да. Там, где я манипулирую, он принуждает.

Шторм и Мирт оба кивнули, и Арклет кивнул тоже.

— И?

— Он любит не просто побеждать и подчинять — он живёт ради власти. Зентильская твердыня и её длинные щупальца — буквально дюжины крепостей, от дорожных застав до городов. Не говоря уже о Западных Вратах, Омбралдаре и дальнем Шануте. Он здесь не просто охотится за мной. Устав от Западных Врат, которые не могли оставаться в его власти, беспрестанно вскипая предательствами, вызовами и попытками переворота — двадцать лет он этим наслаждался, но впоследствии начал всё сильнее уставать, когда видел всё те же интриги и неловкие заговоры в четвёртый, в десятый раз — он устремил свой взгляд к более привлекательному трофею. Он здесь, в Сюзейле, чтобы завоевать королевство.

— Разве развернувшееся вокруг этой конкретной амбиции соперничество не слишком оживлённое даже без него? — спросил Арклет. — Как ты можешь быть уверен в участии Мэншуна, учитывая все эти козни, вражду и ненависть к Короне, которые процветали здесь веками? Веками!

— В этом весь азарт. Использовать различных лордов и царедворцев как своих пешек, оставаться в тени, пока не наступит время показать себя. Беспорядки в Кормире могут по большей части быть его деянием.

— Возможно, но не можешь ли ты ошибаться в точности как мы, кормирские дворяне, которые в любом происшествии видят последний ход в продолжающихся распрях друг с другом и с Короной? Ты видишь всюду руку Мэншуна потому что ожидаешь этого, замешан он на самом деле или нет!

— Согласна, — сказала Амарун своим голосом вместо голоса Эльминстера.

— Рун! — воскликнул Арклет, потянувшись к ней. — Он позволил тебе снова управлять собой! Почему...

— Мы делимся, парень, — проворчал Эл губами, которые наклонился поцеловать Арклет. И ухмыльнулся. — Так что давай, поцелуй даму. Я не буду подсматривать.

Арклет на мгновение застыл, ошеломлённый — затем пожал плечами, сжал Рун в объятиях и жадно её поцеловал.

Спустя довольно долгое время она с улыбкой это прекратила и выглянула у него из-за плеча.

— Шторм? Мирт? А вы что думаете?

— Эл прав. Мэншун здесь в Сюзейле, и он что-то замышляет. Захват Драконьего Трона будет одной из его целей. Он всегда стремится захватить трон.

Мирт согласно кивнул.

— Эл прав. Как всегда.

Улыбка Рун поблекла, когда она взглянула на Арклета.

— Как бы ни была ненавистна мне мысль о злом архимаге, плетущем козни в нашем городе, она может быть вполне правдива. В конце концов, эти трое верят в неё, а они знакомы с тем чароплётотом и нашим королевством куда дольше нас. Правы они или нет, мы *не можем* просто отмахнуться от их предостережения.

Арклет испустил долгий, раздражённый вздох.

— Ты права, Рун. Разумеется. И мне не требуется напоминать о моих обязанностях

перед королевством. Дворяне должны следить за всеми угрозами славному Кормиру, чтобы спасти свою землю, если в том возникнет нужда. Ради Кормира и всех его обитателей, я не осмелюсь вести себя так, будто эта история о затаившемся Мэншуне — неправда.

Шторм развела руками, но вопрос озвучил Эльминстер:

— И?

Арклет подождал реплики Мирта, но услышал только тишину. Все взгляды были устремлены к нему.

— Мы проиграем, если попытаемся отыскать всех марионеток Мэншуна среди кормирских лордов, — медленно сказал он, размышляя вслух. — Все они в той или иной степени предатели. Все до последнего будут казаться подозрительными — как всегда. Наше расследование только предупредит Мэншуна, что мы знаем о нём, и предоставит ему массу возможностей расправиться с нами.

Он вздрогнул, представив себе все возможные угрозы.

— Нет, мы должны собраться у Драконьего Трона. Вернуться во дворец, попытаться держаться подальше от когтей Глатры и искать следы Мэншуна — а также его рабов и союзников среди боевых магов.

Шторм и Рун обе согласно кивнули.

— Будем использовать моё Искусство и помощь принцессы Алусейр, чтобы как можно дольше прятаться от Глатры, — продолжил Эл. — Итак, ты проведёшь нас во дворец, и мы сполна повеселимся, уклоняясь от встреч с пурпурными драконами, боевыми магами и сотнями шпионящих царедворцев. Во дворце с помощью дюжины дружественных богов мы найдём и выкорчем изменников всех до последнего. Не обнаружив Мэншуна, который наверняка будет смеяться над нами за пределами дворца, зная о каждом нашем зевке, икоте и желании почесаться. Что тогда?

Арклет нахмурился.

— Прежде всего следует защитить короля. *Всех* Обарскиров, если уж на то пошло. Но я не знаю, как.

— Ха, — проревел Мирт, — «как» следует выяснять на ходу. Я хорошо выучил этот тяжёлый урок. Кажется мне, что это утопающее в магах Короны королевство нуждается в твёрдой руке, которой боялись бы все боевые волшебники до последнего. Если печально известный Мудрец Долины Теней должен натянуть старые сапоги Вангердагаста и стать одновременно королевским магом и придворным волшебником, которого ненавидит каждый лорд в королевстве и боится каждый простоллюдин, что ж... пускай так и будет.

Глава 23

Выхвачены мечи

— Если ты действительно попробуешь стать королевским магом, Эльминстер, — медленно произнёс Арклет, — даже зная, что ты желаешь добра, я могу быть вынужден выступить против тебя. Для Кормира лучше ты, чем Мэншун, но ты по-прежнему древний и могущественный архимаг, и к тому же — чужеземец. Магия иногда... портит тех, кто ею обладает.

— В самом деле. Но если это позволит тебе спать спокойнее, парень, знай вот что — возможность стать новым Вангердагастом интересует меня чуть менее, чем никак. Дать некоторым боевым магам хорошего пинка под зад — да; но управлять ими во имя Драконьего Трона — никогда. Скорее уж я буду пасти кормирских дворян. Уж прости.

Арклет ухмыльнулся вопреки себе и бросил взгляд на башни королевского двора и дворца, поднимающиеся над крышами не слишком далеко.

— Так как мы проникнем во дворец *в этот раз*? Не стоит надеяться, что они опять оставят тот дом за конюшнями без охраны.

— Вы будете прятаться — все вы, — предложил Мирт. — А говорить буду я. Я, толстый, неотёсанный чужеземец, который был в городе и услышал нечто, что *должна* узнать леди Глатра. Только она, из моей глотки прямо ей на уши, и немедленно.

Арклет закатил глаза.

— А если они тебе не поверят?

— Хм. Ну тогда вы выскочите из укрытия и нападёте. Нет, подожди-ка! Полураздетые Рун и Шторм начнут танцевать, и я признаюсь, что на самом деле я сводник, который привёл их к кронпринцу или Холлоуданту... да, к Холлоуданту будет надёжнее. Мне уже приходилось работать под этой личиной.

Шторм подмигнула Амарун.

— Правда? Ты уверен, что сводничество для тебя — просто личина?

— Ну... в Глубоководье я знаю, сколько брать и кого предлагать... то есть, *знал*. Сейчас они все давно мертвы, а? Что ж...

Навес, под которым они проходили, вместе с налётчиком внезапно рухнул на Шторм. Нападающий ударил её каблуками, сбивая на землю.

Когда противник приземлился, сбив сапогами Шторм, он ударил мечом Амарун сзади, взмахнув им под её левой рукой и зацепив её бок. Фиолетовая пульсация — магия — вспыхнула на сверкнувшей стали, и Рун закричала, падая.

Арклет выкрикнул что-то отчаянное и яростное, Мирт живым тараном бросился на нападающего, отшвырнул его от Амарун, нанося удары своими кинжалами, а потом сбил незнакомца на камни, и они покатались по земле.

Локоны Шторм потянулись следом за ними, но пара оказалась слишком далеко, и нападавший — нет, нападавшая, которая была выше, быстрее и гибче Мирта, вырвалась из хватки толстяка и вскочила на ноги, развернувшись к ним — тёмный и стройный женственный силуэт с длинным, тонким и слабо мерцающим мечом в руках.

Это фиолетовое сияние превратилось в бледный белый свет и осветило высокую, стройную и крепкую женщину в облегающих доспехах из чёрной кожи и высоких сапогах — слишком разношенных и заплесневелых, чтобы скрипеть. У неё были длинные,

разметавшиеся в беспорядке волосы, мертвенно-бледная кожа и улыбающееся жестокой улыбкой лицо. Её глаза мерцали красным, и на одной щеке виднелось небольшое пятнышко плесени.

— Я защитница Кормира, — промурчала она, — Эльминстер из Долины Теней, за свои преступления против этого королевства ты заплатишься жизнью!

Она смотрела на Амарун, которая стонала на мостовой, истекая ярко-красной кровью. Шторм поднялась, чтобы закрыть её, как мрачный страж ворот с мечом в одной и с чем-то ещё — со шлемом — в другой руке.

— Да, — добавила Тарграэль, заметив испуганный взгляд Арклета. — Я знаю. Это Мудрец из Долины Теней, а не просто глупая маленькая девчонка-танцовщица. И скоро она станет трупом Эльминстера из Долины Теней!

Арклет Делькасл сглотнул, затем бросился на неё, выхватывая меч.

— Это я Эльминстер, неверный рыцарь! — прорычал он. — А не эта невинная девушка! Вот так ты служишь Кормиру?

Мерцающая сталь Тарграэль вспыхнула, ловко отводя его клинок в сторону. Рыцарь смерти прошипела:

— И ты осмелился судить о моей верности, дитя знати? Ты, испорченный отпрыск одной из многочисленных семей изменников, что хотят разорвать наше прекрасное королевство? Ты не Эльминстер! Он глупец, но не такой, как ты!

Её меч хлестнул вперёд, но Арклет умело парировал, улыбнувшись в ответ на мимолётное удивление в её взгляде — в благородном происхождении есть некоторые преимущества, и умение обращаться с мечом входит в их число — и стал наступать на неё. Из звенящего вихря парирований он присел в низком выпаде, затем шагнул в сторону, обходя её защиту для второго выпада, уводя противницу от Рун.

— Не останавливайся, — прошептала ему Шторм, и он повернул голову к ней на достаточное время, чтобы заметить, как она надевает шлем на голову Амарун.

Это был воронёный шлем, оставшийся от одного из доспешных ужасов, которых сразил Эл. Шлем, полный кипящего пламени.

Изнутри шлема раздался дикий визг, а через мгновение Рун с силой дёрнулась в руках Шторм и затем неподвижно опала. Арклет на миг отвлёкся, и этого оказалось достаточно...

Мерцающий меч, целящий в его горло, прошёл так близко, что он почувствовал холод от клинка на щеках и челюсти. Мирт кувыркнулся Тарграэль прямо под ноги, сбивая её на мостовую и вцепившись в лицо, и меч рыцаря смерти упал, на долю мгновения не успев вонзиться в плоть Делькасла.

Арклет бросился обратно в битву и увидел, что рыцарь смерти уже вскочила на ноги и дико рубит мостовую под собой и сзади, высекая искры. Но ей удалось только оставить следы на и без того рваных сапогах Мирта — тот ловко перекатился в сторону.

Арклет занёс меч, повернул его так, чтобы нацелить его в шею, и нанёс удар — как вообще можно убить рыцаря смерти?

Затем он споткнулся, удар ослабел и ушёл в сторону, когда что-то ворвалось в его голову.

Не что-то — кто-то. Эльминстер. Вокруг его воротника струилась пыль...

Тарграэль снова выпрямилась, и неприятная улыбка возникла на её лице, когда она взмахнула мечом в жестоком ударе, который не мог промахнуться.

Будь ты проклят, Эльминстер! Ты убил меня! Ты, безжалостный...

Меч Шторм отбил клинок Тарграэль с визгом столкнувшейся стали, и следопыт плечом ударила в рыцаря смерти, отбросив ту на несколько шагов. Где Мирт подсёк ей ноги, снова опрокинув на мостовую.

— Назад! — взревел он, дико размахивая руками. — Держись подальше!

Шторм отскочила от барахтающегося на земле рыцаря смерти, и когда Тарграэль вывернулась, как злобный угорь, Мирт выхватил что-то из многочисленных кошель у него на поясе — и швырнул прямо ей в лицо.

Арклет успел разглядеть, что это сфера из ржавого железа размером с ладонь — и что леди старший рыцарь на мгновение казалась ошеломлена, а затем это выражение сменилось нарастающей яростью. Затем сфера засветилась фиолетово-белым, пробуждая чары старшей дворцовой магии, и с ужасающей скоростью превратилась в растущую сеть железных обручей, похожих на те, которыми скрепляют бочки. Сохраняя форму сферы, обручи обхватили железной клеткой пытавшуюся встать на ноги Тарграэль.

Затем они снова туго затянулись, поймав её в капкан, так что перед Миртом оказалась куда более крупная сфера, из которой торчала голова Тарграэль, её пустая ладонь, кончик её мерцающего клинка и одна нога. Остальное тело было скрыто перекрывающимися железными полосами.

— Проклятье, — рыкнул Мирт, вскакивая на ноги и тяжело дыша. — Долго её это не удержит! Только не с её чудным волшебным мечом.

— И не нужно, — выдохнула Шторм, — если успеем добраться до дворца прежде, чем она освободится! Бегите!

— Но... но... Рун! — запротестовал Арклет, даже когда Шторм уже поставила Амарун на ноги и начала бежать.

Он видел, что Амарун просто слепо бежит следом, арфистка держит её и задаёт направление. Бок и спина девушки были пропитаны свежей кровью, но она двигалась, как будто не страдая от раны, просто оглушённая и незрячая.

Последнее было неудивительно: её голову по-прежнему охватывал слишком крупный шлем, пламя которого стало слабее и продолжало угасать на глазах Арклета. Пламя, которое ясно виднелось в открытой части шлема спереди. Шлем съехал, продемонстрировав ему затылок Амарун.

Неужели эта чёрная железная оболочка исцеляет её? Шлем определённо терял огонь, который бушевал в нём после разрушающего ужасы заклятья Эльминстера.

Арклет потряс головой. Никогда ему не понять магию... и что пугает, так это растущее подозрение, что даже архимаги понимают всего лишь жалкие крохи.

— Быстрее! — окликнула через плечо Шторм, ускоряя бег. Мирт запыхтел, потом застонал, как больной морж, бочонком устремившись следом за ней.

Арклет бросил взгляд на взбешённую рыцаря смерти в железной темнице — как раз вовремя, чтобы увидеть, как она теряет равновесие в попытке вырваться и падает на мостовую, чтобы беспомощно покатиться по камням, изрыгая проклятия — и побежал следом за остальными. Догоняя странную процессию, устремившуюся к дворцу.

* * *

Когда последний из фургонов уехал прочь от задней двери Сронтера, Мэншун помог

алхимику захлопнуть и запереть дверь на засов, затем бросился вниз по ступеням в погреб.

Ему приходилось спешить; боевые маги не станут долго воздерживаться от слезки.

Только не тогда, когда они начали что-то подозревать, а в городе полно плетущих козни дворян. Только не с характером леди Глатры.

Характером, с которым он вполне мог бы потягаться, если до этого дойдёт. У Мэншуна уже начала болеть голова из-за необходимости управлять Сронтером и как минимум шестью грузчиками и возничими с трёх фургонов. И это сразу же после того, как он решил сдерживать свои усилия. Ему пришлось остановиться на первых трёх достаточно крупных фургонах с припасами, которые остановились возле лавки алхимика, вместо роскоши самому выбирать возничих и грузчиков.

Прямо сейчас роскоши он позволить себе не мог.

Его головная боль была причиной, по которой Краунруд спал сейчас под чарами в запертой комнате погреба, а в нескольких улицах от него Дардулкин, погрузившись в такой же магический сон, был спрятан в шкафу собственного особняка. Мэншун был вынужден надеяться, что подробных и исчерпывающих приказов, которые он отдал доспешным ужасам, хватит, чтобы уберечь особняк от нарушителей. В том числе от излишне рьяных пурпурных драконов, боевых магов, и раз уж на то пошло — от старших рыцарей, которые могут рыскать по Сюзейлу, желая продемонстрировать своё мастерство.

Несмотря на головную боль, это красивое человеческое тело было сильным и гибким — он спустился в погреб тремя длинными шагами, не опасаясь упасть или врезаться в стену.

Резко остановившись у кресла, не потратив зря ни мгновения, он развернулся на каблуках и сел, чтобы взглянуть в свои прорицательные сферы. Три из них можно было настроить следить за маршрутом фургонов и обойтись без необходимости накладывать новые заклинания. В таком случае несколько улиц пропадали из виду. Ему придётся рискнуть обойтись без этого, иначе пришлось бы лично сопровождать фургоны. Тело мелкого созерцателя, в котором он вернулся к Сронтеру, могло творить лишь те заклинания, которые требовали простого усилия воли или самых элементарных речевых формул.

Напрягая свою волю, чтобы заставить эти три сферы покинуть общий массив и занять новые позиции в погребе, выстроившись перед ним в ряд, он взгляделся в них, одновременно поворачивая и перефокусируя их вид на Сюзейл.

Голова Мэншуна вспыхнула ещё более резкой болью. Он стиснул зубы, с силой прижал пальцы к вискам, и взгляделся в движущиеся сцены тёмных сюзейльских улиц, плывущие перед ним, сдвигающиеся... и наконец показавшие нужный ему вид.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как первый из фургонов с драгоценным грузом появляется в поле зрения ниже по улице. За первым следовал второй фургон.

Было бы безопаснее послать фургоны разными маршрутами, чтобы они подъехали к окружённому драконами особняку поодиночке, не таким очевидным конвоем. Но одновременно контролировать разум Сронтера поблизости и ещё шестерых кучеров и грузчиков там вдалеке, чтобы те правили фургонами как обычно, и так оказалось слишком сложно.

Сложно, но необходимо.

Когда фургоны приблизятся к месту назначения, будет крайне неразумно позволять желающим увидеть пускающих слюну, странно ковыляющих мужчин с пустым взором — учитывая, что под полотном каждого фургона скрывалось парящее тело созерцателя-нежити, которое должно было попасть в своё новое логово в доме Дардулкина.

Мэншун пытался не думать о том, что случится, когда они придут. Ему только что пришлось усыпить Сронтера, надеясь, что никто не явится и не начнёт стучать в двери закрытой лавки — да, алхимики обычно вели дела в любое время суток, но сейчас был самый тёмный и холодный час глубокой ночи — и разбудить далёкого Дардулкина, чтобы тот наложил скрывающую магию, прежде чем Мэншун отправит свою волю к далёким тиранам смерти, к одному за другим, и заставит их двигаться. Он сомневался, что даже самый густой морской туман сможет скрыть от слежки боевых магов что-то настолько заметное, как созерцатель размерами больше человека.

Первый фургон был всего в двух улицах от особняка, только что возникнув в поле зрения его последнего прорицательного ока, сотворить которое он заставил Дардулкина, прежде чем погрузить его в сон.

Фургон возник в поле зрения, но замедлил ход, когда из боковой улицы выехала телега золотаря, чтобы преградить ему путь.

Мэншун безмолвно проклял все фургоны с дерьмом и золотарей, которые ими управляли, напомнив себе, что он не может позволить себе сделать что-нибудь с этим препятствием...

Расшатанный старый фургон золотаря остановился ровно поперёк улицы, и по бокам от него возникли пешие люди. Их было слишком много для золотарей или горожан, выносящих ночные горшки.

Уже не говоря о том, что простые горожане не носили кольчуги и шлемы драконов, и их не сопровождали боевые маги, сжимающие в руках волшебные жезлы.

О нет. Нет нет нет *нет!*

Мэншун ударил сжатыми кулаками по подлокотникам кресла и пылающими глазами уставился в прорицательные сферы.

Обвинят по-прежнему Дардулкина, да, но они ведь обнаружат его тирана смерти.

По крайней мере, первого; он уже заставил остальных кучеров свернуть в сторону и направиться к докам, первому пункту назначения в длинном маршруте, который по отдельности приведёт их к задним дверям Сронтера.

Драконы выкрикнули двум фургонщикам резкие приказы. Остановиться — что те уже сделали — слезть с фургона и отойти в сторону. Солдаты уже взяли поводья передних лошадей в упряжке.

Мэншун подавил гнев, попытавшись не обращать внимание на сильную и возрастающую пульсацию боли в голове, вызвал нужное ему заклинание на поверхность своего разума, сотворил его, но крепко сжал, придерживая — «подвесил», как говорили встарь — и бросил свой разум от неожиданно споткнувшегося кучера к тому, что ожидало в тёмных глубинах фургона.

Боевой маг призвал яркий свет, резкий, белый, заполнивший всю округу, заставив лошадей зафыркать и забить копытами.

Драконы устало забрались на подножку фургона, откинули засов на его дверях и распахнули их, спрыгнув вниз. Затем другая пара драконов взобралась на подножку и откинула брезент.

Открывая свету его гниющий, зияющий провалом пасти, десятиглазый секрет — который сразу же перестал быть секретом.

— Она освободилась! — проревел позади них Мирт, пытаясь найти в лёгких достаточно воздуха, чтобы одновременно кричать и бежать. Он, конечно же, отставал. Ненамного опережавшие его Шторм, Рун и Арклет вылетели на Променад. Они устремились к освещённому фонарями и магическим светом участку у рухнувших дворцовых дверей, которые под бдительным надзором драконов осматривали плотники и кузнецы.

— Попробуем попасть во дворец или спрятаться за спинами как можно большего числа драконов, прежде чем останавливаться, — предупредила их Шторм, срывая потемневший шлем с головы Амарун и швыряя его за спину на мостовую. — Тарграэль хочет нашей крови.

— Вот это новость, — слабо пошутила Рун.

Оборачивайся, парень. Встанем и примем бой.

Голос в голове Арклета был твёрдым, но никакого принуждения вместе с ним не последовало. Арклет кивнул, как будто Эльминстер говорил вслух, и резко обернулся, взмахнув мечом.

— Мирт! — крикнул он. — Я прикрою! *Беги!*

Тарграэль неслась вниз по улице вслед за косолапым глубоководцем, с пугающей скоростью настигая его.

Беги к нему, парень, и приготовься бросать меч. Я должен прочесть заклинание, пока мы ещё можем.

— Мы? — фыркнул Арклет.

Да, ты и я. У нас будет время лишь на одно, прежде чем вокруг окажется слишком много народу из дворца. Быстрее!

Проглотив свой страх, лорд Делькасл подчинился голосу в голове, пробормотав:

— Лучше бы это сработало, иначе...

Иначе нам останется только преследовать друг друга в виде призраков. Да.

Покачав головой, Арклет побежал. Тяжело пыхтящий Мирт пронёсся мимо в противоположном направлении. Таграэль зловеще ухмылялась на дистанции с три фургона длиной, быстро приближаясь.

Остановись. Прямо сейчас. Попробуй успокоиться. Дай мне воспользоваться твоими руками.

— Да, хозяин, — саркастически отозвался Арклет, но послушался. Руки лорда зашевелились будто сами по себе, в глубинах разума поднялась тёплая тьма, которая не была Арклетом, и тело само бросилось вперёд с поднятым мечом.

Тарграэль ушла далеко в сторону, затем развернулась и рубанула сбоку, конечно же — но Эльминстер уже бросил добрый клинок Арклета на мостовую прямо ей под ноги. Меч зазвенел; она споткнулась; он шагнул вбок — и тогда, с грациозностью, которой Амарун могла бы позавидовать, если бы сейчас не была занята, выкрикивая его имя, пока Шторм тащила её к встревоженным драконам — он сотворил заклинание.

Его ловкие пальцы оставили след из точек света, сложившихся в быстрый, гудящий круг, слились воедино в пульсирующий свет, который вспыхнул конусом ярких солнечных лучей и ударил Тарграэль прямо в лицо.

Когда свет достиг её меча, клинок с пронзительным звоном взорвался, разлетевшись во все стороны смертоносными осколками. Один из них оцарапал Тарграэль лицо, а второй

пронзил её плечо.

Она завывала от злости и отшатнулась.

Хватай свой меч и проткни её насквозь. Не выпусти оружие из рук — она не упадёт и заметно не пострадает.

Арклет подчинился и едва не потерял меч, когда рыцарь смерти зарычала и закружилась, уходя от него в безумии боли, слепо ударив изогнутым обломком своего меча.

Теперь беги, парень. Не изображай героя. Прячься за драконов.

На этот раз Арклет был счастлив подчиниться, и вырвав обратно своё оружие, побежал к отряду солдат, большинство из которых с мечами наголо сурово смотрели на него.

Вниз по улице со стороны Восточных врат торопились подкрепления — новые солдаты, но не свежие. Новоприбывшие казались измученными, грязными с дороги, и доспехи у них были куда менее величественные, чем у дворцовых стражников. Некоторые из них оказались позади Арклета, встав между ним и рычащей, трясущейся Тарграэль.

Впереди Арклет увидел, как Рун взволнованно выглядывает из-за плеча Шторм, высматривая его. Ответив ей успокаивающей улыбкой и заметив Мирта, спорящего с драконом, который схватил глубоководца за плечо, он увидел человека, чьё жёсткое лицо было ему знакомо. Шторм как раз приветствовала его:

— И снова здравствуйте, сэр Старбридж. Опять хотите посмотреть на мою грудь?

— Ты заставила нас проделать весёленькое путешествие обратно из Долины Теней, — заревел он. — Мы только что прошли последний участок, от Шутовского луга. Что здесь происходит? Что ты на сей раз задумала?

— Пытаюсь не оказаться зарезанной на улице, — ответила Шторм — за мгновение до того, как боевая волшебница Глатра Баркантл высунула голову из бреши, где когда-то была дверь, увидела Шторм и остальных и рявкнула:

— *Вы!* Арестовать этих людей! Её, и её, и толстяка, и лорда Делькасла!

Мирт стряхнул с себя дракона, с которым спорил, как будто тот был соломенным чучелом, и проревел:

— *Толстяка?* Ты кого назвала толстяком, зубастая?

Что бы ни собиралась ответить Глатра, глаза которой пылали яростным огнём, ответ потерялся — у неё внезапно отвисла челюсть от удивления, когда дальше по Променаду взлетел в воздух пурпурный дракон, чтобы упасть в гущу своих товарищей, и другой человек закричал от боли.

Туда повернулись головы, устремились взгляды — и другие пурпурные драконы начали разлетаться по сторонам, разбрызгивая кровь.

Леди Тарграэль снова оказалась на ногах и размахивала двумя мечами, владельцам которых они были уже не нужны. Сейчас она *по-настоящему* разозлилась и проходила через любого, кто вставал у неё на пути.

Глава 24

Битвы снаружи и внутри

— Один? Противник только один? — недоверчиво переспросил угрюмый лионар. — Ну так почему же вы до сих пор с ней не покончили? Во имя Неистового Дракона, что...

Он умолк на полуслове, увидев, как мимо пролетает отрубленная голова, чтобы отскочить от наплечника ближайшего меч-капитана, окропив того кровью. Голова упала под ноги и потерялась из виду. На ней был шлем пурпурного дракона.

— Сабруин! — недоверчиво выдохнул он. — Что это за...

Упал новый дракон, и его убийца пронеслась по рухнувшему телу, мечами в обеих руках атакуя сгрудившихся вокруг неё солдат, отчаянно пытающихся зарубить противницу.

Лионар снова недоверчиво вытаращился на происходящее. Она казалась *мёртвой*, эта одинокая женщина, прорубившая себе путь через дворцовых стражников, которые должны были с лёгкостью справиться с тысячью женщин.

— Сэр Эскрель Старбридж, — услышал лионар резкий голос леди Глатры у себя за спиной, — слушайте меня. Вы и двое ваших рыцарей. Прикажите остальным арестовать и бросить в темницу четырёх персон, которых я назову, в наши подземелья, и подавить эти беспорядки. Ваши люди могут воспользоваться помощью всех присутствующих боевых магов — похоже, неизвестный нападающий обладает сильной магической защитой. У меня сейчас есть дела куда более важные, чем уличная резня. Наши необыкновенно преданные дворяне собирают по всему городу вооружённых людей, и в происходящем может быть замешан Ларак Дардулкин.

— Что *ещё* здесь случилось, пока я охотился за фальшивым Эльминстером? — спросил Старбридж.

— Потом, старший рыцарь, — резко отозвалась Глатра. — *Потом*.

* * *

Сжав губы в тугую яростную линию, Мэншун прошипел короткую формулу и откинулся на спинку кресла, чтобы наблюдать за происходящим в мерцании его прорицающих сфер.

Взрыв был внезапным и сильным. Он уничтожил фургон и всех поблизости. Зная, что произойдёт, будущий император Кормира затемнил эту конкретную сферу почти до черноты, чтобы его не ослепило; как только вспышка миновала свой пик, он вернул яркость, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как в дальнем конце улицы фургон с навозом вместе со своим содержимым тонким влажным слоем разлетелся по стенам зданий.

Его собственного фургона, глазного тирана внутри, лошадей, пурпурных драконов и боевых магов — если ему повезло, последних, кто хоть краем глаза мог увидеть груз в фургоне — не осталось и следа.

За исключением оросившего улицу красного тумана в воздухе, не говоря уже о широкой, но неглубокой яме, которая возникла на месте стёртой мостовой там, где стоял фургон.

Мэншун смотрел, как с неба лёгким дождём сыпятся осколки стекла, выискивая любое движение, которое могло выдать выжившего воина или мага Короны, сумевшего каким-то образом защититься.

Ничего. Он не отводил взгляд — дольше, чем раненый человек смог бы задерживать дыхание. По-прежнему ничего.

Он справился. Сохранил свою тайну, и сделал это достаточно далеко от особняка, чтобы Дардулкина нельзя было обвинить сразу же.

Но за Кормиром остался должок. Дюжина магов, где-то вдвое больше драконов...

Лесное Королевство осталось должно ему как минимум четверых старших боевых магов. Созерцатели нынче недёшевы.

Выдохнув — он сам не заметил, как задержал дыхание — будущий император Кормира и остальных королевств в последний раз окинул взором залитую кровью улицу, решив, что сейчас самое время проверить два других фургона, и...

Он что-то заметил краем глаза в другой мерцающей сфере. Скорее даже, много чего-то: пурпурные драконы, на обнажённых мечах которых отражался свет уличных фонарей Сюзейльской улицы, а также яркий и ровный волшебный свет, в котором можно было разглядеть знакомый фасад дворца позади.

Они сбегались к одинокой сражающейся фигуре, мечи поднимались и падали, поднимались и падали...

Тарграэль!

На улице перед дворцом, сражается с доброй третью бодрствующих в этот час в Сюзейле солдат Короны.

Мэншун следил за битвой ещё мгновение, заметив боевых магов, дыру в дворцовой стене там, где должна находиться дверь, и... неужели это Амарун Белая Волна? *Эльминстер?*

Он вскочил с кресла, бросился бежать, направляясь к другому своему созерцателю.

Живой тиран в расцвете своей мощи должен подойти для хорошей битвы. Но в этот раз в первую очередь он убедится в гибели своего врага.

* * *

Нет, парень, никакого больше героизма. Пока нет.

— Но когда, Старый Маг? — крикнул Арклет, увидев как суровые старшие рыцари прокладывают себе путь через толпу драконов к нему. — Через миг-другой они схватят Рун!

В этой неразберихе вряд ли. Направляйся вверх по улице к Восточным вратам, затем поверни ко дворцу. Не беги, или драконы тебя заметят. Быстро и целеустремлённо — шагай как леонар или орнрион. Вот так, да.

Арклет держал меч низко, но был готов к бою, глядя на солдат сверху вниз, вместо того, чтобы предлагать им битву, и таким способом проходил всё дальше и дальше.

На их шлемах и лицах отразилась вспышка света сзади, за его левым плечом.

Затем другая, сопровождавшаяся криками гнева и боли.

Арклет рискнул оглянуться. Маги Короны попробовали сразить Тарграэль заклинаниями, но не смогли попасть в сражавшуюся в гуще пурпурных драконов женщину. За это пришлось заплатить солдатам, и они были очень недовольны. Их товарищи вокруг тоже разозлились.

Арклет едва успел вздохнуть и сделать ещё шаг, прежде чем увидел кое-что, что в один сокрушительный миг заставило его задохнуться и застыть на месте.

Из ночного мрака над высокими зданиями со по другую сторону Променада выскользнуло нечто величиной с карету.

Нечто сферическое, с крупной клыкастой челюстью, увенчанной единственным злобным глазом размером с небольшой стол. Вокруг сферы извивались десять длинных и гибких стеблей, несущих нимб из десяти мерцающих глаз, все из которых глядели на одетых в доспехи людей на улице.

Из этих глаз выстрелили магические лучи рубинового и коричневого, мертвенно-белого и ядовитого жёлто-зелёного цвета.

И драконы погибли. Те, что выжили, закричали, попытались убежать, скорчились от безумной боли, или сошли с ума, бросившись на товарищей, ударяя и нечленораздельно вопя в бессловесном отчаянии.

За исключением небольшой группы солдат, сражавшихся с рыцарем смерти. Созерцатель пролетел над ними, спеша добраться до кормирцев у дверного проёма.

В своей жадной, злорадной, яростной спешке добраться до Рун.

* * *

Под самыми глупыми заклинаниями из брошенных магами Короны раскололась улица. Взрыв сбил драконов с ног и заставил остальных шататься и приседать в попытках удержать равновесие.

В самом сердце безумия, вонзив один меч в глотку меч-капитана, с силой рубанув вторым отчаянно парировавшего солдата, Таграэль злобно оскалилась и продолжила убивать, ни на мгновение не замедляя своего бесконечного танца нырков, ударов, защиты и разворотов, предназначенных, чтобы убивать или отбрасывать в сторону неизбежных умных дураков, пытающихся напасть на неё сзади.

Краем глаза она заметила что-то высоко в небе за правым плечом.

Она рискнула бросить туда короткий взгляд, развернувшись в ту сторону, воспользовавшись преимуществом отголосков последнего заклинания, чтобы порезать лица людей, всё ещё пытавшихся удержать равновесие. Человек с рассечённым лбом — плохой боец, а ей нужно было как можно больше плохих бойцов вокруг — чтобы её не смогли одолеть просто числом и весом, навалиться толпой и разрубить на части.

Она убивала и убивала, задумавшись, сколько времени потребуется офицеру драконов, чтобы собрать остатки разума и додуматься до этой стратегии. Леди Тарграэль рискнула бросить второй взгляд на замеченное мгновением ранее движение и свет на тёмном фасаде одного из высоких зданий, возвышавшихся на Променаде напротив дворца.

В окнах были отдернуты занавески, открывая слабый свет и тёмные комнаты внутри одного из дорогих клубов на верхнем этаже. Там столпились жадно глазающие на драку люди.

Ну что ж. Похоже, что даже пьяные, тупоголовые дворяне способны обратить внимание на крики, звон мечей и взрывы опрометчивых заклинаний, если подобный шум будет продолжаться достаточно долго. Наверняка они считали эту битву прекрасным и волнительным развлечением, и делали ставки на то, кто выйдет победителем, как скоро и кроваво всё закончится...

Затем на улице вокруг неё раздались крики, и зеваки в окнах начали пятиться.

По их реакции Тарграэль поняла, что причина должна быть наверху, приближается позади неё, но она не осмелилась осматриваться дальше, поскольку с трёх сторон к её лицу и горлу устремились мечи драконов.

Когда она закончила прорубать себе путь прочь от этого злого рока, глазной тиран уже пролетел у неё над головой и сеял смерть драконам вокруг.

Может быть, это Мэншун? В мире были и другие глазные тираны, и даже люди, которые умели ими управлять, но...

Посмотрев наверх, Тарграэль узнала ответ на свой вопрос.

На крыше полного клуба вопящих, убегających дворян присела тёмная фигура, подавшись вперёд и пристально вглядываясь в толпу кормирцев.

Талан. Да, тиран почти наверняка был Мэншуном, а это была одна из его послушных ментальных рабынь.

Как когда-то была и никогда не стану снова я, пообещала она себе.

Тарграэль рассекла горло последнего дракона и резко развернулась, бросившись к клубу. Сзади должны быть ступени, и ей всё равно нужно убираться с открытой улицы, где ручной созерцатель Мэншуна может с лёгкостью ударить её своей магией.

— Талан, я иду за тобой, — нежно, как любовник, прошептала Тарграэль, ускоряя бег.

Позади неё диким громом простучали шаги бросившихся в погоню драконов, вынудив Тарграэль громко рассмеяться.

* * *

Мирт пытался отдышаться, выбрасывая во всех направлениях кулаки и один из своих кинжалов, пока мрачнолицые драконы тыкали в него мечами, копьями или просто собой.

До сих пор он побеждал, если «побеждал» означало «оставался в живых, на ногах, и без слишком большого числа дырок в шкуре». Да помогут мне Тимора и Темпус!

Да, они оба. Мне понадобится их и не только их помощь — из дверного проёма в дворцовой стене выбегали новые и новые боевые маги и солдаты. Наверняка посланные Глатрой или призванные на помощь товарищами, и торопящиеся присоединиться к веселью.

Подрагаться со стларновым *созерцателем* — это вам не фунт изюму!

Та рыцарь смерти тоже была здесь, как мясник в торговый день прокладывая себе путь через небольшую армию драконов, пытаясь добраться к нему. Ох, и конечно же к Элу и Шторм, но именно он и его позаимствованное сокровище Обарскиров совсем недавно сковали её, и насколько он знал разъярённых женщин...

Кстати о разъярённых женщинах...

— Это один из них, — проревел глубоким голосом дракон, указывая на Мирта. — Схватить его и бросить в темницу, по приказу леди Глатры! Не убивать его!

— Ой, как мило, — пропыхтел Мирт, отшвырнув кулаком меч и толкнув человека, который им взмахнул, на соседа, чтобы они оба рухнули со звоном столкнувшихся доспешных пластин. — Оставьте меня в живых для выжимки разума, а? *Милое* маленькое королевство тут у вас, тупые варваоооо!

Меч-капитан прыгнул на Мирта сзади и обрушил оба локтя ему на затылок. Одновременно с ним ухмыляющийся дракон безжалостно ударил тупым концом копья сквозь пальцы Мирта ему в горло.

Захрипев, Мирт рухнул.

И сразу же его завалило дюжиной твёрдых, тяжёлых и вообще не особо нежных верных воинов Кормира. Два из которых стали очень тяжёлыми, когда бесцветный луч созерцателя прокатился по Променад, оставляя за собой обращённых в камень людей.

Рыча чудовищные проклятия, остальные драконы грубо вытащили Мирта из-под окаменелых товарищей и бросились к зияющему дверному проёму с такой безумной спешкой, что Мирт не успел ни вздохнуть, ни даже опустить сапог на мостовую, прежде чем очутился внутри — его тянули по тёмным коридорам задыхающиеся, нескладно ругающиеся кормирцы.

Он позволил им затащить себя за первый поворот, прежде чем ударить одного локтем в ухо, оттолкнуться от него, чтобы врезаться в солдата с другого бока и впечатать его в стену хорошим, твёрдым, ломающим рёбра ударом, и воспользоваться тем, что его крепко держали за руки, чтобы оттолкнуться от пола ногами и триумфально ударить ими повернувшегося усмирить его дракона — и вырваться из хватки.

Он был не настолько глуп, чтобы пытаться прорваться через них обратно на улицу. Только не тогда, когда под рукой оказался удобный столик, который можно было схватить, чтобы ударить по голове первого преследователя, затем пихнуть под ноги тем, кто бежал следом, и сбить их на пол, бросив стонать среди колючих щепок.

За мгновение до того, как смертоносный белый луч созерцателя ударил во дворец откуда-то снаружи — и дверной проём в один молниеносный миг превратился в огромную дыру в дворцовой стене, захватившую пол каменной палаты на втором этаже и тела по меньшей мере трёх бежавших за ним драконов.

Четвёртый солдат, который только собирался опустить свои волосатые руки на плечи Мирта, чтобы опрокинуть беглеца, завопил, когда одна из его ног исчезла под этим лучом, оставив хлещущий кровью обрубок — и упал.

Выкрикивая от страха невообразимые ругательства и продолжая бежать со всей прытью, на которую только был способен, Мирт из Глубоководья бросился глубже во дворец.

* * *

— Рассеяться! — кричал боевой маг высоким от страха и волнения голосом. — Рассеяться так, чтобы он не мог всех легко задеть! Быстрее!

Сейчас. Голос Эльминстера был жёстким и требовательным. *Найди Шторм. Иди внутрь, скажи им, что ты сдаёшься, веди себя так, будто созерцатель так тебя напугал, что ты предпочёл сдаться, сунь меч в ножны и найди Шторм, чтобы подержаться за неё — как можно быстрее.*

Арклет бросил меч в ножны и поспешил ко дворцу, опустив голову, когда шагнул к драконам.

— Простите, не могу остановиться. Я занят своей сдачей, — сказал он владельцу схватившей его руки и поспешил дальше.

— Ладно, я продемонстрирую всю свою храбрость, если ты так настаиваешь, — пошутил он вслух, обращаясь к тяжёлому присутствию в своей голове, — но среди воспитанных людей те, кто спешат подержаться за девушек, платят за эту привилегию — в заведениях, которые подобное поведение позволяют.

О? И с каких это пор кормирские дворяне стали воспитанными людьми?

Арклет громко засмеялся и поймал взгляд «Да ты чокнулся!» дракона прямо перед собой.

В ответ, когда созерцатель над ними развернулся и выпустил новые лучи, и люди закричали, разбегаясь, он показал свои пустые руки и торопливо проговорил:

— Я сдаюсь, и разговариваю с помощью магии со своим другом, боевым магом, который прямо сейчас с королём — и который указывает мне, куда идти.

Дракон бросил на него ещё один странный взгляд и сбежал. За полсекунды до того, как солдаты позади него и хороший кусок дворцовой стены позади них исчезли во вспышке магии глазного тирана, превратив пустующий дверной проём в зияющую дыру.

Оставив Шторм и Арклета глазеть друг на друга через внезапно опустевшую улицу с разрушениями с одного боку и бегущими в панике пурпурными драконами и боевыми магами с другого.

Беги!

Ментальный крик Эльминстера был почти оглушительным, и Арклет опустил голову, вытянул руки и действительно побежал, угодив в объятия Шторм, когда несколько задыхающихся мгновений спустя она поймала его, чтобы не позволить юноше врезаться в дворцовую стену.

Как только Шторм схватила его, Арклет почувствовал, будто у него в голове вспыхнул великий сияющий очаг света и тепла.

Его разум дрогнул, и его твёрдо заставили восстановить дыхание и равновесие, как можно быстрее, одной рукой опереться о нерушимый камень дворцовой стены, пока Эльминстер и Шторм общались в сверкающем танце мыслей столь быстрых, что Нежный цветок дома Делькаслов не успевал за ними следить.

Спустя миг он начал разворачиваться прочь от дворца, чтобы взглянуть вверх в ночь, где крутился и взлетал глазной тиран, пытаясь разом охватить большее количество кормирцев, готовый снова швырять свою магию и навсегда лишит королевство как можно большего числа солдат и магов Короны — Эльминстер взял управление на себя.

Чтобы сотворить быстрое, ловкое и незнакомое заклинание, которое копьём ударило вверх, попало в созерцателя и вцепилось в его истинную форму хваткой чудовищного принуждения. Магия окутала парящий ужас трескучими синими и серебряными огнями.

Плетение могло порваться, Эльминстер и Шторм могли перестать быть Избранными самой могущественной богини Королевств, но они знали, как подчинять гордых волшебников, которые росли, молясь Мистре.

Бегающие огни вокруг корчащегося созерцателя вспыхнули коротким серебряно-синим солнцем в небесах над Променадом.

Глазной тиран замигал и на мгновение стал человеком, человеком, падающим вниз. Затем он снова оказался созерцателем, содрогающимся и корчащимся, громко стонущим. Чудовище проревело: «Я Ксарландралат, потомство Ксорлугры — и раб проклятого Мэншуна! Освободи меня! Освободи меня от этого!»

Затем солнце угасло, швырнув созерцателя кувыркаться и крутиться высоко в воздух.

Арклет слышал изумлённый вздох, и сильные руки с длинными пальцами, державшие его, напряглись — а затем упали.

Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Шторм падает лицом на мостовую, рухнув на улицу безвольной мокрой тряпкой.

Боль взорвалась у него в голове. Боль Эльминстера.

Отшатнувшись к стене, чтобы опереться, и спотыкаясь, пройдя вдоль неё, Арклет услышал, как волшебник, мысленный голос которого в глубоких безднах его разума казался тихим и далёким, слабо сказал: *Со Шторм покончено, со Шторм покончено унеси внутрь...*

Он нагнулся, чтобы поднять её, или попытался, потерял равновесие и вынужден был сделать несколько неверных и быстрых шагов, чтобы не упасть. Эти шаги снова привели его на улицу.

Где лорд дома Делькасл увидел, как с небес снова опускается созерцатель с убийственным взглядом, похоже, вернувшийся под контроль Мэншуна.

Позади него с таким же убийственным взглядом Тарграэль перестала пытаться попасть в одно из зданий и безумно размахивая мечом в обеих руках неслась обратно через улицу. Убийственным взглядом, устремлённым на созерцателя.

Но на угрожающе покачивающегося созерцателя нацелено было куда больше взглядов. Все до последнего боевые маги на улице встали в стойку и читали заклинание. Драконы торопливо подались назад, чтобы дать волшебникам место.

— Сейчас! — крикнул длиннородый боевой маг.

И завизжал сам воздух, когда полсотни заклинаний пронзили его, чтобы сойтись на наступающем созерцателе.

Вспышка была ослепительно, оглушающей, и от неё Арклету захотелось упасть.

Так он и поступил.

Глава 25

Спасение и пленение

Королевский дворец, Променад и ряд зданий по другую сторону самой широкой улицы Сюзейла содрогнулись и задрожали все разом. Каменный карниз отломился от стены и рухнул на мостовую, разлетевшись на части. Во все стороны полетели кувыркающиеся обломки.

Едва ли кто-то обратил внимание. Падающие, подскакивающие на дрожащих камнях среди клубящейся пыли люди смотрели вверх, на созерцателя. Глазной тиран оказался в ревушем сердце более двух дюжин бушующих заклинаний. Они рвали и били, обжигали и хлестали, и в конце концов подбросили в небо вопящую, рассыпающую клыки, сломавшую челюсть беспомощную сферу, вырвав ей глазные стебли, посыпавшиеся на землю дождём мокрых ошмётков.

Умиравший, разорванный на части и расплёскивающий внутренности ливнем фиолетового мяса созерцатель, который, как только что узнала Талан, был Мэншун, замедлил полёт, достигнув зенита, и начал падать обратно.

Растерзанный, дрейфующий в воздухе, слишком пострадавший, чтобы кого-то атаковать, созерцатель покачнулся, пытаясь замедлить своё падение. Его центральный глаз глядел в никуда и начал блекнуть. Кормирцы наблюдали, не осмеливаясь пока радоваться победе.

Тарграэль не останавливалась, следуя за созерцателем, не отрывая от него пристального взгляда, высматривая любой признак того, что Мэншун читает какое-то последнее заклинание.

Созерцателя повело в падении вбок, прочь от дворца... к остальной части города. В сторону крыши, где затаилась Талан.

Тарграэль ни на мгновение не позволила своему взгляду оторваться от искаленного чудовища. Рухнет ли он на крышу клуба и разобьётся там, рядом со своей подлой маленькой ментальной рабыней?

Было похоже на... нет... нет. Чудовище увело в сторону достаточно сильно, чтобы пролететь мимо, чтобы рухнуть влажной грудой на улицу за клубом или врезаться в фасады лавок и балконы следующего здания напротив.

Затем внимательность Тарграэль была вознаграждена.

Она заметила практически неуловимую вспышку между созерцателем и тёмной фигурой на краю крыши. Мэншун нырнул в разум своей Талан.

Талан, которая днём была леди Делейрой Трусильвер, обительницей особняка, который не мог спрятать или передвинуть даже основатель Зентарима.

Тарграэль начисто забыла о падающем созерцателе. Её новой целью была Талан.

Она бросилась бежать. Драконы тоже бежали, и некоторые даже устремили взгляды на неё, поднимая мечи, но она не обратила на них внимания, всё ускоряя бег и направляясь к улице с другой стороны этого клуба, пытаясь обойти крышу сзади.

Она успела увидеть, как Талан высоко наверху сделала опасный прыжок на крышу соседнего здания.

— Ты! — закричал позади человек, совсем рядом. — Опустит оружие или умрешь!

Тарграэль закатила глаза. Неужели *тупоголовые* драконы никогда не сдаются?

Не прекращая бежать, она оглянулась. Проклятье! У него были друзья, около дюжины, и среди них был боевой маг. И не похоже, чтобы он был испуган или задыхался от бега. Он доставал свой тлуинов *жезл*!

Она миновала клуб и побежала вдоль стены второго здания, зная, что Талан, скорее всего, уже оказалась в нескольких зданиях от неё, перепрыгивая с крыши на крышу и обладая широким выбором путей вниз на улицу — и даже под улицу.

По переулкам к ней бежали новые драконы, стремительно сокращая расстояние.

— Проклятье! — воскликнула она. — Довольно! Я отправлюсь в дом Трусильверов, чтобы выследить Талан, но сначала мне всё равно нужен тот камень из тайника королевы Эленду. Если я захвачу его разум, он не сможет использовать на мне свою магию!

На добрых шесть шагов опережая пурпурного дракона, который продолжал требовать сложить оружие и грозил неминуемой гибелью, она свернула за знакомый угол и оказалась перед деревянным люком, который помнила. Она подхватила крышку люка и даже не оглядываясь швырнула её за спину в лицо преследователя, и не глядя бросилась ногами вперёд вниз в открывшуюся шахту.

Она успела проделать дюжину шагов по зловонному канализационному тоннелю, достаточно большому для высокой воительницы, направляясь во дворец по одному из самых удобных путей, прежде чем дракон, лицо которого она только что разбила брошенным люком, сделал последний, захлёбывающийся вздох и умер.

* * *

Мирт сменил свой бег по дворцу на быструю спотыкающуюся походку и достаточно восстановил дыхание, чтобы прореветь:

— Помогите! Эй! Спасите! Нападение созерцателя! Драконы и боевые маги окружены! Дворец пробит! Нужна помощь!

Куда подевались все пажи и стражники? Обычно проклятые гады были повсюду, как мухи на свежем дерьме, вечно преграждали тебе путь с вежливой гримасой, и...

Он подошёл к освещённому лампами перекрёстку, где должен был находиться пункт стражи, но здесь тоже никого не было. Ну что ж, может быть, они все уже на улице и заняты тем, что гибнут...

На стене у фонаря висел старый щит с отслаивающейся краской, изображавшей когда-то без сомнения известный герб. Вероятно, это была драгоценная реликвия, принадлежавшая какому-то древнему Обарскиру, увековеченному в песнях герою.

Ну что ж, реликвия, настало время снова спасти Кормир. Перехватив свои кинжалы за лезвие, Мирт забарабанил по щиту, избивая его, как гонг, пока тот не начал ритмично биться о стену, поднимая невообразимый грохот.

Мирт услышал, как в шести или семи комнатах отсюда эхо заставляет греметь различные далёкие и невидимые металлические предметы. Ухмыльнувшись, Мирт заколотил по щиту ещё сильнее. Вокруг начала оседать пылью краска.

Распахнулась дверь, и из неё вывалился мужчина с искажённым от гнева лицом.

Боевой маг.

Разумеется.

Увидев Мирта, он угрожающе взмахнул руками и рявкнул:

— Прекрати это! Сумасшедший! Старый болван! Люди спать пытаются!

Мирт продолжил барабанить, но одной рукой указал в ту сторону, откуда пришёл, потом взмахнул кинжалом.

Маг Короны не впечатлился.

— Нападение! Тьфу!

Вытащив жезл, он подошёл к Мирту, принял драматичную позу, готовясь испепелить это шумное неудобство — и рухнул на пол без чувств, получив удар по затылку.

Мирт с любопытством посмотрел вниз на мага, затем отпрянул. То, что его вырубил, казалось похожим на клочок чего-то тёмного — отчасти призрак, отчасти паук. Оно разжало свои длинные лапы — которые начинали казаться похожими на человеческие пальцы — отпуская плитку с потолка, верхом на которой свалилось на мага. Как паук, оно побежало в сторону Мирта, который сдержал желание раздавить существо обоими сапогами.

Теперь призрак выглядел скорее как лицо старика, а волочившееся следом за ним облако напоминало бороду. Под бородой у лица росли определённо человеческие пальцы, скорее даже рука... но на этих пальцах лицо бежало по полу.

Да, по полу; оно спустилось с бесчувственного волшебника и направилось к Мирту. Тот посвятил себя осторожному отступлению.

— Мирт из Глубоководья, — сухо поприветствовало его паукообразное создание. — Здравствуй. Вангердагаст, королевский маг Кормира, к твоим услугам. Продолжай барабанить в этот щит.

Мирт поклонился, кивнул, и с энтузиазмом продолжил бить по щиту.

Когда в дело вступило эхо, звон стал чудовищным, почти оглушительным, и вскоре из-за угла показался некто на вид одновременно сонный и злой, и устремился по коридору к Мирту.

Пристально разглядывая второго прибывшего на предмет жезла или произносимого заклинания, Мирт едва заметил, что паукообразное создание обогнуло его кругом, спрятавшись за сапогами от приближающегося царедворца.

Тот закричал:

— Прекратить шум! Кто ты такой и чего тебе надо! Я — младший сенешаль Корлет Фентабль!

Мужчина назвал своё имя так, будто ожидал, что оно произведёт на Мирта впечатление, поэтому Мирт пожал плечами и улыбнулся.

— Я Мирт, и я барабаню в этот щит, чтобы известить весь дворец о том, что снаружи на улице созерцатель сжигает драконов и боевых магов — и даже прожёт большую дыру в стене дворца. Здравствуй.

— О? — похоже, это заявление не произвело на Фентабля впечатления. — Подожди здесь. Я вернусь с соответствующими подчинёнными.

Повернувшись кругом, он отправился тем же путём, которым пришёл.

— Он собирается позвать драконов, чтобы вернуться и арестовать тебя, — тихо сказал Вангердагаст из-за сапогов Мирта. — Беги следом и выруби его.

Мирт улыбнулся. Кажется, это был лучший совет, что ему приходилось слышать за долгое время. Втянув воздух, который требовался ему для быстрого рывка по коридору, он взвесил кинжалы в руках, рукоятками вперёд — и поступил так, как ему сказали.

Когда он посмотрел на Вангердагаста над распростёртым телом сенешаля, один из паучьих пальцев согнулся, подзывая его обратно.

Мирт наклонился, сгрёб в кулак кусок рубахи Фентабля, и бросил вопросительный взгляд на королевского мага.

Ванги кивнул, и Мирт потащил сенешаля обратно к щиту.

— Этот человек — предатель Короны, — объяснил королевский маг. — Я пока не знаю, на кого именно он работает и чего добивается — и прямо сейчас у нас нет времени, чтобы выбить эти ответы. А королевству нужны ответы, а не вопли и беготня во время всех этих невзгод. Поэтому мне нужно, чтобы ты отнёс его в королевский склеп.

Мирт пожал плечами.

— Ладно — до тех пор, пока стражники не попытаются похоронить там и меня.

— Хорошо. Не шевелись.

Человекоголовое паукосоздание стало карабкаться по ноге Мирта.

— Я поеду на твоём плече и буду указывать дорогу. Склеп должны охранять только защитные заклинания, а о них я позабочусь. У нас там есть пустые гробы, и любой, кого в них положат, погружается в магический стазис. Мне в голову приходят сразу несколько персон в этом королевстве, которых я хотел бы туда поместить, пока не буду готов с ними разобраться, но этот негодяй будет первым.

Мирт засмеялся.

— Веди меня.

— Пойдём по этому коридору, чтобы свернуть вон там. Видишь квадратный камень на полу? Ударь его сапогом. Другой камень, прямо перед тобой, должен чуть-чуть отойти. С силой надави на него, и откроется потайная дверь.

— Всё лучше и лучше. Поблизости случайно нет никаких сокровищ, по которым не будут скучать?

— Нет, — сухо сказал Ванги. — Но, говорят, королевский маг обычно награждает тех, кто хорошо послужил Кормиру.

Мирт последовал его указаниям, и перед ним на удивление тихо отворилась дверь. Он потащил тело Фентабля через неё и дальше. Дверь закрылась сразу же, как только волочащиеся сапоги сенешаля пересекли порог.

Пару мгновений спустя, когда в непроглядном мраке Мирт уже открыл было рот, чтобы спросить паукообразное существо на плече, куда идти, он услышал шум с другой стороны стены.

Множество людей в сапогах повернули за только что покинутый им угол, и среди них была по меньшей мере одна женщина. Их выдавал голос Глатры, который нельзя было ни с чем спутать. Голос давал понять всем в поле слышимости, что она просто взбесилась, и кто-то должен за это заплатить; и что она хочет знать, кто осмелился разбудить эту часть дворца, и что она хорошенько постучит по его гонгу.

Мирт и Вангердагаст оба были хитрыми старыми ветеранами, так что они выждали, пока звуки не утихнут вдаль, прежде чем засмеяться. В унисон.

* * *

Поздней ночью Королевский лес был холодным местом, окутанным ледяными клочьями тумана и пронизанным зловещими звуками.

Один из этих звуков раздавался из пологой лощины недалеко от Пути Дракона. Это был

глубокий, громкий храп уставшего молодого кормирского лорда.

Подложив под голову плащ телохранителя, Марлин Грозозмей, лежавший на двух других плащах и укрывшийся своим, глубоко погрузился в сон, пока дрожавшие от холода телохранители стояли над ним мрачной стражей.

— Того, что он нам платит, за такое и близко недостаточно, — уже не в первый раз хрипло прошептал один из них.

— Заткнись, — ещё резче прежнего раздался знакомый ответ.

— Слышали? — выхватив меч, прошипел третий громила. — Что-то приближается — там!

Краем глаза они заметили далёкий синий огонь между деревьями, и в страхе торопливо принялись будить лорда, тряся его и пихая сапогами.

Призраки синего пламени их господина возвращались, и эти проклятые существа, шагнувшие за грань смерти, подчинялись лишь ему.

Марлин проснулся в таком же страхе, как и они, промокнув от пота и ругаясь, и ему пришлось быстро вскочить на ноги, чтобы приготовить Клинок и Чашу. Два пылающих убийцы подобрались к нему. Они тащили за собой мохнатую массу крупнее их двоих вместе взятых. Масса оставляла широкий, мокрый след крови на листьях и опавших ветках. Это заставило телохранителей помрачнеть ещё сильнее и сдвинуться, пока они не встали плечом к плечу с мечами наголо.

— Что такое? — без энтузиазма спросил Грозозмей.

— Ты приказал нам добыть дичи. Смотри. Это медведь — всё остальное в лесу сбежало от нас.

Трое телохранителей обменялись молчаливыми взглядами, затем все вместе сказали:

— Неудивительно.

Грозозмей просто кивнул, поднял Чашу и Клинок, и направил свою волю на призраков. Призраки подались вперёд, будто в воинственном вызове, но ничего не сказали.

В зловещей тишине лорд напрягся, задрожал и побледнел... и медленно, очень медленно, окутанные холодным синим пламенем мужчины растворились, их последние огоньки поднялись с двух предметов, которые сжимал юноша.

Грозозмей сделал глубокий вдох, позволил рукам упасть, затем повернулся и рывкнул на троих телохранителей:

— Разделайте этого медведя, разведите костёр, и начинайте готовить. Разбудите меня, когда будет готово.

Прижав Чашу и Клинок к груди, как будто он был жрецом, несущим ночное бдение на алтаре, он опустил на плащи и закрыл глаза.

Ворчавшие телохранители начали выполнять его приказы. Когда они опустились перед медведем со своими кинжалами и начали резать, взгляды, бросаемые ими на господина, были почти такими же злобными, как взгляды призраков несколькими мгновениями ранее.

* * *

— Весёлое местечко, — прокомментировал Мирт, глядя, как приближение Вангердагаста к двойным дверям заставляет проявиться зловещие символы. Предупреждение дуракам и грабителям могил.

Что ж, в своё время он побывал и тем и другим, и, вероятно, станет снова...

Он посмотрел на Фентабля. После того, как его протащили по двум лестничным пролётам и по стольким коридорам, что Мирт даже не стал трудиться их считать, сенешаль выглядел немного похуже.

Двери со скрипом распахнулись, и Вангердагаст сказал:

— Спасибо, что отвёл взгляд. Я вижу, у Глубоководья достойные лорды.

Мирт сумел подавить фырканье, которым обычно встречал подобные сантименты, и увидел, как в пустом воздухе зажигается бледное свечение, когда похожий на паука королевский маг осторожно углубился в большую, тёмную палату.

— Здесь... бывают проблемы? — осторожно спросил Мирт, не двигаясь с места.

— С тех пор, как я в последний раз был здесь, потревожены слишком много гробов. Знаю, что с первого взгляда и не скажешь, но можешь мне поверить. Оставь сенешаля и входи. Мне потребуется твоя помощь с крышками.

— А мне потребуется твоя помощь в развоплощении нежити, когда она выпрыгнет и попытается прищучить меня, — многозначительно ответил Мирт.

— Ты её получишь, — раздался сухой ответ.

Мирт закатил глаза и двинулся вперёд.

— Который из них первым?

В седьмом открытом Миртом гробу лежал неподвижный, не пострадавший на первый взгляд мужчина. Он находился в самом сердце слабо звенящего магического свечения, заполняющего его каменное прибежище.

— Не трогай, — предупредил Вангердагаст.

— Не бойся, — отозвался Мирт. — Я просто ищу ловушки.

— Он пойман в одну. Стазисную ловушку, — фыркнул королевский маг, карабкаясь на вершину погребальной колесницы поблизости, чтобы взглянуть вниз в открытый гроб.

— Это лорд печатей, Вэйнренс, — добавил он удовлетворённым голосом, когда увидел неподвижное тело в гробу. — Оставь его. Надеюсь, что в одном из трёх оставшихся потревоженных гробов лежит Ганрахаст. Это последнее место во дворце, которое я ещё не проверил в их поисках.

В следующем гробу лежал королевский маг в таком же звенящем, слабо пульсирующем стазисе.

— Мы не посмеём тревожить их без старшего боевого мага под рукой тот на случай, если немедленно потребуются заклинания. Я на быструю магию не способен, учитывая моё нынешнее состояние.

Мирт с интересом посмотрел на паукоподобного мага. Голос Вангердагаста не был печальным, он лишь констатировал факт.

— Что мне делать с дурнем, которого я сюда притащил?

— Положи его в тот гроб и закрой крышку. Он полежит, пока у меня не найдётся времени на такое же заклинание стазиса. С ним я справлюсь, хоть и медленно.

— Хорошо, а потом?

— Пойдём разыщем Глатру. Ради разнообразия она хоть раз может сделать что-то *полезное*.

Арклет устало огляделся вокруг. Пурпурные драконы и боевые маги радовались победе. В любой момент они могли заметить рядом с собой благородного лорда — с цепляющейся за него танцовщицей и печально известной арфисткой с серебряными волосами, которая лежала у его ног. Шторм казалась такой же потерянной для мира, как и Эльминстер в голове Арклета.

Замолкший, не отвечающий. Пропавший.

— Рун, — прошептал он в ближайшее ухо танцовщицы, которую с каждой секундой любил всё больше и больше, — если я понесу Шторм, сможешь взять её за ноги?

— Куда? — прошептала в ответ Рун. — Во дворец?

Арклет пожал плечами. Куда ещё им было идти? Он очень сомневался, что если прямо сейчас попытаться протащить Шторм по Променаду, им позволят просто покинуть это место. Многие из этих людей слышали приказы Глатры.

Дерьмо. Похоже, они постоянно попадали глубоко в свежее, тёплое дерьмо.

Глава 26

Ложь, цепи и поцелуи

— Хм, эй, бесстрашный часовой? Сэр дракон?

Мирт нацепил на лицо выражение, которое, как он надеялся, примут за дружескую улыбку и бросился к дворцовому стражнику, выставив перед собой пустые руки, чтобы показать, что он не вооружён. Дракон дружелюбным не казался.

— Я ищу леди Глатру. Боевая волшебница, обычно торопливая, громкая и властная? Вы же знакомы с ней, да?

Пурпурный дракон повернул голову, чтобы смерить глубоководца долгим оценивающим взглядом. Взгляд прошёлся с его непричёсанных волос до разношенных сапог и обратно, затем уставился в одну точку. Мирт это заметил.

— Хе-хе. Не обращайтесь внимания на это существо на моём плече. Это всего лишь ручной питомец, не более. Уверяю, он безвреден. Безвреден.

Сразу за ухом Мирта Вангердагаст издал низкий, предупреждающий рык.

Мирт поспешил продолжить.

— Так что, сэр, не могли бы вы отвести меня к леди Глатре? Или объяснить, как её найти?

— Зачем? — отозвался дракон, переместив своё копьё из положения «направлено вверх согласно протоколу» в угрожающую, готовую к бою позицию. — Кто ты такой и какое у тебя к ней дело? Что ты вообще делаешь здесь внизу?

— Ищу Глатру, — терпеливо объяснил Мирт. — Я Мирт из Глубоководья, навестивший моего доброго друга короля Форила Обарскира. Что же до моего дела к Глатре...

Он подался вперёд, чтобы подмигнуть и дружески ухмыльнуться, но от того ужаса, что получился в результате, стражник отпрянул — затем покраснел от раздражения и оставил свои вежливые, нейтральные манеры и зарычал:

— Я тебе не верю. Скажи пароль!

Мирт вздохнул.

— Пароль, — отозвался он. — Доволен?

— Шутник, значит? — рявкнул дракон, опуская копьё, чтобы нацелить его во внушительное брюхо Мирта.

— Ага, — согласился Мирт, смахнув наконечник копья одной рукой в сторону. — Я так понял, местонахождение Глатры тебе неизвестно? Да? Ну что ж, тогда я просто...

— Стоять! Стой на месте и сдавайся! Тоже мне, лорд Глубоководья!

Дракон сделал колющее движение копьём, угрожая использовать его, если Мирт попытается сбежать. Затем он прислонил его к стене одной рукой, а второй достал меч.

— Считаю себя арестованным, — резко сказал он. — Как мой пленник, ты будешь следовать за мной, не сопротивляясь, не прибегая к насилию, не пытаясь обмануть меня или сбежать из-под стражи. И, поверь мне, мы даже не приблизимся к леди Глатре...

Без предупреждения Вангердагаст прыгнул, как атакующий паук, прямо на лицо дракону. Тот рухнул на пол.

— Что ты с ним сделал? — проворчал Мирт, переступая через стражника и торопливо бросаясь бежать вниз по коридору.

— Заставил его уснуть своим касанием, — ответил Ванги. — В мои дни драконы не

смели быть такими назойливыми. А уж тем более с правителем другого государства!

Мирт хмыкнул. Повернув за угол, он заметил второго стражника, несущего дозор у стены под фонарём.

— Хочешь пари насчёт исхода второй попытки?

— Нет, — сухо ответил Вангердагаст. — Ты их провоцируешь, а я всего лишь *питомец* — помнишь?

Мирту хватило приличия смутиться.

* * *

Когда в заметно увеличившейся дыре в дворцовой стене появилась Глатра, немедленно началась суматоха, поскольку боевые маги со всех сторон бросились к ней, чтобы заговорить, проталкиваясь через драконов.

— Молчать! — рявкнула она — и маги Короны подчинились, смолкнув на полуслове. Солдаты вокруг заморгали, вздёрнули брови или открыто заухмылялись.

Несмотря на то, что она по-прежнему лежала на земле и чувствовала полное опустошение, Шторм присоединилась к последней реакции.

Глатра это умела, да. Добиться подчинения единственным словом.

Но боевая волшебница ещё не закончила.

— Сможете доложить мне потом. Столкновение здесь очевидным образом закончилось, но я вижу, что мои приказы *до сих пор* не выполнены, несмотря на то, что в одном месте собралось больше верных солдат и принёсших присягу волшебников, чем я видела за долгое время. Давайте немедленно это исправим. Парализуйте заклинаниями этих троих — танцовщицу, Амарун Белую Волну; эту чужеземку, Шторм Среброрукую; и этого благородного лорда Кормира, Арклета Делькасла. Их следует поместить под арест и приковать к стене в западной камере для последующего допроса. Займитесь этим *немедленно*.

Шторм даже шевелиться не стала. Она была так измучена, что заснула бы мгновенно, если бы не боль. Её задел обжигающий луч созерцателя, хотя три дракона случайно защитили Шторм от полноценного воздействия своими телами и заплатили за это сполна. Западная камера была чистой, сухой и светлой, и повиснув на цепях она могла поспать не хуже чем на улице, где на неё могли наступить или переехать.

Боевые маги с готовностью подчинились Глатре — вероятно потому, что в этот раз она задержалась достаточно, чтобы проследить за выполнением своих приказов. Когда двое стоявших над Шторм закончили свой короткий речитатив, она почувствовала всего лишь немедленное онемение. За которым, разумеется, последовал зуд, который она не могла почесать. Шторм напрягла палец и обнаружила, что может его согнуть — но сразу же перестала шевелиться, чтобы никто не заметил.

Старая парализующая перчатка арфистов. Она по-прежнему была заткнута у Шторм за пояс, и, должно быть, поглотила магию, которая должна была заморозить арфистку. Что могло означать, что перчатка снова заработает, парализуя своим касанием — хотя бы разок-другой.

— У вас нет права... — закричал Арклет, но голос резко оборвался, когда магия его парализовала.

— Права? — зарычал дракон, выбивая меч из руки обездвиженного лорда. Меч зазвенел на мостовой. — Не смей меня. Мы добиваемся своих прав клинками наших мечей!

— Они готовы, — доложил маг. Шторм знала этот голос.

— Очень хорошо, — сухо отозвалась Глатра. — Боевой маг Велвин Трейсгар, вы проследите за доставкой пленников в камеру. Драконы, вы будете подчиняться Трейсгару, как любому военачальнику. Займитесь этим.

— Госпожа, — с поклоном отозвался Трейсгар, обладатель знакомого голоса.

Шторм постаралась притвориться парализованной, когда сильные руки подхватили её, подняли и потащили прочь.

* * *

Трейсгар вытянул руку.

— Ключи.

Лионар покачал головой.

— Нет, сэр. Леди Глатра сказала, что мы будем подчиняться вам как военачальнику. За исключением нужд военного времени ни один военачальник не нарушит этот постоянный приказ — ключи должны храниться у солдата за пределами темницы, чтобы не позволить пленникам, которые сумеют справиться со стражей, освободиться от своих оков или открыть камеры. Пленников заковали — поэтому я ухожу и забираю с собой ключи.

Трейсгар наделил лионара суровым взглядом.

Дракон встретил его взгляд с каменным лицом.

— Леди Глатра доверила заключённых под мою полную ответственность, — отрезал боевой маг, — и я не смогу выполнить этот приказ, если у меня не будет ключей.

— Ну так объявите себя регентом, сэр. В этом случае вы получите их мгновенно. А все мы подождём, пока вы будете объяснять королю причины подобного повышения в звании. Сэр.

Трейсгар посмотрел на лионара долгим, холодным взглядом, затем поморщился и махнул дракону, давая ему знак уходить и забирать с собой товарищей.

Они так и поступили. Один из драконов осмелился отвесить на прощание низкий поклон, предназначавшийся для действующих регентов.

Пока Трейсгар сверлил их спины взглядом, Шторм выскользнула из своей рукавицы.

Как и Амарун, она была прикована к стене за лодыжки, шею и правое запястье — от кандалов к кольцам в стене шли цепи примерно в фут длиной. Их левые руки были свободны.

Мужчин считали более опасными, и оба запястья Арклета, несмотря на его благородное происхождение, были прикованы к стене. Его приковали между Шторм и Рун к общим кольцам у лодыжек и запястий, но цепи были достаточно короткими, чтобы пленники не могли коснуться друг друга.

Волосы Шторм собрали в хвост, вытянули вдоль спины и приковали к цепи, которая шла к кольцу у её правой лодыжки. Кормирцы, похоже, решили не рисковать.

Уходя, драконы оставили дверь камеры открытой. Согласно действующим приказам, Трейсгар или назначенный им подчинённый должен носить ключи от всех дверей, чтобы любому заключённому, попытавшемуся сбежать, пришлось бы заставить сотрудничать —

или убить — сразу двух тюремщиков. Кормирские царедворцы слышали слишком много баллад, чтобы совершать самые очевидные ошибки.

Похоже, за исключением той, когда ты злорадствуешь, повернувшись к пленникам спиной.

Трейсгар опять обернулся к ним и шагнул к Штурм.

Он медленно провёл пальцем по её лицу, от виска к челюсти, объясняя:

— Я совсем не рад тому, что вам приходится терпеть подобное обращение, но в королевстве сейчас слишком много тревог и опасностей, а госпоже Глатре в первую очередь нужны ответы. Эти кандалы лишь затем, чтобы избежать недоразумений, пока из постелей не поднимут боевых магов-ветеранов, которых леди Глатра хочет, хм, познакомиться с вами. В обычных обстоятельствах для персон вроде вас оковы не требуются — но времена сейчас отнюдь не обычные.

Его лицо было так близко, что он почти задевал Штурм губами, когда говорил.

Штурм потянулась своей перчаткой, поцеловала его, чтобы задушить любую быструю и отчаянную магическую формулу — и Трейсгар замер в беспомощном молчании.

— В точности мои мысли, — промурчала в ответ Штурм, обхватив парализованного мага свободной рукой и разворачивая его так, чтобы Трейсгар врезался в Арклета. Она придержала его, прижимая к боку застывшего Делькасла, чтобы Эльминстер смог поработать над волшебником.

— Эл?

Мудрец из Долины Теней никак не мог ответить, но по движению глаз Арклета она видела, что он заметил целебное зелье — сверкающий стальной флякон с изображением солнца — на поясе Трейсгара.

Затем из носа Арклета потекла пыль, и Штурм поняла, что Эл находится на пути к ноздрям и рту Трейсгара, собираясь вторгнуться и завоевать разум боевого мага.

В отличии от Трейсгара, Эльминстер способен был прочесть заклинание с помощью одной лишь силы воли.

Трейсгар напрягся, затем его глаза сверкнули и он зашевелился. Двигаясь плавно и обыденно, как будто был старым другом, он снял флякон с пояса, повернул пробку, чтобы сломать восковую печать, затем поднял своим пальцем подбородок Штурм так нежно, будто это была ласка.

Штурм покорно открыла рот, и Эл заставил боевого мага медленно и осторожно влить в неё зелье. По телу прошло знакомое тепло, затем волна мятной свежести, изгоняя всю боль и усталость, заставляя Штурм почувствовать себя чудесно.

Она испустила удовлетворённый вздох. Трейсгар отступил на шаг и прочёл новое заклинание, бормоча выбранные Элом слова — он отправлял магическое послание Вангердагасту, рассказывая тому, что произошло.

Затем заколдованный боевой маг произнёс ответ.

— Мирт доставит экипаж к двери Трёх Дельфинов для транспортировки трёх заключённых в сопровождении боевого мага Велвина Трейсгара, — сообщил Ванги Эльминстеру. — Если, конечно, вам хоть раз хватит здравого смысла, чтобы как можно быстрее убраться из Сюзейла. Всем вам.

В тёмные, холодные часы очень раннего утра переулочек за лавкой Сронтера-алхимика обычно пустовал, но сегодня всё было иначе. Во мраке ночи стояли два закрытых и нагруженных фургона, запряжённые дремлющими лошадьми, и на каждом фургоне подобно статуям восседали грузчик и кучер, вцепившись в свои вожжи и кнуты, как будто погружённые в собственную дрему.

Стройная фигура в тёмном кожаном облачении вора полностью сливалась с тенью, пока не взобралась на один из фургонов. Она уселась рядом с возничим и поцеловала его *очень* крепко.

Тогда кучер вздрогнул, повернул голову и сказал ей холодным знакомым голосом:

— Теперь отправляйся домой и наслаждайся остатком сна госпожи Делейры Трусилвер. Заляг на дно, пока я снова с тобой не свяжусь. Ты не слишком подходишь для следующих моих битв.

Талан кивнула, осмелилась на прощание стиснуть руку кучера, соскользнула с фургона и пропала, бесшумно растворившись в ночи.

Только оказавшись в трёх улицах от лавки, она осмелилась прошептать:

— *Вы могли бы* и поблагодарить меня, лорд Мэншун. Я всего-навсего спасла вашу жизнь. «Не слишком подходишь...» *тьфу*.

Она не ожидала благодарности, но остаться в стороне от главного веселья было обидно.

* * *

— Получил?

Мирт содрогнулся.

— Да. Не то, чтобы мне нравилось, когда образы комнат и коридоров просто пихают мне в голову, имей в виду. Я уже чувствую приближающуюся мигрень.

— Если ты потеряешься и наткнёшься не на того боевого мага, то скоро узнаешь, на что похожа настоящая мигрень, — фыркнул Вангердагаст. — Не трать времени зря. Чем дольше ты задержишься в конюшнях, тем больше преданных кормирцев будут с тобой драться.

В ответ Мирт испустил нечленораздельное хмыканье и зашагал по проходу.

Ванги слабо улыбнулся в широкую спину глубоководца. Ну что ж, по крайней мере тот выбрал правильный коридор и направлялся в верную сторону.

И в тот же миг Мирт остановился, повернулся и проворчал:

— А ты что будешь делать, пока я краду экипаж, лошадей и всё прочее?

— Притворяться намного более молодым и неопытным боевым магом, чем я есть на самом деле, — ответил Вангердагаст. — Пошлю Глатре фальшивое предупреждение о нарушителях, пробравшихся во дворец, чтобы убить короля, с целью увести её — и большую часть драконов и прочих магов, которые сейчас не спят — в королевское крыло дворца. Но я буду далеко отсюда.

— Ха, — пророкотал Мирт, снова начиная шагать. — Вы, волшебники, всегда берёте на себя самую лёгкую часть. *Разговоры*. Всегда разговоры. Некоторым из нас приходится заниматься настоящими *действиями*, знаешь ли.

* * *

— Куда он? — прошептала Амарун, когда Трейсгар вышел из камеры, оставляя их прикованными к стене.

Маг только что оборвал действие паралича на ней и Арклете, который посмотрел на девушку и ответил — собственным голосом, хвала Тиморе!

— Эльминстер использовал заклинание, чтобы завладеть *его* разумом из *моего* разума; ради этого Шторм и прижимала его тело ко мне. Он ушёл, чтобы найти стражника, у которого есть ключи к нашим кандалам, и договориться с ним.

— Договориться навсегда?

— Нет, — вмешалась Шторм. — Боги хмурятся на тех, кто убивает без нужды — и в награду посылают им неудачи. Дракон немного вздремнёт, вот и всё.

Рун ещё кивала, когда Трейсгар появился снова и без единого слова освободил их всех.

— Оставьте надетыми незамкнутые кандалы, — приказала Шторм, пока её волосы, оставаясь собранными в хвост, выгнулись, чтобы скользнуть ей за воротник и скрыться под одеждой, — и ведите себя так, будто они по-прежнему заперты, а мы по-прежнему пленники. Скорее всего, мы столкнёмся с кем-нибудь по пути. Будем идти за Трейсгаром.

Безмолвный боевой маг угрожающе взмахнул жезлом и вышел из камеры. Его лицо было мрачным. С таким же угрюмым выражением, сложив вместе запястья, за ним последовала Шторм, так что Арклет и Амарун пристроились за ней.

За дверью, что выглядела точно так же, как и множество других дверей, которые они уже миновали, находилась кладовая с другой дверью, на которой мерцал предупреждающий символ. Трейсгар проигнорировал его и распахнул дверь, открывая заставленные сияющими флаконами полки. Шторм дала всем выпить по одному флакону, чтобы изгнать усталость и боль, затем раздала ещё по два про запас.

Трейсгар бросил пустые флаконы в ведро на полу, снова закрыл дверь кладовой и взмахнул жезлом, указывая в новый коридор.

Шторм опять свела вместе запястья и приняла удручённый вид. Рун и Арклет последовали её примеру и засеменили за молчаливым боевым магом, позвякивая цепями.

Они направлялись к горящему вдалеке фонарю у большой двери, которая выглядела так, будто вела наружу из дворца. Под фонарём стояло четверо бесстрастных пурпурных драконов, наблюдая, как пленники совершают свое долгое, долгое путешествие.

Когда они приблизились, двое стражников направили копьё в их сторону. Другие двое прислонили копьё к стене и достали мечи, шагнув вперёд с крайне недружелюбным видом.

* * *

Мирт тяжело вздохнул.

— Я не знаю, ни каких лошадей брать, ни какая упряжь мне нужна. Но точно знаю, что мне приказали взять закрытую повозку — вроде этой, или вон той — и как можно быстрее подогнать её к нужной двери. И учитывая, что эти приказы исходили от высокопоставленного боевого мага, я не намерен проявлять неподчинение. Почему же ты собираешься так поступить?

— Потому что я в жизни тебя раньше не видел, — прямо отозвался старший конюх, — потому что ты разговариваешь, как чужеземец, и потому что сейчас середина проклятой *ночи*, и даже в полдень твои требования будут таким же странными! Почему бы нам просто

не подождать, пока этот важный маг не покажется сам и не потребует свой экипаж? В конце концов, он будет злиться на тебя, а не на меня. Я всего лишь человек, который отвечает здесь за все экипажи, лошадей и сбрую, и ничего из этого я не выпущу из виду без чётких указаний от *моего* начальства.

Мирт вздохнул.

— Я боялся, что ты поведёшь себя так, и хочу, чтобы ты знал: я сожалею о том, что собираюсь сделать.

Он потёр костяшки, сжал руку в кулак и угрожающе двинулся вперёд.

Конюх оскалился, отступил на шаг и потянулся к вилам. Тут же из стойла показался массивный и мускулистый пурпурный дракон, чтобы встретить Мирта.

— Какие-то проблемы, Нелд?

— Да, — триумфально заявил конюх, глядя на Мирта. — Этот толстый чужеземец пытается украсть экипаж — и хочет, чтобы я сначала запряг для него лошадей.

— Нет, ничего такого я не пытаюсь, — проревел Мирт, продолжая наступать и не разжимая своих волосатых кулаков — не обращая внимания на дракона. — Я пытаюсь заставить тебя выполнить приказы самого королевского мага.

— Вот как? — мягко спросил дракон. — Учítывая, что королевский маг пропал без вести много дней назад, я хотел бы услышать эти приказы от него лично. А пока назови своё имя, чужеземец, и род занятий.

— Мирт. Я лорд Глубоководья. За это неплохо платят.

— Не сомневаюсь, если тебе всегда приходится добывать экипажи таким образом, — фыркнул дракон, шагая вперёд навстречу Мирту.

Глубоководец был крупным мужчиной, но солдат был выше и шире в плечах, и там, где у Мирта был жир, у него были мускулы.

— Ну? — шёлковым голосом поинтересовался он. — Попробуешь силой заставить Нелда помочь тебе с экипажем, лорд Мирт?

— Я попросил вежливо, но, похоже, местные обычаи требуют применения силы, а значит, я вынужден её применить, — прорычал Мирт. — Уйди с дороги, безымянный дракон.

— Ха. Меня зовут Ворульд, и я не повинуюсь указам чужеземных конокрадов.

— Уйди с дороги, Ворульд, — прорычал Мирт.

— Или что?

Мирт пожал плечами, сорвал один из мешочков с перцем с пояса так, чтобы развязать шнуровку, и швырнул его в лицо Ворульду. Когда дракон взревел от боли, Мирт уклонился от неизбежного слепого удара, ловко перерезал противнику завязки на штанах — и оказавшись позади ревушего дракона, хорошенько пнул его в подходящее место.

Затем он пробежал по содрогающемуся телу дракона, оказавшись за пределами досягаемости вил Нелда, схватил с крюков несколько полных мешков с овсом и швырнул их в лицо Нелду.

За ослепляющей дозой овса последовали кулаки Мирта. Тот получил немалое удовольствие, дважды сбив Нелда на землю. Когда в третий раз конюх, похоже, лишился желаний встать, Мирт взял его за ухо и поставил на ноги.

— Я спешу, — с радостной ухмылкой прорычал он, вытирая полетевшую в лицо вместе с проклятиями Нелда слюну. Конюх сфокусировал на нём взгляд своих заплывших глаз, которые к полудню наверняка приобретут фиолетово-чёрный оттенок. — Поэтому не стану

ломать тебе нос или челюсть. При условии, что ты запряжёшь хороших лошадей вон в ту повозку, прямо сейчас и без промедления. И на тот случай, если ты решишь дать мне плохих лошадей или неверную упряжь, или выкинешь ещё какой трюк, думаю, стоит предупредить, что в своё время мне приходилось готовить упряжки. Перережешь ремень или ещё что-то испортишь — я тебе пальцы сломаю. В обратную сторону.

Нелд сглотнул.

Мирт наградил его нежной улыбкой.

— Я не шучу, — весело добавил он. — Время пошло, мой новый друг Нелд. Терпение королевского мага безгранично. И если я простой человек, который всего лишь знает, как ломать вещи, то он — маг, который знает, как сделать месть по-настоящему долгой.

Нелд бросился к ближайшему столу со сбруей. Быстро.

Глава 27

Вторжение в спальню

— Поймал тебя, да?

Глатра Баркантл застыла, как будто ей отвесили пощёчину, затем медленно обернулась, стиснув дрожавшие руки, с и её губ сорвалось нечленораздельное высокое рычание.

После того, как она не обнаружила никакой опасности в королевском крыле и поняла, что её обдурили, и что она разбудила Обарскиров без повода, гневные королевские упрёки в её компетентности не улучшили настроения боевой волшебницы.

Сейчас она стояла перед сонным королём Форилом, и он был не в лучшем расположении духа.

Так что неожиданный голос за спиной оказался последней каплей.

— Назови мне хотя бы одну причину, — прошипела она, обращаясь к паукоподобному нарушителю, который каким-то образом миновал несколько постов стражи и пробрался в крайнюю переднюю королевских покоев, — почему я не должна испепелить тебя на месте *сейчас же*.

— Ты обречешь королевство на смерть исключительно ради своих эгоистичных амбиций и узколюбости, — спокойно ответила чёрная, похожая на призрака голова, восседавшая на человеческих пальцах, как на паучьих лапах, поднимая один из этих пальцев, чтобы неодобрительно погрозить собеседнице. — Если выразаться дипломатично.

Король схватил скипетр, способный испустить взрыв такой силы, что хватило бы, чтобы избавиться от всех его посетителей и большей части стены за ними, но он смотрел мимо Глатры на ходячую голову, забравшуюся на спинку его лучшего гостевого кресла, не со страхом, а с интересом.

— И кто же ты, по-твоему, такой? — тихо спросил Форил. — Вангердагаст?

— Он и есть, — ответило паукообразное существо. — И мне нужно было выманить эту шумную волшебницу сюда, чтобы я мог поговорить с ней в присутствии короля. Это значительно увеличивает шансы на то, что она выслушает и подчинится.

Глатра взорвалась.

— *Что?* Не думай, что можешь отдавать мне приказы! Твоё время прошло, старик — во имя дракона, твоё *человеческое* время прошло!

— Я по-прежнему служу королевству. И делаю это куда лучше, чем ты когда-либо, Баркантл. Вспыльчивость, самодурство и грубость, привычка лезть в драку, не подумав о последствиях — всё это всегда будет уступать умению тонкой манипуляции. Даже если бы у тебя сейчас не было целого города разгневанных дворян, у которых просто чешется найти какой-нибудь повод. Так что избавь меня от своих воплей и приготовь уши и те мелкие части своего мозга, которые ты ещё используешь для того, чтобы *думать*.

— Как ты смеешь? Да со мной *никогда* так не разговаривали...

— И в результате у нас куча проблем! Выслушай наконец-то!

Глатра скрестила руки на груди и помотала головой.

— Я даже не знаю, действительно ли ты — тот самый знаменитый королевский маг! Ты выглядишь как создание амбициозного, но неумелого волшебника! Слова, которые я сейчас слышу из твоих уст, могут исходить от любого неверного лорда, сембийца или другого врага Драконьего Трона!

— Или они могут быть моими собственным. Форил, вспомни строчку из стихотворения, что оставила тебе записанным в медальоне королева Филфаэрил, но не произноси её вслух.

Король нахмурился, потом кивнул.

— Я помню.

— Тяжела корона Дракона, и я дарю свою любовь всем, кто наденет её после меня, ведь лишь любовь способна удержать её, — продекламировало похожее на паука существо, затем спросило:

— Ну что, теперь верите, что я — старый Ванги?

— Нет, — отрезала Глатра, прежде чем король успел заговорить. — Эти слова знает целая дюжина царедворцев благодаря некоторым королевским писарям, дворцовым сплетням и тому, что старшие рыцари используют в качестве кодовых фраз фрагменты этого стихотворения.

— Ладно, — ответил призрак-паук и прошептал что-то слишком тихо, чтобы услышал король или боевая волшебница.

Скипетр Форила внезапно исчез из его руки, два комплекта доспехов в углах помещения шагнули со своих плит и встали на колени перед королём, и пыльная каменная статуя в конце комнаты сменила позу, протянув вперёд и раскрыв каменную книгу, которую держала. Книга оказалась хранилищем для трубок, где лежали три трубки и четыре мелких и заплесневелых полоски табачного зелья.

— *Теперь-то* вы мне верите? — весьма раздражённо поинтересовался паукообразный нарушитель. — Так уж случилось, что я явился по делу некоторой важности, и не хочу лишать коронованного главу Кормира остатков королевского сна, поскольку меня вынуждают показывать *фокусы*.

— *Я* тебе верю, — твёрдо сказал король Форил Обарскир, — и этого должно быть достаточно. Чего ты хочешь, королевский маг Вангердагаст?

— Рассказать вашему величеству, что я обнаружил Ганрахаста и Вэйренса погружёнными в волшебный стазис внизу в королевском склепе.

— *Что?* — одновременно воскликнули король и боевая волшебница.

— Низведённый до своего нынешнего состояния, — спокойно продолжал Ванги, — я не смогу использовать необходимые заклинания, если они очнутся обезумевшими или порабощёнными врагом королевства. Поэтому мне нужна Глатра, чтобы собрать четверых-пятерых опытных и заслуженных боевых магов, спуститься в склеп и освободить их.

— Это новый заговор, старый безумец? *Очередной* обман? — сплонула Глатра. — Какая ловушка ожидает нас там? Ты просто хочешь избавиться от всех нас, чтобы снова править самому!

— Ничего подобного я не желаю, — фыркнул Вангердагаст. — Хочу лишь знать, почему вы ещё несколько дней назад не обыскали дворец достаточно тщательно, чтобы самим их обнаружить. Мне отвратительна мысль, что ты настолько некомпетентна или настолько неверна королевству.

Глатра побелела.

— Ты *смеешь* обвинять меня в неверности?

— Да. Уже дважды. И сделаю это снова, если ты туга на ухо. Форил, не мог бы ты *пожалуйста* приказать этой ведьме отправиться вниз в растреклятый склеп и освободить королевского мага и лорда печатей? Я больше не нуждаюсь во сне, но даже меня утомляет бесконечная грызня и споры.

Неожиданный шум раздался за дверями, грубые крики бывалых драконов, заглушаемые твёрдыми приказами — а затем двери широко распахнулись.

Там стояли три мага Короны. Увидев короля в его ночной рубашке, они торопливо опустились на колени.

— Простите нас, ваше величество, но вы в смертельной опасности! Статуи и доспехи — твёрдый камень и пустые доспехи, вот так! — пришли в движение по всему дворцу! Они расхаживают по комнатам и переставляют вещи, и мы не можем...

Паук-призрак хмыкнул, что-то пробормотал, затем сказал:

— Извините. Сейчас всё это должно прекратиться. Надеюсь.

Боевые маги уставились на это существо, и некоторые из драконов за их спинами подняли копья, как будто собираясь ударить ими над головой глазающих магов.

— Только посмотрите, — злорадно произнёс Вангердагаст. — Вот и боевые маги, которые тебе нужны, Глатра. Ты, наверное, сможешь даже попасть на место до полудня, если прекратишь спорить и начнёшь подчиняться!

Глатра злобно посмотрела на него.

— Я...

— ...не можешь назвать ни одной весомой причины не спуститься в королевский склеп, чтобы проверить утверждения Вангердагаста, — твёрдо сказал король. — Посему, госпожа Глатра, я даю тебе твёрдый приказ так и поступить — тебе следует освободить королевского мага и лорда печатей, если ты их найдёшь, и привести их сюда в целости и сохранности, чтобы я мог с ними побеседовать. Возьмёшь этих магов и всех верных драконов за моими дверями кроме Лонселя и Тариммона, которые останутся и будут меня охранять. Иди. Иди же. Разберись с этим.

Глатра поспешно согнулась в поклоне и ответила:

— Разберусь, ваше величество.

Вылетев из помещения, она огляделась, чтобы посмотреть, не угрожает ли существо-паук королю — но оно исчезло.

Глатра помешкала, но король бросил на неё холодный взгляд. Она поспешила к ближайшей лестнице.

Королевский склеп был далеко внизу.

* * *

— Д-дверь Трёх Дельфинов, — промямлил Нелд. — Теперь ты перестанешь меня бить? Мирт одарил его весёлой улыбкой и хлопком по спине, который едва не бросил конюха с сиденья на круп одной из задних лошадей.

— Ну конечно, — отозвался глубоководец. — Слезай и беги, и я не скажу королевскому магу про тебя ничего плохого. Рад был познакомиться, мастер Нелд, очень рад!

Нелд промямлил что-то недоверчивым голосом и совершил героический прыжок с козел на твёрдые бульжники Променада.

Мирт радостно махнул ему на прощание и заставил упряжку остановиться перед дверью Трёх Дельфинов.

На посту стояло четверо бесстрастных стражников. Они держали копья так, будто Мирта, экипажа и поднятой ими пыли здесь вообще не было.

Часовые плавно развернулись вперёд, чтобы любому покидающему дворец пришлось бы пройти между ними.

— Трое заключённых, — подозрительно начал голос офицера внутри дворца.

— У меня есть приказы, — раздался сухой ответ, затем тот же голос процедил собственные приказания. — Вперёд. В экипаж. Мой жезл наготове, не забывайте.

Из дворца, склонив голову, показалась Шторм Среброрукая в кандалах и свисающих цепях. За ней следовал лорд Делькасл, потом Амарун, также в кандалах. Позади них шёл боевой маг Трейсгар с жезлом в руках.

Шторм остановилась перед экипажем и стала ждать. После долгого промедления один из наружных стражников шагнул вперёд, открыл дверь повозки и спустил вниз пару ступенек. Она забралась внутрь, и за ней последовали два других пленника под хмурыми и подозрительными взглядами часовых.

Когда Трейсгар оказался в повозке вместе с ними, один из стражников присмотрелся к Мирту, затем рявкнул:

— Я тебя раньше не видел, и на тебе нет униформы! Кто ты такой?

Мирт бросил на него суровый взгляд.

— Спроси короля. Не забывай, что твоё низкое звание ограничит полученные ответы. И может оказаться ещё ниже после того, как ты закончишь с расспросами.

Трейсгар постучал изнутри по крыше экипажа, так что Мирт щёлкнул кнутом, прицокнул на лошадей и повозка тронулась. Его взгляд не отрывался от глаз стражника.

Пленники Глатры без всяких препятствий с роскошью отправились по Променаду — оказавшись за пределами её хватки.

На какое-то время.

* * *

Госпожа Делейра Трусильвер пребывала в скверном расположении духа. В таких случаях дуракам и тем, кто просто случайно мог стать причиной неудовольствия госпожи, лучше было убраться с глаз её долой и оставаться там. Хотя леди действительно была потрясающе красивой, стройной и элегантной, роскошные белые волосы контрастировали со сверкающими жёлтыми глазами, в ночи, подобные сегодняшней, в первую очередь запоминалась острота её языка и тяжесть выдающегося ума и характера.

Проще говоря, она правила особняком Трусильверов как тиран, и в столь-поздние-что-были-уже-ранними часы после её возвращения в свои покои госпожа Трусильвер словесно уничтожила двух родичей и нескольких слуг за различные глупости. Устав от необходимости отыскивать новые слова для упрёков, поводы для которых, казалось, окружали её со всех сторон, она снова вернулась в свои комнаты, распустив горничных и заперевшись внутри.

Убедившись, что на дверях есть не только замки, но и засовы, она задвинула их с прытью женщины вполовину моложе своего настоящего возраста. Движения Делейры были одновременно грациозными и величественными.

Когда последняя дверь была плотно заперта, оставляя ей в качестве путей добровольного отступления лишь окна, балконы и некоторые тайные проходы, леди Трусильвер повернулась и начала раздеваться, пересекая свою любимую спальню, сбросив свои изящные сапожки и затем расстегнув платье и нижние юбки и швырнув их в сторону,

как будто она была танцовщицей из приватного клуба.

Когда на ней остались самые скудные клочки ткани — определённо подходившие танцовщицам из приватных клубов, а не стареющим благородным матронам — она голой ногой надавила на стенную панель с барельефом, сделала что-то с глазом вырезанного на ней оленя, затем ещё что-то с луной, изображённой на барельефе в противоположном конце комнаты — и тогда вернулась к первой панели, прижала два пальца к корявым древесным корням на изображении и осторожно отворила панель.

Открывшаяся ниша была достаточно большой, чтобы женщина могла спрятаться там целиком — Делейра поступала так уже дважды — но на вбитых крюках хранила отнюдь не женские предметы. Делейра достала их, один за другим, раскладывая на столике перед собой: сапоги, несколько поясов для оружия, затем одежда.

Тугое кожаное облачение вора.

В нише остались лишь парики — длинные тёмные волосы, что висели на крюках подобно плащам — и моток тёмной, тонкой бечёвки.

Она разворошила кожаные доспехи, потянулась к намасленным, удобным штанам — и замерла.

Занавески, обрамлявшие дверь на балкон, шевельнулись, но там никого не могло быть.

Кто-то был. Не из дома Трусильверов, но абсолютно незнакомый ей человек. Нарушитель. Смуглый, ловкий, женственный... и в одной руке сжимавший обнажённый меч, а в другой — кинжал.

Леди Трусильвер бросила взгляд на свой пояс с мечом — сразу за пределами досягаемости, на спинке кресла. Её ножи находились невозможно далеко, на диване. Она спокойно спросила:

— Кто ты и чего тебе надо?

— Я та, кто служит Кормиру с тех пор, когда твоя бабка ещё была молодой, — ответила нарушительница почти насмешливо, голос был женским, нежным и в то же время более холодным, чем самый ледяной тон Делейры Трусильвер, — и я хочу узнать твои секреты, Талан.

Леди Трусильвер застыла на месте. *Никто* не знал, что на самом деле она...

Она резко развернулась и побежала, устремившись в крайнюю спальню, дверь которой она могла захлопнуть за собой.

Ночная гостья сбросила тёмный шлем, бросившись через комнату, как пантера, и прыгнула, с силой сбивая Делейру Трусильвер на пол и легко взяв её в ледяную, крепкую как сталь хватку.

— Не так быстро, — прошипела незваная гостья. Их лица почти соприкасались. Зловещее мерцание виднелось из-под зубов незнакомой женщины. — Твою смерть можно легко устроить, но сначала я хочу знать то, что знаешь ты.

— И как ты собираешься этого добиться? — вызывающе фыркнула леди Трусильвер, борясь и выгибаясь, пытаясь отбросить противницу.

— Вот так, — ответила Тарграэль, открывая рот и демонстрируя сияющий белый камень на языке — прежде чем силой разжать челюсти Делейры Трусильвер своими железными пальцами и поцеловать её.

Когда их языки встретились, вспыхнул свет, и Делейра Трусильвер почувствовала его, как тихий рёв прибоя, разбивающегося о её кости, и испытала холодное, мятное чувство пробуждающейся внутри магии.

Её соперница была теперь не просто сильным, холодным телом, прижимающим её к полу. Внутри неё был чужой разум, тёмное и подавляющее присутствие, которое увеличивалось и приближалось.

Леди Трусильвер не столько услышала, сколько почувствовала произнесённые Тарграэль слова.

— Королевские маги Кормира прячут во дворце *очень* интересную магию. Эта показалась мне самой любопытной.

Порабощённая и беспомощная, Делейра Трусильвер не могла шевельнуться или заговорить, когда тёмная злоба жестокого, враждебного разума её противницы потекла в её сознание, погружая разум Делейры в содрогющуюся тьму...

* * *

Врата Рога, разумеется, были закрыты на ночь. Каменнолицие стражи сухо проинформировали Мирта, что у них нет ни малейшего намерения — если из дворца не раздастся соответствующий сигнал рога или не появится сам король, который сунет им под нос «корону и скипетр» — открывать их до утра.

— Всем кормирцам известны эти правила, — резко добавил один из них. — Слезай-ка оттуда и расскажи нам, как тебя зовут, что ты здесь делаешь, откуда ты родом, кто твои пассажиры — и какое у них место назначения. *Сейчас же.*

Мирт вздохнул.

— У меня уже есть приказ, который не очень-то хорошо сочетается с тем, что приказываешь ты. Так что никакого «сейчас же», если ты *не возражаешь*.

— Но я возражаю, сэр! В этот самый миг на вас нацелены десять арбалетов, так что повто...

— Если вы воткнёте стрелу в любого из моих пассажиров, — взревел Мирт, — то заплатите своими жизнями, идиоты! А теперь опустите луки и смотрите, кто выйдет из моей кареты!

Его крик эхом отразился обратно от запертых врат, и Мирт снова уселся на место кучера, истекая потом и надеясь, что он дал Эльминстеру достаточно времени, чтобы что-нибудь придумать.

Повозка под ним негромко заскрипела, что означало, что дверца отворилась и кто-то вышел наружу.

Среди стражников случилась небольшая суматоха, и он увидел, как опускаются арбалеты. Они явно узнали показавшегося пассажира.

— Откройте ворота, — раздался резкий, простой приказ.

Мирт ухмыльнулся. Голос был отличной имитацией воплей госпожи Глатры Баркантл, но это была эльминстерская отличная имитация.

И теперь стражники открывали ворота, а «Глатра» забиралась обратно в карету.

Мирт дождался стука по крыше, прежде чем снова хлестнуть лошадей, и они выехали из Сюзейла в последние тёмные часы ночи.

Или это были темнейшие часы утра?

Даже после двадцати лет, на протяжении которых он возглавлял вылазки в это тёмное время, Мирт так и не смог определиться.

Он дождался, пока они не отъехали на дистанцию одного полёта стрелы от стен города, открыл небольшое окошко, которое позволяло кучеру разговаривать с пассажирами, и спросил:

— Куда теперь?

— Отправимся к пастбищам у Восточных врат, — донёсся в ответ голос Эльминстера, — и оставим экипаж там, стреножив лошадей. После этого нам предстоит долгая прогулка на Шутовской луг вдали от городских стен. Оттуда пойдём на восток, сделав круг к Полевым воротам. Вернёмся в город через них на рассвете в сопровождении этого прирученного боевого мага, надев совсем другие личины. Кандалы закопаем.

— О? — проворчал Мирт. — И какой личиной ты собираешься наделить меня?

— Старого лорда Хелдерстоуна, — сказал ему Эльминстер. — У него нет наследников, он годами жил в одиночестве в Сембии — никто в Сюзейле не должен знать, что он уже скончался. Я знаю, где можно раздобыть неплохое состояние, так что мы сможем заявиться в дорожную гостиницу. Шторм будет твоей служанкой. Я заставлю Рун выглядеть как старшего рыцаря в отставке, который, насколько я помню, погиб несколько месяцев назад — она будет расследовать, почему богатенький старый лорд Хелдерстоун вернулся в Кормир. Другими словами, какую именно партию замышляющих измену лордов он осыпает дождём монет. В остальное время она может выглядеть как Амарун и быть с Арклетом, и эти двое будут держаться от тебя на расстоянии.

— А я что буду делать в это время?

— Ходить по девкам, торговать, проворачивать аферы, богатеть — короче говоря, быть сами собой, — ответил Эл. — Ни один кормирский лорд, который не любит монеты и не любит их зарабатывать, не смог бы провести дюжину лет в Сембии.

— А ты чем займёшься?

— Попытаюсь выследить и сразить Мэншуна, удержать Кормир от раскола, найти и подчинить себе или уничтожить призраков синего пламени, разумеется.

Мирт медленно покачал головой.

— Ты, как всегда, безумен.

— Конечно же.

Мирт *услышал*, как ухмыльнулся Эльминстер.

Глава 28

Госпожа призраков

Утреннее солнце запустило в окна свои яркие пальцы. Однако ни один из дюжины старших боевых магов, собравшихся вокруг длинного стола, почти целиком заполнявшего всю эту запертую комнату на верхнем этаже огромного королевского двора, не обращал на солнечный свет внимания.

Их мысли были обращены к более тёмным вещам — а конкретно, к текущим опасностям, грозящим королевству.

Королевский маг Кормира и лорд печатей слишком долго отсутствовали на подобных собраниях, и им многое требовалось наверстать.

— Разумеется, наши вечно замышляющие измену дворяне готовят настоящую гражданскую войну после этого катастрофического Совета, — провозгласила леди Глатра, — но есть и другие, менее крупные игроки, которых мы не должны упускать из виду.

Ганрахаст поднял руку, чтобы прервать её.

— Я хочу, чтобы ты перечислила их для нас через минутку, но сначала — Эрзуред?

— Наша беспрестанная работа, состоящая в том, чтобы заботиться о любом дружке и союзнике, которого он приобретает, — ответил худой и мрачный маг, — продолжается, и он снова и снова остаётся в одиночестве. Множество партий и клик сембийских и сюзейльских купцов прямо сейчас пытаются попасть к нему, но пока он не присоединился ни к одной — и все они страшатся возможности того, что он шпионит для короля.

В ответ на иронию этого заявления раздалась мрачные смешки. Королевский маг снова оборвал их поднятой рукой и спросил:

— Глатра? Меньшие игроки?

— Тарграэль, рыцарь смерти, которая считает себя истинным стражем Кормира. За этот титул с ней соперничает призрак принцессы Алусейр. Тот, кто послал глазного тирана напасть на нас прошлой ночью. Призрак-паук — не знаю лучшего имени для этого существа — который утверждает, что является знаменитым Вангердагастом и определённо может управлять дворцом в той же степени, что и легендарный королевский маг — статуями и прочим. Не говоря уже о сбежавшем Эльминстере и его спутнице Штурм Среброрукой, которые на протяжении нескольких лет крали магию у нас из дворца.

— Кто-нибудь из них заключил союз с амбициозной знатью, пока мы... спали? — нахмурившись, спросил Вэйнренс.

— Насколько нам известно, нет, — медленно ответила Глатра, когда все остальные промолчали, — но любой из них способен на подобную измену.

Ганрахаст фыркнул.

— Как и любая собака или пролетающий сокол. Не стоит самим создавать себе призраков и потом пугаться их. Настоящие враги и так достаточно опасны.

— У меня есть подозрения касательно одного из нас, — добавила Глатра, поднимая палец, — хотя признаю, что пока ещё моя тревога не приобрела какой-то серьёзный вес. Но мы все следуем за нашим чутьём, зудом, беспокойством... и это — самое недавнее.

Ганрахаст взмахом предложил ей продолжать.

— Озвучь свои подозрения. Пожалуйста.

— Велвин Трейсгар, — прямо ответила она. — Прошлой ночью я приказала ему

поместить трёх персон под арест для дальнейшего допроса — Шторм Среброрукую, лорда Арклета Делькасла и городскую танцовщицу, которая, похоже, является потомком Эльминстера, Амарун Белую Волну. Он выполнил приказ, но затем исчез вместе с пленниками и человеком, который зовёт себя Миртом и заявляет, что он — лорд Глубоководья. Хотя это имя пользовалось большей известностью в Глубоководье около ста лет назад.

— Мы можем отбросить любые подозрения касательно боевого мага Трейсгара, — твёрдо провозгласил Ганрахаст, — и оставить его в покое, чтобы он мог действовать без помех.

Глатра подалась вперёд, чтобы взглянуть на него, и нахмурилась.

— Почему?

— Я посоветовался с Вангердагастом — или тем, что от него осталось — и в этом мы достигли согласия, — резко ответил королевский маг. — Больше ни о чём не спрашивайте.

Вокруг всего стола взлетели вверх брови, но Глатра просто запрокинула голову и спросила в потолок:

— Наступит ли однажды день, когда кто-нибудь *ещё* кроме бывшего королевского мага — который сполна заслужил свою очень сомнительную репутацию — будет принимать решения за Лесное Королевство?

— Вангердагаст поклялся посвятить свою жизнь служению Кормиру, и он по-прежнему охраняет Кормир. Руководствуясь мудростью и опытом, с которыми мы не можем тягаться, — тихо ответил Ганрахаст. — В этом отношении ещё какое-то время я намерен ему доверять.

— Какое?

— Посмотрим.

* * *

Погреб начинал напоминать тюремную камеру. Мэншун расхаживал по нему, лелея тёмные мысли.

Он вернулся в тело Сронтера, который питал склонность к подобным мрачным раздумьям — но заполняющее Мэншуна беспокойство принадлежало ему самому.

Он не мог отыскать ни следа Мрелдрейка или Тарграэль — или Талан!

Посмеет ли он проникнуть обратно в разум младшего сенешаля Корлета Фентабля, используя одного из своих кучеров, которые каждый день привозили во дворец продукты, чтобы достичь Фентабля? И узнать с его помощью текущие мысли Короны?

Или настало время залечь на дно, вообще не приближаясь ко дворцу? Он мог вместо этого заново оценить боевых магов и присмотреться к тем, которых сможет изолировать и уничтожить или разрушить их репутацию с помощью скандала — обманом или провокацией.

Ничего не делать и позволить другим захватить власть шло вразрез с его желаниями — даже необходимость вернуть созерцателей в укрытие в погребе его разозлила — но, возможно, на следующие несколько месяцев это был наилучший курс действий. Он мог использовать Дардулкина, чтобы сохранять присмотр за некоторыми амбициозными дворянами...

С мрачным чувством Мэншун кивнул.

Он снова поддался жажде напрямую участвовать в происходящем, и результаты были катастрофическими.

Два созерцателя мертвы, взамен — ничего, и он едва не выдал своё присутствие. Во всяком случае, подозрений может оказаться достаточно, чтобы боевые маги стали его выслеживать.

Нет, лучше всего было на какое-то время затаиться и держать созерцателей в укрытии.

Мэншун мог действовать через Дардулкина — в конце концов, он сумел уничтожить всех, кто видел его тиранов — и использовать нескольких менее влиятельных марионеток, слуг и грузчиков, чтобы попытаться узнать, кто ещё из кормирских дворян, кроме Марлина Грозозмея, управляет призраками синего пламени.

Эта скрытность поможет ему держаться в том числе и вне поля зрения Эльминстера. Он дожждётся, пока Мудрец Долины Теней не выдаст себя, а затем атакует и снова уничтожит Эльминстера.

— И на этот раз я закопаю его поглубже, — яростно сказал он погребу. Прозвенел колокольчик лавки, и он поднялся по ступеням. — И буду продолжать, пока он не умрёт навсегда.

* * *

— Ну? — фыркнул Марлин Грозозмей. Наступило утро, и лесничие не заставят себя ждать. Его телохранители должны были справиться с этим *намного* быстрее.

— Сделано, милорд, — раздался сухой, почти грубый ответ. — Егеря и шестеро стражей охотничьего домика мертвы.

— Заверните тела в самое старое полотно из того, что есть на чердаке, и отнесите их медвежьей берлоге у Чёрной скалы, прямо к камням у её подножия, чтобы медведи сожрали их. Не позволяйте себя заметить, не оставляйте кровавый след. Галхант останется здесь со мной.

— Как прикажете, — почти дерзко ответил мужчина, и ушёл.

Раздражённо помотав головой, Марлин пошёл в другую сторону, к открытым и ждущим дверям охотничьего дома Виндстагов — его дома, по крайней мере на несколько ночей.

Виндстаг найдёт другого егеря, а сторожить дом смогут любые громилы с оружием. В конце концов, дом Виндстагов не испытывал нехватки в монетах.

Галханту по крайней мере хватило ума зажечь дрова, что были оставлены в очаге, чтобы прогнать холод.

С удовлетворённым вздохом Грозозмей опустился в большое кресло прямо перед очагом и сбросил с себя сапоги, чтобы согреть свои холодные и ноющие ступни. Он всегда хотел заполучить это конкретное кресло себе.

Он благодарно кивнул Галханту, когда наёмник поднялся от очага.

— Как раз собирался набрать ещё дровишек, милорд, прежде чем явятся назойливые лесничие и захотят узнать, кому принадлежат все эти незнакомые лица.

Грозозмей удовлетворённо кивнул. Сарай был примерно в десяти шагах; Галхант почти сразу же вернётся и сможет приготовить завтрак. От одной этой мысли его живот громко забурчал.

Он услышал, как хихикнул на это наёмник, покидая дом. За Галхантом слабо скрипнула дверь.

Следующее, что он понял — в огонь что-то швырнули, полетели искры. Что-то круглое, издающее злобное шипение. Что-то, смердящее... горелыми волосами?

Марлин Грозозмей выпрямился, потёр глаза. Должно быть, он задремал.

Что это... *что это* было в огне?

Треснуло полено, предмет, на который он смотрел, перевернулся, и он понял, что смотрит на отрубленную голову Берта Галханта.

Но кто...?

Он попытался заглянуть за спину, но помешали высокие подлокотники кресла. Синее пламя, холодное и неустанное, мерцало позади него, и он отчаянно схватился за Парящий Клинок. Его пальцы сомкнулись на знакомых, успокаивающе тяжёлых изгибах рукояти.

Затем мужчина с обнажённым мечом, которого Марлин никогда раньше не видел, показался в поле зрения, шагнув из-за кресла, улыбаясь ему. Жестокая улыбка на лице мужчины была окутана синим огнём.

Призрак синего пламени, но чужой!

Сильные, холодные руки схватили его с другой стороны кресла, с силой стали стиснуть его собственные руки. Марлин попытался достать меч, неожиданным рывком смог наполовину вытащить его из ножен — а потом почувствовал самую холодную и острую боль, что испытывал в своей жизни.

Его руку отрубили.

Человек, который обошёл кресло, улыбаясь ему, схватил другую руку и прижал её к подлокотнику кресла. Окутанный синим пламенем клинок снова ударил, и Грозозмей закричал.

Он потерялся в боли, он недоверчиво глядел на два дымящихся обрубка — и на трёх вставших плечом к плечу, улыбаясь ему, призраков синего пламени. Незнакомцев.

Парящий Клинок и Виверноязыкая Чаша были потеряны для Марлина. Он больше не мог призвать своих собственных огненных убийц, чтобы спастись.

Если для спасения не было уже слишком поздно.

Он чувствовал, как его собственная жизнь покидает его, вытекает толчками...

Этого не могло быть! Не могло...

Он был лордом Марлином Грозозмеем! Разве они этого не знают? Как они посмели?

Кто-то ещё неторопливо обошёл трёх призраков и протянул длинные, стройные руки, чтобы забрать Клинок и Чашу. *Его* Клинок и Чашу.

В блекнущем, предсмертном недоверии Марлин посмотрел на неё. Помутившимся взглядом он различил высокую, стройную, красивую человеческую женщину с жестоким лицом и тёмными, полными ярости глазами, облачённую в чёрные одежды, с серебряным плащом на плечах. Её он тоже никогда раньше не видел.

Она положила меч и чашу на столик, до которого Марлин не мог дотянуться, и Грозозмей увидел окровавленное лезвие кинжала, выступавшее у неё меж грудей.

Он быстро угасал, жизнь вытекала из его бесполезных обрубков с каждым ударом сердца. Он попытался поднять их к ней, и его усилие заслужило холодную усмешку в ответ.

— К-кто ты? — сумел выговорить он.

— Госпожа призраков, — раздался насмешливый ответ. — Я собираю призраков синего пламени. Твои станут прекрасным пополнением моей коллекции.

Она шагнула ближе. Марлин с тупым, предсмертным интересом уставился на измазанный кровью кончик, выступающий у неё из грудной клетки.

Она улыбнулась.

— Нравится? Я ищу человека, который воткнул его туда. Знаменитого волшебника по имени Мэншун. Уверена, ты о нём слышал, но не встречал ли ты его где-то поблизости? Недавно?

Марлин покачал головой.

— Кто-нибудь ещё в Кормире собирает призраков синего пламени?

— Один появился... на Совете, — слабо ответил он, чувствуя вкус собственной крови во рту. — Никто не знает, кто им управляет.

Она неожиданно наклонилась и взяла его за горло жестокой сильной хваткой.

— Ты сказал мне правду? — прошипела она, и в глазах женщины внезапно заплясал синий огонь.

Марлин задрожал, пытаясь не закашляться.

— Д-да.

Она встряхнула его, обжигая взглядом.

Затем, неожиданно, она начала рассказывать ему историю, быстро шепча слова.

— Тот, кого зовут Мэншуном, буквально ударил меня в спину, много лет назад, и как видишь, оставил во мне свой погрузившийся по самую рукоять кинжал. Я проклята и не могу умереть, пока заклятье на снимут — и живу в вечной агонии. Хуже, чем ты чувствуешь себя сейчас, червяк.

Марлину как раз хватило сил недоверчиво покачать головой.

— Меня ведёт боль, — прошипела она ему в лицо. — Боль и ненависть. Я ищу смерти Мэншуна. Я не смею вырвать его кинжал, потому что это изменит чары на моём теле и я буквально сгнию заживо. Может, такова моя судьба, но пока я не хочу её выбирать.

Выпрямившись, он выдернула умирающего лорда из кресла. Марлин оказался рядом с женщиной, повиснув на её руках, сжимавших его за плечо и горло.

— Я иду по следу Мэншуна, — прошептала она. — Он — Коллекционер призраков синего пламени; он разыскивал их, когда мы встретились, все эти годы тому назад. Собирая мою собственную коллекцию, я надеюсь выманить его из укрытия. Ко мне. В пределы досягаемости, по крайней мере.

Марлин Грозозмей смотрел на неё стеклянным взглядом тёмных и пустых глаз.

— Итак, — прорычала она, — можешь ли ты рассказать мне что-нибудь, что поможет отыскать Мэншуна, обречённый лорд? Хоть что-нибудь?

Но она трясла мертвеца. Пока она шипела ему свои слова, Грозозмей скончался.

С тихим проклятием она швырнула его безвольное тело на пол.

* * *

Стены комнаты в недрах самого глубокого уровня дворцовых погребов поросли тёмной, болезненной на вид зелёной плесенью, а воздух был сырым и зловонным.

Лорд Арклет Делькасл подвёл волшебника Трейсгара с пустым взглядом к массивному каменному столу, который был единственным предметом мебели в комнате, снова огляделся вокруг, и закатил глаза.

— Здесь внизу около шести сотен комнат, и мы должны встречаться именно в этой?

Его голос принадлежал Эльминстеру.

Хоть Вангердагаст и превратился в паукообразное нечто, но пожимать плечами он по-прежнему умел.

— Никто к ней и близко не подходит. Поэтому она полезна. Ты даже не представляешь, сколько любовников прокрадываются вниз в погреба для волнительных свиданий в свете свечи.

— Ещё как представляю, — мрачно ответил Эльминстер. — Уж поверь.

Он посмотрел вниз, на лежащего на столе мужчину, на голове которого, будто охраняя его, сидел Ванги-паук.

Юный, с приятной внешностью, но не слишком красивый, на вид — из чондатанцев. Одет в мантию вроде тех, что предпочитают боевые маги. Дышит очень медленно, но без сознания. Заметных ранений или шрамов нет.

— Кто это?

— Боевой маг Релдик Эпплкраун. Юный, преданный, не слишком умелый в Искусстве. От ран, полученных прошлой ночью в схватке с созерцателем, его исцелили, но его зацепила магическая отдача и лишила большей части разума.

— Сожжённые мозги, — пробормотал Эл, глядя на Вангердагаста с безмолвным вопросом в глазах.

— Твоё новое тело, если хочешь, — хрипло сказал бывший королевский маг Кормира. — Королевство в долгу перед тобой. Девять Адов, оно должно тебе куда больше. Как и я.

Эльминстер мрачно посмотрел на него.

— Спасибо.

Он наклонил голову Арклета в сторону Трейсгара и спросил:

— Он нужен тебе на столе?

— Нет, — ответил Ванги. — Просто заставь его обойти кругом — медленно — пока мы примемся за работу.

Эльминстер так и сделал, и они вдвоём, ведомые заклинанием Вангердагаста, погрузились в разум Велвина Трейсгара, затуманив его память несколькими наслаивающимися друг на друга заклятьями, чтобы он забыл о том, как помог своим узникам сбежать. Затем они опустили Трейсгара на пол и наложили простые сонные чары.

— Я поддержу тебя, когда окажешься внутри, — предложил Ванги, кивая на юношу на столе. — Не хватало ещё, чтобы ты встал и споткнулся о Трейсгара, а он проснулся и решил, что встретил двух магов-предателей и паукообразную тварь, которых немедленно требуется испепелить.

Эл пожал плечами.

— Глатра бы так и сделала.

Вангердагаст всё ещё невесело смеялся, когда молодой волшебник на столе дёрнулся, затем забился в конвульсиях.

— Не пытайся пока встать, — посоветовал паук. — Сначала я должен рассказать лорду Делькаслу о том, что мы собираемся сделать, иначе он может решить, что не стоит тебя ловить, когда ты начнёшь падать.

Похожие на паучьи лапы пальцы поднялись, указывая вниз за край стола.

— Арклет, попытайся не наступить на Трейсгара. Он будет смотреться немного странно

с отпечатками сапогов на лице, когда они обнаружат его спящим в кровати, в которой его быть не должно, где-нибудь во дворце.

— А... в какой кровати? — осторожно спросил Арклет.

— В одной из готовых комнат в гостевом крыле, думаю — там его найдут прежде, чем он умрёт от голода. Мои сонные чары не спадают — при условии, что потолок не обрушится и кровать не сломается — пока кто-нибудь из нас четверых не коснётся его.

— Четверых?

— Я считаю Эла, болван. *И* его новое тело. Которое на самом деле пока ещё не его — до тех пор, пока он не научится ходить и разговаривать.

Арклет недоверчиво нахмурился, и почти одновременно человек на столе неловко подбросил руку в воздух, попытался пошевелить пальцами и открыл челюсть достаточно, чтобы произнести:

— Поооооокаа неммноого неепривввычно!

Закатив глаза, лорд сделал быстрый шаг назад, чтобы оказаться в стороне, если тело внезапно начнёт размахивать конечностями.

— Мудрый парнишка, — мрачно провозгласил Вангердагаст за миг до того, как дикий взмах руки Эпплкрауна сбросил его самого со стола.

Арклет захихикал, потом позволил себе громко захохотать.

— Вот так, парень, — раздался голос Ванги откуда-то с пола по другую сторону стола. — Мне нравятся ручные лягушки, которые умеют смеяться.

* * *

Многолюдные и яркие коридоры дворца, увешенные щитами и заставленные статуями, не входили в число излюбленных мест Глатры для важных политических дискуссий, но старший рыцарь Старбридж и сэр Талонар Винтер подбежали к королевскому магу когда он, Вэйренс и Глатра направлялись на кухни, чтобы перекусить. Она не помнила, когда в последний раз жевала еду или осушала что-то кроме кубка с водой, схваченного с подноса проходящей мимо служанки.

Похоже, кто-то вломился в особняк Стагхэвен, оставшись незамеченным соседями или патрулями стражи, и убил лорда Виндстага вместе с большей частью его слуг. И совсем недавно — когда их нашли, из некоторых тел по-прежнему текла кровь. Драконы, осмотревшие дом, узнали среди распростёртых тел человека, которого там не должно было быть: дворцового сенешаля Рорстила Холлоуданта. Что ещё хуже, кто-то наложил на убитых могущественные чары: трое жрецов и молодой боевой маг, которые использовали на трупах заклинания, пытаясь узнать больше об их гибели, немедленно погрузились в лающее, воющее безумие.

— Никаких больше попыток использовать любую магию на убитых, — мрачно постановил Ганрахаст. — Возьмите самый старый фургон для припасов, вывезите тела на скалы у Западного холма и сожгите их там вместе с фургоном. Пускай стражники держат любопытных зевак подальше. Я хочу, чтобы это было сделано в тайне, насколько возможно — чтобы не расползлись слухи.

Старбридж и Винтер кивнули, поклонились и поспешили прочь, выполнять указания.

— Так кто, по-вашему, это сделал? — произнёс Вэйренс, глядя, как они спешат по

коридору, стремительно удаляясь.

— Дворяне убивают дворян, — вздохнул Ганрахаст. — Началось.

— Королевский маг, — угрюмо сказала Глатра, — со всем уважением, это началось немного ранее. Просто сейчас станет ещё кровавее.

— Пролитой среди дворян крови я ожидал, — ответил Ганрахаст. — Предательства и измены среди людей Короны — вот что выводит меня из равновесия. И, что более важно, выводит из равновесия Драконий Трон.

— Каждое из них, — согласно кивая, подтвердил Вэйнренс.

— Захоронения в королевском склепе уже изучили? — спросил их Ганрахаст.

— Да. Всё на месте, ничего не пропало, пустых гробов больше нет. Были наложены новые защитные и сигнальные чары.

— Вы нашли Вангердагаста? — резко спросила Глатра.

— Нет.

— А почему? — надавила на него Глатра, как будто тот был непокорным юным магом, а не её начальником.

Лорд печатей пожал плечами.

— Он не хочет быть найденным.

* * *

Призраки покинули охотничий домик зловещей безмолвной процессией. Их госпожа выскользнула следом с Парящим Клинком и Виверноязыкой Чашей в руках. Она даже взгляда не бросила на распростёртый на полу труп Марлина Грозозмея.

Комнату начал наполнять смрад горячей головы Берта Галханта, но дверь вскоре снова открылась.

Вошёл единственный человек, в плаще и капюшоне, и подошёл прямо к мёртвому лорду.

Напевая себе под нос строчки из баллад, новоприбывший нагнулся, чтобы подобрать две отрубленных руки и сложить их в мешок.

— Но её глаза, тёмные как ночь, смотрели только на меня-аа...

Тихое пение прекратилось, и снова зачирикали птицы.

Когда они умолкли и дверь в хижину снова отворилась, голова в огне уже превратилась в чёрный комок — череп, в котором сложно было узнать Берта Галханта.

Двое телохранителей были разгорячёнными, вспотевшими и очень усталыми. Не говоря уже о голоде. Они провели на ногах всю ночь, и если их безумный хозяин сейчас не спал, то они определённо этого хотели.

— Лорд Грозозмей? — позвал один из них, увидев, что кресло — нет, вся комната, прятаться было негде — пусто. Он заглянул на чердак, но увидел там только шкуры и трофеи, никаких затаившихся убийц.

Второй телохранитель коснулся его руки и молча указал вниз, на кровь на полу.

Крови было много.

— Тлуин, — выругался первый и поспешил к ведущей на кухню двери, чтобы убедиться, что Грозозмея — или кого-либо ещё — там нет.

Он вышел обратно, качая головой.

— Обойдём хижину кругом.

— Конечно, — ответил второй, доставая меч. — Ты думаешь о том, о чём и я?

— Если ты думаешь, что лорд Могучие штаны Грозозмей мёртв, и мы лишились нанимателя и скорее всего нас будут разыскивать как убийц, значит да.

Они обменялись мрачными кивками и поспешили наружу.

Так и не увидев и не услышав человека в капюшоне, который следил за их тщетными поисками из-за далёкого дерева, напевая очень тихо:

— Нет ничего печальнее... телохранителя... без тела, чтобы... охранять.

Глава 29

Иная ночь

В клубе Драконьих Всадников ночь выдалась долгой, и Амарун так устала, что её танцы вскоре превратились бы в храпящие падения на колени клиентов, попытайся она продолжать.

После того, как она вернулась к выступлениям, каждая ночь казалась длинной.

Дело было не в работе: дело было в напряжении.

Все осторожно следили друг за другом; каждый оглядывался через плечо; у каждого был запасной нож или мешочек с песком или перцем... за десять дней после Совета Сюзейл надел маску спокойствия, которой никто не доверял.

Все выжидали, чтобы увидеть, как и когда вспыхнет драка.

Никто не сомневался, что это произойдёт. Большинство дворян, которые явились на Совет, по-прежнему были в городе, строя заговоры и интриги за закрытыми дверями, но на улицах и в лавках соблюдая демонстративную вежливость.

Добрые купцы Сюзейла — и не особенно добрые тоже — стремительно зашибали монеты, обеспечивая лордов, их прислугу и телохранителей пищей и выпивкой, но задумываясь, как скоро закончится этот водопад щедрости. И насколько жестоко.

Прямо сейчас Рун чересчур, до самых костей, устала, чтобы продолжать об этом думать. Впрочем, она и так уже размышляла об этом слишком много.

Сильнее всего, как обычно, болели ступни.

Она задумчиво помассировала их, свернулась клубочком в кресле, затем встала с него, чтобы найти одежду. Удивительно, как её собственная жизнь вернулась к привычной рутине. К тому, как жила девушка, прежде чем некий лорд Делькал обзавёлся к ней *очень* личным интересом.

Не говоря уже о сумасшедшем старике по имени Эльминстер и зловещей воровке по имени Талан.

Вздвогнув при воспоминании о последнем имени и задумавшись, не пора ли ей в конце концов отправляться домой, Амарун провела пальцами по волосам, чтобы расправить их, с зевком попрощалась с зеркалом, задула маленькую лампу и в полной темноте уверенно прошла к двери.

Казалось, с тех пор, как она была Тихой Тенью, угрозой ночи, миновала целая жизнь. На какое-то время за последние несколько дней — неужели их и в самом деле было так мало? — она превратилась в украшение для щегольского юного лорда. Сильная девушка, но всего лишь девушка, бедная и с никому не известной фамилией...

Стражник, которого Тресс наняла, чтобы следить за чёрным ходом и улицей снаружи, чтобы никто не притаился там, поджидая её танцовщиц, улыбнулся и кивнул Рун.

Это означало «там безопасно, насколько оно вообще обычно бывает». Подавив новый зевок, Рун улыбнулась в ответ, взмахнула рукой на прощание и выскользнула за дверь.

Улица не пустовала. Сверкающий белый экипаж стоял там, где девушка наверняка врезалась бы в него, если бы вышла, опустив голову. Лошади довольно перебирали копытами, сунув морды в мешки с овсом. Из ближайшего окошка ухмылялось ей знакомое лицо.

— Лорд Арклет Делькасл, — поприветствовала она его с усталой усмешкой. —

Надеюсь, вы ничего от меня не ожидаете. Например, что я буду бодрствовать.

Арклет распахнул дверь и выскочил наружу, чтобы с изящным поклоном ей помочь.

— Ничего подобного, уверяю. Я получу всё требующееся мне сейчас наслаждение, взяв силой твоё храпящее тело — а серьёзно, Рун, почему бы не провести ночь под моей крышей в особняке Делькаслов? В одиночестве, в гостевой спальне, со слугами, которые знают, что тебе нужно поспать, и роскошной трапезой, ожидающей тебя, когда ты наконец встанешь? Мать не будет возражать, учитывая, что она сама это предложила. Что скажешь?

— Скажу «да, пожалуйста, и очень большое тебе спасибо, галантный лорд, и разбуди меня, когда мы приедем», — счастливо ответила Амарун, устраиваясь на мягком сидении экипажа.

Через мгновение они катились по улицам, она прижималась к Арклету и болтала без остановки. «Изливала все свои секреты», как сказала бы Тресс.

— По правде говоря, я чувствую себя так, будто угодила в лабиринт, — щебетала она. — Вернулась к прежней жизни, как будто всё это, созерцатель и проведённое в цепях во дворце время — и всё остальное — как будто всё это было не по-настоящему. Но когда я оказываюсь в одиночестве, это снова захлёстывает меня, всё плохое, я имею в виду. Я по-прежнему боюсь, что Талан появится, когда я меньше всего буду готова, и по-настоящему боюсь, что в моих апартаментах меня будет ждать смертельная ловушка — или жестокий убийца с толстой шеей. Но когда я оказываюсь на залитых солнцем улицах, всё становится иначе — Эл и Шторм просто ушли, а вместе с ними — все волнительные и важные дела, которыми мы занимались!

Арклет кивал, поэтому она продолжила.

— Я... я боюсь, что теперь никогда больше не осмелюсь приблизиться ко дворцу, в одиночку и самостоятельно... и все ещё чувствую, что не принадлежу к вашему величественному и дорогому миру дворян — и мне кажется, что никогда не буду.

Арклет улыбнулся.

— Дворяне не так уж отличаются от простолюдинов, — тихо сказал он ей. — Мы просто более испорчены, более помпезны, лучше питаемся — и у нас больше монет, которые можно потратить, и лучшая одежда, в которой их можно потратить, вот и всё.

— Вот и всё, — зачарованно повторила она.

Да, эти слова были правдой, потому что они с матерью Арклета постепенно становились подругами, и мало кто мог сравниться с Марантиной Делькасл по части холодного высокомерия, когда она изображала благородного до мозга костей матриарха.

Странное спокойствие, которое воцарилось в Сюзейле, наступило после того, как в стычках и поединках было ранено немало дворян. Некоторые высокорожденные покинули город ради относительной безопасности их разнообразных загородных имений.

Но интриги всё-таки не прекращались, лорды продолжали как можно быстрее нанимать бойцов — некоторые в куда больших количествах, чем любой беспристрастный наблюдатель мог посчитать необходимым для охраны, или, если уж на то пошло, в больших количествах, чем позволяли законы королевства — но всё это происходило не на виду, за закрытыми дверями или высокими стенами особняков и имений.

Боевые маги снова взяли ситуацию под контроль, возглавляя очень заметные патрули драконов, призванные поддерживать порядок в городе, удалять нежелательные элементы, и поддерживать сторожевой гарнизон на случай неминуемого вторжения, о котором ходили слухи. Все независимые маги в Сюзейле находились под тщательным присмотром, и

казалось, что большинство простолюдинов — после первоначального стремления заполучить средства транспортировки для быстрого бегства и монеты, чтобы тратить в изгнании — затаили дыхание и просто ждали, что произойдёт следующим.

— И скорее всего, — мрачно заметил Арклет, когда их экипаж свернул за угол, — это будут неприятности со стороны Сембии, или что-то особенно жестокое, глупое и своевольное от одного из старших домов. Моя мать горячо с этим спорит, но это правда. Это поймёт любой, кто потрудится задуматься на подобную тему.

Он вздохнул.

— Мне интересно, кто станет следующим камнеголовым идиотом, который поставит под угрозу всё королевство?

— Арклет Делькасл! — выкрикнул кто-то, как будто в ответ — и к притормозившей повозке из темноты бросились люди.

Арклет схватился за меч, и Рун, чьё сердце неожиданно затрепетало, занесла за ухо один из своих ножей, готовясь его метнуть.

Но человек, который шагнул к карете, чтобы постучать в закрытое окно, лучезарно улыбался и был знаком Арклету.

— Здравствуйте, лорд! — были его первые слова, когда Арклет открыл окно. — Я — мы — служим лорду Элберту Олдбрайдлу, который поручил нам пригласить вас на званый ужин завтра, в доме лорда Арканона Наландера.

— Это открытое приглашение, Кларн? — мягко спросил Арклет.

— Нет, — прозвучал ответ.

— Не трудитесь приводить вашу любовницу, — холодно добавил Кларн, бросив взгляд на Амарун.

Арклет кивнул, наёмник Олдбрайдла спрыгнул с подножки, и карета снова пришла в движение.

— А это что ещё было? — спросила Амарун.

— Приглашение присоединиться к заговору лорда Наландера с целью посадить кого-то — скорее всего, его самого, его сына Аркельда или, возможно, того, кого выбрали его сембийские союзники — на Драконий Трон после того, как молодые глупцы вроде меня рискнут шеями, уничтожая дом Обарскиров, — мрачно ответил Арклет. — Идея сбежать в лес со Шторм и Эльминстером и задержаться там начинает казаться мне всё привлекательнее и привлекательнее.

— Что случится, если ты не придёшь? — тихо спросила Амарун.

— Они решат, что я враг, и поведут себя соответствующе, — спокойно ответил Арклет. — Видишь? В конце концов, не так уж мы и отличаемся от простолюдинов.

Амарун покачала головой и прошептала:

— Ты понятия не имеешь, каковы простолюдины на самом деле, не так ли?

Арклет нахмурился.

— Госпожа, — резко сказал он, — я изо всех сил пытался идти по жизни с открытыми глазами, видеть сквозь маски, которые надевают люди, встречаясь с окружающим миром, и подмечая подробности множества жизней, профессий и обычаев, чтобы...

— О, я не говорю, что вы видели только жизнь и дела дворян, милорд, — честно сказала ему Амарун. — И это одна из причин, по которой... по которой я люблю тебя. Я... я...

Она обхватила его руками, потянула его к себе в объятия и прошептала:

— Что ты собираешься делать? Если не эта партия заговорщиков, то какая?

— Никакая, — отрезал Арклет. — У нас есть собственная партия — ты, я, госпожа Шторм, Мирт, твой пра-прадед. Плюс, наверное, призрак принцессы Алусейр, когда мы отправимся во дворец.

— Так мы повернём повозку и направимся в гостиницу, где расположился лорд Хелдерстоун?

— Утром, — сказал ей Арклет, на лице которого проступила улыбка. — Этой ночью, госпожа Рун, ты принадлежишь *мне*.

* * *

— Уже несколько дней нет никаких признаков юного лорда Грозозмея или его пылающих убийц, — произнёс Эльминстер. — Интересно, кто до него добрался?

— Думаешь, он мёртв? — вместо ответа спросила Шторм.

Этим утром они со Шторм шагали по просторной, залитой светом ламп улице с благородными особняками, не демонстрируя Сюзейлу своё настоящее обличье.

Эксцентричная старая леди Дарлетра Грейтгонт была известна как коллекционер диковинок, любительница пеших прогулок и охотница. Также она всегда требовала защиты боевых магов, когда находилась в «безбожном, опасном, почти-таком-же-скверном-как-Западные-Врата» Сюзейле. В виде одинокого мага в качестве её постоянного эскорта. Симпатичного молодого мужчины, разумеется.

Боевой маг Релдик Эпплкраун был далеко не самым красивым из боевых магов во дворце и уж точно не самым могущественным. Но он, в отличии от своих коллег, с готовностью согласился выполнить это задание.

Разумеется, леди Грейтгонт не ожидала, что эскорт посетит её спальню — на самом деле, она стала бы громко возмущаться и оскорбилась бы до глубины души при малейшем намёке на подобное «отвратительно прямолинейное» поведение. Просто она любила гулять пешком. И гулять, и гулять, и *гулять*. Неважно, какими зловонными, многолюдными, пыльными или сырыми были улицы Сюзейла — когда она отправлялась в путь, она хотела пройти их все. Ровным шагом, который не оставлял места для промедления или покупок, но никогда не приближался к такому, какой можно было бы назвать «оживлённым».

Волшебники редко любили ходьбу ради ходьбы, и очень часто замечали, что от твёрдых, очень твёрдых камней сюзейльских мостовых у них начинают болеть ноги. Начинают болеть очень быстро и сильно.

Поэтому не было никакого соперничества за право сопровождать госпожу Грейтгонт, и Эпплкраун провёл на ногах долгий, болезненный день — предыдущие восемь или девять дней были такими же — тщательно исследуя Сюзейл на предмет булыжника в мостовой, на который ещё не ступали элегантные босоножки леди Грейтгонт.

Что же касается Шторм, то она износила три пары обуви, откровенно устала от необходимости вежливо кивать каждому патрулю стражи — большинству из них так часто, что она уже знала каждого дракона и мага Короны по их неформальным, сокращённым версиям имён — и заскучала достаточно, чтобы разодрать своё богатое платье, схватить за руку ближайшего купца и броситься танцевать с ним вдоль любой улицы, на которой они находились.

Леди Грейтгонт, разумеется, подобных забав одобрить не могла.

Впрочем, вряд ли ей в ближайшее время доведётся узнать, что некто похитил большую часть её гардероба и с помощью магии надел её обличье, учитывая, что настоящая госпожа Грейтгонт сейчас лежала в постели в апартаментах Мирта, очень больная после того, как некий неизвестный соперник — или один из нескольких куда более молодых наследников Грейтгонтов, страдающий от приступа нетерпения — попытался отравить её и почти преуспел.

Да, её двойник шагал даже более энергично, чем настоящая леди Грейтгонт, но она и Эл недавно провели большую часть последней десятидневки, утомительно прочёсывая Сюзейл в поисках предметов синего пламени, расхаживая по улицам и скрытно испуская мелкие импульсы магического огня, который должен был послать эхо, когда подобный предмет окажется поблизости.

Если они правильно составили заклинание, во всяком случае. Хотя после долгих веков игры с Плетением не так уж много людей в Королевствах могли бы лучше справиться с поиском необычной магии.

— Мёртв или сбежал, — ответил сейчас Эл, спотыкаясь от усталости. — Я почти выдохся, подруга. Давай возвращаться домой. На этих улицах нет ни следа ничего достаточно сильного, чтобы быть нашей целью.

Он взглянул ей в глаза. Леди Грейтгонт казалась такой же толстокожей и упрямой, как всегда, но глаза рассказали ему, что чувствует под этой личиной Шторм. В конце концов, это она служила якорем всем заклинаниям Эльминстера, постоянно возвращая его к здравому рассудку; она должна была устать намного сильнее.

— Как ты, подруга?

— Готова возвращаться домой, — вздохнула она, на мгновение позволив проявиться своей усталости. — Разотрёшь мне ступни, когда мы вернёмся к Мирту? Надеюсь, в этот раз обойдётся без его пьяного рёва. Его пьяный храп и так достаточно ужасен.

— Ха. Ты предпочитаешь обнаружить, что вместе с ним храпит семь-восемь юбок?

Шторм закатила глаза.

— Нет. Когда я вижу их прелести — даже если они потасканные и храпящие — я чувствую себя старой. Я рада, что Мирт вынослив, как молодой жеребец. Я просто хочу, чтобы он не испытывал необходимость доказывать этот каждый второй день! В одну из таких ночей он пригласит не ту девушку, и она перережет ему глотку и заберёт всё, что не прибито гвоздями.

— То есть вообще всё, — согласился Эльминстер. — Что ж, возможно сегодня всё будет иначе.

Так и случилось.

* * *

Счастливым Мирт находился в объятьях девушки свободных нравов, когда что-то, казавшееся похожим на холодный твёрдый камень не меньше его самого весом ударило его по затылку и отправило во тьму.

Девка под ним ещё набирала воздух для крика, когда ей на голову набросили плащ. Затем она получила такой же удар по голове.

Комнаты лорда Хелдерстоуна неожиданно наполнились мужчинами в кожаных одеждах и с оружием в руках, среди которых было два хмурых и осторожно озирающихся мага.

Один из них неожиданно встрепенулся и рявкнул:

— Кто-то — нет, сразу двое — поднимаются по ступеням!

— Я позабочусь об этом, Морл, — сказал второй маг. — Не прерывай свою магическую слежку. Я хочу убедиться, что мы захватим не только тех двоих в поле зрения, но и всех остальных.

Взрывное заклятье, которое он швырнул на лестницу, было куда мощнее необходимого, но ему требовалось отработать свои деньги, а выжившие свидетели являлись таким проклятием, которое способно преследовать тебя до самого конца жизни в этом городе.

— Ты попал в них, Скармар, — удовлетворённо объявил Морлигул Даундаггер. — Мужчину швырнуло вниз со ступеням и выбросило назад из здания. Женщина застряла в перилах, но не шевелится. Больше пока никого не вижу.

— Продолжай следить, — сказал Скармар. Вытащив свой парализующий жезл, он взмахом приказал шестерым-семерым наёмникам следовать за ним.

С вершины лестницы он использовал жезл на распростёртой женщине, затем сказал наёмникам:

— Спускайтесь и отыщите мужчину, которого я взорвал! Я хочу, чтобы он оказался здесь *немедленно!*

С диким грохотом сапог они промчались мимо. Скармар Хелдет с оставшимися громилами отправился за ними следом, зная, что Даундаггер из Хаймуна охраняет их тыл; в Аткатле, откуда он был родом, людей, которые сломя голову бросались в неизвестность, обычно называли «труппами».

— Старовата для проститутки, — прокомментировал один из наёмников, поднимая парализованное тело Шторм. — И платье дорогое.

— Выглядит как благородная, — сказал другой.

— Они сказали, что у него есть служанка, — добавил третий, — так что если благородные леди случайно не начали торговать своим телом, это должна быть она. Она примерно того же возраста, что и он, так? Это служанка Хелдерстоуна, может, принарядившаяся для выхода в люди.

— Они не могут его найти, — неожиданно сказал Даундаггер, глядя куда-то вдаль.

— Стларн, — пробормотал Хелдет. — Ненавижу болтающиеся концы.

Наёмники возвращались к дверям. Он видел по их лицам, что Даундаггер прав.

Он оглянулся на коллегу-мага, на лице которого было нарисовано такое же беспокойство.

— Давайте убираться отсюда, — произнёс он.

Даундаггер кивнул, затем рявкнул воинам:

— Шлюху оставьте в постели, но Хелдерстоуна и его служанку забираем на склад — шевелитесь!

Наёмники потащили неподвижное тело Мирта вниз по лестнице туда, где оставили старую женщину в платье, подхватили её и поспешили в ночь.

— Нам стоит сопровождать их на тот случай, если они повстречают патруль, — сказал

Даундаггер, когда Хелдет положил руку ему на плечо. — Да и вонь того фургона с дерьмом меня не впечатляет.

Он был бы удивлён, узнав, что обожённый и злой боевой маг Релдик Эпплкраун присел в свежем, мокро содержимом ночных горшков по другую сторону старых досок по бокам фургона золотаря, слушая каждое их слово — и удивился бы ещё сильнее, узнав, что Эпплкраун на самом деле был Эльминстером, легендарным убийцей драконов и сокрушителем престолов, Избранным Мистры.

Но так случилось, что Эльминстер не хотел его просвещать. Пока.

— Нужно решить, что сказать о том, который скрылся, — проворчал Хелдет.

— Скажи ему, что мы задержались на мгновение, потому что знали, что он прячется, нашли идиота и испепелили его, — фыркнул Даундаггер. — Что же ещё?

— Сам и скажи, — фыркнул в ответ Скармар Хелдет. — Он платит мне только за работу этой ночью — и теперь, отведав этой работы, я хочу убраться подальше из Сюзейла, пока он не решил избавить Королевства от тех, кто может слишком много рассказать о его намерениях. Будь поосторожнее.

— Ха, — оскалился Даундаггер. — Со мной он на такое не осмелится. Если я погибну, половина заклинаний, что защищают его от слезки и прорицания, умрут вместе со мной — и тогда его собственная быстрая смерть от рук боевых магов предрешена.

— Как знаешь, — ответил Хелдет, отправляясь в путь. Спустя два торопливых шага он оказался окружён мерцающим облаком искр. Волшебной печатью.

Даундаггер жестоко ухмыльнулся. Какое доверие, в самом деле. Эта печать могла предназначаться лишь для защиты от его, Даундаггера, заклинаний.

Так что заклинания он использовать не стал и произнёс вслед Хелдету:

— Идиот. Ты мог бы стать богачом.

Затем Даундаггер огляделся кругом, никого не заметил, и отправился туда, где исчезли остальные наёмники.

— Что ж, пойдём сообщать хорошие новости.

Он оглянулся в последний раз, прежде чем повернуть за угол, но так и не увидел испачканного, хлюпающего человека, который тихо вылез с дальней стороны фургона с дерьмом, чтобы тихонько прокрасться следом за ним, оставляя слизистый след.

Он что-то *унюхал*, но в конце концов, там же был фургон.

Глава 30

Убийство лорда Хелдерстоуна

С тех пор, как его тело в прошлый раз способно было по-настоящему бегать, прыгать и мчаться как ветер, прошли годы, а быстрый бег, казалось, заглушал непреодолимую вонь ночных горшков, так что Эльминстер бежал.

Если он попробует проследить за Даундаггером — беспринципным местным магом по найму, которого пару раз встречал в портовых тавернах ещё в то время, когда изображал Элгорна Ролигана — то следует признать, что подкрасться к жертве получится лишь в том случае, если Даундаггер почти полностью утратит чувство обоняния. Но если Эльминстер нырнёт в параллельный переулок и опередит мага, тот по крайней мере не заметит его, оглядываясь.

Эл бежал, пока в лёгких не закончился воздух, затем свернул на боковую улочку, чтобы оказаться впереди Даундаггера. Тот действительно оглянулся, а потом повернул на улицу, где находился закрытый двор с повозками.

Маг издал низкий свист, и из тени между повозками и фургонами быстро возникли пятеро воинов в одинаковых сюрко, обступив Даундаггера. Маг с видом высокомерного дворянина двинулся дальше, и воины одновременно построились кольцом вокруг него, маршируя, как телохранители.

Они направлялись к лучшим улицам, где стояли огороженные стенами особняки покрупнее, но сейчас находились в квартале того сорта, где селились зажиточные купцы и те дворяне, что не обладали достаточным богатством, чтобы, скажем, по мимолётной прихоти купить деревню.

Так что Эльминстер нырнул в первую оказавшуюся поблизости клумбу — так случилось, что она принадлежала лорду Релгадрану Лоруну — чтобы хорошо покататься на ней, избавившись от части дерьма и покрыв себя запахом свежераздавленных цветов. В конце цветочных грядок находился фонтан, и Эл с радостью скользнул в неглубокий бассейн вокруг него, чтобы ополоснуться, затем поспешил следом за процессией Даундаггера.

Две улицы спустя, у дверей «Трёх Ворон», знакомого Эльминстеру клуба для благородных, телохранители растворились. Небольшое, тихое заведение из камня, в котором часто вели короткие и приватные разговоры, в настоящее время — средоточие власти дворянской партии, возглавляемой лордом Донтингхорном.

Морлигул Даундаггер вошёл внутрь таким с величественным видом, какой не устыдил бы любого высокорожденного патриарха, и Эльминстер дал ему два вдоха, чтобы заказать напиток и отойти от двери, прежде чем отправился следом.

Когда стражи у входа плавно преградили путь мокрому и потрёпанному незнакомцу, Эл, не останавливаясь, пробормотал: «Срочное послание лорду Донтингхорну», и стражники без всяких эмоций снова освободили проход.

Внутри «Воронов» было даже тише обычного. Многие столики пустовали, но закрытые занавески на входе в приватные кабинеты вдоль задней стены сказали ему, что каждый кабинет занят.

Даундаггер как раз скользил к одному из таких входов — к одному из нескольких, у которых стояло по двое равнодушных телохранителей.

— Здравствуйте, Рорн, Брабрас, — поприветствовал телохранителей по имени

Даундаггер, скользнув между ними и нырнув за занавес.

Эльминстер быстро уселся за столик спиной к кабинету и пробормотал заклинание для подслушивания.

Оно растворилось почти сразу же, развеянное более сильной охранной магией, но Эл успел услышать, как мужской голос произносит:

— А, Даундаггер! Как всё прошло?

Рядом с Эльминстером возник невозмутимый официант.

— Чего желаете?

— Огненное вино, один графин, — отозвался Эл. — Обязательно выдержанное, не последнего сезона и не, — его передёрнуло, — *свежее*.

подавальщик кивнул и скользнул прочь, очевидно посчитав Эльминстера эксцентричным лордом, а не простолюдином, которого следовало бы выкинуть из клуба.

Он почти сразу же вернулся с графином, и Эл устроил целое шоу, критически обнюхивая вино, прежде чем кивнуть и с лёгкостью бросить в протянутую руку официанта сапфир размером с его большой палец.

У официанта глаза широко распахнулись, но он низко поклонился и без единого слова отошёл, правильно истолковав поднятую в знак «стоп» руку Эла как отказ от сдачи.

Эл был уверен, что леди Грейтгонт, обладательница сорока шести практически одинаковых платьев, украшенных сапфирами, не станет скучать за одним из них — и учитывая, что три сапфира, которые носила Шторм, после магического взрыва оказались на улице вместе с ним, у него оставались ещё два камня.

Наполненный огненным вином графин превращается в прекрасное зеркало, если на него правильно падает свет, так что Эл без всяких затруднений увидел, как Даундаггер показывается наружу из кабинета и смог опознать вышедшего вместе с ним лорда. Добрый старый лорд Тревин Илланс. Ну-ну.

Илланс и Даундаггер направились вдоль линии кабинок к туалетам в конце помещения. Два телохранителя Илланса осторожно держались от них в трёх шагах. Захватив свой напиток, Эльминстер вальяжно двинулся в ту же сторону.

Лорд скрылся в туалете. Даундаггер помешкал, пожал плечами, затем зашёл в соседний. Эльминстер бесшумно сотворил заклинание.

Вуаль тьмы, которую он призвал, была достаточно широкой, чтобы оградить этот конец комнаты от любых взглядов, достаточно густой, чтобы окутать головы телохранителей и ослепить их, и перемещалась по приказу его воли, так что он мог держать вуаль вокруг них... если телохранители не разбегутся слишком далеко в противоположных направлениях.

Эльминстер допил своё вино, поставил пустой графин на стол, мимо которого проходил, и шагнул прямо к Рорну и Брабрасу — которые выхватили мечи и размахивали руками, выдавая свой внезапный испуг от погружения в непроглядную тьму. Они уже готовы были закричать, так что Эл бросился им за спину, притронулся к затылку каждого, чтобы заклинанием лишить чувств, подхватил их мечи, чтобы избежать громкого звона, положил оружие на бесчувственные тела и переступил через них — в туалет, где исчез волшебник.

Прислуга «Воронов» заметила, что что-то не так, о всё, что они слышали — короткое, нечленораздельное удивлённое восклицание из-за пелены наверху наволоканного мрака.

Старый официант закатил глаза. Ох уж эти юные лорды! Не могут потерпеть до дома, но не хотят, чтобы кто-то видел их лица, пока они осёдлывают какую-то девку — или благородную дочь из соперничающей семьи. Так что небольшая магическая темнота... а

дальше что, начнут использовать магию, чтобы появляться здесь под фальшивой личиной?

По другую сторону вуали из туалета вышел Даундаггер, затащил туда Рорна и устроил его и меч на валявшемся без сознания Морлигуле Даундаггере, закрыл дверцу и убедился, что она останется закрытой. Затем Даундаггер-двойник уселся за соседний столик и устремил своё внимание в другом направлении... пока его завеса тьмы плавно втекала в туалет, который он только что забил телами.

Официанты увидели, как исчезает тьма, и не заметили ничего необычного, кроме распростёртого на полу человека с мечом на теле.

Старший официант направился туда, чтобы посмотреть, что произошло, но ему оставалось ещё добрых двенадцать шагов, когда дверца туалета отворилась и вышел лорд Илланс, обнаружив за столиком своего волшебника — и одного из телохранителей распростёршимся без чувств на полу.

Собственный меч телохранителя — без всяких следов крови — лежал сверху на его теле. Ни крови, ни заметных ран не было.

— Это сделала девка, — указывая на тело, объяснил Морлигул, прежде чем лорд успел спросить. — Рорн за ней погнался.

Илланс посмотрел на бесчувственного Брабраса, покачал головой, раздражённо вздохнул и проворчал:

— Как сложно сейчас найти хороших наёмников! Пойдём!

Он зашагал к парадной двери «Воронов». Эльминстер поспешил следом.

* * *

Третий резкий и звенящий удар наотмашь разбудил Мирта.

Судя по обжигающему чувству с этой стороны его лица, предыдущие удары были нанесены с большим энтузиазмом, но не смогли привести его в чувство.

— Надеюсь, что ты красивая молодка, — прорычал он, — потому что мне нравится, когда меня такие бьют.

Он попытался повернуть голову и обнаружил, что привязан — весьма и весьма большим количеством очень туго затянутых верёвок — к креслу на просторном складе.

Перед ним стоял лорд Тревин Илланс, на лице которого красовалась неприятная улыбка. Старого лорда окружали пятеро головорезов в одинаковых сюрко и ещё один человек, который казался скорее магом, чем воином. Пока Мирт разглядывал их, Илланс кивнул своим телохранителям, и те исчезли за дверью в стене позади него. Казалось, пятеро головорезов рады были уйти.

— Думаю, мы оба знаем, почему ты здесь, Ролигус, — холодно сказал Илланс.

— Ты втрескался в меня и хочешь насладиться моими прелестями в приватной обстановке? — с надеждой спросил Мирт.

Илланс сощурился. Он посмотрел на мага, потом обратно на Мирта.

— Твой голос отличается, и слова, которые ты используешь, тоже... ты ведь лорд Ролигус Хелдерстоун, не так ли?

— Прошло слишком много лет, — радостно отозвался Мирт. — Я привык быть лордом Хелдерстоуном, да.

Илланс кивнул.

— Тогда ты должен помнить, что должен мне весьма внушительную сумму. Семь сотен тысяч золотых львов, если быть точным. Не говоря уже о дополнительных десяти тысячах за каждый год со времени твоего займа. Который был *двадцать девять* лет назад.

— Да?

— Ты это оспариваешь?

— Нет.

— Хорошо. Тогда ты также должен вспомнить, что вся сумма подлежит оплате в том случае, если ты когда-либо вернёшься в Кормир. Что ты, очевидно, и сделал. Возможно, потому что тебе в спешке пришлось покинуть Сембию благодаря какому-нибудь новому врагу — и ты посчитал меня менее опасным.

— Да.

— Я слышал, что ты в Сюзейле уже почти десять дней. Но мне пришлось узнать это от других, потому что от тебя я никакой весточки не получил. Ты не связался со мной сразу же по приезду в город, чтобы предложить возмещение своего займа, несмотря на то, что такой поступок с твоей стороны был одним из условий нашего соглашения. Мне больно, Ролигус. Больно. Почти так же больно, как все эти годы, что я жил в нужде без своего золота. Оно звало меня, Ролигус, пока я скаречничал, экономил и обходился без денег... но я находил скудное утешение в том, что моё золото по крайней мере находится в руках честного человека, справедливого человека. Соперника, кто-то даже может сказать — врага, но честного человека.

Илланс начал расхаживать из стороны в сторону, тяжело дыша. Волшебник на заднем плане улыбался и наслаждался представлением.

— Я честный человек, — с готовностью согласился Мирт.

Илланс остановился.

— О? Ты так утверждаешь? Почему же ты нарушил наш уговор, вернувшись в славный Сюзейл, чтобы жить, как декаданствующий король, выпивая бочонок за бочонком и ночь за ночью кувиркаясь на надушенных простынях с доступными девками, не сообщив при этом мне ни слова? Поскольку я не вижу здесь поступка честного человека. Я вижу наглое поведение *жулика*.

— Нет-нет! — запростестовал Мирт, пытаясь попробовать свои пути на прочность так, чтобы не было заметно. Боги внизу, какими же они оказались тугими. Он был связан, как мясо для запекания — и точно так же обречён. — Ничего подобного!

— От повторения ложь не становится убедительнее, — холодно ответил Илланс, взмахнув рукой. — Достаточно. Я надеялся на мольбы, на отчаянные предложения в обмен на жизнь — или хотя бы сохранение некоторых конечностей — но ты, похоже, превратился в какого-то радостного полудурка. Так что слушай свою судьбу — пятеро моих головорезов будут пытаться тебя, пока ты не выдашь не только место, где спрятано золото, которое ты мне должен, но и местонахождение всей твоей собственности и богатства. Всего. Если ты останешься жив, мы посадим тебя на судно до Западных Врат, где тебя высадят, голого и сломленного, в доках, чтобы посмотреть, как ты будешь выживать в этой прекрасной яме с гадюками.

— Н-но ты же отослал их, — остроумно заметил Мирт.

Илланс улыбнулся.

— О, они возвратятся. Как только закончат забавляться с твоей служанкой в соседней комнате.

Он злобно ухмыльнулся.

— На самом деле она твоя жена, не так ли? Носит сапфиры, да? О, да, я ожидаю их возвращения. Но мы не должны торопить моих верных клинков... их там *пятеро*.

Мирт впервые позволил себе принять испуганный вид. Его песенка была спета. Кольцо железной стражи, что дала ему Шторм, защищало от металлического оружия — до тех пор, разумеется, пока его не снимут — но было множество других способов причинить человеку боль. Зажарив живьём или сломав большую часть костей, к примеру.

— И откуда тебе знать, что я не солгу? — спросил он. — Не пошлю тебя напрямиком в одну ловушку за другой?

Илланс улыбнулся, сжав губы в тонкую линию.

— Этот нанятый маг скажет мне, если ты солжёшь. И будет держать тебя живым и в сознании, чтобы ты мог насладиться каждым мгновением боли.

Волшебник торжественно подмигнул Мирту. Затем он повернулся к двери, в которой исчезли телохранители, и позвал:

— Подруга, ты закончила?

Дверь открылась и внутрь вошла Шторм, волоча за собой за горло бесчувственное тело самого крупного из головорезов.

Она была босоногой и окровавленной, платье разодрано на куски, которые цеплялись к её телу в основном из-за пропитавшей их крови — но она ухмылялась.

— Закончила, — просто ответила она, пересекая комнату. Позади неё, в дверном проёме, можно было разглядеть других телохранителей, разбросанных по комнате, которую она покинула.

Шторм направлялась к Иллансу, который после единственного взгляда на неё повернулся и с удивительной скоростью бросился бежать.

Эл поспешил за ним, догнал и спокойно поставил подножку.

Иллансу как раз хватило времени подняться на колени, прежде чем до него добралась Шторм. Её нога ударила его под подбородок, отбрасывая голову назад и подбрасывая в воздух всё тело.

У них на глазах старый лорд без чувств рухнул на пол. Шторм подождала, пока Илланс не прекратит шевелиться, прежде чем снять с его пояса кинжал и передать его Мирту.

— Ого, — сказал Мирт. — С этим клыком ты выглядишь опасной.

Шторм усмехнулась измазанным кровью лицом.

— С этим клыком я чувствую себя опасной. Но о чём тебе волноваться? Ты всегда хотел бондаж и голую женщину...

— Я не хотел ножей и не хотел оказаться связанным сам! — запротестовал Мирт.

Шторм вздохнула, принявшись освобождать его.

— Это мелочи.

— Ой! — взвизгнул Мирт. — Убери оттуда свой нож! Это тебе не мелочь!

Эльминстер отвёл взгляд от тела Илланса.

— Хватит играть с Миртом, подойди лучше сюда. Раздевать бесчувственных мужчин куда сложнее, чем я помнил.

— Раздевать? — поддразнила Шторм. — Эл, ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Просто помоги мне стащить с него эти тряпки, — зарычал Эл. — Именем Сиаморфы. Тиамат и Вокин, эти дворяне таскают намного больше дорогого тряпья, чем таскал я, когда изображал одного из них!

Мирт скинул с себя последние несколько узлов и вскочил на ноги, содрогаясь и морщась от боли в онемевших конечностях.

— Зачем ты вообще его раздеваешь?

— Хочу собрать все магические ниточки и побрякушки на нём до последней, чтобы отнести Аласре, — ответил Эльминстер. — Хотя всё это — даже если наберём целую тележку — не поможет ей так, как предмет с синим пламенем. Если бы я сумел заполнить один из них, прежде чем отправиться к ней...

Мирт помотал головой.

— Ну а я просто хочу избавиться от лордов, пытающихся мне навредить. Ты не знаешь, кто-нибудь *ещё* в Сюзейле собирается обойтись с добрым старым Хелдерстоуном так же, как намеревался этот? Если уж на то пошло, что мешает ему попытаться снова, когда он придёт в себя?

Эл и Шторм посмотрели друг на друга, потом пожали плечами.

— Мы снова сменим тебе внешность и дадим другое имя, чтобы ты мог находиться в Сюзейле, не страдая от этой конкретной проблемы, — сказал ему Эл.

— И распустим слухи, что Илланс пытал и убил Хелдерстоуна, а потом спрятал его тело, чтобы наш милый старый лорд стал объектом *крайне* нежелательного внимания боевых магов, — с хитрой улыбкой добавила Шторм.

Мирт ухмыльнулся.

— Знаете, из вас двоих вышли бы отличные лорды Глубоководья.

Эл и Шторм снова переглянулись.

— Насколько я помню, — мило добавила Шторм, — так и случилось.

* * *

Нанятые апартаменты госпожи Грейтгонт включали в себя три гостевых спальни, и хотя сопровождавший её боевой маг ночевал в самой дальней, не было совсем никого, кто мог бы проследить, что он остаётся там.

Особенно в предрассветные часы, когда два усталых пешехода вернулись домой с вином и украденной у Илланса головкой сыра, собираясь разделить её между собой.

— Итак, — спросила Эльминстера Шторм, пока они жевали и глотали, — как мы отыщем загадочного лорда, который прячет в рукаве синего призрака? Мы же не можем просто ходить от одного особняка к другому и стучаться в двери по всему Сюзейлу, пытаясь вытрясти правду из каждых встречных лордов и леди!

Эл усмехнулся.

— Нет, — согласился он, — поэтому мы выманит призрака к нам. Я использую заклятье, чтобы украсить некую танцовщицу синим огнём, и мы подождём, пока слухи об этом не разойдутся по городу.

— Тресс тебя не поблагодарит, если её клуб разрушит синий призрак, — тихо сказала Шторм. — А юный Арклет, наверное, попытается подать тебе на тарелке твою собственную бороду — с головой или без — за то, что подвергаешь опасности его возлюбленную.

— Танцовщица будет не в «Драконьих всадниках» и это будет не Амарун, — с удовольствием сообщил ей Эльминстер.

— Тогда кто...

Шторм бросила на него прищуренный взгляд.

— Ну нет, Эл. Ну *нет!*

— Я полюбуюсь твоей наготой с куда большим удовольствием, чем Рун, и бьюсь об заклад, большая часть Сюзейла тоже. Подруга, ты просто шикарна. По-настоящему. И не кажешься ни на день старше, скажем, двадцати двух.

— Ах ты пройдоха, — ответила она с сияющей улыбкой. — Лживый льстивый пройдоха.

— Я такой, — смиренно согласился он. — Пойдём купим тебе маску?

— После того, как я хорошенько отосплюсь, — твёрдо заявила Шторм. — Нет больше никакого Плетения, которое восстанавливало наши силы, Старый Маг, и в эти дни я устаю *по-настоящему*. Разве ты не был таким же измотанным прошлой ночью?

— Был, — согласился Эльминстер и упал лицом на её кровать. Спустя миг он уже храпел.

Шторм закатила глаза.

— Какой полезный трюк, Мудрец Долины Теней, — сказала она ему.

Затем пригнулась поближе и нахмурилась. Он и вправду храпел.

Она сбросила сапоги Илланса, выскользнула из его одежды — сидела та на ней ужасно, и Шторм решила сжечь тряпки прежде, чем кто-либо их узнает — в последнее время Сюзейл превратился в город неспящих соглядатаев — и устроилась рядом с Элом.

Во сне Эльминстер погладил её, затем обнял одной рукой.

Шторм стала развлекаться, попытавшись раздеть его, но уснула, прежде чем успела снять что-то существенное.

Глава 31

Опасная работа приманки для призраков

Мэншун нетерпеливо подался вперёд в кресле, чтобы лучше видеть и слышать.

Или, скорее, чтобы крайне деликатно заставить Айронхэнда встать туда, где *он* сможет лучше видеть и слышать.

Заклинание Мэншуна некоторое время позволяло ему воспринимать то, что видел и слышал Айронхэнд. Мэншун не стал проникать в его разум, потому что не хотел рисковать находиться там, где Айронхэнд был сейчас.

До сих пор это был его лучший из охотников за призраками синего пламени в распоряжении Мэншуна. Имглот «Иммолот» Айронхэнд был очень дорог, но стоил каждой монеты. Этот человек был почти столь же безжалостен, осторожен и хладнокровен, как сам Мэншун, и построил внушительную карьеру наёмного головореза, специализирующегося в быстрых и тайных убийствах, замаскированных под несчастные случаи.

В этот раз в убийстве не было необходимости — нужно было лишь отыскать убийцу. Лорда, который управляет единственным синим призраком, возникшим на Совете.

На текущий момент Айронхэнд смог почти наверняка удостовериться, что среди трёх кандидатов на самом деле не было того, кого искал Мэншун.

В этот самый миг новый наёмник Мэншуна пробрался на крышу высокого дома по соседству со зданием, в верхней комнате которого расхаживал лорд Харкулдрагон. Окна комнаты были открыты, и через них Айронхэнд слышал дискуссию между Харкулдрагоном и давно работающим на него магом, невзрачным, стареющим и кислотицем Сарраком из Западных Врат. Речь шла об убийстве некоего неудобного царедворца.

Царедворец был из тех, смерть которого обрадует половину Сюзейла. Напыщенный Халадан Мальвоцвет, распорядитель пиршест, не был никому другом, и насколько знал Мэншун, не обладал родственниками, никогда не был женат и ни с кем не вступал в любовную связь. Конечно, подружек он снимал частенько, но это было совсем другое дело. Неудобство для Харкулдрагона заключалось в том, что Мальвоцвет случайно узнал что-то касательно задуманной лордом измены, и если пожелает, мог разоблачить Харкулдрагона. Ситуация, которую лорд естественным образом считал неприемлемой.

Заплатить чрезмерную сумму, чтобы заставить Айронхэнда подслушать разговор лорда и его мага, Мэншуна заставил мрачный комментарий Харкулдрагона, сделанный в одну из прошлых ночей после очередного кубка в «Трёх воронах», что если «обычная магия не сработает», у него «есть другой способ всё уладить».

Харкулдрагон мог иметь в виду простой шантаж, умение пользоваться своими кулаками, которым он стеснялся воспользоваться, или же древний магический меч с загадочной силой, что принесли ему когда-то нанятые авантюристы. Или, может быть, у него было ручное чудовище, а возможно, какой-то волшебник задолжал ему услугу. С другой стороны, это могло означать, что он способен был отправить на задание собственного окутанного синим пламенем убийцу.

Тот разговор, что до сих пор слышал Айронхэнд, никаких призраков или чего-то подобного не предполагал, но стал наконец интересным, когда Харкулдрагон начал терять самообладание.

— Этот человек жаден и злобен, как змея, Саррак! И тщеславен, как... *что это было?*

Айронхэнд тоже услышал и высунулся как можно дальше, выгнув шею в попытке разглядеть.

Кто-то заставил замок на двери взорваться, осыпав комнату крошечными кусочками металла, которые оказались бы смертоносными, не рассыпайся они в пыль.

Дверь распахнулась, но за ней, похоже, никого не было.

— Кто бы это ни был, сделай его зримым, волшебник! Сними невидимость, или что это за магия! — взревел лорд Харкулдрагон.

— Сделано, — секунду спустя ответил Саррак.

— Кто... кто ты? — потребовал ответа благородный лорд, выхватив свой кинжал и испепеляя взглядом кого-то, кого Айронхэнд не видел. — Не стой там, волшебник! Сокруши её! *Сокруши!*

— Боюсь, он не может, горластый дурак. Он сделал ошибку, выполнив твой приказ — и пока он делал меня зримой, я готовила парализующие чары.

Лёгкой, почти небрежной походкой в комнату вошла высокая и стройная женщина. У неё была бледная белая кожа, жестокое лицо с острыми чертами, большие тёмные глаза, в которых светился гнев и длинные, длинные ноги. Она была одета во всё чёрное за исключением свисавшего с плеч серебряного плаща, и Айронхэнд знал, что никогда не встречал её прежде.

Настолько красивую женщину он бы запомнил.

— Кто ты? — повторил Харкулдрагон, угрожающе поднимая кинжал и обходя стол. — И чего тебе надо?

— Я госпожа призраков. И не бойся, лорд Харкулдрагон — моё дело здесь вовсе не к тебе. Я здесь из-за Саррака из Западных Врат.

— Саррака? Почему?

— Твои вопросы начинают раздражать. Возможно, тебе всё же стоит меня бояться.

— О? При тебе нет оружия, а от заклятий я укрыт. Возможно, это тебе следует бояться меня.

Харкулдрагон направился к женщине, которая, не двигаясь с места, следила, как он приближается. Ей как будто было скучно.

В двух шагах от неё лорд неожиданно прошипел проклятие и затряс своей рукой с кинжалом, отступая назад, затем швырнул кинжал на пол.

— Обожгла!

Он замахал пальцами, с которых, похоже, закапала расплавленная кожа.

— Защищён, значит, — презрительно сказала женщина. — Заклинаниями Саррака, не иначе.

Она пришла в движение, бросившись к нему как атакующая пантера и схватив за горло так быстро, что Харкулдрагон даже вскрикнуть не успел.

Он смог сделать это секунду спустя, когда её колено с силой вонзилось ему в пах, поднимая его с пола, но благодаря крепче сжавшимся пальцам женщины его крик превратился в хриплое карканье.

Когда он рухнул, она встала над ним и с силой прыгнула на его шею, соединив колени.

Айронхэнд вздрогнул, когда шея лорда Харкулдрагона сломалась.

Женщина спокойно вывернула голову лорда под чудовищным углом и встала. Затем отошла прочь, бросив у себя за спиной мёртвого и забытого лорда.

— Что ж, Саррак, теперь мы можем начать. Я загляну в твой рассудок — уничтожив его

в процессе, но тут уж ничего не поделаешь. Видишь ли, я слыхала, что ты знаешь кое-что про Орбака, который однажды правил твоим городом. Касательно того, кто он на самом деле. Человек, которого я разыскиваю, по имени Мэншун.

Мэншун застыл от изумления. А это ещё *что*?

Саррак издал что-то похожее на всхлип, когда его настигло заклинание. Когда женщина погрузилась в его разум, магия, что сжигала волшебнику мозги, похоже, освободила его от паралича, но для бегства было слишком поздно: конечности мага конвульсивно изгибались и дёргались из стороны в сторону. Волшебник совсем потерял контроль над своим телом.

Шатаясь, он снова показался в поле зрения Айронхэнда, споткнувшись о тело Харкулдрагона и рухнув на пол, где продолжил биться в конвульсиях. Глаза выкатились из орбит, пот пропитал его кожу... которая стала мертвенно-бледной.

— Пожалуйста, — прохрипел он.

Мэншун сделал десять-двенадцать вдохов, прежде чем волшебник заговорил снова.

— Пожалуйста... пожалуйста прекрати.

— Прости, Саррак, но я должна знать всё, что у тебя в голове, а не только то, что ты захочешь мне рассказать. Можешь говорить, если это принесёт тебе облегчение. Это упрощает мне задачу.

— Нет! — воскликнул Саррак в слабой попытке сопротивления. — Нет.

Он снова смолк, издавая только стоны, пока его глаза не начали темнеть.

Мэншун уже видел, как такое происходит с глазами волшебников, когда следил за пытками тэянцев: конец Саррака был близок.

— Мэншун, — неожиданно промямлил обречённый маг. Пот тек по нему ручьями, глаза превратились в две тёмные пропасти. — Ты живёшь, чтобы убить его. Ты *пылаешь* желанием его убить. Это Мэншун из легенд? Почему ты так его ненавидишь?

— Пытаешься купить себе время и небольшое облегчение от боли, — раздался спокойный ответ, — но я скажу тебе, Саррак из Западных Врат. Лишь одного человека я ненавижу сильнее Мэншуна — если он и в самом деле человек или когда-то был таковым. Эльминстера, Мудреца из Долины Теней.

— Почему... почему так?

— Я была любовницей и ученицей Мэншуна. Как и моя мать. И двое моих сестёр. Ох, он был восхитительным зверем; когда он смотрел в твои глаза, ты готова была ради него на *всё*.

Госпожа призраков сделала шаг к волшебнику на полу.

— Он приказал им напасть на Эльминстера и прикончить его, и в битве со Старым Магом — Мэншун ради развлечения наблюдал за ней издалека, не оказывая им никакой помощи — Эльминстер убил моих родных. Я была самой молодой, любимицей Мэншуна. Меня он придержал. Думаю, он знал, что посылает их на смерть.

Женщина сделала ещё шаг вперёд, её голос стал чуть громче.

— Я была в ярости, и в своей скорби обратилась против Мэншуна, не в силах поверить, что он ничего для них не сделал. Он оставил мне *это*.

Она распахнула свою тёмную курточку.

Между обнажившихся белых грудей торчал окровавленный кончик кинжала.

Такая рана должна была стать смертельной. Кровь казалась свежей и влажной.

— Он оставил меня умирать, не зная о проклятии, которое сохранило мне жизнь. Это проклятие ранее наложил на меня Эльминстер, чтобы уберечь от «убийственной жестокости» Мэншуна, как он мне сказал — хотя на самом деле хотел обзавестись шпионом,

которого владыка Зентарима не сможет убить; чтобы, когда Мэншун наконец падёт, Эльминстер мог разграбить мой разум и узнать обо всех деяниях, сокровищах и секретах своего врага.

Её голос превратился в свирепый рык.

— Он использовал меня. Оба меня использовали. Оба умрут!

Госпожа призраков сделала быстрый, сложный жест — и голова Саррака взорвалась, как гнилой фрукт. Женщина отвернулась.

— Намного более медленно и мучительно, чем я позволила продлиться твоим страданиям, волшебник из Западных Врат. Но, в конце концов, твоим единственным преступлением была работа не на того человека. Преступлением, которое я сама совершила дважды.

На глазах Айронхэнда, не смеявшего пошевелиться, чтобы не издать случайно звука, который могла бы услышать госпожа призраков, она обошла разные места в покоях лорда Харкулдрагона и собрала спрятанные волшебные предметы.

— Спасибо, Саррак, — сказала она безголовому телу. — Полный набор и способ забрать их, не подвергая себя опасности. Ты сэкономил мне кучу времени.

Айронхэнд услышал, как она уходит, пересекая этаж и спускаясь по лестнице.

Он выждал ещё долгое время, прежде чем осмелился пошевелиться и сбежать.

Мэншун даже не заметил. Он был слишком занят, потрясённо уставившись в окружающий его кресло мрак.

— Симмарра, — прошептал он. — Неужели это последняя пощёчина, которую отвесила мне погибшая Мистра? Сколько тебе известно обо мне сейчас, Симмарра? Ты выслеживаешь меня здесь, в Сюзейле, значит что-то знаешь... ох, да побери это всё Бэйн! Что мне делать *теперь*?

* * *

Эльминстер медленно проснулся, чувствуя теплоту любящих объятий. Ах, Алассра, наконец-то...

Нет. Это... руки Шторм обнимали его, её голое тело прижималось к нему. Они вдвоём лежали на кровати, и на нём были только штаны и трусы Эплкрауна.

Он поднялся на локоть, и она шевельнулась во сне, затем, довольная, снова прижалась к нему, прислонившись щекой к его груди.

Хмм. К юной, гладкой и мускулистой груди Эплкрауна и плоскому животу под ней. Ничего сравнимого с его округлым великолепием, разумеется...

Мистра, как же она была красива! Солнце стояло высоко — стларн, был почти полдень! — и бросало сквозь окно свои копыя, раскрашивая тело Шторм ярким золотом. Её серебряные локоны медленно и лениво извивались от собственного чувственного удовольствия.

Такая красота.

Он возбуждился, когда пошевелился под ней, а Шторм замурчала и прижалась к нему во сне. Возбуждился, да — разве не должен был?

Ну, она ведь была его другом, и около семи сотен лет назад он растил её, как свою дочь. Она была его спутницей, его сестрой по мечу, а не его любовницей... любовницей —

никогда...

Глаза Шторм открылись. Она уставилась на него над его голой грудью, её нос почти казался пряжки его пояса, и улыбнулась медленной, долгой улыбкой, разглядывая его сонными глазами.

— Даже в другом теле, Эл, — прошептала на, её волосы гладали его нежно, как хвосты дюжины игривых кошек, — просыпаться вместе с тобой... приятно.

Было заметно, что в конце она сказала не то, что собиралась. Чувствуя себя неуютно, он отвёл взгляд, прежде чем прошептать:

— Да.

Потом, медленно, он откатился от неё.

Она отпустила его точно так же неохотно.

Направляясь в туалет, он проворчал:

— Из тебя выйдет отличная танцовщица в маске.

— Нет, — ответила Шторм, поднявшись на локте на смятой постели. — Из тебя.

Эльминстер повернулся кругом, чтобы посмотреть на неё, подняв бровь с молчаливым вопросом.

— Эл, — мягко спросила она, — почему бы тебе не изобразить танцовщицу? И изменить мне лицо и эти серебряные волосы, которые делают меня такой заметной, и укутать себя синим огнём? Тогда это будут две женщины, а не «эта среброволосая — Шторм, а значит, мужчина с ней *навверняка* должен быть Эльминстером из Долины Теней, и неважно, как он выглядит». Мы по-прежнему будем наживкой — только не такой наживкой, которая выдаёт всем рыбака.

Эл моргнул.

— Ох, ну. Так будет лучше. Хорошо подмечено, подруга. Да, так мы и поступим.

Шторм улыбнулась, не пытаясь скрыть своё довольное удивление.

— Ого. Наконец-то прогресс.

Ответом Эльминстера, направляющегося в туалет, стал грубый звук.

Шторм засмеялась и перекатилась на спину, широко разбросала руки, ноги и волосы по кровати и потянулась.

Она как раз слабо постанывала, покачивая своими уставшими от прогулок по мостовой ступнями — в ответ они сразу же заняли — когда услышала звуки, безошибочно свидетельствующие о том, что охранники гостиницы впускают кого-то в комнаты Мирта.

Выскочив из постели, она завернулась в мантию и вышла в переднюю, где Амарун и Арклет с улыбками приветствовали по-прежнему клюющего носом Мирта.

Который, видимо, провёл ночь, храпя в самом массивном из имеющихся кресле, после того, как взял своё и распустил всех девок, а *потом* сполна вознаградил себя содержимым лучших графинов из буфета лорда Хелдерстоуна. Сейчас пустые графины усеивали ковёр вокруг его рваных сапог.

— Боишься, что потеряешь всё это, когда перестанешь быть лордом Хелдерстоуном? — спросила Шторм, махнув рукой на ряды пустой посуды.

Арклет хмыкнул, но Мирт отозвался рычанием, которое было всего лишь чуточку более весёлым, чем мрачным. Затем его глаза сфокусировались на ней, и он просиял, немного поднявшись в кресле, чтобы лучше разглядеть скудно одетую Шторм.

— Вот *такой* наряд мне по душе, госпожа. Ты, наконец, поддалась на мои чары?

— Нет, — нежно отозвалась она. — Я наконец-то немного поспала. И в отличии от

некоторых старых пройдох мне нравится иногда выбираться из одежды, в которой пришлось провести несколько дней подряд. Это немного развлекает вшей.

Мирт начал чесаться.

— Никогда не видел смысла развлекать вшей, подруга, — проворчал он. — А вот червей...

— Червей? Только мне *показалось*, что кто-то обсуждает завтрак! — вмешался Эльминстер, показавшийся в дверях позади Шторм. — Но я не чую ничего скворчащего.

— О, разве? — ухмыльнулся им обоим Мирт. — Бьюсь об заклад, вчера в той спальне кое-что скворчало.

Шторм закатила глаза.

— Как часто тебе приходится терять последние деньги в глупых спорах, интересно? В любом случае, где твоя повариха?

Она прошла на кухню — и застыла на месте.

Со сковородки над холодным очагом на неё в ужасе смотрела отрубленная голова поварихи, покрытая дюжиной жадных мух. Тот край комнаты был залит кровью, но тела нигде не было видно.

— Кто-то послал нам предупреждение, — сказала она остальным через плечо.

Они бросились посмотреть — и Амарун отпрянула, Арклет вздрогнул, Эл и Мирт помрачнели.

— Самое время лорду Хелдерстоуну исчезнуть, — пробормотал Эл. — Похоже, у него есть и другие старые враги среди знати.

Он посмотрел на Мирта.

— Прости, старый друг.

Мирт пожал плечами и ухмыльнулся.

— А где её тело? — спросил Арклет, оглядывая измазанную кровью кухню.

— Из него сделали нежить, — сухо ответила Шторм, — или где-то бросили, чтобы скомпрометировать нас в глазах Короны. Давайте *уходить*.

* * *

Прогуливаясь по проклятому крылу королевского дворца иногда можно было наткнуться на окно с упавшими шторами, впускающее внутрь яркий солнечный свет.

Сияние, что лучами падало во мрак пустынных галерей, освещая густую пыль, висящую в воздухе подобно лениво кружащемуся снегу.

Тарграэль нравилось проклятое крыло. Для неё оно было домом в куда большей степени, чем чистые, многолюдные и шумные палаты, где работали, ходили и разговаривали придворные.

Но этот конкретный уголок заброшенной части дворца она посетила не ради праздной прогулки.

Годами она прислушивалась к сплетням о том или ином спрятанном тайнике с волшебным оружием. Большая их часть была преувеличена, со временем превратив мерцающий кинжал или спрятанное в полой ножке кровати кольцо в небольшой арсенал, хранящий многочисленные летающие доспехи и статуэтки, которые превращаются в рычащих львов или ездовых драконов, но несколько дворцовых сокровищ Тарграэль

находила сама и узнала достаточно, чтобы понять, где находятся крупные схроны. Или находились прежде.

Особый интерес представлял «марширующий в синем пламени», упоминавшийся в древней описи сокровищ, которыми когда-то публично хвастался Мятежный принц Салембер, и которых, похоже, никогда больше не видели. Тарграэль надеялась, что пятеро мудрецов, которые на протяжении вот уже многих лет тайно сравнивали дворцовые записи, что-нибудь отыщут... и похоже, наконец они отыскали.

Ничего особенного, просто строчка в конце заметки Йорунгаста: «Самого грозного стерегут три колонны». Большинство решили бы, что это туманная строчка ничего не значит, но только не эта леди старший рыцарь.

Во всей этой части дворца была лишь одна колонна, изваянная в подобии трёх расположенных треугольником сливающихся колонн.

Колонна подобно форштевню стояла там, где от главного здания дворца отходило крохотное крыло в три комнаты длиной. На всех пяти этажах этого крыла некогда жили старшие боевые маги, ремесленники заклинаний и исследователи, которые были слишком стары, чтобы путешествовать по стране и выходить на поле боя.

Юный Палагард, когда был ещё принцем, однажды написал юной леди, которая привлекла его внимание, записку, где говорилось следующее: «Если вам потребуется спрятаться, колонна Друса широко отворится». Так вот, в одной из тех комнат однажды обитал боевой маг по имени Джерет Ардрус, и тройная колонна должна была служить концевой стойкой с тыльной стороны кладовой комнаты Ардруса — Друса.

Притянуто за уши, но такую возможность стоило расследовать. Призраков синего пламени могли использовать, чтобы уничтожить дом Обарскиров и погрузить королевство в многолетнюю борьбу за престол — но под её командованием призраки могли сохранить Кормир сильным, а Драконий Трон охранялся бы куда лучше, чем когда-либо прежде.

Боевые маги перестали быть достойны доверия; текущие представители королевской семьи были слабы; высокопоставленные царедворцы представляли собой настолько испорченную и продажную шайку высокомерных жадин, что Тарграэль казалось это недопустимым даже для слабого короля.

Нет, всё зависело от неё.

И когда ей призраки синего пламени окажутся в её власти, она наконец сможет...

Вот она. Вот эта дверь.

Закрыта и заперта, но для рыцаря смерти это ничего не значило. Вытащив меч, она нацелила его в щель между дверью и косяком и высоко замахнулась.

А затем обрушила клинок вниз со всей силы, резко и прямо, с единственным взвизгом металла разрубив кованный замок.

Затем она осторожно потянула за дверное кольцо, позволила большой двери широко распахнуться и вошла внутрь.

Комната за дверью, конечно же, пребывала в полном беспорядке. Окна давным-давно были разбиты, и на столе, полках и постели устраивали гнёзда целые поколения голубей и других птиц, снег и ветер раскидали пергамент по полу, и тот начал гнить на заплесневелых остатках ковра. Кладовка была прямо вон там.

Занавес с неё упал...

Дверь, которую Тарграэль только что взломала, резко захлопнулась за спиной, и дверной засов со стуком встал на место. Рыцарь смерти с рычанием обернулась, занося

клинок.

Её встретила женщина, небрежно облокотившаяся на собственный меч. Знакомая женщина. Призрак принцессы Алусейр Накации Обарскир. Стальная принцесса. Стальной регент.

— Здравствуй, — сухо сказала Алусейр. — Я ждала тебя.

Тарграэль не стала тратить время на болтловню. Она с воплем бросилась на своего ненавистного врага, и её яркий клинок запел.

— Ты предательница и воровка секретов Обарскиров, — почти нежно произнесла Алусейр, поднимаясь в воздух, чтобы парировать выпад и увести Тарграэль вглубь комнаты.

Рыцарь смерти наступал, пытаясь сбить призрака на пол в вихре рубящих ударов.

Хотя принцесса-призрак и была нематериальна, она была достаточно вещественной, чтобы удерживать меч и наносить удары — даже меч, сотканный из её собственной призрачной субстанции, моментально обострённый до состояния настоящей боевой стали. Так что ей можно было нанести урон.

Алусейр засмеялась посреди звона и лязга оружия.

— Это всё, на что ты способна, повариха с тесаком? В скольких постелях тебе пришлось побывать, чтобы заслужить звание старшего рыцаря?

— Я никогда! — наконец завопила Тарграэль. — Ты сука! Ты злобная, безрассудная, похотливая шлюха...

Её клинок попал в цель, прошёл прямо через призрачный меч Алусейр — и сквозь призрачную грудь за ним, пришилив принцессу к полу.

Тарграэль триумфально закричала, когда Алусейр выгнулась и затрепетала в беззвучной агонии у её ног.

— Ха-ха! Уже не так самоуверена, да, ничтожный регент? Позор королевства! Глупая и неумелая воительница!

Несмотря на жуткую боль, Алусейр выговорила слова:

— Лети, Клык.

И улыбнулась.

Прямо сквозь неё, с заплесневелой груди мусора, на которой она лежала, взлетел мерцающий синий кинжал.

Остриём вперёд он пронзил Тарграэль, прошёл сквозь её кожаные доспехи, через рёбра в грудь и внутренности, как ледяной огонь, прокладывая путь наверх.

— Познакомься с Клыком Беровуса, — прошептала Алусейр. — Предметом синего пламени, что ты искала... единственным, что остался у нас, Обарскиров. Надеюсь, он тебя порадует, несостоявшийся тиран!

Принцесса угасла до крошечного светлячка, который медленно поплыл над полом к двери.

Тарграэль рубанула наискось своим мечом, тщетно пытаясь разрубить эту крохотную тень, когда та пролетела мимо и затем, как змея, проползла под дверью.

Но Клык Беровуса уже был в её горле и резал *далее*...

В отчаянии она бросила меч, обеими руками сломала собственную шею, гротескно вывернув голову, чтобы та повисла за спиной.

Как раз вовремя. Клык ударил в потолок, прихватив по пути одно из её ушей, и высек там облако искр.

А затем он вылетел за дверь, сквозь оставленную ею прореху на месте разрубленного

замка.

По жуткой боли Тарграэль поняла, что для любого смертного с текущей в жилах кровью её раны стали бы смертельны. Она чувствовала себя слишком слабой и смогла лишь соскользнуть на пол и застонать.

Глава 32

Старые игры, ещё более старые секреты

В самом старом и самом помпезном экипаже Делькаслов обивка на сиденьях была довольно толстой, но больше поездку ничего не смягчало. В результате Амарун цеплялась за Арклета, что не упасть, а одна из её ног была зажата между колен Мирта, сидящего напротив лорда и танцовщицы. Неровности мостовой заставляли экипаж оглушительно грохотать на пути к особняку Делькаслов, где они решили остановиться, пока не появятся Шторм или Эл, чтобы забрать Мирта в другое место с другим лицом и именем.

— Так кто же убил повариху? — спросила Рун.

— Это мог сделать почти кто угодно, — отозвался Арклет, чувствуя себя неудобно.

— Не совсем так, парень, — пророкотал Мирт. — Убийцы работали на знатного лорда.

— Скорее всего, да, — признал Арклет, — но расскажи, почему ты так считаешь.

Очередная мысль из серии «за всем стоит проклятая знать»?

— Нет. Они похитили леди Грейтгонт без шума и суматохи. Они не забрали её платья со всеми драгоценными камнями, крови не было, борьбы тоже, требований о выкупе не поступало. Они следовали подробным и чётким приказам.

Мирт взмахнул рукой.

— А значит, они работают на лорда, а?

— Ага, — с усмешкой согласился Арклет.

— Я... — Амарун помешкала, затем продолжила, — я многое узнала из разума Эльминстера, пока он был во мне. Будет правильно, если вы будете знать обо всём этом столько же, сколько и мы. О призраках, я имею в виду.

Арклет кивнул, а Мирт сделал жест «говори уже!».

— На Совете, — начала Рун, — во время драки возник синий призрак и убил нескольких дворян, конкретных дворян, а затем исчез. Очевидно, что его контролировал человек, находившийся в помещении.

Мирт кивнул.

— Один из посетивших ваш Совет лордов обладает предметом синего пламени.

— Загадка, которую придётся решить Эльминстеру или его старому врагу Мэншуну, не говоря уже о половине амбициозных лордов в Сюзейле, раз уж они оба пытаются заполучить этот предмет и завладеть призраком, — добавил Арклет.

Рун кивнула.

— Эльминстеру он нужен, чтобы попытаться вылечить Симбул — вы знаете о ней?

Мирт хмыкнул.

— Знаю. Больше чем хотелось бы, но это долгая история.

Рун покачала головой.

— Только не сейчас, умоляю! Мэншун, предположительно, хочет завладеть призраком, чтобы обзавестись ещё одним убийцей на тот случай, если у него закончатся созерцатели или ментальные рабы.

Мирт кивнул.

— Его я тоже помню. Никогда не умел сопротивляться зову подобной власти.

— Да, но должно быть, он пока не завладел призраком, иначе вместо того, чтобы действовать самостоятельно или посылать своих агентов, начал бы его использовать.

Призраки синего пламени вселяют страх и этим подчиняют — а Мэншун живёт, чтобы владеть и подчинять.

Мирт снова кивнул.

— Сколько бы лет не прошло, — проворчал он, — некоторые вещи почти не меняются.

Имена и лица — да, но только не игры.

Он согнул руки — и в одной из них внезапно блеснул кинжал.

Он поднял его, улыбнулся и сказал Арклету и Амарун:

— К счастью, эти игры мне по душе.

* * *

В таком большом, высоком и глубоком здании, как королевский дворец Сюзейла, всегда есть забытые места.

Есть также «почти забытые» места. Одно из них представляет собой безлюдный уголок глубоко в дворцовых погребках, где древние переплетающиеся защитные печати отражают магию наблюдения и скрывают волшебные ауры подобно тому, как густой туман скрывает маленьких ползающих существ.

Тарграэль подумала, что, возможно, она последняя, кто помнит об этом месте, судя по состоянию растрескавшейся стены, которое на протяжении последних нескольких веков неуклонно ухудшалось. В стене располагались два тёмных углубления, полости, там где обрушились камни, оставляя дыры, похожие на отсутствующие в челюсти старого воина зубы.

Одна из дыр была достаточно крупной, чтобы вместить рыцаря смерти, которая сумела убрать засов с двери, сбежать из комнаты Друса и после нескольких долгих и мучительных часов ползком проделать медленный и болезненный путь к дверям королевского склепа. Только поразительная сила воли позволяла ей двигаться.

Там, как она и ожидала, мерцал Клык Беровуса, торчащий из центра охранной руны, которая не позволяла ему проникнуть в склеп.

Теперь Клык был у неё.

Это будет очень больно.

Шагнув в небольшую пещерку за стеной, она наклонилась, выбирая, куда упадёт, убеждаясь, что там хватит места. Медленные, холодные капли воды, сочившиеся с камней сверху, охладили её спину, когда она прижалась к ним. Да, это место подойдёт. Должно.

Она расстегнула свои доспехи выше пояса, обнажив грудь, осторожно нащупала пальцем нужную точку — и медленно вонзила Клык Беровуса в себя, вгоняя клинок под рёбра.

Каждый дюйм разрезанной плоти вызывал у неё тихий стон боли. Она бессильно дрожала.

— Я, — прошипела она, обращаясь к глухим камням вокруг, — старший рыцарь Кормира. Истинный Старший рыцарь Кормира!

Затем агония заполнила её, и со стоном она рухнула, содрогаясь...

Это была её погибель или её последняя крошечная надежда.

Станет ли не-жизнь Тарграэль медленно пить магию кинжала, исцеляя и усиливая рыцаря смерти, несмотря на агонию, которую она сейчас испытывает?

Тарграэль боялась ходить по дворцу — Алусейр могла найти и добить её, глупые боевые маги могли уничтожить её окончательно. Она была очень слаба ещё до того, как вонзила в себя Коготь.

Если это вообще сработает, она будет исцеляться очень долго... очень.

Но в конце концов — Тарграэль холодно усмехнулась — это было единственное, что у неё оставалось. Время.

* * *

— Это что ещё было? — воскликнул дракон, со свистом выхватив из ножен меч.

— Камень ударился о мокрую стену, — тут же ответила Глатра, ни на секунду не замедлив шаг. — Поэтому мы практически не используем эту часть погребов. Слишком много воды сочится между камней. Здесь возвели стены, чтобы оградить худшие части, но это было несколько сот лет назад, и камень за камнем они разрушились, когда никто не позаботился о ремонте или восстановлении. Не волнуйся, осталось ещё достаточно прочного камня, чтобы удержать дворец у нас над головами. Все четыре этажа подземелий и шесть ярусов дворца.

— Мне показалось, что я услышал чей-то стон, — пробормотал солдат, оглянувшись за спину. Глатра вздохнула.

— Лорд печатей, — приказала она, — у вас есть подходящий жезл. Позади нас присутствует какая-то нежить?

Вэйренс улыбнулся, использовал жезл и доложил:

— Нет.

Глатра повернулась к дракону. Сопровождающий волшебницу старший рыцарь и трое других драконов тщательно избегали её взгляда.

— Доволен? — резко поинтересовалась она.

— Да, госпожа, — ответил он, сумев не выдать ни намёка на вздох или ругательство.

— Хорошо, — она зашагала дальше. — У нас есть куда более весомые причины для беспокойства.

— Верные клинки, — начал Вэйренс, — вы, вероятно, слышали имена Гарендора, Аргранта, Оркраша, Вишбрина и Лоагранбойдара?

— Мудрецов, что где-то здесь внизу на протяжении многих лет копались в старых дворцовых записях? — спросил старший рыцарь.

Глатра бросила на него суровый взгляд, но он стойко добавил:

— Об этом известно всему дворцу. Чего мы *не* знаем, никто из нас, так это цель их поисков. На сравнение и приведение в порядок записей не уходит столько лет.

— Ещё как уходит, — язвительно отозвалась Глатра, — но да, эти пятеро провели большую часть своих жизней в глубоких подземельях, занимаясь не только упорядочиванием архивов. Они составляли королевские и благородные родословные.

Старший рыцарь фыркнул, чем заслужил очередной суровый взгляд.

— Да, сэр Хокмантл, умненький вы наш, как вы тонко заметили, эти мудрецы не просто читают записи, с которыми может ознакомиться любой простолюдин в королевском дворе в любой день по своему выбору. Мы надеемся, что сверившись с записанными инцидентами прошлого они сумеют распознать дворян, которые обладают, или с большой вероятностью

обладают унаследованным личным талантом к Искусству.

— Вы охотитесь за лордом, который командует синим призраком, — тихо сказал один из драконов.

Глатра остановилась так резко, что спутники едва не врезались в неё, и бросила на дракона пристальный бесстрастный взгляд.

— Вижу, с вашей головой всё в порядке, сэр Джефорд.

— Наши боевые маги, — обращаясь к потолку, сказал лорд печатей, — пренебрегали подобными способами больше узнать о магии, которой может обладать зная, вместо этого полагаясь на магию прорицания и вербовку домашних волшебников, которых нанимает любой лорд, способный себе это позволить — и даже подсовывание наших собственных магов в их ряды. Но эти методы до сих пор не смогли установить, кто управляет призраком, убившим лордов на Совете, поэтому...

— Вы хотите попробовать другие методы, — закончил предложение сэр Хокмантл. Он не стал добавлять «наконец-то», но его тон был достаточно красноречив.

Если бы взгляд госпожи Глатры мог расплавлять мужское достоинство, эта судьба немедленно постигла бы Хокмантла.

Лорд печатей выбросил руку, преграждая Глатре путь.

— Я пойду первым.

— Лорд Вэйренс, — начала Глатра, — нет необходимости...

— О, необходимость есть, — твёрдо сказал он. — Небольшая сигнальная песенка, которую я установил в этом проходе, исчезла. А значит, очень близко использовалась могущественная магия.

— Сигнальная песенка? Вы никогда...

— Нет, никогда. Секрет — это то, что знает лишь один человек. Как только его знают двое, «секрет» лучше назвать «разошедшейся по стране сплетней». Жди здесь.

Слегка потрясённая Глатра осталась на месте. Раньше Вэйренс никогда не бывал с ней так резок.

Мгновение спустя он вернулся и указал на двоих драконов.

— Со мной. Вы двое, охраняйте леди Глатру. Мечи достать.

Все обменялись мрачными взглядами.

Несколько вдохов спустя Глатру позвали присоединиться к лорду печатей.

Проход, по которому они шли, оканчивался большой комнатой, которая в свою очередь вела в крупную кладовую. В кладовой хранились записи и находилось помещение, где работали мудрецы — заставленные креслами, парящими в воздухе сияющими камнями вместо ламп и столами.

Сейчас этого не было. Не было не только людей и светящихся камней, вся мебель и весь пергамент до последнего клочка превратились в золу.

Включая пять небольших горок праха, выстроившихся в линию у крупного прямоугольника из золы, который отмечал место, где раньше находился стол.

Пожар случился достаточно давно, чтобы дым и запах пропали и всё остыло. Но тут и там среди праха виднелось болезненное желто-зелёное мерцание магии, которая всё это натворила.

— Измена, — прошептала Глатра. — Прямо здесь, у нас под ногами. Под *королём*.

— Назад, — приказал Вэйренс, ракинув руки. — Я должен попытаться узнать, что здесь произошло.

Глатра повернулась и взмахом руки приказала людям отойти, нахмурившись на старшего рыцаря, который, казалось, не хотел уходить.

Рыцарь и один из драконов подчинились, когда лорд печатей осторожно начал читать длинную формулу.

Глатра обернулась к нему, чтобы тщательно рассмотреть результаты заклинания. Когда проявлялось откровение, сложно было заметить все детали самостоятельно, поскольку открывалось очень многое и угасало всё очень быстро. Второе заклинание стало бы лишь бледным эхом первого, а третье — призраком второго, и так далее.

Вэйнренс читал заклинание неторопливо, тщательно и осторожно, завершив его выверенным жестом.

И мир взорвался.

* * *

Сэр Элдур Хокмантл среагировал быстро. Когда перед ним вспыхнул взрыв, он отскочил, пытаясь развернуться в воздухе — в результате чего в одно мгновение врезался в стену.

Среди громких раскатов эха и клубящейся пыли он на мгновение потерял сознание, но когда снова пришёл в себя и смог пошевелиться, то обнаружил, что на ноги поднялись лишь он и один из пурпурных драконов.

Ничего не подозревавший Вэйнренс активировал ожидавшую их ловушку. Взрыв, который каким-то образом — рыцарь посмотрел на обугленные тела, рассыпающиеся на глазах — поджарил остальных трёх драконов, потому что они оказались ближе всего.

Он смутно помнил, что видел, как кричат Глатра и Вэйнренс, видел короткие языки пламени, вырвавшиеся из глаз и ртов, когда они падали. Вздвогнув от этого воспоминания, Элдур пошёл к ним.

Они распростёрлись на старом пепле, с виду — мёртвые.

Не обгоревшие. Части тела казались целыми и были на месте. Волшебники лежали без сознания, и вполне возможно, им выжгло мозги.

— Ищи, — приказал он оглушённому, но уцелевшему дракону, и подал пример, осторожно разворошив пепел своим мечом.

Они ничего не нашли, но сияющие камни, которые носили Глатра и Вэйнренс, стали светиться и угасать, так что они мрачно взвалили двух магов на плечи и начали долгую угрюмую прогулку туда, где можно было получить помощь.

Кто-то хотел сохранить фамильные секреты. Кто-то, кто мог использовать ради этого магию.

* * *

Шторм вошла первой, Эльминстер — сразу за ней.

Мирт стоял, занеся за уши оба кинжала, готовый метнуть их.

Она подняла брось.

— Ты так не хочешь быть Хелджаком Торнадарром?

Мирт оскалился, вернул кинжалы в ножны и повернулся к столу перед собой, взмахом указав им на тарелку, до краёв полную остывшей жареной птицей, и на крупный, лениво исходящий паром котелок с благоухающим зелёным супом.

— Отведаете?

— А глубоководцы любят монеты?

Мирт разлил для них суп по кружкам.

— Итак, кого вы собираетесь сегодня убить? Мне следует ожидать, что вскоре дверь выломает войско пурпурных драконов, пока отряды боевых магов будут взрывать крышу?

— Никого, и надеюсь, что нет, — устало отозвалась Шторм, отхлебнув суп и обнаружив, что умирает от голода. Она обвела еду взмахом руки. — Где ты взял всё это?

— Арклет прислал вместе со слугой. В подходящей маскировке, так что не бойтесь. Сказал, что пришлёт завтра утром человека, который научит меня готовить.

Эл и Шторм наградили его одинаковыми сомневающимися гримасами, затем отправились к себе в спальню, забрав с собой еду.

Мирт разразился хохотом в ответ на их реакцию и с графином в руке направился в собственную постель.

В конце концов, у кровати до сих пор валялось всего лишь шесть графинов, и в горле было сухо, как в Анорохе.

* * *

— Вы двое должны были прийти ко мне раньше, — мягко, даже печально сказала леди Марантина Делькасл. — Я *понятия* не имела.

— Прости, магушка, — мрачно сказал Арклет. — Это целиком моя вина. Месяц назад Рун даже имени моего не знала.

Он развёл руками.

— Полагаю, любой юный лорд считает, что старшие дворяне не желают выслушивать его — или её — опасения касательно будущего Кормира и собственного благородного дома. В конце концов, вы — неотъемлемая часть того, что мы хотим изменить, или того, что, как мы боимся, не изменится, или...

Леди Делькасл кивнула, и на её губах мелькнул призрак улыбки.

— Припоминаю, что очень похоже чувствовала себя во время наших разногласий с отцом. Он бросил меня в утиный пруд. Поэтому у нас больше нет утинового пруда.

Амарун и Арклет уже несколько часов сидели напротив неё в лучшем зале особняка Делькасл, объясняя развернувшиеся сейчас вокруг призраков синего пламени события — но не рассказывая про свою работу с Элом и Шторм или про дружбу с Миртом. Госпожа Делькасл, пребывавшая в редком для неё дружелюбном и разговорчивом настроении, оказалась настоящим гейзером информации о склоках, союзах, личной дружбе и ненависти среди благородных домов со времен прадедов Арклета и до прошлой ночи — по крайней мере, так казалось.

Сейчас она хмурилась, пытаясь что-то припомнить. Внезапно она подбросила вверх руку, призывая к молчанию, и просияла.

— Вспомнила!

Арклет жадно подался вперёд, без необходимости стиснув руку Амарун, чтобы та

молчала. Его мать заметила и усмехнулась.

— И на неё это действует, дорогой?

Её сын покраснел до корней волос, и леди Марантина погладила его вторую руку и сказала.

— Не обращай внимания. Но послушай. Их называли Тюремщиками.

— Их?

— Нет, не нужно меня торопить, дорогой. Позволь мне рассказать самостоятельно. Имей в виду, я собирала это по кусочкам из намёков и неосторожных фраз, сказанных твоими дядюшками, Беларрой и Торнлеей, так что знаю совсем немного.

Она сделала паузу, постукивая пальцем по подбородку, затем медленно сказала:

— Тюремщики были горсткой волшебников, тут и там вдоль Побережья Мечей — в особенности в Серебристой Луне, как я понимаю, и нет, имена мне неизвестны — которые давным-давно создали заклятья для предметов синего пламени и начали заточать в них определённых личностей. Ещё до того, как пришёл Синий Огонь и магия взбесилась.

Она развела руками.

— Я слышала о потрясении — испуг недостаточно сильное слово — среди наших местных жрецов Мистры.

Арклет кивнул.

— От тётушки Торнлеи.

Леди Марантина кивнула.

— Видишь ли, они были поражены, что богиня не сделала ничего, чтобы остановить Тюремщиков, ни речью из алтаря, ни посредством своих Избранных. Как будто так и должно было быть, или это было нужно для времени, которое ещё не наступило, говорили они.

Она подалась вперёд в точности, как и её сын, чтобы взглянуть на Амарун и Арклета.

— Выходит, это время наступило сейчас?

* * *

Королевский маг поднял взгляд, когда она вошла в комнату, и улыбнулся с искренней радостью.

— Ах, наконец-то можно обнять нечто роскошное! Ты выздоровела!

Глатра покраснела.

— Благодаря многочисленным целебным молитвам от стольких жрецов, что я не смогла сосчитать. Мне повезло — меня задело лишь отдачей того, что ударило Вэйнренса.

— Лорд печатей? — тихо спросил Ганрахаст.

— Остаётся под заботой жрецов. Он без сознания, его разум по-прежнему бурлит внутри, несмотря на все использованные ими заклинания.

Ганрахаст вздохнул.

— И больше нет пятерых мудрецов и всех старых записей.

Он махнул рукой на видение прорицательной магии, над которым трудился, когда пришла Глатра: в волшебном мерцании она увидела далёкий угол дворцовых погребов.

— Сейчас мы прочёсываем погреб. Ларандур обнаружил запертую магией комнату — предположительно оружейную, запечатанную со времён Салембера — на дверных печатях которой откуда-то возникли очень свежие заклинания.

— Значит, её недавно открывали и заперли по новой, — пробормотала Глатра, вместе с ним вглядываясь в мерцающий образ. Там она увидела боевого мага Налота Ларандура, как обычно высокого и бесстрастного, который спокойно заканчивал читать заклинание «длинной руки», чтобы открыть запечатанные двери издалека.

Печати поддались и растворились, и дверь распахнулась.

В открывшемся помещении висело сферическое существо с одним большим глазом, широкой и клыкастой челюстью и глазными отростками, которые уставились на шестерых магов снаружи. Созерцатель обрушил на них магию своего взгляда.

Вспыхнули лучи, маг покачнулся, ещё один упал. С оглушительным рёвом пробудившегося Искусства Ларандур и другие швырнули в чудовище собственную магию.

Результатом — за мгновение до того, как прорицательная сфера разлетелась на части — стал титанический взрыв.

Ганрахаст сидел, но Глатру сбило с ног. Вокруг них содрогнулся весь дворец, задрожали стены. Они слышали вокруг грохот, когда со стен обрушились портреты, полки и всё остальное.

Наружу в Сюзейл покатила огромная волна силы, и следом за ней застонали камни, глубоким и ужасным звуком, который сказал всё ещё до того, как прибежали с новостями визжащие маги.

Погреба обрушились, превратив в руины часть дворца с нестабильными зиявшими проходами и залами.

Убив Ларандура и остальных.

Созерцатель был ещё одной ловушкой.

Глава 33

Когда пляшет синее пламя

Здания по соседству со дворцом содрогнулись. Людей на Променаде сбило с ног. Фургон задел боком гостиницу, закричали лошади, затрещало дерево; черепица посыпалась с крыш смертоносным дождём; с треском и грохотом рушились с высоты на мостовую камни, окна и целые балконы... и с глубоким и жутким стоном осело одно крыло дворца, погрузившись в землю в ослепляющем облаке взметнувшейся пыли.

Мэншун откинулся на спинку кресла и позволил себе злорадную улыбку. Он не мог отвести глаз от прорицательной сферы, которая показывала ему последствия взрыва.

— В следующий раз они дважды подумают, прежде чем кидать заклинания в первого попавшегося созерцателя, — довольно прошептал он. — И это промедление обречёт их точно так же, как если бы они обрушили на него всю доступную магию. Ах, как это славно.

Тихонько засмеявшись, Некоронованный будущий император Кормира и остальных королевств встал из кресла и шагнул к другому прорицающему оку, чтобы посмотреть на лордов, собравшихся на встречу, которая, как они считали, была тайной.

— Пока никаких следов возникновения синего призрака, — сказал сам себе Мэншун, — но в конце концов его владелец прекрасно понимает, что за ним охотятся боевые маги — не говоря уже о куда более могущественных волшебниках.

* * *

— Шторм, это мы, — прошипела Амарун, срывая с себя грязную шляпу старого моряка. — Видишь?

— Кто «мы»? Это недоразумение в старых юбках рядом с тобой не может быть лордом и наследником благородного дома.

Арклет хмыкнул.

— Конечно может! Открывай дверь, или я начну снимать одежду, чтобы доказать это.

— Не искушай меня, Арклет Делькасл! — предупредила его Шторм. — Ты мог иметь в виду угрозу, но для меня она звучит скорее как соблазн!

Несмотря на это, она откинула засовы, что держали закрытой дверь старого склада, и посторожилась, позволяя двум новопривывшим войти.

— Добро пожаловать в скромную обитель Хелджака Торнадарра, сембийского купца.

— А здесь неплохо! — весело заметил Арклет. — Как вам маскировка?

Мирт оторвал взгляд от котелка, в который заглядывал Эльминстер, посмотрел на них и угрюмо сказал:

— Ну, как способ дать понять каждому встречному, что вы высоконосые идиоты, пытающиеся притвориться простыми докерами, она шикарна, да!

— Тихо, старый козёл, — нежно сказала ему Рун. — У нас не было времени отыскать в садовническом сарае у Делькаслов что-нибудь получше. У нас срочные новости.

У Мирта отвисла челюсть.

Затем он с неодобрительным выражением посмотрел на Арклета.

— Ты это сделал? Уже? Привёл её в дом всего на ночь-другую, и уже выбрасываешь —

если это не слишком неподходящее слово — в мир новое поколение Делькаслов! Мог бы сначала и жениться на девушке!

Рун и Арклет, заморгав, уставились на него.

— Нет, нет, *нет*, не такие новости! — торопливо выпалил Арклет. — Я имею в виду, что эти новости ещё не случились! Я имею в виду...

— Ох, как этот лорд красноречив, — сказал Эльминстер Шторм, показав Арклету большой палец. — И галантен. Присматривай за ним. Он *скользящий* малый.

— Да заткнитесь на секунду, шуты гороховые, — взревела Рун, моментально приковав к себе внимание и заставив всех умолкнуть. — Арклет и я должны рассказать вам кое-что важное про призраков синего пламени. Мы только что узнали это от его маг... от госпожи Марантины Делькасл.

Она посмотрела на котелок, в который Мирт погрузил свои руки, и её голос изменился.

— *Что* это ты делаешь?

— Учусь готовить, — с достоинством отозвался Мирт, поднимая руку, чтобы продемонстрировать всем влажную и блестящую ладонь. — Узрите — козлиные потроха, разделанные миноги и очищенные устрицы. Всё сырое, но вымоченное в травяных маслах с дюжиной специй. Мне сказали, что так готовят на побережье Рашемена.

Он махнул в сторону Эльминстера, который кивнул и отсутствующим видом сказал Амарун:

— Прямо сейчас я использую заклинание. И смотрю, как он учится готовить.

— Арклет, — предложила Шторм, с трескучим скрежетом ржавой цепи задвигая на место служившую засовом массивную деревянную балку на двери, — почему бы тебе не рассказать нам новости, прежде эти два старых дрейка своими подколками не вынудили твою бедную девушку наброситься на них?

— Точно, — отозвался Арклет, подбираясь и бросив хмурый взгляд на Эльминстера с Миртом. Его поза впечатляла бы куда больше, если бы не розовые, фиолетовые и рвотно-зелёные юбки. — Что вы знаете о Тюремщиках?

В помещении снова стало тихо, и в этот раз в тишине повисло небольшое напряжение.

— Парень, — тихо отозвался Эльминстер, — я много чего знаю. Кое-что из этого даже помню. Более того, касательно определённых сведений, я помню о том, что не смею рассказывать их остальным, и помню, что случится, если я расскажу. Ты, может быть, молод и можешь провести годы, выслушивая чужие рассказы, но я — нет. Так что не бери в голову, если я попрошу тебя просто рассказать, что *ты* слышал о Тюремщиках. Мм?

Арклет посмотрел на Амарун. Та слово в слово, идеально подражая голосу леди Марантины Амарун, от чего у Арклета отвисла челюсть, а Мирт, не скрываясь, ухмыльнулся. повторила то, что рассказала мать Арклета.

Эльминстер кивнул.

— Она сказала правду. До последнего слова. Я там был.

— Что? — воскликнул Арклет. — Тогда почему ты...

Мудрец Долины Теней пожал плечами.

— Мистра сказала мне...

— И мне, — вставила Шторм.

— ...оставить Тюремщиков в покое. Она сказала, что они необходимы, хотя так никогда и не объяснила, зачем. Они совершили множество «заточений», хотя сомневаюсь, что призраки синего пламени хоть в какой-то степени являются результатом этого. Боюсь,

больше я ничего рассказать не могу; наша Госпожа поручала мне другую работу.

Арклет с заметным усилием взял себя в руки.

— Так который из её Избранных, если спрашивать о таком не богохульство, имел дело с Тюремщиками?

— Алассра, — вздохнул Эл.

— Симбул, как её зовут в легендах, или Королева-Ведьма Агларонда, — мягко добавила Шторм. — Одна из моих сестёр. Она...

— Мертва? — спросила Рун.

— Безумна. Её разум сгорел, — грустно ответил Эл. — Я придумал, как восстановить её рассудок — способ опасный и ненадёжный — но это потребует предмета синего пламени.

— И в процессе излечения предмет будет поглощён вместе с узником и всем остальным, — добавила Шторм.

— Советую вам выбрать подходящего узника для уничтожения, — прорычал Мирт, махая поварским тесаком в её сторону. — Поэтому я и позаботился, чтобы мой топор пропал, прежде чем эти двое лордов-тупиц смогли найти какого-нибудь волшебника, который знает способ заставить меня вернуться в него.

* * *

— И вот сижу я, безумна и одинока, — пропел высокий, немелодичный голос, похожий на голос скупающей маленькой девочки. Затем его обладательница вздохнула и опустила, чтобы поболтать ногами в холодной воде.

Опять. Примерно в семидесятишестимиллионный раз.

Плескаясь в озерце в сердце пещеры, которая служила ей темницей.

Озерце, к оторому она была прикована цепью — своим единственным постоянным товарищем. Своей подругой.

— Моей подругой, — засмеялась она, высоким, долгим и безумным смехом, но прекратила, когда эхо стало звучать издевательски.

Издевательства означали красных магов, а она убивала красных магов, когда встречала их.

Шевеля в воде ногами — массивная цепь поднималась и опускалась с каждым движением лодыжки — пленница вспоминала магию, грезилась о магии... и когда так случалось, вокруг неё в темноте расцветало волшебное сияние, поднималось и опадало, подобно жадным языкам пламени, освещая мокрые и блестящие каменные своды пещеры.

— Я Алассра Среброрукая, — неожиданно и радостно провозгласила она в никуда, — некогда королева Агларонда, лучше известная бардам, мудрецам и простому народу, что шепотом рассказывает у костра страшные истории, как Королева-Ведьма, сразившая целые армии красных магов. Я предпочитаю называть себя Симбул. Так короче. Рада встрече. И если ты случайно окажешься красным магом в чужом обличье, приготовься умереть.

Она встала и приняла угрожающую позу. Затем отбросила с лица свои серебряные волосы — как всегда, непослушную и дикую гриву; прямо сейчас они скорее напоминали куст, чем волосы на человеческой олове — и начаровала себе зеркало.

Повисший в воздухе отражающий овал из серебра высотой с неё саму.

Посмотревшись в него, она критически оценила себя. Она была голой и измазанной

грязью, но по-прежнему обладала хорошей фигурой. Костлявый таз и бёдра — кости таза выступали двумя острыми гребнями — но тело пышное и женственное во всех остальных областях, с длинными, длинными руками и ногами, что сводили с ума мужчин.

Хмм. Сводили с ума мужчин. Больше никто не приходил её навестить через все магические преграды. Однажды, давным давно, несколько человек прорвались через них, маги с мечниками, рассчитывая найти великую магию.

— Что ж, так и вышло, — с раздражением произнесла она вслух. — Они нашли меня!

Тогда, конечно, они начали выдвигать требования, накладывая заклятья на её озеро, угрожать и рукоприкладствовать, наседать на неё.

Это было весело. И когда она устала швырять их, разбитых и сломанных, своими заклинаниями по всей пещере, она их съела.

Это было глупо. Теперь их не стало, и ей не с кем было поговорить. Не с кем, кроме себя самой, а она была слишком безумна, чтобы утешить или убедить себя в чём-нибудь.

Эльминстер.

Вот кто был ей нужен.

Эл, её Эл, снова. Здесь. Сейчас, заключивший её в объятия.

— Эльминстер? — позвала она во мрак, прислушиваясь, как эхо уносит его имя вдаль, а потом возвращается снова.

— Эл, ты хоть когда-нибудь вернёшься ко мне?

* * *

Арклет и Амарун посмотрели друг на друга и обнаружили, насколько они оба бледные и изумлённые. Насколько они напуганы.

Они схватились друг за друга, потому что так было спокойнее.

Они с самого детства слышали истории об Эльминстере и о Павшей Мистре, которая до пришествия Синего Огня была Королевой всей магии, богиней, каким-то образом являвшейся Плетением, хотя здесь барды расходились во мнениях. Они слышали о Семи Сёстрах и об Избранных Мистры, странствующих по миру, сотворяя и развоплощая магию, седлая драконов и раскалывая горы, и... и...

Они знали, что услышанное сейчас — правда, но...

О, женщина в другом конце комнаты должна быть старше, чем казалось по её молодому телу. Её глаза и поведение в отличии от двадцатилетней фигуры говорили о почти тридцати годах и к тому же были мудрее, чем у многих следопытов.

Мужчина, который выглядел ещё моложе, во время первой встречи с ними носил куда более старое, бородатое тело. Одно касание его древнего, тёмного и огромного разума — который побывал в сознании Арклета и Амарун и который они смогли разглядеть — любому давало понять, что этот мужчина куда старше, чем выглядит.

Но услышать, как Шторм и Эльминстер спокойно подтверждают, что они — Избранные Мистры или были таковыми... это потрясало. Пугало ещё и то, что, судя по всему, они по-прежнему считали себя Избранными.

Лишившимся силы, но продолжающими служить богине, которую все Королевства считали погибшей.

Отрезвлял и рассказ толстого одышливого старика Мирта о том, как его зачаровали и

загочили в предмете синего пламени в Глубоководье почти сто лет тому назад. Это совершил его враг, столь отчаянно пытавшийся избежать гибели от рук Мирта, так торопившийся избежать этой судьбы, что не наложил никакой магии подчинения на Старого Волка — и поэтому несколько дней глубоководец появился из волшебного топора, не подчиняясь никому.

— Так кто же такие эти Тюремщики? — наконец спросила Амарун, рухнув на стул рядом с Миртом, чтобы попробовать, хм, варево из морепродуктов и найти его удивительно вкусным. — Они ещё живы?

Эл пожал плечами.

— С волшебниками сложно сказать наверняка.

— Ха, — согласился Мирт. — Это точно.

Он повернулся и метнул кухонный нож через всю кухню. Нож почти полностью разрезал дыню на столике в противоположном конце помещения. Мирт добавил:

— Поэтому такой немый дикарь, как я, предпочитает полагаться на более примитивные средства принуждения и принятия решений.

Амарун и Арклет не смогли сдержать ухмылок.

А потом голова Эльминстера резко поднялась, его глаза коротко вспыхнули белым светом. Он встряхнулся, как промокший пёс, и объявил:

— Моё заклинание подействовало. На лорда Хантингдауна напали. Кто-то в открытую пытается разыскать лордов, что владеют предметами синего пламени.

— Так что будем делать? — спросила Рун, вскочив на ноги.

— Наблюдать, — ответил Эльминстер. — Ничего больше. До тех пор, пока не найдётся хозяин призраков, которого все разыскивают. Тогда мы проследим за великой битвой, которая неизбежно разразится, выжидая лучший момент, чтобы вступить в неё. Я наколдую прорицающее око.

— Пока благородных лордов Кормира убивают одного за другим? — возразил Арклет. — Если ты вдруг не заметил, Старый Маг, я тоже благородный лорд Кормира. И мы нужны Кормиру, несмотря на все наши провинности. Я не собираюсь позволить королевству узнать об этом на собственном опыте, когда большинство из нас будут мертвы и наши земли погрязнут в беззаконии, став пристанищем разбойников и враждующих жадных купцов, облизывающихся на титул.

— Значит, ты хочешь прямо сейчас примчаться в Хантингдаун Холл и начать резать случайных людей? — мягко поинтересовался Эльминстер. — Кому конкретно это поможет? И как?

— Тьфу! — огрызнулся Арклет. — Ты постоянно только и делаешь, что говоришь умные слова, постоянно...

— ...он постоянно оказывается абсолютно прав, — оборвала его Амарун. — Прислушайся к нему, любимый!

Арклет замер на полуслове, поглядел на неё, на его лице расцвела яркая улыбка.

— Что? — нахмурившись, спросила она.

— Ты назвала меня «любимым», — ответил он.

Мирт закатил глаза, Эл и Шторм усмехнулись.

— Что ж, пока молодёжь воркует, — пророкотал глубоководец, — скажите, правильно ли я понял: Симбул может рассказать нам куда больше про этих Тюремщиков, если будет в своём уме. Но чтобы вернуть ей здравый рассудок, тебе нужно использовать на Симбул

магию, там, где она прячется. Но для этой магии нужно выпить безделушку, которая является тюрмой призрака синего пламени. Предположительно ту безделушку, что ты ищешь — которую скрывает кто-то в Сюзейле.

— Ты всё правильно понял, — подтвердил Эл. — И более того, если я собираюсь завербовать боевых магов на службу Мистры, выполняя её поручение — Симбул *нужна* мне рядом. Ни один маг не способен сразить и победить их.

Мирт распротёр руки.

— Так чего мы ждём?

— Способа обнаружить скрытый предмет синего пламени, — объяснила Шторм. — Если за ним продолжится охота, лорды могут найти его за нас. Убив множество других лордов в процессе поисков. Отсюда и возражения лорда Делькасла.

— Которые я не отзываю, — вмешался Арклет, обнимавшийся с Амарун.

— Поэтому вместо того, чтобы ждать, пока погибнет ещё дюжина дворян — а боевые маги, Мэншун, и любой оказавшийся поблизости заинтересованный человек получит ещё дюжину шансов захватить предмет синего пламени себе, мы попытаемся заставить владельца призраков снова использовать своего призрака там, где мы этого захотим, чтобы заполучить его предмет себе, — объявил Эльминстер. — Пускай пляшет синее пламя.

— Потому что из танцовщиц получаются прекрасные приманки, — вздохнула Шторм.

— Всё будет по-другому, — резко отозвался Эл. — Никого из нас не будет на сцене.

— Посланная издалека иллюзия? Они в мгновение ока её распознают, — возразила ему Шторм.

— Не иллюзия, — ответил Мудрец Долины Теней и указал на Амарун. — Синим пламенем будет она.

— Что? — взревел Арклет, вырываясь из объятий любимой, чтобы броситься к Эльминстеру.

— Спокойно, юный лев, — ответил волшебник, — спокойно! Она будет танцевать где-нибудь в пустой комнате передо мной — и пока ты не начал яростно защищать её девичью честь, знай, что я собираюсь находиться там как её телохранитель и ничего больше! Моя магия создаст её образ, повторяющий её движения и, разумеется, окутанный синим пламенем, и этот образ будет танцевать на сцене клуба, который мы больше всего хотим увидеть разрушенным.

— Разрушенным?

— Да. Когда боевые маги, Мэншун, нанятые лордами волшебники и наш владелец призраков клюнут все вместе на нашу наживку, клуб долго не продержится.

Арклет кивнул, затем ехидно усмехнулся.

— Я знаю подходящее место. Давайте так и поступим.

* * *

Новость разлетелась по Сюзейлу, как воющий ветер прибрежного шторма. Та, кто известна под именем Синего Пламени, собирается танцевать — представление, которое нельзя пропустить.

Никто не знал точно, откуда эта новость появилась, но все соглашались по поводу «где и когда».

Это должно было произойти накануне праздника Хандраса, ежегодной сюзейльской ярмарки в позднем миртуле, когда город принимает всех крупных караванщиков с Побережья Меча. Обычно все эти купцы и торговцы выставляют свои «новые чудеса с Побережья Меча» в складах возле доков. Всем, кто приходит взглянуть на новейшие товары, диковины и экзотические наряды, подают бесплатную еду и напитки.

Танец должен был состояться в «Дерзкой Эмблеме», эксклюзивном клубе, обслуживающем пресыщенную молодую знать и амбициозный народ, с которым эта знать предпочитала пить, торговать и спать.

Так случилось, что «Эмблема» не входила в число любимых заведений Арклета Делькасла, поскольку среди тамошних завсегдатаев числились несколько его старых врагов и соперников, таких как Мерклорн Винтерсан — младший наследник Винтесан, не патриарх — и Каскот Донтард.

Напрасно владелец «Эмблемы», жадный, бредущийся налысо выскочка по имени Дарендиго Вабрант твердил, что он не собирается устраивать таких представлений ни в канун Хандраса, ни в любую другую ночь, что он никогда не встречал Синее Пламя, и что он не горит желанием устраивать подобные «никчёмные представления» в своей «Эмблеме».

Осаждаемый заявками половины Сюзейла на бронирование столиков у сцены, не говоря уже о требованиях его постоянных посетителей, он сразу же нанял дополнительную охрану — лишь затем, чтобы обнаружить, что дюжина лордов заплатила его охранникам куда больше, чтобы те в первую очередь подчинялись новым нанимателям, а не ему. Другими словами, чтобы охранники по первому требованию впускали этих лордов в «Эмблему» и позволяли им брать с собой дополнительных друзей, собственное вино, оружие и всё, чего они могли пожелать.

Отчаявшись и увидев в кошмарных снах ожидающий его крах и дворцовую темницу, Вабрант тайно отправился к боевым магам и заручился их помощью в организации «невидимой охраны».

Эльминстер и его спутники, разумеется, не знали об этом, пока не стало слишком поздно — хотя впоследствии Арклет начал подозревать, что Мудрец Долины Теней всё это предвидел.

* * *

— Я в деле, — ухмыляясь и неразборчиво выговаривая слова, заявил Вэйнренс.

Взгляды Ганрахаста и Глатры встретились над головой лорда печатей, и именно Глатра вежливо сказала:

— Мы не ожидаем, что ты выскочишь из кровати и что-то с этим сделаешь, Ренс. Мы просто хотели, чтобы ты знал о неприятностях, в которые мы влипли на этот раз.

— В конце концов, когда ты спросил, — добавил королевский маг, — нам пришлось признать что да, весь Сюзейл гудит об этом.

— Так кто эта Синее Пламя?

— Никто не знает, — ответил Ганрахаст.

— Но, — с ехидной ухмылкой добавила Глатра, — я подозреваю, что за этим стоит Эльминстер, и что это — попытка выманить загадочного лорда, что владеет призраком синего пламени. Весьма вероятно, «Эмблема» в итоге сильно пострадает от разразившихся

беспорядокв.

— Включая беспорядки, причиной который наверняка станем мы сами после того, как твоя прорицательная магия покажет нечто, во что мы просто обязаны будем вмешаться? — сухо поинтересовался Ганрахаст.

Она широко распахнула глаза с видом оскорблённой невинности. Это никого не обмануло.

— Наверняка, — смиренно согласилась Глатра.

Глава 34

Довольно шумные битвы

В этот тёплый и ветренный канун Хандраса «Дерзкая эмблема» была набита битком. Сюда явилась половина модного Сюзейла, толкаясь в дверях, чтобы попасть внутрь. Посетители тесной толпой стояли вдоль стен и между столами. Ещё больше людей, напрасно пытающихся попать в клуб, толклись снаружи на улицах и в переулках.

Внутри все взгляды были прикованы к сцене — а точнее, к небольшому клочку свободного пространства, где кружилась и прыгала одинокая танцовщица, чьё обнажённое тело блестело от пота и лижущего её кожу неугасимого синего пламени.

Ещё несколько мгновений назад этого пространства здесь не было. Отчаявшийся Дарендиго Врабрант взял на себя труд позаботиться о том, чтобы крошечную сцену «Эмблемы» разобрали, на её месте установили новый пол и заставили его новыми креслами и столиками. Однако сегодня, к его искреннему ужасу, несколько посетителей разом опустили свои кружки, прошептали волшебные слова — и заставили несколько кресел, столов, и сидевших за ними напуганных клиентов исчезнуть. Эти волшебники, выдав себя, просто исчезли мгновением позже. После них остались только кружки.

Этот фокус совсем не понравился боевой волшебнице Глатре Баркантл, которая стояла на соседней крыше, пытаясь охватить взглядом отряд магов Короны, множество пурпурных драконов и тайную группу старших рыцарей. Она и так тревожилась из-за шатающейся в переулках внизу примерно дюжины банд головорезов и магов-самоучек, очевидно посланных различными амбициозными дворянами. Настоящие неприятности стремительно приближались.

Внезапное возникновение напуганных людей с кружками, тарелками с жареной птицей, столами, на которых всё это стояло, стульями и вещами прямо посередине грязного, заваленного мусором переулка, как показалось Глатре, ситуацию совсем не улучшило, хотя некоторые из волшебников рядом с ней на крыше захихикали.

— Просто следите, не появится ли где синее пламя, — рявкнула на них Глатра, снова устремив своё внимание к наколдованному прорицающему оку, висящему в воздухе перед ней.

В нём она видела Синее Пламя-танцовщицу, и ни капли не удивилась, что та как две капли воды похожа на Амарун Белую Волну.

— Эльминстер, — прорычала Глатра, одним глазом продолжая следить за чувственным танцем, чтобы не упустить любого подозрительного знака, а другим пытаясь окинуть собравшуюся внизу толпу. — Ты стоишь за этим, ты...

Она догадалась, что Амарун на самом деле танцует в другом месте, и магия — магия Эльминстера, Глатра могла поклясться всем золотом в дворцовых сокровищницах — заставила образ танцовщицы возникнуть в «Эмблеме» и украсила его холодным, ничего не сжигающим синим огнём.

Вот! Один из множества мужчин у стены клуба рухнул вперёд, прямо на колени испуганного посетителя за ближайшим столиком, и позади него возникло синее пылающее свечение. Когда сквозь стену шагнула фигура, окутанная текучим синим пламенем, безжалостно ударяя мечом всякого, кто оказался на пути, люди стали вскакивать с мест, пытаясь быстрее убраться из клуба, царапаясь и толкаясь.

В переулках раздались крики — не только Глатра использовала прорицательную сферу — и головорезы ринулись вперёд.

Драконы посмотрели на Глатру.

— Госпожа?

— Оставайтесь на месте! — приказала она. — Мы всё равно не сможем пробиться через всю эту толпу! Ждите и наблюдайте, чтобы понять, куда нам нужно ударить, прежде чем мы это сделаем!

В «Эмблеме» воцарился хаос. Одинокий призрак синего пламени прокладывал себе путь через толпу, очевидно, отыскивая конкретных дворян для убийства. Все вопили и кричали, повсюду были мечи и кинжалы, и люди отчаянно сражались просто ради того, чтобы выбраться из клуба, рубя и топча всё на своём пути.

Кровь хлестала всё гуще, переворачивались столы, летели стулья, танцовщица продолжала свой танец.

Кусок внешней стены «Эмблемы» резко исчез, когда какой-то наёмный маг использовал заклинание, которое не следовало использовать на людных улицах — и в «Эмблему» ринулся пожилой лорд Винтерсан, окружённый тесной группой вооружённых наёмников.

Лорд устремился к своему побелевшему и рыдающему сыну. Между призраком и младшим Винтерсаном было всего семеро человек, и лорд напрасно пытался увеличить это расстояние — пока позади него эти семеро один за другим убегали или падали под ударами синего меча.

Прямо перед призраком взорвалось новое заклинание, разметав огонь во все стороны, подбросив синего убийцу в воздух и швырнув его через половину помещения. Раздался вой и вопли, когда огонь начал распространяться, и в мгновение ока охваченные пламенем люди начали беспомощно метаться вокруг, спотыкаясь о тела раненых и потерявших сознание.

— Огнетушитель! — крикнула Глатра четырём боевым магам, готовым к этой задаче. — *Сейчас же!*

Ещё чьё-то заклинание обрушило новый участок внешней стены «Эмблемы», и посетители потекли наружу, разбегаясь по улицам во всех направлениях.

— Продолжайте следить за призраком! — рявкнула Глатра на старших боевых магов поблизости. — Что бы ни случилось, не позволяйте ему ускользнуть!

— Эм, леди Глатра? — спросил один, осмелившись дёрнуть её за рукав.

— *Что?* — почти выплюнула она ему в лицо, стремительно охваченная яростью. Он указал в небо над крышами.

Где в поле зрения только что показался созерцатель, спокойно устремившийся к ним.

— Госпожа! — позвал маг Короны постарше, с более глубоким голосом, прежде чем она успела уставиться на чудовище. — Сюда!

— Мы *должны* туда спуститься! — рявкнул командир старших рыцарей, махнув рукой своим людям. — Вниз по лестнице! Шевелитесь!

— Здесь я отдаю приказы! — практически завизжала Глатра, но командир, даже не оборачиваясь, ответил ей на бегу, безмолвным, но весьма выразительным жестом, который никогда не показывали в приличном обществе.

С нечленораздельным яростным рыком Глатра бросилась к другому краю крыши, к магу с глубоким голосом, чтобы посмотреть, зачем он её позвал.

В переулке внизу, бежалостно убивая оказавшихся на пути головорезов, которым не хватило здравого смысла сбежать от них, маршировали строем *пять* призраков синего

— «Эмблема» пылает, — пророкотал Мирт, пока они спешили вдоль боковой улочки.

— И судя по тому, что Арклет рассказал нам об этом месте, туда ей и дорога, — отозвалась Шторм, когда они подошли к выходу на более широкую улицу. — А теперь, если я правильно рассчитала, наш одинокий призрак синего пламени должен убегать и оказаться прямо... *здесь*.

— Убегать! Не думал, что они вообще когда-нибудь убегают!

— Если им прикажет владелец. Или когда они встречаются сразу пятерых собратьев. Видишь?

Вдалеке, ниже по улице, приближалась стена яркого синего огня — там, где торопливо шагали в ряд пятеро призраков.

— Ох дерьмо, — пробормотала Шторм. — Как всегда, всё *не так просто*.

Она увидела, как фигура, в которой безошибочно узнавался созерцатель, бесшумно опускается по плавной неторопливой дуге, оказавшись сразу позади линии пятерых призраков.

И перед Шторм и Миртом, примерно в дюжине шагов, повернувшись лицом к призраку, что возник в «Эмблеме», стоял благородный лорд. Лорд сжимал нечто мерцавшее синим, нечто плоское, размером с его ладонь. Призрак, по-прежнему торопливо шагающий к нему, угасал.

Его пламя пульсировало в унисон со вспышками света той вещи, которую держал лорд.

— Лорд *Калантар*? — выдохнула Шторм.

— Ты его знаешь?

— В лицо. Никогда бы не догадалась, что это *он*...

— Это всегда оказываются самые тихие, — прорычал Мирт, бросаясь вперёд и поднимая кинжал.

Призрак исчез. А мгновение спустя мостовая вокруг лорда Калантара уже кишела возникшими из ниоткуда боевыми магами.

— Предатель! — выкрикнула в лицо лорду госпожа Глатра, пытаясь схватить его руку и мерцающий предмет в ней.

— Эй! — воскликнул Мирт. — Осторожно!

Он показал пальцем, и некоторые из магов Короны повернулись в ту сторону.

Они увидели пикирующего на них созерцателя с зияющей клыкастой челюстью и извивающимися, как разозлённые змеи, глазными отростками.

Боевые маги принялись читать самые быстрые и самые сильные из своих боевых заклинаний, в бешеной спешке произнося речитативы и делая волшебные жесты. Мирт протянул руку, схватил Шторм и быстро потащил её назад.

Она попыталась высвободиться от его упрямой, задыхающейся хватки, когда заклинания начали бить в созерцателя — и тот взорвался с ужасающей силой, разбивая окна, балконы и камни на мостовой, ударив по ушам волной звенящей глухоты, и разбросав дюжины людей во всех направлениях, как тряпичных кукол.

Ещё одна ловушка.

Глатра распростёрлась на мостовой под весом двух её собственных боевых магов, врезавшихся в неё сзади — а лорд Калантар, закувыркавшись, полетел вниз по улице, чтобы врезаться в повозку. Он что-то оглушённо бормотал.

Спотыкаясь, Шторм направилась к нему — взрыв вырвал её из рук Мирта — и бросилась на лорда. Который пырнул её снизу вверх кинжалом, пытаясь снова призвать своего призрака. Предмет в его руке — пряжка для пояса — опять начал пульсировать синим.

Шторм отвела один удар, с шипением от боли приняла второй на запястье, потом потеряла терпение и обрушила вниз свой меч, рубанув руку Калантара, сжимавшую пряжку. Он выплюнул проклятие и снова ударил кинжалом, поэтому она занесла меч повыше и рубанула посильнее, отрезая ему руку.

Отделившись от тела, рука продолжала сжимать пряжку.

Шторм схватила истекающую кровью отрубленную конечность вместе с пряжкой, пытаясь не обращать внимания на пульсирующее синее мерцание.

Она видела, что пятеро призраков устремили взгляды на неё и побежали, приближаясь со всей скоростью, на которую были способны.

Глатра снова была на ногах и тоже бежала к Шторм — и была намного ближе. Боевая волшебница пыталась на ходу выдохнуть заклинание, но когда споткнулась о бесчувственного на первый взгляд Мирта, глубоководец ловко сбил её с ног своей волосатой рукой. Когда Глатра рухнула ничком, он с усмешкой поднялся и закричал Шторм:

— Беги, подруга! Уходи! Я попытаюсь...

Пятеро призраков почти настигли его.

Шторм вздрогнула, не желая видеть того, что сейчас должно было случиться с Миртом — а потом, с неожиданной вспышкой и мгновением бесшумного, лёгкого движения, всё это пропало.

Улица, призраки, Глатра и всё остальное.

Магия Эльминстера унесла её прочь.

* * *

Шторм моментально оказалась на твёрдом, гладком и знакомом ей полу.

Она стояла на складе, сжимая отрубленную руку лорда Калантара, и синее мерцание поясной пряжки, сжатой в этих пропитанных кровью пальцах, постепенно угасало.

К ней бежал Эльминстер, Арклет и Амарун — сразу за ним. На Рун была её маска и почти ничего больше; синее пламя, которым одела её магия Эльминстера, пропало.

— Я... — начала Шторм, но нахмурившийся Арклет на бегу подхватил старый стул и с силой швырнул его.

Шторм пригнулась, и стул вонзился прямо... в боевую волшебницу Глатру, которая только что возникла у неё за спиной.

Глатра рухнула на колени, изрыгнула проклятие, схватила с пояса жезл и активировала его, взрывая...

Эльминстера, который прыгнул, заслоня собой Шторм. Пламя с рёвом обрушилось на него.

В мгновение ока его знакомое лицо и борода исчезли, огоньками иллюзии

растворившись в огне, разрывающем на части принадлежавшее некогда Эпплкрауну тело.

Вытаращившееся лицо человека куда моложе настоящего Эльминстера полетело по воздуху, когда взрыв из жезла Глатры расшвырял во все стороны всё, что осталось от Релдика Эпплкрауна.

Полетели оторванные конечности, взметнулась пыль, Арклета бросило на груды ящиков, где он и приземлился со стоном.

Взрывная волна заставила Шторм заскользить мимо него по складскому полу, серебряные волосы цеплялись за ящики и бочки, пытаясь замедлить хозяйку.

Голая и безоружная, Амарун Белая Волна бросилась на Глатру, яростно хлестнула волшебницу по лицу и выбила у неё жезл. Глатра попыталась снова схватить его и вместо этого получила твёрдым локтем под подбородок, когда Рун откатилась в сторону, чтобы отбросить жезл как можно сильнее и дальше, прочь в туманную даль заставленного ящиками склада.

Две женщины царапались и катались по земле ещё пару безумных мгновений, прежде чем Глатра вырвалась за пределы досягаемости Рун и обернулась, чтобы перевести дух и достать следующий жезл — парализующий.

Имеено тогда в неё врезалась Шторм в безумном прыжке через ящики, широко разведя руки, чтобы боевая волшебница не смогла увернуться

Глатра попыталась.

В итоге они обе оказались на полу, борясь и пинаясь. Локоны Шторм быстро опутали запястья Глатры и заткнули ей рот, не позволяя использовать магию — пока бард Долины Теней не смогла схватить волшебницу за голову.

Шторм безжалостно ударила голову Глатры о пол, затем вцепилась в волосы и снова обрушила ей вниз. И ещё раз.

И ещё раз, пока противница под ней не обмякла.

Затем последний раз, просто чтобы удостовериться.

Глатра была не способна притворяться. Она начисто вырубилась.

Задыхаясь, Шторм откатилась в сторонку, схватила поясную пряжку — та всего на мгновение вспыхнула синим — и закричала:

— Мы должны попасть к Симбул немедленно! Эл?

Прах Эльминстера скользил по полу, как змея, направляясь к Амарун, но Арклет воскликнул:

— Нет! Ко мне, Эл! Ко мне!

Прах покорно повернул к молодому лорду.

Который поднялся на ноги, содрогаясь, чтобы приказать:

— Рун, одевайся! Во дворец!

* * *

— Что ж, по крайней мере в одном боги нам улыбнулись, — пробормотал королевский маг, выкладывая из футляров на стол могущественные скипетры и жезлы. — С Эльминстером должно было *что-то* произойти. Им придётся пройти здесь, а не телепортироваться мимо нас к дворцовым воротам по их выбору. Это даст нам достаточно времени, чтобы хотя бы *попытаться* подготовиться.

Сэр Талонар Винтер и старший рыцарь Эксрель Старбридж стояли перед ним, уже облачённые во все магические наручи, шлемы, нагрудники и гильфики, которые Ганрахаст сумел отыскать за такой короткий срок. Он продолжал выкладывать кинжалы, мечи и маленькие баклеры, пока боевые маги-новички ровным потоком приносили в комнату оружие, щиты и доспехи, снятые со стен и стоек по всему дворцу.

— Это бой насмерть, — мрачно добавил королевский маг. — Призраков синего пламени послали убить наших дворян, а теперь они идут сюда, что может означать лишь одно — они замыслили цареубийство. Шторм Среброрукая, лорд Арклет Делькасл, та танцовщица и не менее *пяти* следующих сразу за ними призраков...

Он резко развернулся, чтобы посмотреть в ближайшее прорицательное око и убедиться, что то, о чём он говорит, по-прежнему остаётся правдой. Печально, но так и было.

— ...попытаются проникнуть во дворец. Мы должны помешать им любой ценой. Если они сумеют дойти досюда, мы обязаны пожертвовать жизнями, но не позволить им добраться до короля. Я займу последний рубеж обороны, поскольку я должен телепортировать его величество прочь, если другие способы потерпят неудачу. Я отошлю короля в одиночестве, поскольку не стану бежать от этого боя.

— *Это* в обязанности королевского мага не входит, — напугав их всех, прошипел неожиданный голос. Они разом повернулись к его источнику — к месту, которое было слишком маленьким для человека, за столом, заваленным зачарованными доспехами и оружием — и узрели в воздухе колышущийся дымок, слабое теневое присутствие.

Дымок немного потемнел, превратившись в женскую голову и плечи с руками и мечом... которые просвечивали насквозь.

— Я Алусейр Обарскир, — сказало им существо, — и я буду сражаться. Ганрахаст, как королевский маг, ты обязан позаботиться о выживании королевства, а *не* короля Форила. Ты *не должен* сложить голову, сражаясь здесь!

— Этого выбора, ваше высочество, — вежливо отозвался Ганрахаст, — мне могут не предоставить.

— Не предоставят, — шагнув в комнату в потоке юных боевых магов, подтвердил король Форил. У него на плече, как паук, сидела бородатая голова Вангердагаста.

— Вы все должны отступить и позволить нарушителям войти, — негромко добавил король Кормира. — Им нужно достичь комнаты Бдительного Стража, чтобы использовать Шаг Долин. Позвольте им это сделать.

Алусейр посмотрела на него.

— Но...

— Великая принцесса, величайший регент, что был когда-либо у Кормира, — вежливо ответил Форил, — доверьтесь мне в этом и покоритесь. Пожалуйста. В конце концов, я сейчас король.

Алусейр долго смотрела ему в глаза, затем кивнула и опустила свой призрачный меч.

Король Форил указал на неопытных магов и приказал:

— Откройте ворота и впустите Шторм и всех, кто её сопровождает. Им следует позволить свободно пройти по дворцовым залам. Сообщите всем. *Поспешите*.

Несколько волшебников подпрыгнули от звенящей суровости последнего слова. Они приземлились уже на бегу, выскочив из комнаты, чтобы выполнить поручение.

— Надеюсь, ваше величество, вы не совершаете ужасной ошибки, — тихо сказал Ганрахаст.

— Я тоже на это надеюсь, — не оборачиваясь, ответил Форил. — Но решать мне.

* * *

Шторм, Амарун и Арклет шли быстро, тесной группой. Оглядывался только Арклет.

Пятеро призраков шагали быстрее, уверенно их нагоняя. Немного позади этих пылающих фигур шла одинокая, спокойная женщина, на которой синего пламени не было. Она была высокой и стройной, сногшибательно красивой, несмотря на жестокое лицо и тёмные, полные ярости глаза. Из её груди выступал окровавленный кончик кинжала.

Король Форил сощурился. Он взмахнул рукой, подавая сигнал, и Симмарра, госпожа призраков, почти исчезла под неожиданным ливнем заклинаний, который боевые маги обрушили на неё со всех сторон — некоторые даже успели забежать ей за спину.

Ярко, как солнце, вспыхнули защитные печати — но когда это сияние угасло, она шагала дальше, не пострадав.

Проходя мимо дверного проёма, в котором стоял король, она подняла руки. На лице женщины возникла тонкая и безжалостная улыбка, и она начала читать заклинание.

Ганрахаст, Старбридж, Винтер и призрак Алусейр все вместе заслонили собой короля, но от этого её улыбка лишь превратилась в оскал, и она продолжила творить чары.

Но воздух прямо перед ней замерцал и превратился в архимага Дардулкина, руки которого были вытянуты в последнем триумфальном жесте быстрого заклинания.

Заклятье Дардулкина ударило раньше, чем Симмарра сумела закончить свою магию. Разряд трескучей силы сбил госпожу призраков с ног и швырнул её вниз по коридору, злобно зашипев, когда столкнулся с защитой, что охраняла женщину от ожогов и переломов. Затем раздался один удар за другим, когда защищённое магией тело Симмарры начало пробивать одну каменную стену за другой до тех пор, пока она не исчезла из виду.

Ганрахаст приготовил заклинание, чтобы, если понадобится, использовать его на Дардулкине, но все остальные — включая Дардулкина — повернулись, чтобы посмотреть в прорицательное око.

И увидеть, как пронзённая кинжалом женщина наконец остановилась прямо перед комнатой Бдительного Стража.

Пятеро призраков синего пламени оказались на расстоянии вытянутого копья от неё и поспешили в комнату.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Шторм Среброрукая ныряет в портал Шаг Долин, а следом за ней — Амарун и Арклет.

Симмара, шатаясь, встала на ноги. Она казалась слегка оглушённой. Величественным жестом она призвала призраков к себе. Быстро и бесшумно они окружили её.

— Эльминстер, — сказала она с кривой усмешкой. — Как всегда, в самом сердце любых беспорядков. Доберусь до тебя — и найду Мэншуна и всех синих призраков. Две смерти, которых я так жаждала, наконец-то совсем рядом. Осталась лишь небольшая охота. Идёмте, рабы!

Окружённая своими пылающими убийцами, госпожа призраков исчезла в портале.

— Лорд Делькасл и две женщины отправились в Долину Теней, чтобы исцелить безумную королеву — и уничтожить нас всех, — пробормотал Ганрахаст. — Симбул, которая убила верных Короне магов, которых мы послали за ней — так же, как уничтожала в

легендах красных волшебников. Если её излечат, наверняка она придёт, чтобы расправиться с каждым магом в Кормире — с теми, кто будет с ними рядом.

— Надеюсь, ты ошибаешься, — пробормотал Старбридж.

— Как и все мы, — сказал король Форил. И вздохнул.

* * *

— Нет, не вставай, — прорычал Мирт, волосатой рукой заставляя Глатру снова опуститься на складской пол. — Если попытаешься сделать это снова, я просто сяду на тебя верхом. И предупреждаю, я очень тяжёлый.

— Если ты не позволишь мне встать, — прошипела боевая волшебница, — я позабочусь о том, чтобы тебя заковали в глубокой темнице до самого конца твоей жалкой жизни!

— Ах, подруга, вот это настрой! Прелюдия! Мне такой огонь по нраву! Знаешь, девка вроде тебя пришлась бы к месту у нас в Глубоководье. Почему бы тебе не сказать «до свиданья» всем этим унылым кормирским царедворцам и не отправиться туда, где придаёт сил свежий морской воздух, где король — это монеты, и где знают, как пить, и хохотать, и пировать, и девок портить — хотя это последнее может показаться тебе не таким привлекательным, как мне, но...

— Ох, да заткнись ты, — слабо отозвалась Глатра.

Мирт ей ухмыльнулся.

— Хочешь немного сыра, пока ты там лежишь? Вина? Мы, купцы, всегда знаем, где раздобыть самое лучшее...

Глава 35

Битва и похороны

— Не нравится мне это, — прошептала Шторм, всматриваясь в окружающий лес. — Они наверняка спрячутся где-то рядом и следят за нами.

— Если будем медлить, они наверняка объявятся. Иди и приведи Алассру, — сказал Эльминстер, чей мрачный голос звучал странно, раздаваясь из уст Арклета. — Мы не осмелимся использовать синее пламя на ней в пещере — с цепью и печатями. Я постерегу здесь Рун.

Шторм кивнула, протянула ему пряжку — та совсем перестала светиться — и вошла в пещеру.

* * *

— Арклет... в смысле, Эл! — предупреждающе окликнула его Амарун.

— Я вижу их, подруга. Скоро придётся швыряться заклятьями.

Довольно неожиданно из-за ближайших деревьев выступили три воина, синее пламя бесконечно струилось вокруг их тел. Они держали наготове мечи и кинжалы, и улыбались широкими, неумолимыми улыбками.

— Прежде чем до этого дойдёт, — прошептал Мудрец Долины Теней, — я собираюсь передвинуть печати в пещере мимо нас и в сторону призраков. Защитная магия закипит на определённом расстоянии от меня. Возможно, я не сумею с ней справиться — если я залаю, пушу слюну или начну спотыкаться и говорить странные вещи, не похожие на заклинания, хватай меня сзади и держи на месте, чтобы магия не двигалась вместе со мной.

Рун кивнула. Он успокаивающе погладил её по руке — жест Арклета, показывающий, что её лорд делит своё тело с Эльминстером вместо того, чтобы быть безмолвным рабом — и добавил:

— Там по меньшей мере ещё два призрака. И та, кто послала их, женщина с торчащим из груди кинжалом. Если я их не замечу, схвати меня и разверни так, чтобы печати переместились и перехватили их.

Он припал на четвереньки, как ножевой боец, готовый броситься на надвигающихся призраков.

— Если эти пылающие подойдут сюда, но не вернуться, в конце концов их повелительница поддастся своему любопытству и явится проверить, что с ними произошло. Шторм сможет привести меня в чувство; беги к ней, если придётся.

Он протянул Амарун поясную пряжку синего пламени.

— Возьми это. Если я паду, отнеси её Симбул как можно быстрее!

Рун кивнула, не в силах удержать выражение нарастающего ужаса, возникшее на её лице. Троица призраков надвигалась тихой, угрожающей линией, как осторожные воители. Эл отступил перед ними, вытянув руку, чтобы заставить Амарун отойти с ним.

Они вошли спиной вперёд в холодный мрак пещеры, и призраки продолжали наступать.

Как только пылающее трио оказалось внутри пещеры, Эл пригнулся, потащив за собой Рун — и что-то едва заметное просвистело и прогрохтало в воздухе, пронеслось над их

головами тихим, тяжёлым приливом.

Оно забурлило вокруг призраков, вынудив их остановиться и закружив их синее пламя в бешеном хаосе клубящихся огней и неясных звуков, самыми громкими из которых были резкие звоны, как будто одновременно рвались сотни струн.

Трое убийц пошатнулись, напрасно начали рубить мечами воздух, пригнулись, будто против ветра — и внезапно пропали, все хриплые крики и ключья синего, увядающего пламени вихрем исчезли... в ничто.

Арклет рядом с Рун внезапно захныкал и выкрикнул:

— Волки! И Далата плачет! О, её поцелуй... ооxxx, снова сломан. Это всё короны.

С каждым словом его голос менялся, звучал как голос Арклета, голос Эльминстера или голоса совсем других людей.

Амарун посмотрела на него, вздрогнула, затем опустилась позади него и крепко вцепилась в его жилет. С колотящимся сердцем она стояла вместе с ним во мраке, ожидая.

Прошло долгое время — или так только показалось — прежде чем Арклет, или Эльминстер, начал петь. Она не могла разобрать слов, и мелодии были незнакомыми, но он, казалось, ничем особо не отличался от пьяниц, которых она помнила по «Драконьим вса...»

Внезапно появился ещё один призрак синего пламени, бегущий к ним с занесённым мечом.

Рун отчаянно вцепилась в Арклета, пытаясь оттащить его назад — но призрак уже угасал и распадался на части, хоть и всё ещё пытался добраться до них. Расплавилась его вытянутая вперёд рука, затем — рука с мечом, и клинок, который она сжимала, тоже растворился, потом колено, затем... всё остальное.

Пение резко прекратилось, как будто Арклет был потрясён исчезновением призрака. Дрожа, Амарун держалась за него и ждала.

Спустя какое-то время со стороны бурлящей магии сверкнула яркая вспышка, границы печати задрожали и, похоже, стали сжиматься.

Ещё одна вспышка. Печать стала ещё тоньше.

Затем появился другой призрак. Позади него шла высокая женщина с жестоким лицом, читая на ходу заклинание. Когда она закончила его, сверкнула одна из этих вспышек, растворяя ещё частицу печати.

Амарун торопливо потащила шатающегося мужчину в её руках назад, чтобы удержать угасающие, сжимающиеся печати вокруг призрака и женщины.

Неожиданно призрак стал плавиться, с удивительной скоростью утопая в кипящей магии. Женщина покачнулась. Она была уже достаточно близко — в пяти-шести шагах, не более — чтобы Рун могла разглядеть торчавший из её груди кинжал.

Затем из ниоткуда вылетела молния, ударив женщину в спину и заставив её выгнуться и задрожать, вытаращив глаза. Дикая спазмы боли окончились её падением. Женщина упала лицом вниз.

Новые разряды молнии ударили в последние угасающие лохмотья волшебных печатей. Мужчина позади — их громовежец — медленно вошёл в пещеру.

Амарун отпустила Арклета, повернулась и бросилась в глубину. Впереди во мраке что-то неприятно заколыхалось, как будто при её приближении проснулась враждебная магия.

На окраине этой бахромы она остановилась и бесшумно опустилась. Она зашла настолько далеко, насколько могла, и всё ещё видела распростёршегося грудой на земле Арклета, что-то бормочущего и слабо ползущего.

Амарун знала мужчину, который вошёл в пещеру. Пару раз она видела его на улицах города. Это был волшебник, которого сюзейльцы называли самым могущественным магом в городе, Ларак Дардулкин.

Он шагнул мимо побеждённой им женщины и встал, улыбаясь, над оглушённым, нечленораздельно бормочущим Арклетом.

— Что ж, Эльминстер, снова остались лишь ты да я, — едва ли не с удовольствием произнёс он. Разведя руки, он ласково добавил:

— Приготовься умереть, старый дурак. Снова.

Рун сглотнула, не зная, что делать, чувствуя себя абсолютно беспомощной. Кинуть в него пряжку? Но какой от этого толк?

Чуть ли не мурлыкая от злорадства, мужчина стал читать заклинание, которое Амарун не могла остановить...

И затем с неожиданным воплем рухнул вперёд.

Женщина, которую свалили его молнии, поднялась с земли и рубанула своим мечом его ногу.

— Отравленный! — триумфально прохрипела она, прежде чем снова упасть без сил.

Дардулкин перекатился по земле рядом с Арклетом, яростно ругаясь и хватаясь за рану.

Катание по земле превратилось в дрожь, и забившись в конвульсиях, он выпустил свою ногу. Его проклятья стали неразличимы, когда изо рта потекла пена.

Рун видела достаточно. Не обращая внимания на незримую магию, которая пыталась за неё уцепиться, она повернулась и бросилась глубже в пещеру.

Торопясь принести пряжку с синим пламенем к Симбул.

* * *

Симмарра тяжело поднялась на колени. Мир медленно вращался вокруг неё...

Всё было таким медленным и болезненным. Всё требовало столько *силы*...

Она потеряла счёт своим слабым и неловким попыткам, но используя меч как костыль, наконец смогла подняться на ноги. После первого, ужасно неуверенного шага на ногах её удержала только стена пещеры.

Она прилипла к стене, в поисках силы снова и снова шепча молитвы, в которые не верила и плохо помнила.

Когда ей показалось, что немного силы нашлось, она повернула голову и жестоко усмехнулась, взглянув на двух слабо шевелящихся мужчин. Слова Дардулкина ясно дали понять, что он был Мэншуном, и не было ни единой причины, по которой она могла ошибиться и не узнать в юном лордишке Эльминстера.

— *Великие* архимаги, — злорадствовала она. — Невелика между вами двумя разница, да?

Оторвавшись от стены, она шагнула вперёд, снова замахнувшись своим отравленным клинком.

Дардулкин неожиданно подскочил и бросился бежать, размахивая руками. Он часто падал, но бежал с такой безумной скоростью, что не стоило и надеяться догнать его.

— Яд заберёт тебя, — пробормотала она вслед, слабая, но полная ненависти, — а потом и я. После того, как позабочусь о Мудреце Долины Теней.

Тело, которое пока не пошевелилось, было прямо перед ней. Один неверный шаг, два... ей пришлось опустить меч и опереться на него, чтобы не упасть. Сделав глубокий, неровный вдох, она выровнялась и снова подняла оружие.

— Один удар, — выдохнула она. — Один удар, ты, старый...

Эльминстер откатился в сторону, затем вскочил на ноги с ловкостью и грацией куда более молодого мужчины.

Арклет Делькасл вернул контроль над своим телом. Он весело улыбнулся, когда она занесла меч, затем встретил неловкий удар Симмарры ловкой защитой.

Отрубив ей два пальца на руке с оружием своей контратакой, он фыркнул:

— Один удар? Сомневаюсь.

* * *

Магия цеплялась за неё, как пьяница с длинными ногтями, пытающийся добраться к престелям ловкой танцовщицы, но казалось, увядала с каждым её шагом. Она прокладывала себе путь вниз, в глубокую и узкую пещеру...

Амарун шагала во тьму до тех пор, пока не увидела впереди крошечную искру света.

Свет исходил от источника с водой, где раздавался плеск.

Приблизившись, Рун увидела женщину на цепи, бьющуюся в припадке на краю озера. У неё были глаза злобной волчицы, а вместо одежды — лишь клубящийся хаос её длинных серебряных волос, прядей, что двигались сами по себе, как у Шторм Среброрукой.

С которой она, на самом деле, сплелась, разглядела Рун — две шевелюры дрались, как сотни голодных змей, пока Шторм и Симбул — это *должна* была быть Симбул — боролись друг с другом.

Шторм пыталась вытащить сестру из озера, но Симбул в своём бешенстве была сильнее, преодолевая Шторм и снова и снова утаскивая их обеих в воду.

А это ещё что? Рун обнаружила, что дрожит, не только от магии пещеры, но от растущего страха.

Затем Шторм заметила её — и пряжку с синим пламенем.

— Положи пряжку ей в рот! — задыхаясь, воскликнула она. — Рун, положи пряжку ей в рот и держи там, пока вся не исчезнет — что бы ни произошло!

Рун сглотнула, потом шагнула вперёд. Пряжка снова засветилась.

С угрожающим треском волосы Симбул разлетелись во все стороны, пытаясь одновременно опутать Шторм и потянуться к пряжке. Её глаза яростной волчицы вспыхнули синим.

Амарун подошла ближе, пытаясь не отходить от стены, чтобы её нельзя было легко затащить в воду.

Симбул гневно зарычала на неё, затем щелкнула зубами на пряжку. В точности как голодный волк.

Рун увернулась от её рывков, как уворачивалась от вытянутых рук в «Драконих всадниках» — и, крепко сжав пряжку обеими руками, сунула её Симбул в рот.

Сверкнула яркая вспышка и хлынул неожиданный поток энергии, от которого Амарун встряхнуло.

Глаза Симбул разбрасывали пламя, буквально превратившись в два ярких синих факела,

и Рун закричала, когда её пальцы, а затем и остальные руки, загорелись, а волосы зашипели.

— *Держи её там!* — отчаянно крикнула Шторм.

Рун сжала зубы, опустила голову и застонала от боли. Пряжка плавилась... она протолкнула её дальше и дальше за эти острые и злобные зубы...

Затем огонь и пряжка неожиданно исчезли.

Вся борьба прекратилась, и Симбул смотрела на Рун, лишившись своей ярости и совсем с другим выражением в глазах.

— Госпожа, я благодарю тебя, — мрачно сказала она и поцеловала обожжённые пальцы Амарун.

От прикосновения по телу Рун пробежала успокаивающая, целебная прохлада, и девушка задрожала в удивлённом облегчении.

Боль исчезла. Ожоги прошли.

Затем цепь, приковавшая Симбул к стене, растворилась в мерцающей тишине.

Освобождённая женщина погладила Шторм в знак молчаливой благодарности и встала, чтобы пройти мимо Амарун с величием настоящей королевы.

* * *

У входа в пещеру Арклет Делькасл мрачно стоял над госпожей призраков. Лезвие его меча было нацелено ей в горло. Охваченная болью, она смотрела на него в агонии, её руки были изрезаны в кровавое месиво и уже не способны продолжать бой.

Симбул подошла к молодому лорду, коснулась его головы и сказала:

— Выходи, Эл.

Арклет опал, как пустой кожаный мешок, когда прах Эльминстера, клубящийся и мерцающий, потёк из его носа и ушей, чтобы закружиться вокруг лица и груди Симбул.

Она засмеялась от наслаждения, затем отступила на шаг и провозгласила:

— Будь в здравом рассудке и в своём теле.

В воздухе перед ней возникло сияние и быстро превратилось в нечто твёрдое, вертикальное... обнажённого мужчину. Тот покачнулся, выпрямился, и превратился в... Эльминстера, старого и здорового, но с безвольно отвисшей челюстью.

Прах потёк в этот открытый рот, и тело снова содрогнулось. Затем оно открыло серосиние глаза, улыбнулось и вытянуло руки, чтобы сгрести Симбул в свирепые объятия.

Когда они поцеловались, она твёрдо сказала ему сквозь их слившиеся уста:

— Скоро.

Затем Симбул вырвалась, склонилась к беспомощно глядевшей на эту сцену Симмарре и нежно сказала:

— Отдыхай, измученная.

Взмах её руки снял проклятие, и пронзённая кинжалом женщина осыпалась прахом. Кинжал растворился мгновением позже.

Затем Симбул вышла из пещеры, по пути почти отсутствующе махнув рукой на Арклета.

Тот моргнул, встал, огляделся, увидел Амарун и ухмыльнулся. Девушка бросилась в его объятия.

Шторм и Эл деликатно подтолкнули их следом за Симбул, на свет. Снаружи все остановились и снова воцарилась тишина.

Поджидая их, в воздухе парил чудовищных размеров созерцатель с щупальцами и глазными отростками наготове.

Вспыхнули лучи.

На сей раз Симбул подняла обе руки, и магия созерцателя на полпути превратилась в простой свет.

— Довольно, Мэншун, — она повернулась, чтобы посмотреть на Эльминстера, затем снова обратилась к созерцателю. — Я вспомнила многое из того, о чём говорила мне Мистра. Вы двое теперь должны работать вместе. Это приказ нашей Госпожи Магии.

— Мистры больше нет! — рявкнул Мэншун.

Симбул нахмурилась.

— Она... молчит, да, но в её уничтожении я уверена куда меньше, чем, судя по всему, ты. В любом случае, её заповеди предельно ясны. Вы оба должны собрать столько предметов синего пламени, сколько получится, и использовать их подобающим образом, иначе королевства неизбежно падут под натиском чудовищ. Разломы, которые открыло невежество тех, кого называют «варлоками», многочисленны, и всё больше и больше зловещих сил смотрят на этот мир, как на свой новый дом. Было утрачено куда больше, чем просто Плетение.

Эл слушал в задумчивом молчании, а Мэншун — в нарастающей ярости, мотая глазными отростками. Симбул продолжала:

— Все предметы синего пламени зачаровал один архимаг, используя других как марионеток. Они должны были поддерживать его собственное существование, но он встроил в них способы следить за всеми, кто использует эти предметы — ради забавы и развлечения, а кроме того, чтобы эффективно манипулировать такими владельцами.

— Один архимаг? *Кто?* — выпалил Мэншун.

— «Тюремщиком» был тот, кого звали Ларлохом. В своём предмете, заточающем призраков, он соединил магию и эссенцию трёх его слуг-личей — принёс их в жертву.

— *Ларлох?*

Симбул проигнорировала злобный и недоверчивый возглас Мэншуна.

— Предметы — не просто надизмеренческие темницы и способ контролировать призраков. Каждый обладает собственной губительной силой, активной, когда призрак внутри, и затихающей, когда призрак вышел наружу.

— А если призрака уничтожить? — тихо спросил Эльминстер.

— Предмет рассыпется, — ответила Симбул. — Вся его магия будет навеки утрачена.

— Нет! — прорычал созерцатель. — Ты лжёшь!

— Я не лгу, Мэншун. Это ты лжёшь, легко и часто, если это помогает удовлетворить твои желания, и поэтому наивно считаешь, что другие тоже так поступают. Подумай — я легко могла бы тебя уничтожить вместо того, чтобы тратить время, рассказывая всё это. Учти, я испытываю сильное искушение так и поступить. Но всё же воздерживаюсь. Подумай о том, что я делаю это ради высшей цели, из-за *необходимости* спасти мир, в котором существуем все мы. Итак, ты выслушаешь остальное, или я буду хлестать тебя заклятьями, пока ты не присмиреешь и не начнёшь умолять о пощаде?

Долгое время созерцатель безмолвно висел в воздухе.

— Я... я выслушаю, — наконец сказал он.

— Мудрое решение. Мистра и Азут позволили Ларлоху выполнить его план, поскольку считали это необходимым. Подобно личу-владыке, они видели в этом способ обмануть

грядущую Волшебную Чуму, предотвратить которую они не осмелились, поскольку Плетение становилось всё более неустойчивым. Плетение требовалось обновить или заменить, и Мистра знала, что любой вариант уничтожит её. Она также знала, что сможет сохранить частицу себя и секреты Искусства, которые она унаследовала — и Азут сможет сделать то же самое — вложив их в сознание личей Ларлоха, а через них — в предметы синего пламени.

— Что означает... — медленно сказала Шторм.

Её сестра улыбнулась.

— Что эти предметы содержат семена, которые, возможно, сумеют вернуть Ларлоха, или что-то... кого-то большего... если их использовать подобающим образом.

— Ух, — пробормотал Арклет. — Не уверен, что мне или Рун стоит это слышать...

Не обращая на него внимания, Симбул резко продолжила.

— Необходимо завладеть предметами синего пламени, чтобы закрыть разломы и восстановить равновесие на Ториле, иначе проснутся древние предтечи и обрушат на землю свою ярость... и то, что останется после этого, будет уже не тем миром, что мы знали, не королевствами людей, эльфов, dwarфов, полуросликов, орков и остальных. Драконы, возможно, выживут, но скорее всего — как порабощённые верховые животные, а не вирмы-завоеватели. Их время прошло.

Она переводила взгляд от одного из присутствующих к другому, последним посмотрев на созерцателя, чьи лучи угасли.

— Эл и Мэншун, станете ли вы работать вместе, чтобы убедиться, что время людей не закончится?

— Да, — с готовностью согласился Эльминстер.

Повисло ещё одно долгое молчание, прежде чем Мэншун неохотно ответил:

— Да.

— Хорошо. Лучше всего начать прямо сейчас, — сухо сказала им Симбул.

Затем она улыбнулась Шторм.

— Спасибо, что заботилась обо мне, сестра. Я вернусь, как только смогу, но давным-давно я пообещала Мистре... кое-что сделать. Я должна сдержать обещание, иначе я ничто.

Она отступила на шаг.

— Я ухожу.

И резко, без заклинания, без единого звука, она исчезла.

Оставляя Шторм, Арклета, Амарун и Эльминстера смотреть на парящего над ними созерцателя.

Молчание затягивалось.

— Итак, — беззлобно спросил Эл, — начнём?

Мэншун злобно взглянул на него — и исчез, оставляя лишь пустое небо.

Эльминстер резко повернулся и быстро сотворил заклинание.

Шторм торопливо начала что-то говорить, но Эльминстер покачал головой, взмахнул руками в драматичном жесте — и Шторм, Арклет и Амарун исчезли, когда магия унесла их прочь.

Затем он бросился обратно в пещеру.

Внутри он успел сделать всего несколько шагов, прежде чем первое атакующее заклинание Мэншуна ударило его в спину.

Оно обрушилось на защиту Эльминстера, расколело её, и две магии угасли одновременно.

Эльминстер продолжал бежать к месту, которого хотел достичь до того, как...

Вторая атака Мэншуна, поток жалящих молний, швырнула его на колени, заставив стонать от боли.

Эл через силу прошипел маленькое, просто заклинание, надеясь, что его природа позволит ему закончить до того как...

Мэншун снова обрушил на него смертоносную магию.

— Работать с тобой? Тьфу! всю мою жизнь ты разрушал мои замыслы, плёл против меня козни, противостоял мне! — вскричал вампир. — Работать с тобой? *Не думаю.* Лучше отправляйся в могилу!

Магия вцепилась в Эльминстера, и камень под ним изменился.

— Я погружу тебя в камень, сделав его не таким твёрдым — в отдельной области, чтобы вес остальных, по-прежнему твёрдых камней превратил твои кости в желе!

Эльминстер тонул, его тело гудело, начинало тонуть по воле Мэншуна. Ему пришлось напрячься, чтобы выдавить улыбку.

— Я хочу, чтобы ты испытал боль, Мудрец Долины Теней! — кричал наверху Мэншун. — Долгую, медленную боль! Твой язык замрёт неподвижно, твоя челюсть, руки, пальцы — всё будет сломано, и ты лишишься всех способов плести магию!

Камни сомкнулись над головой Эльминстера. Магия Мэншуна потекла в его лёгкие, чтобы не позволить задохнуться раньше времени. И принесла с собой злорадство своего хозяина.

— Думаешь, снова сможешь меня обмануть? Провернуть одну из своих хитрых побед? Нет, тысячу раз нет! Я Мэншун *и я тебя сокрушу!*

— Оглушив меня своими воплями? Как любой маг-недоучка, ты определённо умеешь громко орать! — пробормотал себе под нос Эльминстер, когда его тело целиком рассыпалось обратно в прах — и нырнуло в трещины, которые он искал.

Агония была жестокой.

Но бывало и хуже.

У него уйдут дни, возможно, месяцы, чтобы снова собраться воедино... но в прошлом он научился быть очень, очень терпеливым.

Медленно, тысячей крошечных тропинок он спускался вниз.

Новая магия ударила ему вслед, жаля тут и там, быстрая и энергичная.

Лишь затем, чтобы отступить, не обнаружив его следов.

— Да! — проревел Мэншун высоким и безумным голосом. — Глубоко же я тебя

закопал! Отправляйся к богам, безбожник, чтобы наконец предстать перед их правосудием и исчезнуть, исчезнуть навеки! Несчастливого тебе пути!

Через какие-то частички пыли в каверне глубоко внизу под сапогами Мэншуна, в верхней пещере Подземья, пробежало слабое эхо, которое могло быть ответом на эти крики.

Эхо, которое подозрительно напоминало смех Мудреца из Долины Теней.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

О переводе

Переводчик: **Redrick**

Спонсоры: **g0ddest, Cleric, ice2, vankagm, Tien, инкогнито**

Русская обложка: **Rogi**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно.;-)